ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ПРИЕМЫ ПЕРЕВОДА СИНОНИМОВ НА РУССКИЙ И НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫКИ (ПО ПРОИЗВЕДЕНИЮ Г.ТУКАЯ «ШУРАЛЕ»)

Айдарова Светлана Ханиповна
канд. пед. наук, доцент Казанского федерального университета
Гиниятуллина Лилия Миннулловна
канд. филол. наук, доцент Казанского федерального университета

TRANSLATION DEVICES OF SYNONYMS IN TO RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES ("SHURALE" BY G.TUKAY)
Aydarova Svetlana, Candidate of Science, associate professor of Kazan Federal University, Kazan
Giniatullina Lily, Candidate of Science, associate professor of Kazan Federal University,Kazan

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы приемы перевода синонимов на русский и немецкий языки поэмы «Шурале» великого татарского поэта Габдуллы Тукая. Авторы выделяют также художественно-выразительные – фонетические, лексические, синтаксические средства перевода.

ABSTRACT

The article analysis the ways of translation of synonyms into Russian and German languages of the poem "Shurale" by the great Tatar poet Gabdulla Tukay. The authors mark also the significant, phonetic, lexical, syntactic devices of translation.

Ключевые слова: приемы перевода, средства перевода, татарский язык, русский язык, немецкий язык.
Keywords: ways of translation, translation devices, Tatar language, Russian language, German language.

Данная статья посвящена изучению проблемы перевода художественной литературы, в частности, произведения Габдуллы Тукая «Шурале». Актуальность данной статьи определяется необходимостью изучения переводных текстов Г.Тукая на русский язык и немецкий языки.

Несмотря на большое количество переводов произведений Г. Тукая с татарского на русский и другие языки, лишь малое количество из них проверено и изучено. В частности, можем отметить исследование Г.Саяфутдиновой, посвященное изучению совершенствования социокультурной компетенции студентов путем сопоставления реалий страны изучаемого и родного языков, на материале перевода «Шурале» с татарского языка на английский [5; 300], работу С.Айдаровой и Л.Закировой, где проанализированы приемы перевода синонимов на русский и английский языки поэмы «Шурале» великого татарского поэта Г.Тукая [1; 10].

Наиболее часто нам необходим художественный перевод, который имеет свою специфику и проблематику. Он считается наиболее изученным, а также наиболее мобильным. Для такого перевода особенно характерна новизна, оригинальность и стремление к модернизированию. Одной из самых выраженных черт художественного перевода является постоянное использование разнообразных фигур речи - средств, которые применяются для максимального раскрытия текста [2; 4].

Игра слов присутствует в каждом языке, бывает достаточно трудно сохранить все фигуры речи в переводимом тексте. Часто переводчику требуется не только профессиональное знание языка, но смекалка и сообразительность.

Часто теряются краски при описании персонажей, исчезают их особенности речи и поведения. Практически невозможно передать речевую специфику итальянского рабочего на русский язык. Большинство переводчиков признают, что многие фольклорные, жаргонные и диалектные фигуры речи остаются непереводимыми. Художественный перевод нельзя делать дословно - это неизбежно приведет к потере эмоциональных тонов, ярких красок в речи и искажению смысла произведения [4; 21].

Первостепенной задачей переводчика художественного текста является сохранение индивидуальности и адаптация материала под конкретную культуру. Талант и знание языка - вот те основы, которые нужны переводчику.

Предметом нашего рассмотрения стали переводы синонимов на русский и немецкий языки сказки-поэмы великого татарского поэта Г.Тукая "Шурале". Для исследования мы использовали три текста – оригинал на татарском языке (Г.Тукай. Шүрәле) и, на наш взгляд, два очень удачных перевода на русский (С. Липкин. Шурале) и немецкий языки (А.Тайсина. Der Shurale). Для большей наглядности тексты с синонимами во всех трех текстах решили показать параллельно в таблице.

на татарск. яз. (Г.Тукай)	на рус. яз. (С.Липкин)	на нем.яз. (А.Тайсина)
Монда **бульварлар, клуб** һәм **танцевальня, цирк** та шул;Монда **оркестр, театрлар** да шул, **концерт** та шул [6;6].	Здесь и **музыка,** и **танцы**, и **певцы**, и **циркачи**, Здесь **бульвары и театры**, и **борцы**, и **скрипачи**! [6; 66].	Es war dort für mich wie **Zirkus**, wie **Konzert** und **Tanzlokal**... [6; 84] Es ersetzte mir die **Sänger, Geiger und den Widerhall** [6; 84]**.**

А.Тайсина использовала союзные слова как градацию, присоединительные конструкции. Помимо всего перечисленного автор добавляет контекстуальные синонимы *музыка*, *певцы*, *борцы* и *скрипачи*. Эти единицы компенсируют пропущенные из оригинала *клуб, оркестр, концерт*. В немецком тексте переводчик использовал такой способ перевода, как калькирование, переводческую транскрипцию, авторскую пунктуацию.

Зур бу урман: **читләре күренмидер, диңгез кеби,** **Бинихая, бихисаптыр, гаскәри Чыңгыз кеби** [6; 6]**.**	Это лес благоуханный **шире моря, выше туч,** **Словно войско Чингисхана, многошумен и могуч** [6; 66] **.**	**Dieser Wald** mit seinen **Düften**, breit wie's **Meer und himmelhoch,** So wie **Dschingis Khans Armeen, stehen seine Bäume noch [**6; 84]**.**

Г.Тукай ведает нам о размерах леса через два сравнения: как море и как войско Чингизхана: *зур* – большой; *читләре күренмидер* – границы, края не видны; *бинихая* - устар. книжн. беспредельно, бесконечно, безгранично, непомерно много; *бихисаптыр* - без счёта, очень много, несметное количество. Г.Тукаем использованы смысловые (семантические) синонимы. Липкин, используя фразеологизм «*шире моря, выше туч*»**,** получил удачную рифму, придающую сказочность и переводу. С.Липкин добавляет индивидуально-авторское *многошумен и могуч*, используя описательный перевод и дифференциацию значений.

Һич гаҗәп юк, булса булыр, — **бик калын, бик күп** бит ул; Күктә **ни булмас** дисең, — **очсыз-кырыйсыз** күк бит ул! [6; 7].	Правда ль это? **Бесконечен, словно небо**, древний лес, И **не меньше, чем на небе**, может быть в лесу чудес [6; 67].	-

Г.Тукай применяет контекстуальные синонимы, фразеологизм. С.Липкин использует конкретизацию, сравнение (*словно небо, чем на небе*), стилистические синонимы, присоединительные конструкции (…*и*…). А.Тайсина эту часть пропускает.

Гадәтемчә аз гына **җырлыйм әле, көйлим әле** [6; 7].	-	-

Г. Тукай использует семантико –стилистические синонимы: *җырлыйм* – пою*, көйлим* - распеваю мелодию. Переводчик на русский язык эту часть пропускает, так же как и Тайсина на немецком.

Шундый **тын, яхшы һавада** безнең утынчы исә... [6; 7].	-	**Der Abend war sehr still und voller Ruh** [6; 85]**.**

В татарском языке *тын* обозначает покой, спокойное состояние; *яхшы* – хороший, *һава* – воздух; небо, небеса. Это предложение дословно на русском языке выглядело бы так: А в такой тихий, хороший воздух наш дровосек... С.Липкином эта часть снова пропускается. В немецком переводе используется прием целостного преобразования, где происходит замена устойчивой фразы на другое клише, которое выполняет ту же функцию в языке [3: 15].

Нәрсә бу? **Качкынмы, җенме? Йә өрәкме**, нәрсә бу? [6; 7].	**Джин, разбойник или призрак** – этот скрю-ченный урод? [6; 67].	**Wer ist das** denn? Wohl der Teufel ? [6; 86]**.**

Переводы синонимов из текста оригинала: *качкын* - беглец, беглый; *җен* - джин, чёрт, нечистый, нечистая сила, злой дух, бес; *өрәк* - дух, призрак, привидение. В русском варианте перевода автор применяет транслитерацию, дословный перевод, оценочную лексику, градацию, риторический вопрос. В немецком варианте мы видим риторический вопрос *Wer ist das? (Кто это?)*

Кот очарлык, бик килешсез, әллә нинди нәрсә бу! [6; 7].	-	-

Фразеологизм *кот очарлык* в татарском языке означает: ужасный, чудовищный, страшный, опасный, кошмарный, б*ик* – очень, *килешсез* - неказистый, некрасивый, несуразный, неуклюжий, нескладный. Эти семантико - стилистические синонимы переводчики не стали переводить ни на русский, ни на немецкий языки.

Яп-ялангач, нәп-нәзек, ләкин кеше төсле үзе [6; 8].	...похож на человека, очень **тонкий и нагой** [6; 67].	-

Яп-ялангач - превосходная степень прилагательного *голый* - совершенно, совсем голый, голёхонький; *нәп-нәзек* - превосходная степень прилагательного *нәзек* - тоненький, тончайший, очень тонкий, слишком тонкий. Г.Тукай использовал контекстуальные синонимы. С.Липкиным применяется дословный перевод. На немецкий язык это предложение не переведено.

Мондин ары **үзеңә, угълыңа, нәсленгә** тимәм [6; 8].	**Ни тебя,** джигит**, ни сына** не обижу я вовек. Весь **твой род** не буду трогать никогда, о человек! [6; 68].	-

С. Липкин для усиления, градации использует повторение отрицательной частицы *ни* и таким образом передает тяжелое эмоциональное состояние Шурале. А.Тайсиной эта часть снова пропускается.

Таким образом, в процессе художественного перевода на разные языки авторами используются разные приемы и средства. В содержании текстов, принадлежащих разным переводчикам, могут наблюдаться разные смысловые вариации.

Так, например, использованные Г.Тукаем смысловые, семантические, семантико-стилистические, контекстуальные синонимы и фразеологизмы, С. Липкин переводит на русский язык используя фразеологизмы, описательный, дословный перевод, дифференциацию значений, конкретизацию, сравнение, транслитерацию, оценочную лексику, градацию, риторический вопрос. А.Тайсина при переводе на немецкий язык применяет такие способы и приемы перевода как присоединительные конструкции, калькирование, переводческую транскрипцию, авторскую пунктуацию, риторический вопрос, целостное преобразование, где происходит замена устойчивой фразы на другое клише.

Таким образом, переводчики очень часто передают смысловое значение и стилистический смысл не теми средствами, какими он выражен в оригинале. На основании сравнительного анализа двух переводов С.Липкина и А.Тайсиной нами был сделан вывод о том, что идея автора передана переводчиками с максимальной точностью.

Список литературы:

1. Айдарова С.Х., Закирова Л.Р. Приемы перевода синонимов на русский и английский языки (по произведению Г.Тукая “Шурале”) / С.Х.Айдарова, Л.Р.Закирова //Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам и переводу: сб. матер. VIII науч.-практ. конф. / Екатеринбург, 2014. – 180 с. - С.10-16.
2. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Издательство Московского университета, 1978. – 172 с.
3. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М., 1971.
4. Казакова Т. А. Практические основы перевода. – СПб., 2001. – 320 с.
5. Саяфутдинова (Шайхутдинова) Г.И. Образ «Шурале» Г.Тукая при развитии социокультурной компетенции студентов (на материале переводов с татарского языка на английский) / Г.И.Саяфутдинова (Шайхутдинова) //Международный тюркологический симпозиум, посвященный памяти выдающегося тюрколога доктора филологических наук, профессора, академика РАН Эдгема Рахимовича Тенишева (16-19 октября 2013 года) / Сборник статей. – Казань: ГБУ «Республиканский центр мониторинга качества образования», 2013. – 340 с.
6. Тукай Г.М. Шурале: сказка-поэма: на 15 языках / Габдулла Тукай; сост.: Ф.Ахметова-Урманче, Р.Корбан. – 2-ое изд. – Казань: Тат. кн. изд. , 2011. – 100 с.: с илл.
7. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. М.: Высшая школа, 1983. – 338 с.

СТРАНОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В КИТАЙСКОЙ АУДИТОРИИ: РУССКИЙ ХАРБИН

Александрова Сахая Нюргуновна

Магистрант кафедры русского языка как иностранного Северо-Восточного федерального университета

CROSS-CULTURAL ASPECT OF THE STUDYING LITERATURE OF RUSSIAN ABROAD IN CHINESE AUDIDITORIUM; RUSSIAN HARBIN

Alexandrova Sakhaya, MA student of Russian as foreign Department of Northern-Eastern Federal University, Yakutsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются актуальные проблемы обучения русскому языку как иностранному. Среди них – место и роль литературы в системе преподавания РКИ. На материале литературы русского зарубежья (Русский Харбин) рассматриваются литературные и межкультурные связи России и Китая, которые отражены как в лирике В. Перелешина, так и в его переводах. В статье представлен анализ стихотворений поэта в контексте восприятия Китая глазами русского человека. Сделан вывод об актуальности изучения темы Востока в русской литературе в контексте обучения РКИ.

ABSTRACT

This article presents main problems of the studying Russian as foreign, also the place and the role of literature in system of studying Russian as foreign. We are considering literary and cross-cultural communications of Russia and China which both are reflected in V. Pereleshin's lyrics, and in his translations. The analysis of the poet's poem is presented in the article in a context of perception of China by the Russian person. There have been made a conclusion about the relevance of studying East theme in Russian literature in the context of studying Russian as foreign.

Ключевые слова: диалог культур, русское зарубежье, глобальное образование, русский как иностранный, Русский Харбин.

Key words: dialogue of the cultures, Russian abroad, global education, Russian as foreign, Russian Harbin.

Глобализационные процессы, происходящие в современном мире, обусловили существенные сдвиги в традиционной системе образования. Современное образование становится не только инструментом взаимопроникновения дисциплин, но и решением геополитических задач. В этих условиях возникает необходимость в использования новых форм обучения. Большое значение уделяется доктрине образования Российской Федерации, стратегические цели которой тесно увязаны с задачами экономического развития страны и удержанием её статуса как мировой державы в сфере науки и новых технологий.

Русский язык занимает четвертое место в мире по популярности и становится средством межкультурной коммуникации в глобальном масштабе. Всё больше людей во всем мире стремятся изучить русский язык, чтобы познать феномен России, её культуру, традиции, обычаи. В связи с этим всё очевидней становится проблема актуализации обучения русскому языку иностранцев. РКИ как филологическая наука имеет славную историю, глубинные традиции, однако на современном этапе развития мирового сообщества требуются новые подходы к обучению иностранцев русскому языку. Все более очевидной становится необходимость обновления методики преподавания русского языка как иностранного, что связано с усилением её культуроведческой парадигмы, использованием новых технологий обучения, основным принципом которых является междисциплинарный принцип обучения языку.

Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Амосова, один из крупных центров международного сотрудничества на северо-востоке Российской Федерации имеет достаточный опыт обучения иностранных студентов русскому языку[3, с.122]. При филологическом факультете СВФУ функционирует кафедра РКИ, преподаватели которой разрабатывают новые подходы к обучению русскому языку иностранцев. При кафедре РКИ прошли обучение представители из многих стран мира, в частности, Финляндии, Австрии, Германии, США, Греции, Гайаны, Вьетнама, Монголии, Южной Кореи, Индонезии, Непала и др. Как показала практика обучения русскому языку иностранцев важную роль в развитии устной связной речи, логического мышления играет художественная литература, которая является составной частью культуры и несет в себе важную социокультурную информацию. При знакомстве с произведениями русской литературы иностранцы учатся лучше понимать русскую действительность, ее национальную специфику и уникальность[4, с.22].

Одной из интереснейших областей русской литературы является литература русского зарубежья. Вот как характеризует русское зарубежье известный историк русской эмиграции П.Е. Ковалевский: «В мировой истории нет подобного по своему объёму, численности и культурному значению явления, которое могло бы сравниться с русским зарубежьем».[1, с.180]. После известных событий первой четверти прошлого века российскую империю покидало большое количество её подданных по разным причинам: религиозным, экономическим, но, прежде всего, политическим.

Различают три крупных центра рассредоточения русских эмигрантов: Берлин, Париж, Харбин.

Крупным центром русского рассеяния на Дальнем Востоке стал г. Харбин. Харбин в силу своего географического, экономического и политического положения стал центром русской диаспоры на Востоке, дал возможность сохранить русскую культуру для интеллигенции, не

принявшей Октябрьскую революцию. Здесь сконцентрировалась культурная и литературная жизнь выходцев из России. В Харбинских издательствах печатались «Избранные произведения А.С. Пушкина» (1938 г.), «История Российского государства в стихах». (1941г.) Русская литература и поэзия в условиях харбинской диаспоры развивалась в специфических условиях, отличных от других, западных центров русской эмиграции. В первую очередь, этому способствовали исторически установившиеся культурные и экономические связи Харбина с городами восточной части России, а также большое количество русскоязычного населения в городе.

В Харбине стали образовываться культурные и литературные центры. Среди множества русских писателей. которые продолжали творить и на чужбине, особое место занимает творчество Валерия Перелешина. В. Перелешин провёл первую половину своей жизни в Китае, он получил великолепное образование. Огромное влияние на его творчество оказала религиозно-философская мысль. В свое время он защитил в Харбине диссертацию на степень кандидата богословия, служил в духовной миссии в Шанхае. Прекрасно владея китайским языком, хорошо зная жизнь Востока, он перевел с оригинала знаменитый памятник «Дао де цзин». Он посвятил много стихов трудолюбивому и талантливому китайскому народу, его богатой истории и культуре.

В харбинский период творчества В. Перелешин опубликовал четыре сборника стихов: "В пути" (1937), "Добрый улей" (1939), "Звезда над морем" (1941) и "Жертва" (1944). Основной чертой лирики В. Перелешина является "автопсихологичность", зеркальная отраженность жизненных переживаний в поэзию. Поэт всю свою жизнь стремился к гармонии, которую видел в связях человека с Богом:

«И с Господом замкнусь наедине
В подпольи ли, в холодной ли пещере,
Но только бы не отворялись двери
Назад, к людской возне и болтовне»!

Китайская тема органично входит в творчество поэта, он переводит китайскую классическую поэзию на русский язык и получается удивительное слияние двух поэтических традиций, что возможно только при одинаковой близости поэту обеих культур. Китайская тематика в творчестве Перелешина обогащена мотивами китайской музыки и культуры. Тысячи раз дальневосточные реалии, мотивы, пейзажи входили в стихи русских поэтов Китая. Сопки Маньчжурии, желтая Сунгари, уличные сценки, китайские виньетки, национальная музыка и праздники, драконы, храмы, − все это впервые густо пропитало ткань русского стиха. Валерий Перелешин вдохновляется пением китайской скрипки хуцинь, воспевая ее «безутешную» игру:

«Чтоб накопить истому грустную,
Я выхожу в ночную синь,
Вдали заслыша неискусную
И безутешную хуцинь…»

В данном отрывке мы можем проследить, как органично соединяются традиции русской (истома, синь) и китайской(хуцинь) культуры в стихотворную ритмику русского поэта. Поэт прославляет храм Лазурных Облаков. В его же изображении встает перед нами тенистая пекинская улица, где вязы над головой срослись в сплошной навес:

«*Ночь, весна. От земли тепло.*
Эта улица — «чжи жу фа»:
Выпевается набело
Поэтическая строфа».

Здесь мы можем проследить влияние на творчество поэта поэзии символизма. В данной строфе в первой строчке представлены односоставные назывные предложения, идущие друг за другом, - они создают особый ритм в стихотворении. А многочисленные гласные ударные звуки придают стихотворению музыкальность и вокализм. Этому, как мы видим, способствует прием ассонанса, так часто используемый поэтом.

Поэт всегда с любовью отзывался о своей первой родине – России и ставшей второй родиной – Китае:

«…пленённый речью односложной
(не так ли ангелы в раю?..),
любовью полюбил неложной
вторую родину мою...»

Таким образом, творчество Валерия Перелешина представляет пример развития русской философско-религиозной лирики на Востоке, так как религия занимала не последнее место в его жизни, а философия проникла во все творчество поэта.

Поэтическое творчество В. Перелешина − это удачная попытка синтеза китайской и русской культуры. Он попытался развить общегуманистические ценности, опирался на свое осознание мира как гармонии человека с Космосом, человека с Богом.

Список литературы:

1. Ковалевский П.Е. Зарубежная Россия. История и культурно просветительская работа русского зарубежья за полвека (1920-1970). Париж, 1971. – С. 180.

2. Ностальгия / «Харбин. Ветка русского дерева», Новосибирск, 1991. – С. 253

3. Петрова С.М. Кафедра РКИ и международная деятельность федерального университета.// Высшее образование. – 2014. – С.122-129.

4. Петрова С.М. Графико-символический анализ художественного произведения в системе профессиональной подготовки будущего учителя-словесника:Учеб.пос.- Якутск: Изд-во ЯГУ, 2009.- 185 с.

5. Перелешин Валерий. Ариаль: девятая книга стихотворений. Franfurt Mein, 1976. – С. 167

6. Якимова С. И. Харбин как феномен межкультурной коммуникации XX века/ С.И. Якимова// Человек и общество в философском освещении: Сб. научн. тр. – Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2007. – С. 43 – 50.

СОСТОЯНИЕ КАК СЕМАНТИЧЕСКИЙ ТИП ПРЕДИКАТА И АНГЛИЙСКИЕ ГЛАГОЛЫ УПРАВЛЕНИЯ

Амирова Оксана Георгиевна

канд. филол. наук, доцент Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы, г. Уфа

STATE AS SEMANTIC TYPE OF PREDICATE AND ENGLISH VERBS OF MANAGING

Amirova Oxana Georgievna, Candidate of Philology, associate professor, Bashkir State Pedagogical University named after M.Akmulla, Ufa

АННОТАЦИЯ

В статье предпринимается попытка критического анализа существующих семантических классификаций предикатов, в частности, предикатов состояния, к которым традиционно относятся английские глаголы управления; приводятся аргументы в пользу интерпретации значения анализируемых единиц как предикатов класса, гомогенного или гетерогенного соответственно.

ABSTRACT

The article focuses on the critical analysis of the semantic classifications of predicates, in particular, predicates of state, which is traditional term for meaning interpretation of English verbs of managing; the author gives the arguments in favour of introducing the notion of predicate of class, homogeneous or heterogeneous respectively.

Ключевые слова: семантическая классификация предикатов; семантический тип предиката, предикат состояния, предикат класса.

Key words: semantic classification of predicates, semantic type of predicate, predicate of state, predicate of class.

Семантические классификации предикатов, учитывающие временные параметры денотата предиката (длительность/мгновенность, изменяемость/неизменяемость концептуализируемой ситуации, предельность/непредельность, формы соотношения с осью времени) уточняют условия функционирования глагольной лексики и во многом объясняют зависимость грамматической формы от значения предиката. Временная семантика предикатов задает различные подходы к разработке классификаций, что объясняет существенные различия классификационных сеток в теориях разных авторов. Особое признание и распространение в современной лингвистике получила классификация З. Вендлера, согласно которой выделяются такие семантические типы, как предикаты деятельности (activity terms), предикаты исполнения (accomplishment terms), предикаты достижения (achievement terms), предикаты состояния, или стативы (state terms) [5, с.101-109].

Решающую роль в классификации З. Вендлера играет элемент времени, т.е. анализируются особенности соотношения денотата предиката с осью времени. Так, состояния рассматриваются автором как 1) занимающие отрезок на временной оси; 2) длящиеся в течение этого отрезка времени, т. е. справедливые для любой точки в рамках данного временного интервала *(at any instant between t_1 and t_2).* Так, на основании того, что предложение: *I work for General Electric,* может быть произнесено человеком в то время, когда он лежит в больнице или отдыхает у моря, автор делает вывод о том, что денотат предиката не актуализирован в момент речи, но в сущности справедлив по отношению к нему, что не позволяет классифицировать анализируемый предикат как статив. Поскольку значение предикатов, выраженных глаголами управления: *rule, govern, manage, run,* соответствует содержанию анализируемого семантического типа (они занимают отрезок на временной оси и справедливы для любой точки в рамках данного временного отрезка), одна из задач исследования заключается в проверке положения о том, что предикаты, выражаемые исследуемыми глагольными единицами, относятся к семантическому типу статива.

Семантический тип статива в рамках теории З. Вендлера выделяется на основании двух критериев: неопределенная продолжительность существования денотата предиката и ненормативность прогрессивной формы. Такой подход к пониманию стативов свойственен многим лингвистам (Vendler 1967; Comrie 1976; Foley 1984; Jackendoff 1993). Критический анализ содержания семантического типа статива в концепциях вышеперечисленных авторов содержится в работе О.Н. Селиверстовой [3, с. 86-151], который сводится к тому, что анализируемый предикативный тип объединяет слишком разнородные выражения, требующие дальнейшей дифференциации как по ролевой семантике, так и в соотношении с осью времени.

В рамках семантического типа статива З. Вендлер выделяет “specific states” (частные состояния) и “generic states” (обобщающие состояния). Частное состояние *(He smokes a pipe)* и обобщающее состояние *(He rules the country)* соотносятся с тем или иным отрезком времени, но не лежат непосредственно на временной оси, т.е. в терминологии О.Н. Селиверстовой не имеют точной локализации. Принципиальное различие между анализируемыми подтипами состояния заключается в том, что частное состояние, характеризуя свой денотат в общем смысле и обозначая привычки, род занятий, способности субъекта, предполагает существование достаточно большого количества случаев реализации соответствующего действия (процесса). Следовательно, частное состояние можно рассматривать как производный семантический тип от предикатов деятельности, которые соотносятся как общее с частным, например: *Are you smoking?* (activity) // *Do you smoke?* (state).

В отличие от частного состояния, семантический тип обобщающего состояния не предполагает актуализации соответствующего действия (процесса) в какой-либо определенный момент времени. З. Вендлер не дает точного определения данному семантическому типу, иллюстрируя его содержание на примере глагола *rule,* а именно: *"The actions which a ruler as such is supposed to perform are manifold and quite disparate in nature. Is he "ruling" only while he is addressing the assembly and surveying troops, or also while he is eating lobster at a state dinner?"* [5, с.109]. Действительно, одни действия, осуществляемые правителем страны, больше подходят его статусу, другие меньше, но ни одно из них не может быть названо глагольной единицей *to rule.* Таким образом, содержание предиката обобщающего состояния можно определить как сумму составляющих его действий и отношений, не сводимую ни к одной из ее составляющих.

Интересен тот факт, что предикативные единицы типа *think that, know that, believe that, be married* так же включаются в семантический тип обобщающего состояния (и, таким образом, классифицируются как статив) на том основании, что их значение базируется на отношениях различной природы, и вышеприведенные предикативные выражения звучат ненормативно в прогрессивной конструкции. Объединение в один семантический тип таких разнородных единиц, как *think that, know that, believe that, be married, rule, govern,* является неоправданным. Во-первых, критерий разнородности элементов, составляющих семантическую структуру предиката, требует дополнительной конкретизации. Так, разнородность может быть связана с описанием конкретных действий, составляющих значение предиката, или обобщением разнородных чувств, эмоций. Во-вторых, формально-морфологический признак возможности/невозможности употребления глагола в прогрессивной форме является недостаточным для дифференциации семантических типов предикатов, поскольку "одни и те же особенности употребления могут быть связаны с разными семантическими признаками. Например, языковые единицы не могут иметь форму Continuous либо потому, что имеют значение мгновенности, либо потому, что включают в свое значение признак статичности, либо потому, что имеют значение класса" [3, с. 87].

Одним из основных признаков стативов является неизменяемость во времени. Результаты поисковых тестов показали, что предикаты, выражаемые глаголами управления, не обязательно характеризуют свой денотат как не изменяющийся во времени, доказательством чего служит возможность сочетаемости с фразами типа: *more and more enthusiastically, more and more skillfully,* указывающими на динамичное развитие определенного явления, например: *He manages the company more and more enthusiastically. She runs the household more and more skillfully. They govern the country more and more equitably. He rules the people more and more despotically.*

Несмотря на эксплицитно выраженное изменение денотативной ситуации, информанты отдают предпочтение неопределенной морфологической форме (80%). Это объясняется, на наш взгляд, значением семантического типа предиката исследуемых глагольных единиц, которое характеризуется абстрагированностью от протекания во времени. В данных предложениях не сообщается о равномерном, поступательно развивающемся процессе управления, поскольку ни одно из действий, осуществляемых субъектом, не соотносится напрямую с глаголами *manage, run, govern, rule,* а является лишь составляющей их содержания. Предикативные выражения типа: *to manage more and more enthusiastically, to run more and more skillfully,* описывают денотат, как состоящий из сменяющихся фаз, которые отличаются друг от друга по качественным параметрам.

Дополнительным тестом для установления динамичной, а не статичной природы денотата предиката, выражаемого глаголами управления, может служить сочетаемость с так называемыми "фазовыми" глаголами [2, с. 106]. Так, в следующих предложениях передается информация о членимости процесса управления, которая указывает на начало *(begin, start + V),* продолжение *(continue + V)* и конец *(resign, cease + V)* существования денотата предиката: *He began managing the property when he was 18. He continued ruling the people evilly in spite of his mother's advice. He resigned from running the company when he achieved all the objectives.*

Таким образом, семантика изменяемости во времени и членимости на фазы существования противоречит содержанию семантического типа статива и позволяет нам отграничить исследуемые глаголы от других единиц, входящих в данный семантический тип.

В работах Лакоффа [4] состояние как семантический тип предиката выделяется на основании ненормативности определенных синтаксических конструкций, которые характерны для действий и процессов. Предложенные автором тесты широко использовались и в других исследованиях, в которых они пополнялись, а иногда и существенно изменялись (Miller 1970; Korponay 1977; Cruse 1983; Andor 1992; Rothstein 1992). Наиболее распространенными синтаксическими трансформациями, используемыми для отграничения состояния от других семантических типов, являются: 1) прогрессивная форма; 2) императивная конструкция; 3) различные модели с глаголом *do*; 4) употребление с наречиями типа *reluctantly, enthusiastically.*

Проанализируем поведение глагола *rule,* обозначающего предикаты, значение которых определяется семантической ролью Деятеля (1), для которой "характерны приложение энергии человека (умственная сила, физическая сила) и контролируемость приложения данной энергии", и семантической ролью Агентива (2), для которой "характерно приложение социальной силы или физической силы воздействия на объект и отсутствие контролируемости приложения силы со стороны субъекта" [1, с.71]:

1. 1. ? He is ruling the country.

1. 2. Rule the country!

1. 3. What he did was rule the country.

*1. 4. * He ruled the country and his brother did so too.*

1. 5. He ruled the country enthusiastically.

Предложение 1.1. в некоторых случаях оценивается информантами как незавершенное, требующее конкрети-

зации временного периода. Ненормативность предложения 1.4. объясняется лексической семантикой глагола *rule*, а именно: наличие двух субъектов, прилагающих силу для создания денотата предиката *(he, his brother)*, и одного объекта воздействия *(the country)* противоречит значению глагола *rule*, который передает информацию о единоличной, неограниченной власти.

*2. 1. * Superstitions are ruling people's opinions.*

*2. 2. * Rule people's opinions, superstitions!*

*2. 3. * What superstitions did was rule people's opinions.*

*2. 4. * Superstitions rule people's opinions and conventions did so too.*

*2. 5. * Superstitions ruled people's opinions enthusiastically.*

Ненормативность данных предложений могла бы служить основанием для отнесения анализируемого предиката к семантическому типу состояния в терминологии Лакоффа. Однако на основании признака приложения силы социального характера, входящего в ролевую структуру субъекта, данный предикат классифицируется как процесс. Таким образом, ненормативность вышеприведенных трансформаций свидетельствует скорее об отсутствии признака контролируемости в семантической структуре предиката, что не отрицает его динамичного характера.

Тесты на синтаксическую сочетаемость как показатель синтагматических связей слова являются одним из важнейших показателей его значения, но не раскрывают само значение. Значение языковой единицы нельзя свести к сумме правил ее употребления, что является ведущим тезисом генеративистского направления. Установление грамматической дистрибуции является важным при описании семантики глагола как ядра предикации, выражающего ее темпоральные характеристики. Однако, как показало наше исследование, ограничения на употребление глагола в той или иной синтаксической конструкции могут быть связаны не только с различными семантическими признаками, составляющими содержание выражаемого данной глагольной лексемой предиката, но и со спецификой лексического значения. Поэтому ненормативность синтаксической трансформации не всегда говорит об отсутствии проверяемого семантического признака в структуре предиката. С другой стороны, тот факт, что семантический признак приложения силы не учитывается при типизации предикатов в классификации Лакоффа, приводит к неправомерному расширению семантического типа статива, который объединяет единицы, различающиеся как по семантическим признакам, так и по формально-морфологическим характеристикам.

Как показали результаты наблюдения над фактическим материалом и поисковые тесты, глаголы управления могут употребляться в прогрессивной форме, что противоречит семантике статива в понимании вышеназванных западных лингвистов. Например:

1. He ruled the country and people obeyed him completely.

** He was ruling the country and people obeyed him completely.*

*2. * He ruled the country but people didn't obey him.*

He was ruling the country but people didn't obey him.

Прогрессивная трансформация первого базового предложения оценивается информантами как ненормативная, поскольку предложение звучит как незаконченное высказывание, требующее дальнейшего уточнения временных параметров. Во втором случае предпочтительнее оказывается прогрессивная форма употребления глагола *rule*, хотя информанты затрудняются эксплицитно объяснить выбор данной грамматической формы. Нормативность прогрессивной конструкции связана с изменением семантической структуры предиката, а именно, отсутствием признака качественного изменения в семантической структуре объекта. Такая зависимость грамматической формы глагола от семантической структуры предиката прослеживается и в сфере функционирования других глаголов управления, что свидетельствует о системной организации глагольной лексики. Например: *He governs the city and successfully controls and directs all the public affairs,* но: *He is governing the city but neither controls nor directs the public affairs; He manages the company and easily achieves the objectives, но: He is managing the company but cannot possibly achieve the objectives.*

Таким образом, проведенное исследование позволяет отграничить анализируемые глаголы от других предикативных единиц, традиционно представляемых как стативы, на основании следующих положений. Во-первых, не подтверждается тезис о строгой бинарной оппозиции нормативности/ненормативности прогрессивной формы в сфере функционирования глаголов управления. Во-вторых, предикаты, выражаемые глаголами управления, могут характеризовать свой денотат как изменяющийся во времени, доказательством чего служит возможность сочетаемости с фразами типа: *more and more enthusiastically, more and more skillfully, etc.,* указывающими на динамичное развитие определенного явления. В-третьих, нормативность сочетания глаголов управления с так называемыми фазовыми глаголами также свидетельствует о динамичной природе описываемого денотата. В свою очередь, неопределенность временного периода существования денотата предиката, выражаемого глаголами управления, объясняется семантикой абстрагированности от конкретного протекания во времени.

Список литературы:

1. Амирова О.Г. Содержание семантической роли субъекта при английских глаголах управления // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – Кострома, 2009. Том 15. Основной выпуск №4 (октябрь-декабрь). – С. 68-72.
2. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М.: УРСС, 2001. – 208 с.
3. Селиверстова О.Н. Семантические типы предикатов в английском языке // Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982. – С. 86-216.
4. Lakoff G. Instrumental adverbs and the concept of deep structure // Foundations of language. 1976. V. 4. № 1. – P. 4-29.
5. Vendler Z. Linguistics in Philosophy. Ithaca, 1967. – 204 p.

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПУНКТУАЦИОННЫХ ЗНАКОВ

Будниченко Лариса Александровна
доктор филологических наук, профессор Чувашский госуниверситет им. И.Н.Ульянова, г.Чебоксары

Budnichenko Larisa Aleksandrovna doktor of philological sciences, professor, Chuvash State University, Cheboksary.

Аннотация.

Исследуется функциональность пунктуационных знаков в аспекте когнитивной лингвистики. Обосновывается значимость пунктуационных знаков в отражении на письме психического процесса восприятия и членения картины мира на фрагменты, роль знаков препинания в ментальных процессах формирования и выражения мысли на письме, а также их роль в репрезентации синтаксической структуры высказывания. Автор приходит к выводу, что пунктуационные знаки являются смысловыми актуализаторами, обладающими диктальными и модусными значениями.

Abstract.

Investigate the functionality of punctuation in the aspect of cognitive linguistics. Substantiates the importance of punctuation in the reflection on the letter of the mental process of perception and articulation picture of the world into fragments, the role of punctuation in the mental processes of forming and expressing thoughts in writing, as well as their role in the representation of the syntactic structure of the utterance. The author concludes that the punctuation marks are semantic actualizers, that can be defined as diktalnye and Modus values punctuation.

Ключевые слова: когнитивистика, ментальные процессы членения картины мира, диктум и модус; пунктуационные знаки, смысловая функция членения, смысловые актуализаторы, ментальный механизм актуального членения, диктальные и модусные значения знаков препинания.

Keywords: cognitive science, mental processes of dividing the world picture dictum and modus; punctuation, semantic function division, semantic actualizer, mental mechanism of actual division, diktalnye and Modus values punctuation.

Когнитивистика – лингвистическое направление, в центре внимания которого, как известно, находится репрезентация ментальных механизмов освоения языка. «В сферу жизненных интересов когнитивной лингвистики входят ***ментальные*** основы восприятия, понимания и продуцирования речи с точки зрения того, как структуры языкового знания представляются («репрезентируются») и участвуют в переработке информации» [4,с.21].

Когнитивный аспект функционирования пунктуационных знаков отражает ментальный механизм членения реального мира при его восприятии. Если говорить о механизмах репрезентации и исходить из самой природы знаков препинания, то «пунктуация, в отличие от орфографии, целиком базируется на языковых закономерностях формирования и выражения мысли» [6, с.72]. В языковом плане это находит свое выражение в той значимой роли, которую пунктуационные знаки играют в формировании синтаксических структур, отражающих мыслительную деятельность человека.

Следовательно, теория пунктуации должна разрабатываться с учетом теоретических достижений современной науки, прежде всего в области смысла как центрального объекта исследований когнитивной лингвистики, учитывая тот факт, что основной функцией пунктуационных знаков является функция смыслового членения.

В основе современных представлений о смысловой организации высказывания лежит, отражая восприятие мира человеком, идея противопоставления объективного (диктального) и субъективного (модусного) компонентов смысла высказывания.

Диктум интерпретируется как обязательный событийный аспект, отражающий реальную действительность, модус – как отношение к этим событиям говорящего. Наиболее четко, как известно, эту мысль выразил Ш.Балли, с именем которого связывается выделение двух слагаемых смысловой стороны высказывания. Как показывают наши наблюдения, пунктуационные знаки играют важную роль в формировании как диктальных, так и модусных аспектов смысла высказывания.

Событийная (денотативная) сторона высказывания, как известно, проявляется в том, что предложение объективно отображает некое событие, ситуацию, «положение дел» [1]. Говорящий, описывая окружающий его мир, воспринимает реальную действительность фрагментами. Фрагментарность восприятия есть свойство человеческого сознания, что находит свое выражение в психологическом расчленении реальной действительности на отдельные «картины». Лингвисты отмечают, что «связность не может быть безграничной и объективно требует расчленения, так как наши умственные операции при восприятии любой действительности способны охватить лишь отдельные факты, а апперцепция любого языкового сообщения также нуждается в расчленении» [5,с.308]. Соответственно определенная коррелятивная мыслительная операция возникает как в речи, так и на письме, где реализуется смысловая функция членения пунктуационных знаков.

Денотат отражает не только событие, но и «ситуацию мыслительной операции, производимой человеком» [2,с.476], что позволяет говорить о том, что денотативный аспект функционирования пунктуационных знаков связан с ментальным процессом членения мира при его восприятии.

Связь логических знаков препинания с денотативной семантикой была установлена Т.М.Николаевой. По мнению исследователя, знаки препинания могут иметь значения денотативного характера, обозначая непосредственно внелингвистическую ситуацию (психический процесс членения реальной действительности человеком при ее восприятии). Пунктуационные знаки проявляют свой денотат, указывая на то, правильно или неправильно

отделяется одно событие от другого, если в одном предложении рассказывается о нескольких событиях [7,с.27].

В речемыслительном процессе, на первичной фазе его формирования, поток активированных элементов сознания членится на отдельные кадры, каждый из которых отражает отдельное событие. Средством членения потока являются, прежде всего, реляционные предикаты, значения которых находят свое выражение в пропозиции. Однако помимо основного средства членения, выраженного реляционными предикатами, в речевой действительности возникает дополнительное средство смыслового членения в виде интонационной паузы, отделяющей один предикат (событие) от другого. В письменной речи такая пауза находит свое выражение в пунктуационном знаке. Отделяя одну предикативную пару от другой, одну пропозицию или часть ее от другой, пунктуационные знаки участвуют в формировании смысловой полипропозитивной структуры высказывания.

Несомненно, что всякая пропозиция, соотносимая с предикативными отношениями – это событие. «Там, где имеется более одной предикативной пары, очевидно имеется два или несколько событий», в связи с чем «употребление пунктуационного знака в ситуации передачи события обязательно» [7,с.27]. Иначе говоря, ***денотативная функция*** знаков препинания, отражающих на письме членение картины мира, ***диктальна*** (обязательна), как обязателен в ситуации передачи события сам пунктуационный знак.

Таким образом, пунктуационные знаки денотативны, отражают мыслительный процесс членения реальной действительности при ее восприятии, участвуют в формировании смысловой (полипропозитивной) структуры высказывания и отражают действие диктальных (обязательных) смыслов.

Учитывая тот факт, что интонация в речи и пунктуационные знаки на письме являются не основными, а дополнительными, хотя и важными средствами членения смыслового потока, определим статус пунктуационных знаков как смысловых актуализаторов.

Денотативным, диктальным для пунктуационных знаков является значение завершенности/ незавершенности инезависимости /зависимости высказывания и его частей.

Средством выражения этих значений становятся интонация (значение завершенности/ незавершенности) и структура (значение независимости /зависимости) , реализуя которые пунктуационный знак оказывается способен участвовать в формировании смысла высказывания.

Отмеченные характеристики проявляют взаимообусловленность: завершенность предполагает независимость, а незавершенность, наоборот, зависимость одного фрагмента события от другого.

В традиционных классификациях структурно-логические знаки препинания (точка, запятая, точка с запятой, тире, двоеточие) подразделяются на две группы а) разделительные знаки; б) выделительные знаки.

Разделительные знаки. Среди этой группы выделяют: 1) знаки внешние, отражающие членение между событиями (точка, запятая, точка с запятой); 2) знаки внутренние, отражающие членение фрагментов одного события (двоеточие, тире).

Знаки внешние передают смысловое значение завершенности и независимости (точка); а также относительной завершенности и относительной независимости (точка с запятой, запятая). Знаки внутренние (тире и двоеточие) кодируют смысловое значение незавершенности и зависимости частей.

Характеризующими знаки препинания принято считать семантические значения пояснения, причины, следствия, противопоставления (двоеточие, тире). Все эти значения обнаруживаются как значения второго смыслового ряда, как бы конкретизирующие, дифференцирующие общее для внутренних знаков препинания смысловое значение незавершенности/зависимости. Однако

дифференциация эта происходит уже на других, лексико-семантических основаниях, когда смысловые отношения между расчлененными частями устанавливаются исходя из их лексического наполнения. При этом семантические отношения пояснения, причины, следствия, которые кодируются двоеточием и тире, отражают те реальные связи, которые существуют между фрагментами события в реальной действительности.

Знаки выделительные. К выделительным знакам, как известно, относят двойную запятую, двойное тире и скобки. Выделительные знаки так же, как и разделительные, реализуют свой денотат, отражая фрагментарность восприятия человеческого сознания. Их диктальность определяется обязательностью отделения в мыслительной деятельности одной пропозиции от другой как отражение расчлененности восприятия человеком определенного ряда событий. С этой точки зрения выделительные знаки так же денотативны, так же диктальны, как и знаки разделительные. В этом общность их функций как знаков пунктуации в целом.

Выделительные знаки отличаются от разделительных иным способом развертывания мысли. Событие может передаваться в линейной последовательности, когда его развертывание происходит однопланово, а может передаваться двупланово – когда второй смысловой план составляют различного рода добавления, уточнения, пояснения (7,с. 28).

В составе простого предложения добавления, уточнения, пояснения передаются категорией обособленных членов предложения, которые способны создать самостоятельный смысловой план предложения (высказывания) в результате дополнительного членения синтаксической структуры.

Обособленные члены предложения создают не только второй смысловой план высказывания, но и второй синтаксический уровень членения структуры, который не находит своего выражения в языковой модели как обязательный компонент, но возникает лишь в процессе речевой деятельности, отражая как бы процесс наложения дополнительного членения на основное. Не случайно некоторые лингвисты рассматривают обособленные члены как речевую категорию (3). Однако обособленные члены вместе с тем и языковая категория. Являясь генетически речевым порождением, на современном этапе развития языка обособленные члены отражают один из способов языкового представления мысли (смысла).

По мнению Г.М.Николаевой, так называемые «свернутые» конструкции (причастные и деепричастные обороты) можно рассматривать как отдельные «события»,

иначе говоря, отдельные пропозиции (7,с. 28). Действительно, общеизвестны трансформации развертывания причастных и деепричастных оборотов в сложноподчиненные предложения, включающие в свой состав уже две пропозиции. Закономерно также, что в языке обособленные причастные и деепричастные обороты определяются как полупредикативные.

Вместе с тем как «свернутые» конструкции можно интерпретировать и другие обособленные члены предложения – уточнения, пояснения, присоединительные члены, а также определения, выраженные прилагательными. В результате трансформации их также можно развернуть в самостоятельные конструкции, выражающие отдельную пропозицию.

Например, определительный оборот: *И вот эта женщина, незнакомая мне, но решительная, пригласила меня в гости. – И вот эта женщина пригласила меня в гости. / Женщина незнакомая мне, но решительная*.

Способность всех обособленных членов предложения, в том числе уточнений, пояснений и присоединительных членов, выражать отдельную пропозицию доказывает, что выделительные знаки также проявляют денотативную функцию, направленную на отражение фрагментарности восприятия человеческого сознания, что находит свое выражение в репрезентации синтаксических структур.

Возникающее «полипропозитивное предложение – это синтаксическое построение, в «склеенном» виде выражающее сразу несколько пропозиций, каждая из которых может быть выражена предикативной единицей, т.е. монопрозитивным предложением» [2,с. 485]. Полипропозитивное предложение по своей смысловой организации подобно сложному предложению: оно выражает не одно, а несколько «положений дел».

Выделительные знаки препинания, передающие обособление на письме, отражают механизм выделения отдельной пропозиции «свернутого» события и отнесения его во второй информативный план, когда вторая пропозиция уточняет, поясняет или добавляет что-то к смысловому плану первой.

Следовательно, основными смысловыми значениями, которые актуализируют выделительные знаки препинания, являются, с одной стороны, значения д о б а в л е н и я , у т о ч н е н и я , п о я с н е н и я , а с другой – смысловое значение зависимости, так как выделяемая пунктуационными знаками пропозиция всегда зависима от основной.

Язык, таким образом, располагает разнообразными способами представления мысли, в механизме развертывания которой не последнюю роль играют знаки препинания.

Двуплановое развертывание смысла также может иметь разные варианты реализации. С помощью двойного тире и скобок реализуется еще одна разновидность смыслового развертывания – смысловое включение, смысловая «вставка». Как известно, вставки и вводные конструкции представляют собою второй план изложения, информативно дополнительный (вставки) или дополнительно оценочный (вводные), а потому зависимый от основного. Поскольку речь идет в данном случае о метатексте (текст в тексте), можно предположить, что двойное тире и двойные скобки также маркируют границы еще одной пропозиции, «включенной» вторым планом.

Таким образом, общность функций двойной запятой, двойного тире и скобок определяется тем, что в смысловом отношении они выделяют одну пропозицию, включенную в процессе речемысли в состав другой. В силу этого вторая пропозиция всегда зависима в смысловом отношении от первой, вследствие чего значение зависимости/независимости становится для выделительных знаков более актуальным, чем смысловое значение завершенности/незавершенности высказывания.

Сопоставительный анализ смыслового функционирования разделительных и выделительных знаков пунктуации показал общность их диктального, денотативно-пропозитивного значения.

Денотативная функция как разделительных, так и выделительных знаков пунктуации связана с отражением ими фрагментарности восприятия реальной действительности человеческим сознанием. В языковом плане это находит свое выражение в отделении одной пропозиции (события) от другой (другого события) пунктуационным знаком. Возникающие при этом смысловые значения завершенности/незавершенности и зависимости/независимости высказывания, кодируемые на письме пунктуационными знаками, можно рассматривать как их денотативно-пропозитивные смысловые значения, которые диктальны, то есть обязательны для любого знака препинания, как одиночного (разделительного), так и двойного (выделительного).

Различия между двумя группами знаков определяются прежде всего тем, что они отражают различные способы представления мысли: разделительные ПЗ указывают на процесс ее линейного развертывания, а выделительные – на двуплановое выражение мысли, когда вторая пропозиция, дополняя, уточняя и поясняя первую, образует еще один смысловой слой, еще один, надстраивающийся, уровень. В силу этого вторая пропозиция в смысловом плане всегда зависима от первой.

Литература:

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: (Логико- семантические проблемы) – М., 1985. – 384с.
2. Белошапкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Современный русский язык. – М.,1981. – 560с.
3. Ванников Ю.В.Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. – М.,2009. – 296с.
4. Демьянков **В.З.** Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания, 1994 – № 4. – С.173–183.
5. Кожевникова К. А. Об аспектах связности в тексте как целом// Синтаксис текста. – М., 1979. – С.52–59.
6. Низяева Г.Ф. О принципах описания пунктуации как системы в русском языке // Русский язык в школе, 1976. – №4. – С.75–78.
7. 7.Николаева Т.М. О функциях знаков препинания в русском языке//Современный русский язык. – М.,1979. – С. 26–35.

СТАНДАРТНЫЙ ЯЗЫК В ЯПОНИИ И РОЛЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ В ЕГО ФОРМИРОВАНИИ

Быкова Стелла Артемьевна

доцент, кандидат филологических наук, зав. кафедрой японской филологии ИСАА МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва

THE STANDARD LANGUAGE IN JAPAN AND THE TERRITORIAL DIALECTS ROLE IN ITS FORMATION

Ph.D, chief of the Japanese Philology Department, Moscow State University, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется роль территориальных диалектов в формировании стандартного японского языка. В различные исторические эпохи основу стандартного языка составляли диалекты , относящиеся к различным диалектальным ветвям , западной и восточной, и обладающие значительными различиями фонетического, грамматического и лексического характера. Современный японский стандартный язык сложился и развивается на основе языка Токио, столицы Японии наших дней.

ABSTRACT

In this paper the role of territorial dialects in formation of the Japanese standard language is analysed. The Japanese standard language was based on dialects of different dialectal types, the West Japan type and the East Japan type, being characterized by substantial phonetic, grammatical and lexical distinctions, in different historical epochs. The contemporary Japanese standard language's been formed and is developing , being based on the language of Tokyo, our days capital of Japan.

Ключевые слова: стандартный язык, диалекты, различия.

Keywords: standard language, dialects, difference.

Современная Япония представляет собой общество с повсеместным распространением стандартного японского языка, чрезвычайно высоким уровнем развития информационных технологий, Интернета и СМИ, постоянным внедрением технических новшеств, в т.ч. и в указанных областях. Современный стандартный японский язык, который использует население страны, на котором ведётся радио- и телевещание и осуществляется образование в школах и высших учебных заведениях , сложился и развивается на основе разговорного языка Токио, столицы Японии. Процесс формирования этого стандартного языка был длительным, начавшись в эпоху Эдо (17-19 вв.; Эдо - прежнее название Токио) и продолжаясь в послевоенный период. Однако стандартный японский язык наших дней значительно отличается не только от того языка, который функционировал в японском обществе в качестве стандартного в начальный период формирования, но и от языка первых послевоенных десятилетий. Одним из главных факторов, способствовавших столь ощутимому отличию современного стандартного языка от изначально существовавшей языковой системы, являются прежде всего изменения токийского языка как основы стандартного японского языка. Если в период формирования стандартного японского языка речь жителей Токио воспринималась как эталон, то в настоящее время токийцы говорят на языке, достаточно далёком от нормативного. Недаром японские лингвисты совершенно справедливо утверждают, что нормативный японский язык и строгое соблюдение говорящих на нём определённых фонетических, грамматических и лексических норм существуют лишь в трудах авторов по соответствующим разделам языкознания и учебникам. В сущности это «искусственно созданный язык» [2, с.26]. Как только носитель языка начинает говорить, он использует не этот «идеальный» язык, а т.наз. «общий язык» (common language), в котором фиксируются многочисленные отступления от норм стандартного языка, присущие разговорному языку в любой языковой системе. Нормы стандартного языка не меняются на протяжении значительного периода времени, в «общем языке» прослеживаются постоянные изменения, поскольку этот язык не искусственно созданный, а живой, постоянно реализуемый в речи носителей современного японского языка.

В то же время, несмотря на повсеместное распространение стандартного языка, в Японии продолжают функционировать территориальные диалекты , сформировавшиеся в ранние эпохи существования японского общества. Долгое время после Второй мировой войны, когда государственная языковая политика была направлена на распространение стандартного языка и в сущности на насильственное искоренение диалектов, последним предрекалось отмирание и постепенное исчезновение из японской языковой системы. Диалекты рассматривались как язык провинциального общества с невысоким культурным уровнем, не подобающий для использования в условиях современного общества, а люди, использующие диалектальные формы, подвергались осмеянию и гонениям. С того времени миновало несколько десятилетий, в течение которых в японском обществе постепенно менялось отношение к диалектам. Разумеется, аналогично другим языковым подсистемам диалекты японского языка также претерпели изменения. Одни из них, хотя количество подобных диалектов невелико, вымирают или вымерли, другие претерпели изменения, но продолжают активно функционировать в речи своих носителей. В то же время появляются и новые диалекты. Диалекты ныне оцениваются как живой источник, из которого «общий язык» черпает новые формы. Ярким свидетельством переосмысления японским обществом отношения к диалектам являются издание учебных пособий по диалектам, активное использование диалектальных форм в телевизионных передачах, фильмах, произведениях художественной литературы, рекламе.

В отличие от многих других языковых систем японская языковая система характеризуется тем, что на различных этапах исторического развития функции стандартного языка или его основы поочерёдно выполняли два диалекта, или две диалектальные ветви, в зависимости от того, в какой части Японии располагалась в тот или иной исторический период столица страны. Иными словами, в этом случае большое значение приобретал экстралингви-

стический фактор – географическое расположение столицы страны, то, где она находится, на западе или востоке основного острова Хонсю. При этом важно то, что западная и восточная ветви территориальных диалектов значительно различаются с точки зрения фонетических, грамматических и лексических особенностей. Эта дифференциация диалектов существует с древних времён и отмечается уже в первых диалектологических словарях и работах по японской диалектологии. Фонетические различия проявляются прежде всего в противоположных типах акцентуации в Западной и Восточной Японии. В современном японском языке, как стандартном, так и «общем», нормативной считается акцентуация токийского типа, предполагающая соблюдение определённых правил повышения и понижения тона при произношении слогов в словах. На западе Японии для носителей языка характерна иная акцентуация, т.наз. акцентуация «типа Киото-Осака», при которой правила повышения тона или понижения оказываются противоположными токийским. Те слоги, которые в восточных регионах Японии произносятся высоким или средним тоном, в западных регионах произносятся низким тоном, и наоборот. Зачастую это препятствует взаимному пониманию у собеседников, говорящих с использованием форм родного диалекта. В Западной Японии существуют слоги, отсутствующие в восточной части страны, и ассимиляция звуков в глагольных формах и формах прилагательных, не фиксирующаяся в восточных диалектах. Различаются на востоке и западе формы связок, глагольные формы и формы прилагательных, используются различные служебные глаголы и различная лексика для наименования одних и тех же предметов окружающей действительности.

На протяжении нескольких веков эпохи Хэйан (8-12 вв.) роль стандартного японского языка играл язык древней столицы Киото, расположенной в Западной Японии [1,с. 7-15].Несмотря на то, что в настоящее время язык Киото трактуется как всего лишь один из традиционных диалектов японского языка, к нему сохраняется особое, почтительное отношение как к языку изящному, благозвучному, пусть и старомодному. Подобное отношение к языку Киото сочетается с глубоким почитанием киотоской культуры в целом как олицетворения расцвета культуры Японии в средние века. Нельзя забывать, что язык Киото- язык аристократический, на котором писали свои знаменитые романы женщины-писательницы эпохи Хэйан. Литература этого периода отличается художественным вкусом и утонченностью, как и сам по себе язык авторов. Никогда в японском обществе протяжная, замедленная в сравнении с токийской, речь жителей Киото не встречала негативного отношения не только в Токио, но и в других частях Японии.

Язык Эдо (Токио) постепенно стал обретать функции стандартного языка с 17 века, когда сёгуном Токугава Иэясу столица была перенесена в этот город. В отличие от языка Киото язык Токио, который в наши дни является основой, на которой сложился и развивается современный японский стандартный язык, не всегда рассматривался как эталонный или нормативный. Отрицательные характеристики этому языку дают, например, персонажи одного из блестящих романов эпохи Хэйан «Гэндзи-моногатари». Знакомясь с романом, читатель не раз встречается с эпизодами, в которых аристократы и придворные дамы весьма скептично оценивают речь тех, кто приехал ко двору из Эдо или из других восточных провинций. Нельзя забывать и о том, что хотя в период своего становления язык Эдо, расположенного в районе Канто, где говорят на одном из восточных диалектов, и, естественно, в результате воздействия этого фактора усвоивший особенности восточных диалектов, в то же время заимствовал ряд особенностей западных диалектов. Последнее объясняется переселением в Эдо аристократов-киотосцев и купцов из Осаки, крупнейшего торгового города вблизи Киото.Так, благодаря заимствованию из вежливой речи киотосцев в языке Эдо, а позднее и в стандартном языке появились вежливые глаголы, первоначально не фиксировавшиеся в речи эдосцев.

Список литературы:

1. Быкова С.А. Диалекты восточной и западной ветви и их роль в японском обществе// Япония. Язык и культура. Альманах. М.: Муравей, 2002. – 7-15 с.
2. Сибата Такэси. Сибата Такэси нихонго эссэй 2 (Эссе Сибата Такэси о японском языке 2) . Токио: Тайсюкан сётэн, 1987. – 26 с.

В ПОИСКАХ НЕВИДИМОГО

Фомина Инна Алексеевна,
Студентка аспирантуры Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе

SEARCHING FOR THE INVISIBLE

Fomina Inna Alekseyevna, Ph.D. student at the University of California in Los Angeles

АННОТАЦИЯ

Цель данной статьи – обратить внимание на неадекватность концептуального подхода к исследованию литературного произведения и предложить альтернативный метод анализа, построенный на восстановлении целостного произведения через выявление образных закономерностей. Для иллюстрация данного метода представлен анализ произведения Андрея Платонова "Возвращение".

ABSTRACT

This article examines the problem of inadequacy of the conceptual approach to literature, and, instead, offers an alternative method of literary analysis, which it based on reconstruction of the aesthetic unity of a literary work through exploration of its literary images. To demonstrate this method, I offer my analysis of Andrei Platonov's Vozvrashcheniye.

Ключевыее слова: целостность, образ, видимое и невидимое, душа.

Key words: aesthetic unity, image, visible and invisible, soul.

В своем рассказе “По небу полуночи” Андрей Платонов представляет вниманию нашего сердца героя Фридриха Кенига, промытого идеологией, живущего в состоянии счастливого идиотизма, не способного на истинное чувство. Недочеловек с заранее готовыми ответами, он уверен в единственно верной мировой истине, принадлежащей именно ему [1]. В своей статье я хочу поставить трудную, почти невыполнимую задачу перед каждым из нас – уничтожить в своем сердце Фридриха Кенига.

Что же поможет нам на этом пути? Обращение к литературе, но иное ее прочтение. Мы должны отказаться от привычных для нас рациональных связей, построенных на логике и дать возможность проявиться алогичному, парадоксальному принципу эстетического. Увидеть невидимое в плоти видимого, среди слов узнать образные закономерности, от фабулы перейти к целостному восприятию художественного произведения [2, с. 6-15] [3, с. 60].

Эта задача сложна, потому за нами по пятам следуют наши личные представления, или концепции, навязанные нам научной модой. Слабость подобного подхода заключается в том, что мы приходим к художественному произведению с уже заранее готовыми ответами и лишь ищем в нем подтверждения нашим концепциям.

А что если мы позволим художественному произведению овладеть всем нашим существом без остатка? Если мы с головой окунемся в литературный мир автора и именно в нем увидим все самое главное и ценное, познаем его тайные законы?

Я предлагаю вниманию читателя анализ произведения Андрея Платонова “Возвращение”. Анализ построен на выявлении образных закономерностей, содержащихся в самом произведении и принципах, выраженных автором в его вдохновляющей статье “Душа мира”.
Песчаная дорога

На войне сухари вместо пирога, омытого слезами, табак вместо тепла домашней печки, вино вместо измученного, иссохшегося изюма. К герою произведения, капитану гвардии Иванову, подступает осень и влечет его своими павшими листьями и лесными тропами, своим последним ароматом свободы. Он тянется к Маше – дочери пространщика, в которой тепло заложено еще ее отцом. Машино сердце просторно, и оно вмещает осиротевшего человека. Иванов разжигает небольшой огонь, чтобы им вдвоем согреться [4, с.351-354].

После задержки, Иванов возвращается-не возвращается. Он все еще в тайне ищет отдыха в сумраке или во тьме. Дома – все те же предметы, тот же запах. Но гарь в печке – это не запах осенних листьев, и он не чувствует к ним жизненного интереса и участия. И первая встреча после войны – радостная и тревожная. Первый ужин семьи проходит в тихой радости. Он знает свой долг – помогать семье. Настя не узнает Иванова и часто плачет от его холода. Это не отец, а чужой человек. Иванов видит Петрушку, но не его влечение к нему как к сыну недостаточно, хотя он и замечает, что Петрушке нужен отец. Он видит в нем лишь “исправного малорослого мужичка”, управляющегося с рогачом возле печки [4, с. 354-357].

Петрушка рано узнает трудность жизни и из последних сил пытается сохранить тепло в доме – он все время подкладывает дрова в печку, боится, что это тепло ночью тепло выйдет из дома. Именно Петрушка замечает изменения в природе – подступ холодных свинцовых облаков. Петрушка сердцем страдает за мать, за сестру, но и сам крайне нуждается в любви. Он хочет пойти работать именно в баню, чтобы купить матери пальто вместо короткого холодного ватника. В уста Петрушки Платонов вкладывает историю-быль из послевоенной жизни Харитона, народного человека, который режет людям хлеб. В истории о жизни Анюты с безруким, среди Глашки, Апроськи, Магдалинки, Иванов со страхом узнает и свою Машу [4, с. 362-369].

Однако, история о Харитоне не может разбудить совести Иванова, ожесточившегося против жены, Любы. В своем сочинении “Душа мира”, Платонов пишет, что “женщина есть живое действенное воплощение сознания миром своего греха и преступности. Она есть его покаяние и жертва, его страдание и искупление. Это ее тайное сокровенное существо. Женщина - тогда женщина, когда в ней живет вся совесть темного мира, его надежда стать совершенным, его смертная тоска. Нет ничего в мире выше женщины, кроме ее ребенка” [5, с. 549-551].

В Любе есть все самое главное женское, она страдает, работая до изнеможения, дрожит в страхе от мысли о смерти мужа на войне, она обмирает и стынет в доме с холодными дровами. Люба терпит ради детей, она учится чинить печки в обмен на картошку, сама чинит обувь. В тоске и изнеможении, сердце матери становится темным, она преступает границу близости, и в этом ее грех. Но разве ее страдание, совесть и чистосердечное раскаяние не могут тронуть души человека? Разве ее искупляющая мука не может растопить преграду холода? [4, с. 366-367].

В начале рассказа Платонов пишет, что от Иванова сильно пахло табаком, сухим поджаренным хлебом, немного вином – теми чистыми веществами, которые произошли от огня и сами могут родить огонь. Он пытается согреться возле дочери пространщика. Дома он часто курит трубку в ожесточении, но тление табака – это совсем не настоящий огонь. Он глядит по-недоброму. В ответ на доброе, чистосердечно “прости” матери, он в ярости он разбивает керосиновую лампу, но огонь все еще горит, хоть и в доме и становится темнее [4, с. 351-372]

Иванов напивается водки, завтракает по талону и собирается тронуться в ПУСТЫЕ осенние поля. Он отправляется в путь в иступляющем ожесточении, равнодушно смотрит на завод, в котором трудится его жена, Люба, но вдруг перед ним открывается совсем иной путь. Это сельская, земляная дорога, которая естественна и проста. По ней ходит труженик земли - крестьянин. На этой дороге сено и солома, и она естественна человеку и предложена самой землей. Именно по этой дороге бегут два ребенка, которых Иванов не узнает. Они падают от бессилия и снова встают на ноги. На ноге старшего - валенок, подаренный Сергеем Евсеевичем, который ему мал, на другой ноге калоша

И этот человек, который прошел всю войну и который видел смерть, человек, чья кожа ожесточилась на ветру и огрубела, этот человек бессилен перед призывом зовущего его ребенка, призывом вернуться. Его сердце пробивается на свободу, пробуждается его долго спавшая душа. Чистое пламя сердцебиения согревает все его существо, изгоняет холод, пустую осень и бесцельную свободу лесной дороги. Он становиться проще и чище, биение сердца снимает завесу равнодушия и самолюбия. Он

узнает – это его дети, и обнаженная боль страдания семьи заполняет его [4, с. 370-372].

И в этот момент, песчаная дорога возникает не только перед Ивановым, но и перед душою каждого из нас, ведь настоящая литература имеет потенциал изменить человека, сделать его чище, добрее, прекраснее.

Список литературы:

1) Платонов, А. По небу полуночи [Электронный ресурс] // ModernLib.Ru: электронная библиотека. URL: http://modernlib.ru/books/platonov_andrey_platonovich/po_nebu_polunochi/read/ (дата обращения 09.08.2014).
2) Антипьев, Н.П. Нравственная поэтика, или литературовидение. Вестник Иркутского государственного лингвистического университета, 2009, № 4. с. 6-15.
3) Мерло-Понти, М. Око и дух. М., 1992. С. 60.
4) Платонов, А. На заре туманной юности. М.: Советская Россия, 1990. с. 351-372.
5) Платонов, А. Государственный житель. М.: Советский писатель, 1988. с. 549-551.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРИЗНАКИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Гамар Марина Владимировна

преподаватель Приднестровского Государственного Университета, г. Тирасполь

LINGUISTIC CHARACTERISTICS OF LEGISLATIVE TEXTS

Gamar Marina, professor of Transnistrian State University, Tiraspol

АННОТАЦИЯ

В статье представлены некоторые общеязыковые признаки законодательных документов. Дано определение языкового стиля. Приведена классификация юридическо-административных текстов. Выделены основные субъязыки юриспруденции. Рассмотрены стилистические особенности, влияющие на создание законодательного текста.

ABSTRACT

The article presents some common linguistic characteristics of legislative documents. The definition of linguistic style is given. A classification of legal administrative texts is mentioned. The basic sub languages of law are identified. The stylistic characteristics that affect the creation of a legislative text are analyzed.

Ключевые слова: законодательный стиль, законодательный текст, термин, стиль, субъязык.

Keywords: legislative style, legislative text, term, sub language.

Многие лингвисты отмечают важность знания основных черт функционального стиля, к которому принадлежит определённый текст для адекватной его интерпретации. Л.Л. Швыркова подчеркивает коммуникативно-функциональный аспект стилевой принадлежности: «Для каждого стиля языка является характерным определённая функциональная направленность и общность коммуникативных факторов: сферы, формы общения, его содержания, условий и наличия или отсутствия эмоциональности изложения» [10, с. 16]. В языковедческой науке постановка проблемы стиля связана с именем Ш. Балли, в частности, с его учением об экспрессивных средствах языка, что дало толчок для развития лингвостилистики.

Определений языкового стиля довольно много в современной лингвистике. И зависят они от того, насколько широко представляется сам объект стилистики. Для большинства языковедов – это сфера языковой вариативности, которая соотносится с контекстом. При таком подходе достигается максимальный охват языкового варьирования в различных функциональных проявлениях языка [4, с. 48].

Подход к стилю как к одной из форм системы языковой вариативности предусматривает выявление стилистического потенциала языковых единиц, которые принадлежат к определённым функциональным стилям (вариантом использования языка в различных экстралингвистических заданных ситуациях) [6, с. 40].

Понятие «стиль» нельзя определить с надлежащей полнотой, не принимая во внимание социальный аспект, который предусматривает учёт следующих пунктов:

1) исторически сформированная функция, которую выполняет стиль в общественной деятельности и в общественном сознании;

2) языковые средства, которые используются для реализации этой функции в речи, их отбор и организация, которые имеют нормативный характер.

Функциональный стиль по М.М. Кожиной - это своеобразный характер речи, той или иной её разновидности, которая соответствует обозначенной сфере общественной деятельности и соотнесённой с ней форме сознания, созданной особенностями функционирования в этой сфере языковых средств и специфической речевой организацией, которая создаёт её общую стилистическую окраску [4, с. 49].

А.И. Чередниченко формулирует данное понятие следующим образом: «функциональный стиль – это разновидность языка, который используется в типичной социальной ситуации, и который отличается от других вариантов своими языковыми, грамматическими и фонетическими чертами» [9, с. 87].

К.А. Долинин отмечает, что функциональные стили - это обобщенные речевые жанры, то есть речевые нормы построения текстов, в которых воплощены обобщенные социальные роли (учёный, администратор, политик, поэт, журналист и т.д.) [3, с. 60].

Таким образом, функциональный стиль является не только совокупностью определённым образом стилистически окрашенных единиц языка, он также является такой организацией речи, элементы которой наитеснейшим образом функционально взаимосвязаны в единое целое на основе реализации ими какой-то одной функции; все они,

как и всё целое, являются направленными на использование конкретного коммуникативного задания.

Законодательные тексты принадлежат к официально-деловому стилю языка (далее ОДС), который, как и другие стили, характеризуется свойственной только ему совокупностью признаков, придающих ему своеобразие и качественную определённость. Официально-деловой стиль распространяется на различные формы административно-правовой деятельности, он может быть разбит на несколько подстилей, которые используются в зависимости от целей и задач, стоящих перед официальным документом. О наличии специального законодательного стиля говорят и юристы, и языковеды; по мнению некоторых из них законодательный стиль является основой и определяющим началом официально-документального подстиля [7, с. 13-14].

Существуют различные классификации текстов ОДС. Так, например, Н.В. Кривоносова выделяет три основных жанра научной юридической литературы, а именно:

1) законы (конституции, основы, кодексы);

2) подзаконные акты (указы, положения, постановления, инструкции и т.д.), которые конкретизируют, уточняют законы;

3) научная специальная юридическая литература (монографии, учебники, юридическая периодика и т.д.), в которой трактуются и анализируются разные концепции и институты права, теории, доктрины, точки зрения научных школ.

В соответствии с этой классификацией можно выделить, считает Н.В.Кривоносова, три основные субъязыка юриспруденции: законы, подзаконные акты и специальная юридическая литература. Однако, предложенная классификация, основанная по признаку соотнесения с законом, распространяется только на научно-юридический подъязык.

Мы считаем, что юридическо-административные тексты можно разделить на три группы в зависимости от адресанта того или иного текста. Так, законодательными текстами являются нормативные документы, созданные законодателями (конституции, кодексы, законы (обычные и органические), декреты, указы (министерские), резолюции, постановления); процессуальные тексты представляют собой результат работы органов судебной власти (апелляции, требования, приговоры и т.д.); административные тексты создаются Администрацией или самими гражданами (нотариальный акт, контракт, завещание и т.д.)

Среди законодательных документов особое место занимает Конституция, основной государственный закон (закон законов), от которого уже происходят другие документы законодательного характера, развивая своим содержанием более детально положения, которые излагаются в тексте Конституции в общей форме.

Общей функцией ОДС является официальное сообщение с целью достижения деловой, официальной договоренности между двумя или несколькими сторонами. Форма общения – главным образом письменная, а устными условиями общения является наличие официальных отношений между коммуникантами.

Рассмотрим стилистические особенности, которые влияют на создание законодательного текста.

С. А. Боголюбов выделяет точность, лаконизм, логичность, четкость, нормативность, отсутствие экспрессивности и эмоциональности [1, с. 20-21]. А. А. Телешев – официальность, чрезвычайную долготу и широту, складность, статичность, объективность, отсутствие образности и эмоциональности [8, с. 127]. И. Грязин, обобщая сказанное, отмечает, что текст правовых документов отличается от других текстов следующими стилистическими характеристиками:

1) отсутствием экспрессивности, так называемым «нулевым стилем», нейтральностью и холодностью изложения правовых норм, что немаловажно с позиций эффективности правового регулирования;

2) связанностью и последовательностью, сбалансированностью и построением жесткой «цепочности» изложения;

3) точностью и ясностью, где практический критерий берет верх над общелитературными стандартами;

4) простотой изложения;

5) лаконичностью и компактностью, с применением законодателем принципа минимальности [2. с. 54].

Одни из самых важных характеристик – точность, краткость, а также единообразие изложения, находятся в тесной связи с основными функциями языка [1, с. 20].

Текст права характеризуется «областью должного», которую он олицетворяет, создавая «некий особый концептуальный мир» [2, с. 107].

Законодательный текст, по мнению А. А. Телешева, является «моделированным, его построение осуществляется в соответствии с выбранными законодателем ограничениями и приемами, что формирует его специфику. Он имеет в своей структуре отпечатки законодательной функции государства: нормативность и дистантность» [8, с. 28].

Текст закона всегда нормативен, потому что закон неразрывен с понятием «нормы права». Это связано, во-первых, с суверенностью законодательной власти, которая проявляется в том, что законодательный текст строится и создается так, чтобы его адресатами признавались монополии законодательной власти на издание закона и обязательность положений законодательства. Во-вторых, это связано с всеобщим характером законодательной нормы, ее распространенностью на всех субъектов права. В-третьих, это отражается в определенности законодательного дискурса, где каждая норма является ответом на какой- либо вопрос: она является правилом в том, что она же сама и определяет; её цель – сделать применимым решение, которое она предлагает для предполагаемой ею проблемы [11, с. 284].

Дистантность текста закона, как известно, заключается в том, что адресата и адресанта в соответствующем языковом сообщении отделяет значительное расстояние и это проявляется в том, что в данном типе законодательных документов «говорит» только законодатель, хотя его монолог не произносится вслух. Сообщение законодателя обретает письменную форму и в ней направляется адресатам, что не требует обязательного ознакомления последними с законодательными текстами. В этом проявляется дистантность в отношениях между участниками коммуникации.

Законодательный стиль экспликативен так как, нормы права объясняются через положения законодательных текстов [11, с. 291]. Он зависит не от системы права, используемой государством, а от языка законодательства [12, с. 91]. М. К. Морен считает, что, несмотря на вышеуказанную простоту изложения, законодательный стиль характеризуется сложностью синтаксического построения, что обусловлено логическими факторами; ему свойственны консервативность и архаичность, специфическое использование лексических и морфологических средств [5, с. 78-79].

В законодательной речевой деятельности, как и в любой другой существуют два коммуниканта, адресант и адресат, но их общение является специфическим. Дело в том, что адресант законодательной информации обращается не к одному лицу, а к неизвестному числу лиц, к абстрактному собеседнику, которым может и должен быть любой из граждан отдельной страны (в нашем случае Франции). Между адресантом и адресатом существует связь в виде письменного законодательного документа. Законодатель (отправитель сообщения) создает этот документ, в котором, кроме прав и обязанностей граждан, перечисляет конкретные правила, которые относятся к отдельным правовым областям (гражданским, уголовным, коммерческим и т.д.), и которых должны придерживаться адресаты законодательных документов. И вместе с правилами адресант посылает адресату информацию о последствиях невыполнения обозначенных правил. Все эти правила существуют в виде законодательного текста, который является объектом нашего исследования.

Адресант подготовленного текста, в отличие от неподготовленного общения, при его создании целенаправленно использует эффект отображения в тексте коммуникантов в различных диапазонах, в зависимости от целей коммуникации. В отличие от адресанта спонтанного говорения, ему, с одной стороны легче, поскольку он строит текст заблаговременно и может варьировать языковыми средствами без ущерба для восприятия, с другой стороны – сложнее, поскольку адресант непосредственного общения видит адресата перед собой, наблюдает за его реакцией, и в ходе общения может менять и совершенствовать приемы влияния.

В юриспруденции, политике и других общественных сферах коммуникации часто ответственным отправителем признается коллегиальный или институционализированный отправитель.

Решения по принятию закона являются решениями обычного неквалифицированного большинства в Парламенте Франции. Однако это коллегиальное решение соответствует всегда единому высказыванию, выраженному в письменной форме. Что касается характера законодательного сообщения, то это монологическая форма. Это односторонний речевой акт, хотя любая речь является диалогической, поскольку у нее всегда есть адресат (дальний или близкий). Законодатель разговаривает без собеседников, но, тем не менее это является общением.

В отличие от диалога, монолог является таким типом коммуникации, который сводится только к посланию без ответа. Отправитель законодательного текста реально остается только отправителем. Таким образом, от выбора им определенных языковых средств, от того, как адресант закона размещает законодательную информацию, какую он решит избрать структуру документа, порядок слов в предложениях и т.д., зависит степень достижения содержанием и формой определенного законодательного документа своей прагматической цели и запланированного адресантом влияния на сознание и действия адресанта.

Однако, как бы четко, объективно и понятно не высказывал свои мысли адресант, общение не состоится, если адресант не будет владеть определенным кодом, пресуппозицией, необходимой информацией для правильной интерпретации изложенного в тексте содержания закона.

Как мы уже отмечали, законодательные тексты в основном существуют в письменной форме. По своим характеристикам и функциям письменный текст имеет значительный социальный потенциал, его материальная манифестация предусматривает наличие социального адресата, в то время, как отдельное устное высказывание, не задокументированное письменно, «существует» до тех пор, пока оно воспринимается конкретным реципиентом. Его бытие ограничено во временном плане. Письменный текст, напротив, создан для того, чтобы функционировать в среде социального адресата, влиять на него, входить в его культурный и исторический «потенциал»; он отражает и документирует социально-закрепленные формы общения. Кроме того, письменное сообщение сравнительно с устным, имеет более высокий статус, характеризуется авторитетностью, престижностью и благодаря этому влияет на социальные процессы.

При определении адресата законодательного послания речь идет не только о социально-профессиональной группе, которая получает это послание, но и об определении официального адресата. Очень важным является то, адресуется ли сообщение одному адресату или многим.

Список литературы:

1. Боголюбов С. Язык правоприменительных актов // Советская юстиция. М.: 1973. – № 15. – С. 20-21.
2. Грязин И. Текст права: опыт методол. анализа конкурирующих. Таллин : Ээсти раамат, 1983. – 187 с.
3. Долинин К. А. Стилистика французского языка : учеб.пособие. Л.: Просвещение, 1978. – 342 с.
4. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебник. М.: Просвещение, 1983. – 222 с.
5. Морен М. К. Стилистика современного французского языка. М.: Высш. шк., 1970. – 262 с.
6. Наер В. Л. Прагматика научных текстов: вербальный и невербальный аспекты // Функциональные стили: лингвометодические аспекты. М.: 1986. – С. 14-25.
7. Пиголкин А. С. Основные особенности языка законодательства как особого стиля литературной речи // Ученые записки ВНИИ советского законодательства. – Вып. 26. М., 1972. – С. 3-31.
8. Телешев А. А. Лингвапрагматические особенности французского законодательного дискурса: дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / А. А. Телешев. Н. Новгород, 2004. – 178 с.
9. Чередниченко А. И. Теория и практика перевода: французский язык. Киев: Лыбидь, 1991. – 304 с.
10. Швырков Л. Л. Морфолого-синтаксические особенности законодательных документов : на материале исп. яз. : автореф. дис. … канд. филол. наук : 10.02.05 / Л. Л. Швырков. М.: 1973. – 23 с.
11. Cornu G. Linguistique juridique . Paris : Montchrestien, 2000. – 443 p.
12. Snow V. G. Le style législatif : question de droit ou de langue. Paris, Etudes juridiques,1999. – P. 89-93.

КОНЦЕПТ *КРАСОТА* В КОММЕРЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ САЛОНОВ КРАСОТЫ И ПАРИКМАХЕРСКИХ Г. ОМСКА)

Глушкова Татьяна Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент Омского Государственного Университета им. Ф.М.Достоевского, Омск

"BEAUTY" CONCEPT IN COMMERCIAL NOMINATION (OMSK BEAUTY SHOP AND HAIRDRESSER' AS EXAMPLES)

Glushkova Tatyana Sergeevna, PhD in Philology, associate professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk

Статья посвящена изучению содержательных компонентов одного из ценностных концептов русской языковой картины мира – концепту КРАСОТА. Коммерческая языковая номинация представляет собой сферу, в которой когнитивные структуры – стереотипы, фреймы, концепты – «переплавляются в имена». Концепт КРАСОТА достаточно активно используется в названиях ряда объектов сферы обслуживания, имеющих непосредственное отношение к данному феномену. Целью исследования стало выявление тематических групп наименований «индустрии красоты», а также описание языковых репрезентаций и метафорических моделей концепта КРАСОТА.

Ключевые слова: языковая картина мира; концепт; красота; коммерческая номинация; метафора.

The article deals with study of substantial components of one of Russian language picture of the world value concepts - the concept of beauty. Commercial language nomination is a sphere where cognitive structures such as stereotypes, frames, concepts are melt into nominations (in figurative meaning). "Beauty" concept is widely used in nominations of consumers service objects which are directly to this phenomenon. The aim of study is to reveal the so called beauty industry thematic groups nominations and description of "beauty" concept language representations and metaphorical models.

Key words: language picture of the world; concept; beauty; commercial nomination; metaphor.

В пределах языковой картины мира существует ценностно-эстетическая картина мира, которая представлена совокупностью концептов, имеющих ценностную значимость для представителей лингвокультурного сообщества. Одним из таких ментальных оценочных образований является концепт КРАСОТА. В статье рассматривается один из аспектов данного концепта, связанный с оценкой внешнего вида человека. Цель исследования – описать когнитивные механизмы, лежащие в основе языковой номинации объектов, имеющих непосредственное отношение к феномену красоты. В качестве таких объектов были выбраны предприятия бытовой сферы, оказывающие парикмахерские и косметические услуги. Изучение концептов на материале различных источников позволяет наиболее полно отразить особенности структуры данных ментальных образований, расширить представления о культуре народа.

Материалом исследования послужили названия салонов красоты и парикмахерских города Омска, паремии, поэтические тексты.

По данным интернет-источников, на Омском рынке данный сегмент товаров и услуг представлен 494 предприятиями (http://sfo.spr.ru/omsk-i-omskiy-rayon/saloni-krasoti-parikmaherskie/). В целях систематизации анализируемого материала было необходимо классифицировать наименования объектов. На данном этапе исследования классификация названий салонов красоты и парикмахерских была осуществлена по тематическому признаку. Тематические группы современных коммерческих названий широко представлены в работе М.Е. Новичихиной «Коммерческая номинация» [7, с. 62-79]. Наиболее многочисленную группу наименований парикмахерских и салонов красоты представляют собственные имена, как правило, женские: *«Алиса», «Вероника», «Елена», «Ольга», «Надежда», «Валентина», «Мария», «Светлана», «Анна», «Ксения», «Лара», «София», «Натали», «Диана», «Виктория», «Катерина», «Варвара»* и др. Фигурируют «исторические» и мифологические имена: *«Клеопатра», «Нефертити», «Ника», «Нимфа», «Афина», «Фотиния», «Медея».* Среди названий-имен определенную долю составляют собственно иностранные имена: *«Джулия», «Лори», «Николь», «Барбара», «Розалия», «Стефани», «Вивьен», «Амели», «Ирэн, «Кэтрин».* Следующая группа – это названия цветов, деревьев: *«Ивушка», «Магнолия», «Нарцисс», «Ирис», «Белая лилия», «Эдельвейс», «Орхидея», «Сакура», «Арника»* и др. Отдельную группу наименований составили музыкальные термины: *«Соната», «Рапсодия», «Танго», «Дуэт»* и др. Незначительная доля названий связана с астрологической тематикой: *«Космос», «Меркурий», «Гелиус»* – и минералогией: *«Сардоникс», «Агат».* Следующая группа включает названия состояний, чувств, ощущений, отношений к чему-либо: *«Успех», «Хорошее настроение», «Фантазия», «Гармония», «Три желания», «Стимул», «Каприз», «Кураж», «Флирт», «Триумф», «Магия», «Импульс»* и др. Оценочные характеристики нашли отражение в таких названиях, как: *«Королева», «Чаровница», «Очарование», «Шарм», «Прелесть», «Элегант», «Гламур», «Классик», «Де-люкс», «Рай», «Эпатаж», «Престиж», «Совершенство», «Идеал», «Эксклюзив».* Адресация и ориентированность на покупателя, клиента, ставшие особенностью современной коммерческой номинации [7, с. 76], проявляются в названиях: *«Ваш успех», «Для Вас», «Только ты», «Я и ты», «Твой секрет».* Достаточно широко в номинации объектов сферы обслуживания представлены географические названия: *«Египет», «Ниагара», «Майами», «Версаль», «Лазурный берег», «Аризона», «Чили».* Названия внешних особенностей человека, а также предметов, непосредственно связанных с видами услуг, предоставляемых салонами красоты и парикмахерскими, актуализируются в номинациях: *«Универсал», «Шпилька», «Бигуди», «Косички», «Коготок», «Локон», «Мир причесок», «Стиль», «Карэ», «Веселая расческа», «Коса-краса», «Чик-чик», «Зазеркалье», «Имидж», «Визаж», «Марафет», «Новый образ», «Незнакомка», «Преображение»,*

«Перемена». В отдельную группу можно выделить наименования, в состав которых входит ключевая лексема «красота»: *«Аура красоты», «Магия красоты», «Фабрика красоты», «Эталон красоты», «Линия красоты», «Круиз красоты»*.

Итак, выявив лишь некоторые тематические группы наименований салонов красоты и парикмахерских, представленных на потребительском рынке города Омска, можно констатировать, что типичные способы формирования названий, характерные для русской коммерческой номинации конца XX – начала XXI века, активно используются в нейминге объектов «индустрии красоты».

Изучение номинативных процессов осуществляется в рамках ряда лингвистических и смежных с языкознанием дисциплин. Для данного исследования наибольший интерес представляет когнитивный аспект номинации. Коммерческая номинации, будучи вторичным типом именования, основана на определенном ассоциативном и когнитивном опыте коммуникантов и зависит от функциональных интенций языковой единицы, выступающей в роли коммерческого названия.

Рассмотрим группу названий, связанных с «растительной» тематикой. Как свидетельствует анализ материала, в сознании носителей языка достаточно устойчивыми являются фитоморфные метафоры (см., например, загадки: *Стоит дуб, на дубу клуб, на клубе семь дыр (человек)* [3, с. 250], *Все капралы поскидали кафтаны, один капрал не скинул кафтан (сосна)*, *Матушкой весной в цветном платьице, мачехой зимой в одном саване (черемуха)*, *Стоит (или: сидит) старик над водою, сам трясет бородою (камыш, тростник)*, *Мальчик с пальчик, балахон бел, шапка красна (гриб)* [4, с. 366], *Сидит девица в темной темнице, коса на улице (морковь)*, *Сидит баба на грядках, вся в заплатках, кто ни взглянет, тот заплачет (лук)* [4, с. 367]). Как отмечает А.П. Чудинов, фитонимная метафоризация естественна для русской языковой ментальности [18].

Можно предположить, что отождествление человека с объектами растительного мира базируется на одной из мифологем – мифологеме Мирового дерева, репрезентирующего вертикальную модель мира и являющегося фундаментальным культурным символом упорядоченности мироздания. Применительно к жизни человека Древо жизни является проекцией мира семьи, символом неувядающей жизни и преемственности поколений. В свадебном фольклоре образ Мирового дерева воплощал плодородие живой природы. В русских свадебных песнях распространены образы райского сада, яблони-невесты, яблок, винограда и других плодов – метафор невесты и жениха. В основе многих поверий и обрядов лежат представления о тесной связи между человеком и Деревом, о соотнесенности их судеб и жизненных этапов: *Стоит дерево, на дереве птица цветы хватает, в корыто бросает, корыта не наполняет и цветов не умаляет (век, смерть и род человеческий)* [3, с. 252]. Дерево, как и растение вообще, соотносится с человеком по внешним признакам: ствол соответствует туловищу, ветки – рукам или детям, сок – крови [8].

В паремиологических контекстах широко представлены сравнения особенностей внешности человека с различными видами растений: *Ровна (Пряма), как талька, как веретенце, как* ***сосенка***, *Выросла, как* ***тополька*** [3, с. 242], *Рожа красная, хоть онучи суши. Рожа –* ***клюковка***, *глаза –* ***луковки***, *Во рту* ***калина***, *а вносу* ***малина*** [3, с. 243], ***Редьку*** *садит (приседает на ходу)* [3, с. 247], *Уши – как папуши, а глаза – как* ***бураки*** [3, с. 249], *За* ***белыми березами*** *тарара живет (язык)* [3, с. 251], *Красна, как* ***маков цвет***. *Кругла, бела, как мытая* ***репка*** [3, с. 244], *Расцветает, что* ***маков цвет***. *Кровь с молоком* [3, с. 280]. В поэтических текстах часты сравнения женской красоты с красотой цветов, например, в стихах персидских и таджикских поэтов: *«Ее уста, как лепестки росой омытых* ***роз*** *…»* [15], *«…Заметит* ***кипарис*** *или платан – Подруги вспоминает стройный стан. В саду плывет* ***цветов*** *благоуханье – Он слышит в нем возлюбленной дыханье. … Он томные глаза припоминает, Когда к* ***нарциссу*** *голову склоняет. Когда* ***фиалки*** *видит нежный лик, – Как милую, ласкает он* ***цветник****»*, *«Вот из глаз твоих две слезинки заблестели на* ***розах*** *щек, Будто брызги дождя упали на* ***тюльпановый лепесток****»* [5], *«…Раз в году блистают* ***розы***, ***расцветают*** *раз в году, Для меня твой лик прекрасный вечно* ***розами*** *цветет. Только раз в году срываю я* ***фиалки*** *в* ***цветнике****, А твои лаская кудри, потерял* ***фиалкам*** *счет. Только раз в году* ***нарциссы*** *украшают грудь земли, А твоих очей* ***нарциссы расцветают*** *круглый год»* [12]. Создавая женские образы, русские поэты также активно использовали данный вид тропа: *«Она предстала мне на миг во всей красе, Вся дрожью легкою объята и пугливой. Так пышут холодом на утренней росе Упругие листы у* ***лилии*** *стыдливой»* [16], *«…И очи синие бездонные* ***Цветут*** *на дальнем берегу»* [1], *«…Вы были дивное дитя. Вы* ***расцвели*** *– с благоговеньем Вам ныне поклоняюсь я»* [9], *«…Мне мил и* ***виноград*** *на лозах, В кистях созревший под горой, Краса моей долины злачной, Отрада осени златой, Продолговатый и прозрачный, Как персты девы молодой»* [10], *«…Что ваши алые уста, Как гармоническая* ***роза****...»* [11], *«Вчера – уж солнце рдело низко – Средь* ***георгин*** *я шел твоих, и как живая одалиска Стояла каждая из них. Как много пылких или томных, с наклоном бархатных ресниц, Веселых, грустных и нескромных Отвсюду улыбалось лиц!»* [17]. Последний пример иллюстрирует олицетворение – троп, основанный на категориальном сдвиге: неодушевленный или абстрактный предмет переносится в категорию одушевленных.

По данным Русского ассоциативного словаря, понятие красоты в сознании носителей русского языка имеет устойчивую связь с представлениями о «спасении мира», «девушках», «женщинах», «искусстве», «природе», «цветах» [13, с. 275, 274; 14, с. 363].

В основе использования названий цветов и деревьев в качестве наименований предприятий сферы обслуживания лежит механизм уподобления, который, в свою очередь, может реализовываться в сравнении или метафоре. Так как данный вид услуг имеет ярко выраженную гендерную специфику, в качестве объектов, между которыми устанавливается сходство, будут выступать женская красота (образ женщины) и красота растения (образ растения). Вслед за А. Вежбицкой, применяя способы моделирования семантических отношений между сравнением и метафорой [2, с. 143], попытаемся представить глубинные структуры данных языковых явлений в виде следующих формул: для сравнения – *«можно сказать, что ее красота могла бы быть красотой, например, орхидеи или*

ириса», или *«можно сказать, что ее красота похожа на красоту, например, белой лилии»*, или *«она похожа на ивушку»*; для метафоры – *«можно сказать, что это не женщина, а, например, орхидея, или сакура»* или *«можно сказать, что это не красота женщины, а, например, красота нарцисса»*. Номинации, представляющие собой названия цветов, являются языковыми экспликациями процессов поиска сходства и метафоризации. В семантике данных наименований закреплена положительная эстетическая оценка субъектов и объектов действительности. Как отмечает Ю.В.Мещерякова, «применительно к эстетической оценке в качестве эталона сравнения выступает идеал красоты» [6, с. 88]. Итак, в структуре изучаемого концепта можно выделить слой, метафорически связывающий представления о внешней красоте человека и красоте растительного мира. Изучение тематических групп названий объектов «индустрии красоты» позволит уточнить модель реконструируемого концепта КРАСОТА.

Таким образом, описание способов языковой репрезентации концепта КРАСОТА в различных контекстах углубляет знания о его специфике.

Список литературы:

1. Блок А. Незнакомка. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.stihi-rus.ru/1/Blok/90.htm (дата обращения:04.08.2014).
2. Вежбицкая А. Сравнение – градация – метафора // Теория метафоры: Сборник: Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. — М.: Прогресс, 1990. – С. 133-151.
3. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т 1. М.: Худож. лит., 1984. – 383 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа: Сборник. В 2-х т. Т 2. М.: Худож. лит., 1984. – 399 с.
5. Джами Абдуррахман. Золотая цепь. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.wisdomcode.info/ru/poetry/authors/54539.html (дата обращения: 04.08.2014).
6. Мещерякова Ю.В. Красота // Антология концептов / под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. С. 88-102.
7. Новичихина М.Е. коммерческая номинация: Монография / М.Е. Новичихина; Воронеж. обл. ин-т повыш. квалиф. работн. образ. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2003. – 192 с.
8. Образ мирового древа в славянском фольклоре. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.crosskpk.ru/IMS/files/7/%CD%E0%F0%EE%E4%ED%EE%E5%20%F2%E2%EE%F0%F7%E5%F1%F2%E2%EE.files/page0079.htm (дата обращения: 21.07.2014).
9. Пушкин А.С. В Альбом княжны А.Д. Абамалек. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://poem4you.ru/classic/pushkin/v-albom-knyajnyi-a-d-abamalek.html (дата обращения: 04.08.2014).
10. Пушкин А.С. Виноград. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.rvb.ru/pushkin/01text/01versus/0423_36/1824/0350.htm (дата обращения: 04.08.2014).
11. Пушкин А.С. Е.Н. Ушаковой (Вы избалованы природой …). [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://ruspoeti.ru/aut/pushkin/1957/ (дата обращения: 04.08.2014).
12. Рудаки. Только раз бывает праздник, раз в году его черед … [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http:// lit.tj/rudaki/once/php (дата обращения: 04.08.2014).
13. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. I. От стимула к реакции: Ок 700 стимулов / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасова. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 784 с.
14. Русский ассоциативный словарь. В 2 т. Т. II. От реакции к стимулу: Более 100 000 реакций / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасова. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 992 с.
15. Унсури Абулькасим. Ее уста, как лепестки …[электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://amalgrad.ru/viewtopic?id=130 (дата обращения: 04.08.2014).
16. Фет А. Купальщица. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.stihi-rus.ru/1/Fet/60.htm (дата обращения: 04.08.2014).
17. Фет А. Георгины. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: ruspoeti.ru/aut/fet/14192/ (дата обращения: 04.08.2014).
18. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000). Екатеринбург, 2001 – 238 с. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://www.philology.ru/linguistics2/chudinov-01.htm#420 (дата обращения: 22.07.2014).

ДЕТСКИЕ И ПОДРОСТКОВЫЕ ПРОЗВИЩА И ОБРАЩЕНИЯ, ОСНОВАННЫЕ НА ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИМЕН ПЕРСОНАЖЕЙ КОМИКСОВ, МУЛЬТФИЛЬМОВ, ТЕЛЕПРОГРАММ ИЛИ МОТИВИРОВАННЫЕ СХОДСТВОМ С ИГРУШКАМИ

Горшунов Юрий Владимирович

Д.ф.н., профессор Башкирского государственного университета (Бирский филиал)

Горшунова Елизавета Юрьевна

К.ф.н., старший преподаватель Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации (Москва)

TEENAGE NICKNAMES AND FORMS OF ADDRESS BASED ON CHARACTERS FROM COMICS, CARTOONS, TELEVISION PROGRAMMES OR BASED ON LIKENESS WITH TOYS

Gorshunov Yury, Doctor of Philology, professor of Bashkir State University at Birsk
Gorshunova Elizaveta, Candidate of Science, lecturer of Russian Academy of National Economy and State Service under the President of the Russian Federation, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены детские и подростковые прозвища, созданные на основе имен персонажей комиксов, популярных телепрограмм и игрушек, известных широким массам англоговорящего сообщества. Их создание мотивировано культурной аналогией, когда сочетаются внутренняя и внешняя мотивации. Прозвища, основанные на использовании имен литературных персонажей, персонажей поп- и масс-культуры, представляют интерес с культурологических позиций. Рассмотренные в статье прозвища и формы обращения указывают на внешность, физические особенности, недостатки номинируемого, особенности поведения и черты характера.

ABSTRACT

The article deals with the description of some teenage nicknames based on the use of the names of characters from cartoons, comic strips, television programmes and on the likeness with popular toys. Their creation is motivated by cultural analogy which makes them of interest to culture experts. The nicknames described refer to physical appearance, mental and behavioral features of the person named.

Ключевые слова: формы обращения, прозвища
Keywords: forms of address, nicknames

В фокусе нашего внимания находится система личных имен и их экспрессивные производные, рассматриваемые как часть широкой системы форм обращения. Наряду с именами, которые, несомненно, занимают в системе форм обращений главенствующие позиции, их комбинациями с фамилиями, фамилиями с титулами, наряду с титулами как таковыми, система форм обращений включает также прозвища, клички, инвективы и др. Последние члены системы форм обращения – прозвища и клички – составляют предмет описания данной статьи, развивающей проблемы, затронутые, отчасти, в наших ранних работах [2], [3].

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова прозвище определяется как «название, данное человеку по какой-нибудь характерной черте, свойству» [4, с. 542]. Понятие «кличка» в названном словаре толкуется двояко: как «имя домашнего животного» и как «прозвище» (шутливое, конспиративное и т.п.) [4, с. 247]. «Большой толковый словарь русского языка» сходным образом определяет прозвище как «название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-нибудь заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица» [1, с. 834]. Понятие «кличка» поясняется, как и в словаре Ожегова, как «название, имя, даваемое домашнему животному» и как «прозвище, прозвание, которое дают какому-либо человеку в шутку, насмешку» [1, с 347.]. Таким образом, понятия «прозвище» и «кличка» выступают как пересекающиеся и взаимозаменяемые понятия (по отношению к человеку). Мы отдаем предпочтение термину «прозвище» как названию, которое дается человеку помимо его (официального) имени и которое содержит в себе указание на какую-либо заметную черту характера, внешности, деятельности, характерное свойство данного лица.

Прозвища позволяют человеку выразить как свое негативное, так и позитивное отношение к его носителю: насмешку, неуважение, неодобрение, презрение, ненависть, но и, в то же время, одобрение, уважение, восхищение, похвалу и т.д.

Прозвища могут быть формально мотивированными, когда они возникают на базе имени или фамилии. Формально мотивированы, например, прозвища преподавателей и наставников в речи учащихся подготовительной школы - прозвище директора школы *the Shot* ← *Dr Oakshott* и заведующего пансионом *the Frob* ← *Mr Frobisher* в романе Дж. Арчера “Only Time Will Tell”, образованные сокращением фамилий:

- ‘Do you recall our first day at St Bede’s?’ said Harry, when we all sat in the front row, quite terrified of *Dr Oakshott*?’
- ‘I was never terrified of *the Shot*,’ said Giles. [7, с. 333].
- Deakins nodded thoughtfully. ‘Perhaps you should tell *the Frob*?’ [7, с. 70].

Гораздо чаще, однако, создаются семантически мотивированные прозвища, которые указывают на внешность и физические особенности или недостатки номинируемого, поведение и черты характера, какие-то события из жизни, происхождение и место проживания и проч. [6].

В данной статье мы рассмотрим детские и подростковые прозвища, созданные на основе имен персонажей комиксов, популярных телепрограмм и игрушек. Их создание мотивировано культурной аналогией, когда сочетаются внутренняя и внешняя мотивации, например, когда дети называют сверстника ‘*Mr Potato-head*’ – «Мистер Картофельная голова», потому что он внешне похож на пластиковую игрушку. Это типичное прозвище, высмеивающее внешность подростка. Прозвищем ‘*Mr Potato-head*’ дети (и взрослые) могут охарактеризовать человека с грубыми чертами лица, некрасивого (а также неумного). Характеризация основана на американской игрушке, которая представляет собой пластиковую картофелину с множеством прилагаемых аксессуаров, которые могут прикрепляться к «туловищу» в произвольном порядке. В классический комплект Мистера Картофеля всегда входят глаза, уши, руки, ботинки, кепка, зубы, язык и усы, которые могут также превращаться в брови. Интересно, что вначале игрушка состояла из отдельных пластмассовых частей с острыми наконечниками, которые можно было вставлять в обычную картофелину или другие овощи. Однако, руководствуясь соображениями безопасности, компания-производитель была вынуждена отказаться от этой

идеи и включить в игровой комплект и саму «картофелину». Эта занимательная игрушка была особенно популярна в 1970-е годы. Можно предположить, что популярность прозвища совпала с пиком популярности игрушки.

По отношению к слабому, презираемому и неудачливому сверстнику или сверстнице могут употребить (не всегда сочувственно) определение *womble*, которое основано на использовании обозначения кукольных персонажей, созданных в 1968 году писательницей Элизабет Бересфорд (Elizabeth Beresford), а затем ставшими персонажами телевизионных шоу: 'She hangs with wombles' [Recorded, schoolgirl, London 1986. Цит. по: 5, с. 568]. Вообще-то wombles - пушистые остроносые существа, которые живут в норах и утилизируют мусор. Их отличительной чертой является честность. Но приведенный иллюстративный пример отражает негативное и неодобрительное отношение школьницы к сверстникам, названным wombles.

Примерно с теми же интенциями и в сходных ситуациях подростки используют слова-характеристики *gonk* и *muppet.* Прототипом первого прозвища (*gonk*) послужила яйцеобразная пушистая игрушка с выпученными глазами, маленькими руками и ногами, которая была популярна в 1960-х годах. По отношению к некрасивому, неприятному и недалекому (отсталому в развитии) сверстнику применимо обозначение *muppet*. Куклы-маппеты были основными действующими лицами «Маппет-шоу» (англ. *The Muppet Show*) - англо-американской телевизионной юмористической программы, созданной Джимом Хенсоном и выходившей в 1976 - 1981 годах. Лягушонок Кермит, Мисс Пигги, Медвежонок Фоззи были, пожалуй, самыми популярными и любимыми куклами. Если же в придачу подросток не популярен, не принят в общество, в ход может пойти прозвище *mutant*, лишенное сочувствия.

Мягкой формой оскорбления, употребляемой в шутливых или дружественных контекстах, выступает *wilf* в значении *a fool*, воспринимаемая как сокращенная форма имени *Wilfred*, которое считается комичным. 'Come on, don't be such a wilf!' [6, с. 563]. Употребление *wilf* в детской среде может быть связано с популярностью карикатурного персонажа по имени *Wilfred* в детских комиксах The Bash Street Kids в журнале Beano. Уилфрид – тихий и незаметный мальчик, самый маленький по росту в компании друзей, однако его проделки не случайны, а целенаправленны.

Рассмотренные в статье прозвища и формы обращения указывают на внешность («наружность»), физические особенности или недостатки номинируемого, поведение и черты характера. Признаки, на основе которых можно составить классификацию прозвищ, включают, помимо отмеченных, такие основания, как фамилии и личные имена, речевая характеристика (употребление любимых слов), разные случаи или события из жизни; род деятельности. Есть прозвища, которые переходят по наследству, семейные прозвища. Одно и то же прозвище может служить проявлением симпатии и быть средством оскорбления.

Список литературы

1. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2008. - 1268 с.
2. Горшунов Ю.В. Прагматика некоторых формул речевого этикета (обращения, приветствия, формулы привлечения внимания) // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и др. аспекты исследования единиц разных уровней. Актуальные проблемы лингводидактики. Бирск, 2003. - С. 50-68.
3. Горшунов Ю.В. Англоязычные личные имена в системе форм обращения // Структурно-семантические, когнитивные, прагматические и другие аспекты исследования единиц разных уровней. Актуальные проблемы лингводидактики. Бирск, 2007. - С. 31-38.
4. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2000. - 940 с.
5. Торн Т. Словарь современного слэнга / Thorne, T. Dictionary of Modern Slang. М.: Вече, Персей, 1996. – 592 с.
6. Шпар Т.В. Прозвища подростков в немецком языке // Проблемы многоязычия в полиэтническом пространстве: мат. Межд. науч.-практ. конф., посв. 75-летию фак-та ром.-герм. филол. Башк. гос. ун-та. Ч. II. / отв. ред. Р.З. Мурясов. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. – С. 80-88.
7. Only Time Will Tell (The Clifton Chronicles. Volume one) by Jeffrey Archer. Pan Books, 2011.

ВЛИЯНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ НА СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ ИНДОНЕЗИСКОГО ЯЗЫКА

Гусева Юлия Павловна

Аспирант, Российский университет дружбы народов, г. Москва

INFLUENCE OF THE FOREIGN LANGUAGES ON THE VOCABULARY OF INDONESIAN LANGUAGE.

Yulia Guseva, Post graduate student, Peoples' friendship university of Russia, Moscow

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию проблемы влияния различных языков на словарный состав индонезийского языка.

ABSTRACT

This article considers the problem of the influence of different foreign languages on vocabulary of Indonesian language.

Ключевые слова: иностранные языки; словарный состав индонезийского языка; заимствования.

Keywords: foreign languages; vocabulary of Indonesian language; borrowings.

Официальный язык страны - Bahasa Indonesia, что в переводе означает “индонезийский язык”. Само слово *bahasa (язык)* пришло из санскрита. Индонезийский язык - это, по сути, кодифицированный и признанный официальным вариант малайского языка. Этот язык был разработан по образцу эсперанто: простой, с малым количеством исключений. Этот язык, с одной стороны, близкий со всеми языками на территории Индонезии, и, с другой стороны, не принадлежащий ни к какой-либо конкретной группе, считается “нейтральным” для всех языков на территории Индонезии. Само понятие “индонезийский язык” было придумано молодыми националистами после обретения независимости для отделения от малайского языка, на котором говорило большинство жителей Джакарты, ставшей столицей новой нации, предположительно в начале XX столетия. Так как индонезийский язык не связан с какой-либо конкретной этнической группой, то это лингвистическое явление послужило символом национального единства. При большом языковом разнообразии в стране, официальный индонезийский язык позволил преодолеть барьеры непонимания между различными этническими группами на территории всего архипелага.

Что касается вклада иностранцев в развитие индонезийского языка - то это можно проследить по многочисленным контактам жителей архипелага с внешним миром.

Исследования этимологии заимствованных слов в индонезийском языке отражают его исторический и социальный контекст. Примерами являются ранние заимствования из санскрита, вероятно, в период Шривиджая (200 – 1400 г.г. н.э.), заимствования из арабского и персидского языков во время установления ислама на архипелаге (XIII – XV вв.), а также из голландского в колониальный период (XVI – XX вв.). История языка и культуры тесно связаны между собой.

Влияние раннего индуизма и буддизма из Индии явилось причиной для появления многих слов из санскрита (пришедших, в особенности через яванский язык). Индийские торговцы, возможно, также привезли на Индонезийский архипелаг слова из родственных санскриту тамильских языков.

Хотя индуизм и буддизм более не являются преобладающими религиями в Индонезии, санскрит, являющийся языком этих религий, по-прежнему остается в почете и сопоставим со статусом латыни в английском и других западноевропейских языках. Санскрит - это также и основной источник неологизмов в индонезийском языке. Например, город Джаяпура (индон. *Jayapura*), с 1910 по 1962 гг. носивший название Голландия (индон. *Hollandia*) и горы Джаявиджая (индон. *Pegunungan Jayawijaya*), ранее Оранжевые горы (индон. *Pegunungan Orange*), в 60-е годы были переименованы с целью замены голландских имен. Также санскрит можно встретить в названиях современных наград: *Bintang Mahaputera, Kalpataru penghargaan, Adipura penghargaan.*

Заимствования из санскрита можно встретить в сферах религии, искусства и в повседневной жизни. Влияние санскрита началось еще задолго до нашей эры. Слова заимствовались либо непосредственно из санскрита, либо через яванский язык. В старом, классическом яванском языке количество слов из санскрита гораздо больше. Так, например, старояванско-английский словарь Зутмульдера (The Old Javanese — English dictionary by prof. P.J. Zoetmulder, S.J. (1982)) содержит не менее 25 500 статей, около половины из которых — заимствования из санскрита. В отличие от других языков, заимствования из санскрита вошли в базовый словарь индонезийского языка до такой степени, что для многих они более не воспринимаются как иностранные [4].

Влияние мусульманского мира, которое также пришло через арабских и персидских торговцев несколько веков назад, привело к сильному влиянию на местный язык арабского и персидского языков.

Заимствования из арабского, в основном, коснулись сферы религии, в частности ислама. Сюда входят: *dunia* (دنيا dun-ya = мир), *kabar* (خبر = новости), *selamat/ salam* (سلام salam = приветствие), *senin* (الإثنين al-Itnain = понедельник), *selasa* (الثلاثاء at-Tulata = вторник), *jumat* (الجمعة al-Jum'at =пятница), *hadiah* (هدية hadiyyah = дар, подарок), *mungkin* (ممكين *mumkin* = возможно), *maklum* (معلوم ma'lum = понятно), *kitab* (كتاب kitab = книга), *kamus* (قاموس qamus = словарь).

Слово *Allah* обозначает “Бог” даже в переводе христианской Библии. Многие переводчики Библии, столкнувшись с какими-либо необычными словами именами собственными на иврите, использовали родственные арабские слова. Теперь они обращаются к греческим именам или используют оригинальные еврейские слова. Например, Имя Иисус ранее было переведено как *'Isa,* но сейчас пишется как *Yesus*. Псалмы раньше называли арабским словом *Zabur*, но сейчас используют еврейское *Mazmur*.

Еще с древних времен у народов архипелага развивалась торговля с китайцами. Вместе с торговлей также шел процесс иммиграции, в результате чего в Индонезии появляются языки из Китая, особенно фуцзяньский диалект.

Китайские заимствования, как правило, связаны с кухней, торговлей или предметами и понятиями исключительно из китайской культуры. По данным переписи 2000 года, относительное число лиц китайского происхождения в Индонезии почти 1% [7]. Слова китайского происхождения включают: *pisau* (匕首 bǐshǒu – нож), *mie* (麵> 面 фуцзяньский диалект mī – лапша), *lumpia* (潤餅 (фуцзяньский диалект = lūn-piáⁿ) – рисовая бумага), *teko* (茶壺> 茶壺 = cháhú (мандаринский диалект), teh-ko (фуцзяньский диалект) = чашка), и даже широко распространенные в разговорной речи *gua* и *lu* (фуцзяньский диалект 'goa' 我 и 'lu/li' 你 – я, ты).

Торговля с Португалией, а затем колонизация в XVI веке были первыми контактами индонезийцев с европейской культурой. Последствия этого ощущаются в языке и по сей день, пусть это влияние длилось сравнительно недолго.

Наряду с малайским, португальский язык считался lingua franca для торговли по всему архипелагу с XVI до XIX века. Португальцы были одними из первых мореплавателей с Запада, достигших "Островов Пряностей" (так ранее называли Молуккские острова, на которых производили пряности, в частности, мускатный орех). Заимствования из португальского, в основном, были связаны с товарами, которые европейские торговцы и исследователи привозили в Юго-Восточную Азию. Заимствования из португальского включают: *sabun* (sabão = мыло), *meja* (mesa = стол), *boneka* (boneca = кукла), *jendela* (janela =

окно), *gereja* (igreja = церковь), *bola* (bola = мяч), *bendera* (bandeira = флаг), *roda* (roda = колесо), *gagu* (gago = заика), *sepatu* (sapato = ботинки), *kereta* (carreta = карета), *bangku* (banco = стул), *keju* (queijo = сыр), *garpu* (garfo = вилка), *terigu* (trigo = мука), *mentega* (manteiga = масло), *Minggu* (*domingo* = воскресенье).

Эпоха голландской колонизации и правления на территории Индонезии длилась с XVII века по XX век. Этот период характеризуется обширными изменениями в словарном запасе индонезийцев. Голландские лингвисты изучили и сформулировали основные правила официального индонезийского языка. Также голландцы повлияли и на структуру языка. Некоторые заимствования активно используются и по сей день.

Бывшая колониальная держава, Голландия, оставила после себя внушительный словарь, который можно увидеть в таких словах, как *polisi* (politie = полиция), *kualitas* (kwaliteit = качество), *wortel* (wortel = морковь), *kamar* (kamer = комната), *rokok* (roken = сигареты), *korupsi* (corruptie = коррупция), *persneling* (versnelling = механизм), *kantor* (kantoor = офис), *resleting* (ritssluiting = застежка-молния), *kelas* (klas = класс), *gratis* (gratis = бесплатно). Эти голландские заимствования, а также заимствования из других языков не Итало-романской подгруппы, пришедшие через голландцев, охватывают все аспекты жизни индонезийцев.

Из английского.

Обогащенный сначала голландским, а затем английским, современный индонезийский язык содержит поразительное количество международных слов - многие из них с латинскими корнями. Это, в особенности, относится к области политики, технологий, экономики и индустрии развлечений. Во многих случаях орфография почти сразу адаптируется к индонезийской: *publik - public, alersi/alergi - allergy, kontrak - contract, nasional - national, internasional - international, global, lokal - local*.

Из всех заимствований, самый легкий процесс адаптации претерпели слова, оканчивающиеся на *-ion*. Не только потому что значение слов, в основном, остается неизменным, но и потому что при адаптации они изменяются всегда по одной и той же простой схеме. Таким образом, мы имеем: *promosi, aksi, atraksi, tradisi, evaluasi, ambisi, profesi, diskusi, konsepsi, emisi, transmisi, oposisi, globalisasi, informasi*. Однако, индонезийское -si можно наблюдать и в других английских заимствованиях, никак не перекликающихся с английскими словами на *-ion*, которые обозначают абстрактные понятия: *akademisi (an academic), teknisi (a technician).*

Процесс глобализации и возникновение новых концепций и феноменов сильно повлияли на появление ряда новых слов в сфере политики. Сам термин *politik* произошел от английского *politics*, так же, как и *politikus (politician)*. Почти без изменений в индонезийский перешли и слова на *-isme*: *komunisme, terorisme, kapitalisme, konsumerisme, kolonialisme*, однако их количество не так велико.

В деловой сфере также появилось много английских слов. Без изменений перешли: *proposal, seminar, modal, media, status, bank*; некоторые слова изменили свое написание в соответствии с орфографией и фонетикой индонезийского языка: *proyek/proyeksi/proyektor, perspektif, arsitek, kartu kredit, kreditor, bisnis, taktik,konsultan, direktur, komersial, karir, fasilitas, infrastruktur, investor/investasi, risiko (risk)*. Этот процесс протекает очень динамично - новые слова появляются постоянно.

Сегодня наибольшее влияние на индонезийский язык оказывает английский. Индонезийские СМИ используют англоязычные источники, тем самым заполоняя родной язык иностранными конструкциями и словами.

За всю историю малайского языка, слова европейского (голландский, английский, португальский и испанский) и арабского происхождения представляли лишь около 5% от общего объема слов; а, например, из санскрита - почти 2%. Все остальные были из местных наречий. [5] Тем не менее, сегодня наибольшее влияние на индонезийский язык оказывает английский. Индонезийские СМИ используют англоязычные источники, тем самым загрязняя родной язык иностранными конструкциями и словами.

Сложность языковой политики Индонезии заключается в том, что приходится иметь дело с мультикультурным и мультиязычным сообществом. Английский язык с его мировым статусом и ролью в функционировании государства, в особенности в сфере образования, в Индонезии занимает место в третьей из трех основных группах языков: собственно индонезийский язык, местные наречия и иностранные языки.

В последнюю группу входят английский, голландский, арабский, немецкий, французский, японский и китайский (мандаринское наречие). Арабский язык распространен уже давно, но исключительно в религиозной сфере, используемый для чтения Корана и молитв (*sholat*). Голландский язык, как язык бывшего колонизатора, изучается с целью последующего обучения за рубежом, а также для бизнесменов, так как до сих пор сохранились множественные связи с Голландией, однако постепенно теряет свою популярность, уступая японскому и китайскому языкам. Китайский язык и культура в 60-е годы XX века были вне закона, но сегодня интерес к нему растет с большой скоростью, движимый возрастающим влиянием экономики Китая, а также ростом торговых и деловых отношений между двумя странами, культурными и этническими связями среди выходцев из Китая в Индонезии и богатством китайских исторических, культурных и литературных традиций. Сегодня в Индонезии китайский язык считается языком бизнеса.

Существует множество способов группировки иностранных языков, например, в какой области тот или иной язык используется в первую очередь, будь то сферой повседневного общения, образования, политики или масс медиа. Английский язык занимает особый статус среди иностранных языков. Он был избран как средство международной коммуникации непосредственно после обретения Индонезией независимости, и на данный момент является единственным иностранным языком, обязательным для изучения в школе. Остальные языки (французский, китайский или японский) изучаются факультативно.

Список литературы.

1. Дорофеева Т. В. История письменного малайского языка (VII — начала XX веков). М.: Гуманитарий, 2001.
2. Кондрашкина Е. А. Индонезия. Языковая ситуация и языковая политика. М., 1986;

3. Михеева Н.Ф., Фирсова Н.М., Чеснокова О.С., Эбзеева Ю.Н., Москвичева С.А., Гишкаева Л.Н., Минасян А.А. Типология языковых ситуаций в современном мире. М.: РУДН. 2013. 162 с.
4. Погадаев, В. А. «Культура Юго-Восточной Азии: активный обмен с внешним миром при сохранении традиционной цивилизационной общности» — в «Тихоокеанское обозрение 2006—2007». М.: Издательский дом «Ключ-С», 2007, 106—120.
5. Региональная и историческая адаптация культур в Юго-Восточной Азии. МИИ. Вып. II. М.: Моск. фил. Геогр. Общ-ва СССР, 1982. 127 с. Рец.: H. Steinhauer // BKI. 1983, d. 139. J. Samuel, 2005, c. 167
6. Ivana Amerl. English borrowings in Indonesian. MED Magazine №38, May 2006
7. The World Factbook. Электронный ресурс: https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/

КОММУНИКАТИВНАЯ АКСИОЛОГИЯ РУБЕЖА ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Халина Наталья Васильевна
докт.филол.наук, профессор Алтайского государственного университета, Барнаул

COMMUNICATIVE AXIOLOGY OF CENTURY'S BOUNDARY

Khalina Natalya, Doctor of Science, Full Professor of Altay State University, Barnaul

АННОТАЦИЯ

В статье представлена попытка осмысления основных направлений коммуникативных исследований прошлого и нынешнего столетий, которые сформировали модель современности сегодняшнего дня. Основную цель коммуникативных разработок, проводимых параллельно с исследованиями в области кибернетики, было формирование особой homo-формации коммуникативно компетентный говорящий в цифровом обществе.

Ключевые слова: коммуникология, этнография коммуникации, коммуникативистика, коммуникативно компетентный говорящий

ABSTRACT

The author attemptes to creat the conception which is connecting the main «communicative» trendes of last and modern centuries, which formed the model of the contemporary. The main aim of communicative research parallel to research in cybernetics was the formation of communicatively competent speaking – the specific form of social adopted subject for digital society.

Key words: communicology, ethnography of communication, communicative science, communicatively competent speaking

Приступая к разговору о коммуникативной аксиологии, мы исходим из того, что система ценностных приоритетов современного человечества определяется информационно-коммуникационными технологиями. Рассуждать о технологиях и ценностях в одном проблемном поле не принято, поскольку первые являются знаком нового информационного формата человечества и человека, вторые рассматриваются как признаки устаревающей, широко именуемой классической парадигмы, далекой от рынка, но не отрывающей человеческое «Я», человеческое достоинство от их носителя – языковой личности. Языковая личность, направляемая требованиями классической парадигмы была обременена множеством обязанностей, в число которых вменялось погружение в размышления о мироздании и его устройстве, связи телесного и духовного, добродетельного и порочного.

Начало нового тысячелетия в жизнедеятельности человека означает переход человечества в фазу развития «информационное общество». Французские авторы С. Нора и А. Минк [1] полагают, что информационное общество будет более полиморфно чем индустриальное. Одним из факторов полиморфизма определяется отношение разных групп к тенденции упрощения языка, обусловленной использований баз данных и электронно опосредованных коммуникаций. Компьютеризация, по мнению авторов, предлагая единый язык, способствует преодолению культурного неравенства. Хотя подобный упрощенный язык будет совершенствоваться и становится все более соответствующим для развитых диалогов, приемлемость этого кодифицированного языка будет зависеть от культурного уровня субъектов.

Кодифицированный язык общества электронно опосредованных коммуникаций возникает на пересечении двух парадигм, которые И. Рамоне определяет, как коммуникация и рынок, представляющие «собой две опоры, на которых зиждется система современного мира, в котором интенсивно развиваются лишь виды деятельности, имеющие четыре основные характеристики: *планетарная, постоянная, непосредственная и нематериальная*» [2, с.55]. Парадигма «коммуникация» (общение), по мнению ученого, постепенно стремится заменить функцию одной из главных парадигм последних веков – прогресса. Смена идеологии прогресса на идеологию общения (коммуникации) делает центральным моментом соперничество между властями и средствами массовой информации, соперничество между языком власти и языком масс-медиа.

Представитель американской критической социологии М. Постер утверждает, что необходимо исследовать конфигурации в структуре коммуникационного опыта для адекватного понимания социальных отношений в эпоху конвергенции вычислительной техники и техники средств связи [3]. М. Постер полагает, что расшифровке может быть подвергнуто лингвистическое измерение новейших форм социальных взаимодействий. Шагом на пути создания теории расшифровки является метод информации,

концепция которого оформляется при сосредоточении внимания на конфигурациях в языковом аспекте культуры, связанных с электронным письмом, базами данных, компьютерными сетями.

В работе «Второй век медиа» М. Постер делает заключение о том, что накануне двадцать первого века мы имеем две инновационные дискуссии об основных условий жизни: одна касается постмодерновой культуры и даже общества, другая – значительных, широких изменениях в коммуникационных системах. В двадцать первом веке электронные медиа определяют культурную идентификацию и реконфигурируют слова, звуки и образы, тем самым культивируют новые конфигурации индивидуальности.

В осмыслении феномена коммуникации в XX в., на наш взгляд, возможно выделить три направления: 1) описание феномена коммуникации (коммуникология, коммуникативистика, этнография коммуникации и квазидисциплина «коммуникативная лингвистика»); 2) постижение механизмов коммуникации в процесс овладения вторым языком (коммуникативные методики обучения); 3) осмысление феномена коммуникативности общества, свойства коммуникативности как обязательного параметра современного человека и его жизненного мира, конструируемого языком (Г. Хабермас, Н. Луман, Б.А. Успенский). Более подробно остановимся на первых двух.

Электронно-коммуникационная революция, по утверждению Л.М. Земляновой, вызывает к жизни в США и других странах самостоятельную дисциплину – коммуникативистику. В качестве английских эквивалентов коммуникативистике Л.М. Землянова приводит communication science и communicology [4], отмечая, что в силу своей относительной молодости она не имеет единого стабильного названия и потому может именоваться как наукой о коммуникациях, так и сферой теоретических исследований средств массовой информации. Предметом исследования коммуникативистики являются формы и средства, функции и потенции информационно-социальных связей. Преимущественное внимание уделяется новейшим стадиям в развитии информационных связей и систем, «появляющимся в условиях индустриально-технического прогресса XIX-XXI веков и особенно на базе электронно-компьютерной революции, когда главную роль генератора массовых коммуникаций принимают на себя автоматизированные аудиовизуальные средства и линии связи, создающие новые формы и темпы распространения новостей и их воздействия на традиционные информационные ресурсы вкупе с новыми типами массовой культуры» [4, с.69].

R. L.Lanigan, сосредотачивая внимание на коммуникалогии, определяет ее как науку о человеческой коммуникации, которая своими истоками восходит к работам 20-ых прошлого столетия феноменолога Эдмона Гуссерля [5]. В течение почти что сотни лет понятие коммуникалогии развивается в формальную дисциплину. Хронология публикаций ведет отсчет с 20-ых гг. прошлого столетия. Коммуникация в многообразии вербальных и невербальных кодов начинает рассматриваться как феноменология опыта. Аккумуляция этого живого опыта конституирует память практики, которую каждый из нас воспроизводит в компонентах нашего окружения. В таком случае культура рождается как социальный мир других в гармонии с символической практикой, рожденной персоной (личностью) как трансакция с другими. Это дисциплина в ряду человеческих наук (human sciences), посвященных теоретическому (эйдетическому) и практическому (эмпирическому) исследованию. Поиску в таких дискурсах и практиках: коммуникология – наука о человеческой коммуникации.

История коммуникологии как дисциплинарного вопроса начинается с 1922 года, когда отец феноменологии, Эдмон Гуссерль, прочитал цикл лекций в Германии, университетском колледже в Лондоне. Гуссерль объяснил основной философский тезис своего метода через то, как трансцендентальная социологическая феноменология соотносится с манифестацией сознательных субъектов, коммуницирующих друг с другом.

Исследовательский проект Гуссерля, по словам Р. Ланигана, сфокусировался на том факте, что человеческие существа, в отличии от животных и машин, коммуницируют на трех симультанных семиотических уровнях, которые интегрируют выражение и восприятие (1) аффекта или эмоции, (2) когниции (познавательной способности) или мысли и (3) способности к волевому движению или целенаправленному действию.

Особо отмечается в рамках первого периода становления коммуникалогии модель культуры Эрнста Кассирера, которая стала той монументальной конструкцией, которая легла в основу современных моделей исторического анализа. Кассирер обеспечил интеллектуальный базис для того, что стало известно, как качественная исследовательская методология в той степени, в какой он демонстрировал использование логики для for validity (necessary condition) and reliability (sufficient condition) on the basis of normative logic systems (confirmed in the work of Charles S. Peirce).

В 1930-ые гг. дисциплина коммуникология вычленяется как концептуальная категория в связи с написанием статьи Эдвардом Сепиром «Коммуникация» для Энциклопедии социальных наук. Семиотическая феноменология и экзистенциональная феноменология Эдмона Гуссерля, во-первых, были переосмыслены в Германии Карлом Бюлером (Теория языка: Репрезентационная функция языка), который анализирует и критикует феноменологическую методологию Гуссерля в лингвистике и, во-вторых, в США Вилбер Маршал Урбан (Язык и реальность: Философия языка и принципы символизма) включает феноменологию Гуссерля для англоговорящих читателей в контекст человеческой коммуникации в качестве интеракции в списке ценностей, т.е. символическое поведение, которое определяет решение.

Последовательно, по десятилетиям прослеживая продвижение коммуникологической идеи, Р. Ланиган подходит к описанию состояния данной дисциплины в настоящее время и перспективам ее развития вплоть до 2022 г. В качестве достижений на момент 2010 г. признается продолжающийся рост количества членов Международного Коммуникологического Института и школ вокруг него,

Глядя вперед, в направлении 2022 года, Р. Ланиган заявляет, что для него и его коллег коммуникологов коммуникалогия представляет собой критическое изучение (учение) дискурса и практики, особенно экспрессивного

тела как порожденное восприятием (перцепцией) культурных знаков и кодов. Коммуникология использует методологию семиотической феноменологии, в которой экспрессивное тело раскрывает культурные коды и культурные кода очерчивают, придают форму перцептивному телу – продолжающемуся, диалектическому, комплексному helix поворотов, утверждающих/укрепляющих способность к воспроизведению, обратимости (реверсивности) и возвратность сознательного и опыта. Коммуникология теоретически и практически вовлечена в описание, редукцию и интерпретацию трансдисциплинарного понимания культурного феномена. Результат научного поиска – описание (чаще чем предикация), в которой валидность и достоверность – логические конструкции основывающиеся на необходимых и достаточных условиях исследуемых систем (коды), одновременно эйдетических (базирующихся в сознании) и эмпирических (основывающихся на опыте). Методология в основе своей эвристическая (семиотическая) и рекурсивная (феноменология) как логика в традиции Эрнста Кассирера, Чарза Сандерса Пирса и Эдмона Гуссерля – предшественники коммуникологии.

Некоторые ученые заимствовали понятия из этнографии, чтобы более детально изучить феномен коммуникации. Так, Дж. Филипсен (1989) базировался в своей работе на допущении существования коммуникативного значения: «В основном собеседники посредством своих действий и интерпретаций действий информируют, устанавливают смысл ограниченного значения, такого что собеседники ориентируются относительно друг друга и действий друг друга как будто они выражали общий смысл» [6, p. 259]. Дж. Филипсен приходит к заключению, что собеседники координируют свои действия и коммуникативные смыслы, в зависимости от модели поведения, которые варьируются в зависимости от общины. Эти общины – комьюнити – коммуникативных ресурсов представляют собой культуры. Таким образом, культура определяется Дж. Филипсеном как «исторически передаваемая система символов, значений, помещений, процtдур и правил» [6, p.259]. Концепция Дж. Филипсена считается производной от теории речевых кодов Д. Хаймса, дескриптивным каркасом которой предпочитают пользоваться многие ученые [7].

S cene: physical setting where talk occurs, cultural definition of the scene (физическая обстановка, где происходит разговор, культурная дефиниция сцены);

P articipants: the actors in the scene and their role relationships (участники сцены и их ролевые отношения)

E nds : the purpose(s), outcomes, goals of talk (цели, результаты разговора)

A ct Sequence : the relationship between what is said and how it is said (отношение между тем, что сказано и как сказано);

K ey : the tone, manner, or spirit in which the talk [or silence] occurs (тон, манера, дух, в котором разговор (или молчание) протекает)

I nstrumentalities : particular channel, language, dialect speech variety of the talk (особые каналы, язык, варианты диалектной речи разговора);

N orms : normative aspect of interaction; normative aspect of the interpretation of talk (нормативные аспекты интеракции, нормативные аспекты интерпретации разговора)

G enre : the cultural category of talk (eg, insults, compliments, apologies) (культурная категрия разговора – оскорбления, комплименты, извинения и пр.).

Мохамед Аль Тораби замечает, что этнография коммуникации − это концепция о месте языка в культуре и обществе [8]. Этнографическое описание относится к знанию, полезному для членов речевой общности, которая использует более или менее сознательно для того, чтобы категоризовать людей, места и деятельность. Формальный анализ этнографии коммуникации сфокусирован на суперсмысловых элементах: речевые ситуации, формы речевых событий, взаимодействие говорящего и адресата, аудитория, тема, канал и место, а также пути, которыми говорящий добывает ресурсы языка для употребления/ реализации естественных функций. Формальное описание в этнографии коммуникации сфокусировано на лингвистических группировках в предложениях и характере таких коммуникативных событий, т.е. речевых ситуаций, речевых событий и речевых событий, культурно детерминированных. Следовательно, когда человек учится использовать язык, он учится этому для того, чтобы совершать обычные действия, которые с этим языком совершают другие. Термин коммуникативная компетенция иногда используется для описания такого рода способности. В такой компетенции разговорные выводы играют ключевую роль: участники соединяют содержание группировки и вербальные, вокальные невокальные намеки с неосновным знанием для того, чтобы прийти к пониманию о специфике замен.

Чтобы быть коммуникативно компетентным, говорящий должен знать: 1) что формально допустимо в языке, т.е. как единица приспосабливается к правилам грамматики и произношения;

2) что существенно в рассматриваемом языке? Это психологический концепт, связанный с ограничением, которые накладываются/определяются умом/мозгом;

3) что является ценным, согласно социо-культурным установкам? Это касается взаимодействия языка и социального контекста и социокультурных конвенций;

4) что технически понимается как засвидетельствованность и коллокация?

5) как интерпретировать параязык, понять парадигматическую интенцию и получить разные жанры.

Таким образом, язык признается динамичным, социальным и интерактивным феноменом, существующим между говорящим и слушающим, или писателем и читателем.

Параллельно с коммуникалогией, в понимании Р. Ланигана, развивается и совершенствуется идея коммуникации, определенная в рамках теории информации и понимаемая как деятельность, в результате которой происходит определенное уменьшение энтропии, т.е. определенное увеличение упорядоченности информации. Последнее влияет на принципы накопления коммуникативного опыта, формирование языкового сознания, адекватного изменяющимся обстоятельствам жизни и выступает в жизнедеятельности общества в качестве того, что чему нужно обучаться, естественно при овладении языком, но не родным, а иностранным, поскольку именно таким образом возможно уменьшение энтропии.

Список литературы:

1. Nora S., Mine A. The Computerisation of Society. London: The MIT Press, 1988. – 208 p.
2. Рамоне И. Геополитика хаоса. М.: ТЕИС, 2001 – 128 с.
3. Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Context. Cambridge: Polity Press, 1990. – 179 p.
4. Землянова Л.М. Коммуникативистика и средства информации. Англо-русский толковый словарь концепций и терминов.. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. – 416 с.
5. Lanigan R. Communicology Approaching the Discipline's Centennial // Semiotica y comunicologia. Historiam y propuestas de una Mirada cientifica en constuccion. 2010 – No. 72. − P.14-37.
6. Philipsen G. Speaking «like a man» in Teamsterville: Culture Patterns of Role Enactment in an Urban Neighborhood// Quaterly Journal of Speech. − 1975. – No. 61. − P. 13-22.
7. Хаймс Д. Этнография речи // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. 7. Социолингвистика. − С.42-55.
8. Torabi M. Linguistics and Ethnography of Communication // Journal of Faculty of Letters and Humanities. − 2004 − No.190 – P.35-45

ПАРАДИГМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ПЕРЕВОДА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Ивлева Алина Юрьевна

доктор философских наук, доцент Мордовского Государственного Университета

INTERPRETATION AND TRANSLATION PARADIGM OF POST MODERN LITERARY TEXT

Ivleva Alina, doctor of philosophy, associate professor of Mordovian State University, Saransk

В статье рассматривается взаимодействие стратегий интерпретации при переводе художественных текстов "потока сознания", показывается применение метода философской интерпретации текста, необходимого для адекватного перевода художественных текстов эпохи постмодернизма.

The article deals with interaction of interpretation strategies in "stream of consciousness" text translation, it displays philosophical interpretation method as a base of adequate literary text translation.

Ключевые слова: интерпретационная парадигма; параметры интерпретации; философский дискурс.

Key words: interpretation paradigm; interpretation parameters; philosophical discourse

В последнее время в среде культурологов и искусствоведов всё чаще утверждают, что постмодернизм скорее мертв, чем жив, пик его славы и обостренного интереса к нему остался в недалеком прошлом, и уж во всяком случае, в России, он оказался гносеологически и этнически бездарен.

Не будем вступать в дискуссию по вопросу, есть ли у постмодернизма будущее, отметим лишь, что его прошлое, несомненно, оказало и продолжает оказывать влияние на современную мировую художественную литературу, в которой техника "потока сознания", родившаяся еще в эпоху модернизма из-под пера Дж. Джойса, стала едва ли не общепринятой. Тексты, содержащие "поток сознания", чрезвычайно сложны для перевода, их интерпретация, на наш взгляд, неизбежно предшествует переводу и осуществляться она должна по особой парадигме.

Попытаемся наметить основные контуры новой интерпретационной парадигмы, которые, как нам кажется, уже просматриваются в современном философском дискурсе. Прежде всего – это универсальность интерпретации, предусматривающая разведение различных аспектов и уровней ее философского исследования. Экзистенциональное, когнитивное, коммуникативное, аксиологическое измерения интерпретации, субъективно-личностный и интерсубъективный уровни, синхронический и диахронический срезы предъявляют особые требования к их философскому анализу. При всей условности такого деления для философского осмысления проблемы оно представляется неизбежным.

Кратко остановимся на каждом «измерении» интерпретации.

Итак, экзистенциональное измерение интерпретации поднимает проблему соизмерения человека и реальности. Такая интерпретация предусматривает построение целостного образа из доступных человеческому опыту фрагментов реальности, в результате читатель конструирует свой «возможный мир» в «Галактике означающих» текста, о которой писал Р. Барт [1, с.109]. Через интерпретацию открываются «возможные миры» настоящего и прошлого, повседневного и праздничного, обыденного и возвышенного. При этом читатель не просто «считывает» культурные смыслы, но и идентифицирует себя как личность, накапливает свой опыт, совершенствует энциклопедическую стратегию интерпретации и, в конечном, итоге стремится создать систему символов, способствующих познанию эпохи. Соответственно при переводе необходимо создать систему коррелирования символов различных культурных текстовых пространств.

Когнитивное измерение интерпретации предполагает не только познание, часто в непрямой символической форме, что соотносимо с известным утверждение Кассирера «Символ есть единство познания в формах познания» [2, с. 132], но также и познание через теорию соответствий, которая основана на стремлении личности к связному и упорядоченному отношению к миру.

Когнитивные функции текстов перекликаются с коммуникативным измерением интерпретации, в котором устанавливаются коды, влияющие на передачу информации текстом, дешифруются смыслы, передача которых

важна при переводе с одного языка на другой.

Аксиологическое измерение интерпретации связано с невозможностью устранения оценочного компонента из восприятия текста и с оцениванием ценностей как смыслообразующих оснований человеческого бытия, задающих направленность и мотивированность человеческой жизни. По мнению Л.А.Микешиной, современной философии необходимо «признание одновременно с логическим дискурсом феномена понимания и интерпретации не только в частных – логико-методологических, но и экзистенционально-герменевтических, содержательно-ценностных смыслов» [3, с. 76]. С этим нельзя не согласиться, поскольку сам факт интерпретации уже предполагает ценность интерпретируемого объекта, коль скоро он становится и, что, на наш взгляд, немаловажно, остается таковым.

Субъективно-личностный и интерсубъективный уровни, синхронический и диахронический срезы интерпретации предполагают определенный уровень переводческой компетентности, «вненаходимости», позволяющий оценивать текст во временном пространстве его культурологического пребывания. По словам М. Хайдеггера, «субъект никогда не существует предварительно в качестве субъекта, чтобы затем, в случае наличия объектов, также трансцендировать по отношению к ним, но субъектное бытие означает: быть существующим в трансценденции и в качестве трансценденции» [4, с. 103]. Иными словами, мир уже не выступает в качестве противостоящей субъекту познания совокупности вещей, а совместно с его существованием образует изначальное синкретическое единство. Это единство, как считает Хайдеггер, имеет скорее бытийную, чем гносеологическую природу. Известно, что в поздних работах Хайдеггера (например, «На пути к языку», 1959), областью, в которой только и может произойти открытие сущего, признается язык. Бытие человека соотносится с языком и даже нуждается в нем, чтобы осуществиться.

Интерес к интерпретации того, что выражено словом, нарастает в эпоху «информационного взрыва». Как остроумно заметил У.Эко, если человек не может противостоять тому, что сообщает ему масс-медиа, он хотя бы может истолковать это по-своему. Но люди не в состоянии общаться «мыслеформами», и человек оказывается в плену слов, не понимая их смысла, особенно если мы имеем дело с иноязычными текстами, переведенными примитивным способом.

В этом смысле интересна позиция К.Г. Юнга, который, с одной стороны, является ученым, воспитанным в традициях позитивисткой научной этики, с другой – остро ощущает недостаточность позитивисткой парадигмы в своей медицинской теории и практике. Юнг был убежден, что врач не может эффективно лечить, если не примет во внимание религиозных представлений о природе духа и способах его исцеления.

«Седьмое чувство» - чувство трансцендентального – интерпретируется Юнгом как особая сфера психической/духовной жизни, но «божественное откровение» не может быть единицей научного анализа, Юнг занимается не вопросом о бытии Бога, но исследованием архетипов. Именно архетипы предваряют работу сознания по образованию мифологем, фольклорных мотивов, индивидуально значимых символов [5, с. 59].

Миф в терминологии основоположника постмодернистской техники "потока сознания" Дж. Джойса, это – застывшая форма выражения религиозного чувства, оттиск некогда живого переживания, для современного человека миф уже практически лишен сакральности. И примером такого мифического построения для Юнга, внимательного читателя и интерпретатора, но не почитателя Джойса, был «Улисс». В интерпретации Юнга роман стал типической мифологемой – внешним средством организации хаоса и поддержания порядка. Миф о странствиях Одиссея - Улисса подобен опустевшей раковине, которую покинуло некогда обитавшее в ней живое существо. Джойс, завороженный красотой раковина, стремится вернуть ей жизнь, поселив в нее нового жильца. Но Блум не годится в Одиссеи, современному герою то слишком просторно, то, наоборот, слишком тесно в отведенной ему обители. Подновляя миф, стилизуя его под современность, писатель придает архаике новое звучание.

Итак, Джойс признан символом литературного XX века, но не мифотворцем. Мифа нет, вопреки всей тоски эпохи по мифу. Мы живем, выражаясь словами Юма, «в эпоху душевной растерянности, нервозности, замешательства и мировоззренческой дезориентированности» [6, с.17].

Предчувствие конца света, наступление последних времен – тема, которую обнаруживает любой читатель литературы модернизма. Еще никогда человек не был способен в одиночку справиться с «силами преисподней», т.е. с бессознательным. Для этого он всегда нуждался в духовном содействии, которое оказывала ему религия. Когда раскрывается мир бессознательного, наружу вырывается огромная душевная мука. «Защитой» для читателя может стать религия (religio – связываю) или хотя бы признание законов трансцендентальности. Такой же, на наш взгляд, должна быть и позиция переводчика текста "потока сознания". Он должен сначала истолковать текст, а затем применить переводческие стратегии в рамках одного из следующих направлений художественного перевода: лингвистического, функционального, культурологического. Перевод текста эпохи постмодернизма может быть адекватным только в том случае, если названные подходы дополняют друг друга и осуществляются в рамках парадигмы философского осмысления текста.

Список литературы:

1. Барт Р. S/Z. М.:РИК «Культура» изд-во “Ad Marginem”, 1994.-303 с..

2. Кассирер, Э. История философии Нового Времени . М., 1954 -332 с.

3 Микешина Л.А. Философия познания: диалог и синтез подходов// Вопросы философии. 2001.- № 4. - С.76 -89.

4. Хайдгегер М. Время картины мира// Новая технологическая волна на Западе. М.:Наука, 1986. - С. 101-147.

5.Юнг К.Г. Душа и миф. Шесть архетипов. Минск: Харвест, 2004. - 400 с.

6. Юнг К.Г. Об отношении психотерапии к спасению души// Юнг К.Г. Бог и бессознательное. - М., 1998. - С. 59-173.

ЖАНР, МЕГАЖАНР ИЛИ МЕТАЖАНР? (О месте фантастики в жанровой структуре)

Клокова Елена Федоровна

Преподаватель кафедры общенаучных дисциплин негосударственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Московский психолого-социальный университет» Филиал в г. Надыме Ямало-Ненецкого автономного округа

GENRE, MAGAZINR OR METAGER (About the role of science fiction in the genre structure)

Klokova Elena Fedorovna, Teacher of the Department of scientific disciplines non-governmental educational institution higher professional education "The Moscow psychology-social Institute" Branch, Nadym, Yamalo-Nenets Autonomous district

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена классификации разновидностей, жанров и поджанров фантастики. Прослеживается история развития представлений о месте фантастики в жанровой системе художественной литературы. Особое внимание уделено научной фантастике, социальной фантастике, альтернативной фантастике, фэнтези.

ABSTRACT

The article is devoted to the classification of types, genres and sub-genres of fiction. Traces the history of the development of ideas about the place of science fiction in the genre system of fiction. Special attention is devoted to science fiction, social science fiction, alternative fiction, fantasy.

Ключевые слова: фантастика, научная фантастика, социальная фантастика, жанр, роман, мегажанр, метажанр, жанровая разновидность, формирование новых жанров.

Keywords: fantasy, science fiction, social science fiction, a genre novel megazhanr, metagenre, genre species, the formation of new genres.

Смысловое наполнение термина. Трудно переоценить степень влияния фантастической литературы на повышение интеллекта, расширение кругозора, формирование мировоззрения читателей. Из области литературы фантастика распространилась на другие виды искусства: живопись, скульптуру, музыку, хореографию, кинематограф. В XX веке «фантастика стала заметным явлением современной культуры, - отмечал Е.Брандис. - Особенно велико её влияние на восприимчивые молодые умы» [11, с. 382].

В термине «фантастика (греч. phantastike - искусство воображать)» заложено уникальное умение, мастерство, искусство, свойственное только человеку – творить художественные образы, объясняя при их помощи окружающий мир. Многие писатели пользуются этим инструментом как художественным методом. Ч.Айтматов в предисловии к роману «Буранный полустанок» («И дольше века длится день…») пояснял: фантастика – это «не самоцель, а лишь метод мышления, один из способов познания и интерпретации действительности» [8, с. 2]. Другие авторы называют фантастику жанром. В.Рыбаков объясняет: «Что касается столь милой моему сердцу фантастики, то нужно сначала разграничить фантастику как жанр и фантастику как прием большой литературы. Фантастика как жанр - феномен относительно недавний, ей от силы полтораста лет» [27, с. 29]. В работе К.Дхингры читаем: «Следует заметить, что хотя употребление слова "жанр" по отношению к научной фантастике можно оспаривать, оно введено нами ввиду его широкого распространения» [13, с. 5]. В.Комаров назвал свою статью «У истоков нового жанра» [16, с. 7]. Переломные эпохи истории особенно благоприятны для развития фантастики. «Этот жанр расцветает преимущественно в те эпохи, когда значительная часть общества испытывает беспокойство, когда у людей появляется неуверенность в своем будущем» [14, с. 55], - утверждает М.Каспар.

Но, как отметила М.И.Мещерякова, фантастика – «явление более широкое, чем жанр (многие литературоведы считают фантастику особым видом литературы, специфическим способом художественного мышления)» [22, с. 1]. Без фантазии - способности воображать - познание вообще невозможно. Об этом в «Философских тетрадях» писал В.И.Ленин: «Подход ума (человека) к отдельной вещи, снятие слепка (~ понятия) о ней н е есть простой, непосредственный зеркально-мертвый акт, а сложный, раздвоенный, зигзагоообразный, включающий в себя возможность отлета фантазии от жизни» [20, с. 330]. Фантазия, «отлетающая от жизни», даёт возможность оценивать действительность со стороны, наблюдать, обобщать, копировать, множить, варьировать, делать выводы.

Причина многозначности термина «фантастика» кроется в том, что в ней можно обнаружить исследование как актуальных метатем, так и собственной метатемы – «Человек и человечество перед лицом грядущего и всего того, что может таиться за горизонтом прогресса» (М.П.Мещерякова) [22, с. 1].

Подвижное равновесие. Жанровая система всегда (во все времена) динамична, находится в состоянии подвижного равновесия. Степень устойчивости отдельных жанров и их сочетаний различна. В основе жанровой классификации литературных произведений лежит определение формальных и содержательных признаков. Основные жанровые признаки, имеющие устойчивый характер, это: 1) принадлежность к определенному литературному роду (эпосу, лирике, драматургии); 2) жанровое содержание (проблематика, принципы изображения героев, тип конфликта, характер авторского осмысления действительности); 3) вид речи в произведениях (прозаическая или стихотворная); 4) объем произведения. Учет всей совокупности признаков важен только для эпических жанров.

Каждый жанр существует во взаимодействии с другими жанрами в жанровой системе внутри литератур-

ных родов. Если для классицизма и романтизма была характерна (но не абсолютна) строгая жанровая система, то для реализма и модернистских течений характерны изменения, взаимодействия и синтез жанров. Согласно теории Г.Н.Поспелова [25, с. 15 - 18], существует три типа жанрового содержания произведения: романический, этологический (нравоописательный) и национально-исторический. В романическом произведении в центре повествования — личности героев; сюжет и конфликты служат раскрытию внешних и внутренних изменений характеров героев, их судеб. Социум, быт и нравы не имеют самостоятельного значения, а играют роль «условий» и «обстоятельств» («Красное и черное» А.Стендаля, «Евгений Онегин» А.С.Пушкина, «Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтова, «Отцы и дети» И.С.Тургенева, «Анна Каренина» Л.Н.Толстого, «Братья Карамазовы» Ф.М.Достоевского). Романическому типу жанрового содержания противоположен нравоописательный (этологический) тип, в котором на первом плане общественно-бытовая среда, определяющая повседневное существование, поведение и психологию героев - носителей устойчивых качеств той или иной социальной сферы (помещичьей, купеческой, мещанской, рабочей). Изображение героев, конфликты носят частный характер, являясь разновидностью нравоописания («Мертвые души» Н.В.Гоголя, «Ярмарка тщеславия. Роман без героя» У.М.Теккерея, «Блеск и нищета куртизанок» О.Бальзака). В произведениях на исторические темы реализуется национально-исторический тип жанрового содержания. Личные судьбы, бытовые конфликты в этих произведениях имеют второстепенное значение («Песня про купца Калашникова» М.Ю.Лермонтова, «Кому на Руси жить хорошо» Н.А.Некрасова, «Двенадцать» А.А.Блока, «Реквием» А.А.Ахматовой, и «Василий Теркин» А.Т.Твардовского). Взаимодействие жанровых тенденций (романической, нравоописательной, национально-исторической) реализовано в «Войне и мире» Л.Н.Толстого, «Петре Первом» А.Н.Толстого, «Тихом Доне» М.А.Шолохова.

Можно отнести к произведениям с романическим сюжетным содержанием романы «Дон Кихот» М.Сервантеса, «Фауст» И. В. Гете; к произведениям этологического сюжетного содержания романы «Машина времени» Г.Уэллса, «Голова профессора Доуэля» А.Р.Беляева, к произведениям национально-исторического типа – роман «1984» Дж.Оруэлла, «451 градус по Фаренгейту» Р.Брэдбери. Все эти произведения объединяет фантастика. Вопрос о месте фантастики в современной системе литературных родов, видов, жанров до сих пор не нашел однозначного ответа. И само определение фантастики нуждается в уточнении. Писатель А.И.Шалимов полвека назад заметил: «Немногие литературоведы, которые признавали существование научной фантастики как ветви литературного творчества, обычно ограничивались выделением в ней двух направлений: познавательно-приключенческого (жюльверновского) и социально-философского (уэллсовского). Все, что было создано под знаком научной фантастики, <…> обычно раскладывалось по этим двум полкам» [30, с. 185]. С тех пор не очень многое изменилось, но «ветвью» фантастику литературоведы уже не называют. К примеру, Марк Никол выделил «35 жанров и других разновидностей фантастики» [1, с. 1 - 2], поместив в этот список аллегорию, триллер, романтическую комедию, плутовской рассказ, пародию, мистерию и многое другое – без разбора. Это говорит о том, что в западной науке положение столь же запутанное, как и в отечественной.

Заведомый вымысел. По многим признакам фантастика близка мистике. Некоторые исследователи их объединяют, например, А.Б.Косарева замечает в скобках, говоря о фантастике, «такие ее направления, как фэнтези и мистика» [17, с. 1]. Представляется необходимым подчеркнуть их коренное различие. Мистика (mystikos - таинственный) в литературе - то, что несет в себе скрытый смысл. По мнению Л.Витгенштейна, «действительно, есть нечто неизречимое (Unaussprechliches). Оно *показывает* себя, это мистическое» [7, с. 13]. Философ считал мистическим космическое сознание. Н.Бердяев подчеркивал: «Мистика всегда есть разрыв границ субъективизма, преодоление человеческого, соединение с сверхчеловеческой реальностью» [10, с. 15 - 20]. Мистика – вербализация сверхчувственных ощущений, так как для мистического познания основным является принцип сознательного отказа от рационально-логических методов (романтические произведения Э.А.По, В.Ф.Одоевского, М.Ю.Лермонтова). Мистика переживается субъектом как подлинная реальность. Фантастика, напротив, декларирует заведомый вымысел. В англоязычном литературоведении тоже встречаются терминологические разночтения. На популярном сайте «Wise Geek: clear answers for common questions» прямо говорится, что под терминами «жанр фантастики», «серьёзная фантастика» («genre fiction», «serious fiction») имеются в виду такие произведения искусства, «которые не подразумевают рассказывать правдивые истории» [6, с. 1].

Фантастика (phantastike - «искусство воображать») – изображение демонстративной, рационально обоснованной выдумки, представляющей собой обобщенную «картину мира» определённой эпохи. Каждая эпоха порождала своё структурно-смысловое единство, выразившееся в типе фантастических образов (мифологические, сказочные, религиозные). Типологическая общность обеспечивала преемственность закономерно сменяющих друг друга художественно-функциональных систем. «Функциональное своеобразие фантастики состоит в том, что ее предметом является не эмпирическая действительность во всем ее конкретном многообразии, а некий обобщенный смысл бытия», - считает Р.И.Нудельман. Более того, «всякое фантастического повествование, от мифа до научно-фантастического романа, есть развернутый единый образ» [23, с. 888 - 889].

Следовательно, фантастика – это совокупность произведений, воплотивших в себе вымышленные образы миротворчества. Воплощая в себе обобщенно-познавательную модель реальности, фантастика отразила последовательно мифологический, религиозный, научный способы мышления в литературном процессе. Тип фантастики, отражающий современный уровень осмысления действительности и пользующийся при создании художественных образов инновационными научными методиками, получил название «научная фантастика (science fiction)». Он воплотился в творчестве таких писателей как Ж.Верн, А.Толстой, К.Чапек, С.Лем, К.Воннегут, И.Ефремов.

Разновидности типа. В связи с тем, что научная фантастика, не успев оформиться в строго ограниченный литературный тип, начала расслаиваться на новые формообразования, в середине XX века появился термин «твердая научная фантастика (hard SF)». Канадский писатель П.Уоттс, выступая перед студентами, обратил внимание на то, что знаменитыми авторами твердой фантастики являются ученые и инженеры. «потому что они знают фон эпохи». Эти авторы сталкиваются с трудностями превращения научной информации в художественные образы: «чем больше вы знаете о предмете, тем труднее о нем написать (внедрение инноваций). Просто потому, что вы знаете лучше. Поэтому Азимов написал так мало фантастики о биохимии» [5, с. 2, 8].

Чаще всего твердую фантастику называют «поджанром» научной фантастики, отличающимся тем, что повествование в ней не нарушает известных естественнонаучных законов (она зачастую именуется «научной фантастикой как таковой» или «традиционной научной фантастикой» в отличие от фэнтези, «космической оперы», «альтернативной истории»). Но если не называть научную фантастику жанром, то термин «поджанр» представляется нелогичным. А если определять научную фантастику как «тип», то целесообразно будет назвать твердую научную фантастику разновидностью типа «научная фантастика».

Другой разновидностью типа «научная фантастика» является социальная фантастика (social science fiction), в которой ведущую роль играет описание отношений между людьми в обществе - нравоописательный и романический типы жанрового содержания (Г.Уэллс, А.Кларк, А.Азимов, Р.Хайнлайн, Е.Замятин, Дж.Оруэлл, А. и Б.Стругацкие, В.Рыбаков). Социальная фантастика наряду с критикой негативных тенденций развития современного общества (антиутопия) продолжает развивать традицию древнего жанра, поставляющего рецепты построения счастливого будущего человечества (утопия) и моделирует варианты несбывшегося прошлого (альтернативная история, при создании которой преимущественно используется национально-исторический тип жанрового содержания).

К социальной фантастике следует отнести направление, тяготеющее к массовой литературе – так называемую «авантюрную фантастику», описывающую путешествия между мирами, планетами, измерениями. Её ведущий жанр получил название космическая опера (space opera).

Тотальное проникновение в жизнь социума информационных технологий, генной и молекулярной инженерии, клонирования отразилось в литературном направлении под названием «киберпанк», которое также отражает взаимоотношения человека и общества, следовательно, относится к социальной фантастике. В рамках этого направлении сформировались жанры: пост-киберпанк, биопанк, нанопанк, сандалпанк **(**моделирующий мир, стоящий на технологическом уровне поздней Античности), клокпанк **(**моделирующий мир, стоящий на технологическом уровне эпохи Возрождения), ксенофантастика **(**жизнь инопланетян с психологией отличной от человеческой), либерпанк (ультралиберальная антиутопия). Социальный фактор в этом направлении фантастики определяется тем, что «главные герои произведений активно стремятся улучшить социальные условия или, по крайней мере, не допустить дальнейшей деградации общества» [3, с. 1].

Жанр фэнтези (fantasy), основанный на использовании мифологических и сказочных мотивов, на первый взгляд, стоит в стороне от литературного типа «научная фантастика» и от его разновидности – социальной фантастики. Но между ними есть крепкие взаимосвязи. В свое время пост-мифотворческое фольклорное сознание породило волшебную сказку, когда первобытное миропонимание трансформировалось и смешались мифический и реальный планы. Устное народное творчество не осознавалось фантастическим. О.М.Фрейденберг считала, что вторжение фантастики в античный миф - «первое порождение реализма» [29, с. 112 - 113]. Фэнтези изучает социум, помещая героев в экстремальные сказочные ситуации и не стремится давать научное объяснение окружающей среде (setting). Более того, рациональное использование фольклорных образов помогает авторам разрабатывать узнаваемые мотивы при универсализации изображаемого мира (троекратный зачин, завязка и развязка, мотив судьбы, пародия на мифологические представления о мире).

Из всех фантастических жанров в этом смысле фэнтези наиболее емко наполняет произведение романическим сюжетным содержанием. Б.Эттбери считает главным в фэнтези «конфликт между персонифицированными добродетелями и пороком, или в более современных терминах между интегративными и деструктивными силами внутри личности» [2, с. 182]. Б.М.Стэблфорд выделяет синтетические поджанры «оккультные детективные истории» (на стыке хоррора, детектива и фэнтези) и «темное фэнтези **(**dark fantasy)», сочетающего в себе фэнтези с элементами ужасов [4, с. 97, 108].

Поджанры фэнтези. «На первое место по глубине проблематики и емкости символики можно поставить мистико-философскую fantasy», - считает Е.Н.Ковтун. Вторая, выделенная исследовательницей разновидность, - метафорическая фэнтези, которая «воплощает авторскую мечту об идеале». Третьим типом fantasy» названа «ужасная» или «черная» фантастика. «Четвертой группой» произведений названа «героическая» fantasy, или fantasy «меча и волшебства». В этой группе произведения фэнтези близки к научной фантастике, так как «гипотеза сильно редуцирована и нередко может быть изложена с равным успехом в категориях как fantasy, так и НФ» [15, с. 119 - 121]. В этом фэнтези сближается с научной фантастикой.

Е.Афанасьева напоминает, что подобные произведения – это «так называемая science fantasy, где элементы научной фантастики сочетаются со сказочно-мифологической традицией» [9, с. 89]. Такое сочетание позволяет на фоне этологического развивать романический тип сюжетного повествования (рассказы Г.Уэллса «Человек, который мог творить чудеса», С.В.Логинова «Страж перевала»). Следовательно, фэнтези тоже соотносится с научной фантастикой. Сказывается эффект отражения во всех областях культуры фона эпохи, характеризующейся распространением научного мышления. В каждую эпоху формируются свои метажанры. Современное литературоведение анализирует «комсомольскую поэзию», «женскую прозу», «коммунистическую агиографию» [24, с. 193

- 194] и другие метажанры. Метажанр – устойчивое формообразование, характеризующееся художественным моделированием миров.

Мегажанр и метажанр. Жанровое смешение, наблюдаемое в литературе XX века, породило понятие «мегажанр». С.Ш.Шарифова определяет мегажанр как «совокупность различных по форме жанров, объединенных воедино интенцией» [31, с. 87]. Это утверждение нуждается в уточнении. В понятие «мегажанр» заложено представлении о «большом жанре» (буквально «миллион жанров»). Представляется возможным говорить о киберпанке и фэнтези как о мегажанрах, имеющих множество поджанров. В отличие от мегажанра, в понятие «метажанр» заложено представление о выходе за рамки сложившихся исторически жанра, рода, вида искусства. Метажанр – формообразование, характеризующееся художественным моделированием миров. Метажанр выходит не только за родовые границы, но и за границы литературы как вида искусства. В отличие от мегажанра, метажанр «зависим от культуры времени» [21, с. 2], - подчеркивают дальневосточные исследователи В.С.Мартыненко и О.А.Сысоева. Эта черта представляется решающей. О.С.Кудрявцева отмечает: «для жанрообразования XIX-XX вв. свойственны два созидательных процесса - дифференциация и интеграция. Если первый процесс разделения и вычленения позволяет образовываться все новым и новым жанрам (парабола, притча, молитва, инвектива, сонет и проч.), то процесс интеграции объединяет, синтезирует уже существующие жанровые формы по единым признакам, придает им определенную направленность и создает таким образом метажанр» [18, с. 3]. Метажанр существует в культуре. «Типологии метажанров мы не имеем, и это неизбежно ведет к терминологической и методологической путанице» [24, с. 192], - считает Ю.С.Подлубнова. Следовательно, необходимо выделить основные признаки метажанра:

- диахроническое понимание; метажанр – это «структурно выраженный, нейтральный по отношению к литературному роду, устойчивый инвариант многих исторически конкретных способов художественного моделирования мира, объединенных общим предметом художественного изображения» [28, с. 53] (по Р.Спивак);
- синхроническое понимание; метажанр – это «ведущий жанр», отражающий в себе общие семантические свойства обычных жанров; осуществляющий «некую принципиальную направленность содержательной формы <…>, свойственную целой группе жанров и опредмечивающую их семантическое родство» [19, с. 135] (по Н.Лейдерману);
- метод в искусстве, неразрывно связанный с культурой времени («комсомольская поэзия»); «сложившийся пространственно-временной тип завершения произведения, выражающий определенную конкретно-историческую концепцию» [12, с. 45] (по Е. Бурлиной);
- в основе метажанров лежит структурный, а не культурно-тематический признак; по своему размеру метажанр находится выше жанра и мегажанра; отличительным признаком метажанра является связь с культурой эпохи; особенностью метажанра является межродовое жанровое смешение [24, с. 193 - 194] (по Ю.Подлубновой).

Всем этим особенностям отвечает фантастика. Следовательно, фантастика - метажанр, который отличает межродовое жанровое смешение, отражение современной конкретно-исторической концепции «картины мира», принципиальная направленность содержательной формы, моделирование миров как ведущий метод художественного обобщения.

Научная фантастика – тип фантастики (литературный тип), отражающий современный уровень осмысления действительности и пользующийся при создании художественных образов инновационными научными методиками.

Социальная фантастика – разновидность типа «научная фантастика», в которой ведущую роль играет описание отношений между людьми в обществе. К социальной фантастике опосредованно относятся авантюрная фантастика и такие мегажанры, как киберпанк и фэнтези с многочисленными поджанрами.

Список литературы:

1. 35 Genres and Other Varieties of Fiction by Mark Nichol: http://en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/136200. - Дата обращения: 27.06.2014.
2. Attebery B. Science Fantasy and myth // Intersections: Fantasy and science fiction / Edited by George E.Slluser and Erik B.Rabkin. – Edwardsville: Southern Illinois University, 1987. – P. 181 - 189.
3. Genon? – делитесь знаниями: http://www.genon.ru/GetAnswer.aspx?qid=085af1b7-be4f-4807-9cae-931751b0476d. - Дата обращения: 29.06.2014.
4. Stableford B. The A to Z of Fantasy Literature. — Lanham – Toronto - Plymouth: Scarecrow Press, 2009. — 500 p.
5. Watts P. Is Science Fiction Too Important to be Left to the Scientists?: A guest lecture. - Toronto: York University, 2007. – 13 p.
6. Wise Geek: clear answers for common questions: http://writeanything.wordpress.com/2010/04/14/what-is-literary-fiction. - Дата обращения: 29.06.2014.
7. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. - L.: Routledqe of Kegan Paul itd., 1949. – 200 p.
8. Айтматов Ч. Буранный полустанок: Предисловие // Роман-газета. - М., 1982. - № 3. - С. 2 - 3.
9. Афанасьева Е. Жанр фэнтези: проблема классификации // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): Сборник материалов Международной научной конференции. – Самара: Раритет, 2009. - С. 84 - 93.
10. Бердяев Н. Духовный кризис интеллигенции. – СПб.: ТТ «Общественная польза», 1910. – 310 с.
11. Брандис Е. От Эзопа до Джанни Родари: Зарубежная литература в детском и юношеском чтении. - М.: Детская литература, 1980. - С. 446.
12. Бурлина Е.Я. Культура и жанр: Методологические проблемы жанрообразования и жанрового синтеза. - Саратов, 1987. – 165 с.

13. Дхингра К.С. Пути развития научно-фантастического жанра в советской литературе: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. - Л., 1968. – 34 с.
14. Каспар М.-Э. Путешествие на край фантастики // Мега: Журнал отечественной и зарубежной фантастики. – Мн., 1998. - № 1 (25). – С. 55.
15. Ковтун Е.Н. Художественный вымысел в литературе XX века: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2008. – 484 с.
16. Комаров В. У истоков нового жанра // Книжное обозрение. - М., 1991. - № 45, 10 ноября. - С. 7.
17. Косарева А.Б. Мировоззренческие парадигмы фантастики (на примере отечественной фантастики XX века) // Российская массовая культура конца XX века: Материалы круглого стола. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. - http://anthropology.ru/ru/texts/kosareva/masscult_13.html. – Дата обращения: 29.06.2014.
18. Кудрявцева О.С. Жанры и метажанр сатиры: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук – Самара, 2005. – 35 с.
19. Лейдерман Н.Л. Движение времени и законы жанра: Жанровые закономерности развития советской прозы в 60-70-е годы. — Свердловск, 1982. – 255 с.
20. Ленин В.И. Философские тетради // Ленин В.И. ПСС. - М.: Политиздат, 1972. - Т. 29. – 782 с.
21. Мартыненко В.С., Сысоева О.А. К проблеме функционирования мегажанров в современной массовой литературе: Доклад // Фантастика и современное мифотворчество: Материалы Всероссийской научной конференции. - Хабаровск, 2013. – С. 1 - 3.
22. Мещерякова М.И. Что есть фантастика? // http: // sf.convex.ru /litved/ fant/ me1.htm. – Дата обращения: 04.06.2014.
23. Нудельман Р.И. Фантастика // Краткая литературная энциклопедия. - М.: Сов. энциклопедия, 1972. - Т. 8. – С. 888 - 889.
24. Подлубнова Ю.С. Метаобразования в русской литературе: сверхтекст и метажанр: Статья // Русский язык: Человек. Культура. Коммуникация: Сборник. – Екатеринбург, 2008. – С. 187 – 195.
25. Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. – М.: Просвещение, 1972. – 272 с.
26. Ревич В. Предисловие // Сборник НФ-32. - М., 1988. – С. 3 – 11.
27. Рыбаков В. Зеркало в ожидании // Мега: Журнал отечественной и зарубежной фантастики. – Мн., 1992. - № 2. – С. 26 – 30.
28. Спивак Р.С. Русская философская лирика: Проблемы типологии жанров. - Красноярск, 1985. – 140 с.
29. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра: период античной литературы. - М.: Лабиринт, 1997. – 449 с.
30. Шалимов А. Жанр или метод? [О научной фантастике] // О литературе для детей. - Л., 1965. - Вып. 10. – С. 119 - 214.
31. Шарифова С.Ш. Влияние жанрового смешения на эволюцию жанров, виды жанрового смешения // Литературный календарь: книги дня. – 2010. – № 2 (5). – С. 67 - 92.

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИСКУССИОННЫХ ФОРУМОВ О ЗДОРОВЬЕ)

Косова Ольга Александровна

канд. филол. наук, доцент Школы педагогики Дальневосточного федерального университета

THE GENDER FEATURES IN THE INTERNET-COMMUNICATION (ON THE BASIS OF DISCUSSION HEALTH FORUMS)

Kosova Olga, Candidate of Philology, associate professor of the School of Pedagogics of the Far Eastern Federal University Yssuriisk

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является выявление гендерных особенностей Интернет-коммуникации на материале дискуссионных форумов о здоровье. В рамках настоящей статьи используются следующие методы: метод содержательного анализа научных понятий и интерпретативный анализ текстовых фрагментов, иллюстрирующих гендерные особенности коммуникации на дискуссионных форумах. В результате проведенного анализа было выявлено, что конфликтный принцип построения дискурса чаще типичен для мужчин, в то время как для женщин характерен гармоничный тип общения.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация; дискуссионный форум; гендерный аспект; конфликтный принцип построения дискурса.

ABSTRACT

The article is aimed at the analysis of the gender features in the Internet-communication on the basis of the discussion health forums. The methods of the analysis are: substantial analysis of the scientific concepts and the interpretive analysis of the text selections, which illustrate the gender features in the discussion forums' communication. As a result it is proved that the conflict principle of discourse building is typical for males, the harmonic one – for females.

Keywords: Internet-communication; discussion forum; gender features; conflict principle of discourse building.

На настоящем этапе широкое и бурное развитие получает такое направление лингвистики как Интернет-лингвистика, а также теория сетевых или виртуальных жанров Интернет-коммуникации, среди которых немаловажная роль отводится дискуссионным форумам.

Мы полностью разделяем точку зрения В.В. Дементьева и В.В. Фениной, которые считают, что «жанровая системность закрепляет систему ценностей данного социума: с одной стороны, за использованием каждого жанра стоят те или иные общественные ценности, определяющие его цели и значение – ценности самого общего характера проистекают из самоочевидных витальных потребностей людей; с другой стороны, сами жанры, безусловно, представляют собой значительную ценность для коммуникации, а следовательно, жизнедеятельности общества» [1, с. 15].

Виртуальный жанр Интернет-коммуникации – это коммуникативное пространство, в котором реализуется «определенный спектр социальных ценностей и основанных на них лингвокультурных концептов» (по Г.Г. Слышкину); «типовая форма речевой деятельности в коммуникации, опосредованной компьютером и телекоммуникационными сетями» (по Л.Ю. Щипициной).

Следовательно, дискуссионные форумы о здоровье представляют собой дистантное электронное общение, направленное на обсуждение вопросов о болезнях, лекарственных средствах, способах лечения ряда заболеваний, т.е. на удовлетворение экзистенциальных потребностей человека, где здоровье выступает одновременно и социальной ценностью и лингвокультурным концептом.

Дискуссионные форумы обладают специфическими чертами, к важнейшим из которых мы причисляем следующие:

– *форум* – пространство интеракции, жанр электронной коммуникации, позволяющий всем желающим высказывать свое мнение по интересующим их вопросам;

– все участники интеракции представляют собой виртуальные личности. *Виртуальная личность* – это коммуникативная личность, часто отличающаяся от своего реального Я, вступающая в Интернет-коммуникацию для реализации своего человеческого и коммуникативного потенциала;

– участники подобного рода интеракции (два и более партнера), по мнению Е.Н. Галичкиной, подразделяются на агентов и клиентов. *Агенты* – это представители социальных институтов (врачи, преподаватели и др.), *клиенты* – это люди, не связанные с социальными институтами (пациенты, учащиеся и др.) [2, с. 56].

– опознавательными маркерами каждой виртуальной личности на форуме выступают докоммуникативные лингвистически релевантные средства самопрезентации (по О.В. Лутовиновой) – ник / сетевое имя, аватара, ориджин, или подпись;

– виртуальные личности, вступая в интеракцию, преследуют три цели: *познавательную*, заключающуюся в получении или распространении определенной информации; *побудительную*, являющуюся для коммуникантов неким стимулом для принятия решения или даже к определенным действиям; *экспрессивную*, позволяющую коммуникантам выражать свои эмоции различными лексическими, графическими, синтаксическими и другими средствами;

– виртуальная личность надевает «*речевую маску*», под которой мы понимаем особый стиль речевого поведения коммуникантов в Интернет-коммуникации, характеризующийся целым «набором» лексических, графических, стилистических, синтаксических средств, а также коммуникативных стратегий и тактик, используемых этим коммуникантом в качестве отличительных черт «самоидентификации»;

– М.В. Зимина и М.В. Ополовникова указывают на факт наличия *принципиального свойства форума*, заключающегося в том, что «сообщения в нем объединены в «*треды*» (от англ. *thread*), представляющие собой последовательность, состоящую из исходного сообщения, ответов на него и ответов на ответы. В итоге форум представляет собой древовидную структуру, состоящую из тредов, и носит иллокутивный характер» [3, с. 360];

– тот факт, что форум является разновидностью или жанром электронной коммуникации, позволяет утверждать, что языку форума часто присущи признаки разговорной речи, которые находят отражение как на лексическом, так и на синтаксическом уровнях, где дополнительным средством выражения эмоций выступают различные невербальные средства, в частности – параграфемические заменители языка жестов, мимики и интонации (*эмотиконы*), согласно А.Б. Кутузову [4, с. 308] и / или *метатекстовые знаки* (курсив, шрифтовое, рамочное выделение и т.п.), согласно Е.Н. Галичкиной;

– диалог / полилог (общение на дискуссионных форумах реализуется как публичный спор, направленный на выявление и сопоставление различных точек зрения на обсуждаемую проблему);

– креативность как результат коллективной деятельности по созданию текстов и символов при совместном конструировании виртуальной реальности (представление информации в необычном ракурсе в силу личностного фактора, поэтому стилевыми признаками выступают субъективности изложения, эмоциональность, образность;

– необходимым условием понимания и взаимодействия людей в компьютерной среде является соблюдение принципов и правил компьютерной этики. Маркерами отхождения от компьютерной этики выступают так называемые «*флеймы*», т.е. сообщения или письма неприятного содержания;

– конфликтность / толерантность как два взаимоисключающих принципа построения виртуального полилога, где под конфликтностью понимается «речевое столкновение, которое основано на агрессии, выраженной языковыми средствами», а толерантность, в свою очередь, как «стремление к составлению наиболее полной картины мира, с допущением существования альтернативных точек зрения, что демонстрирует не только уважение автора к своим собеседникам, но и широкий кругозор и богатый профессиональный опыт» [5, с. 58].

Мы ставим своей целью рассмотрение последнего пункта – конфликтность / толерантность с позиций гендерного аспекта, где мы исходим из следующих теоретических положений:

1) точки зрения Дж. Сулера о том, что «the real trouble-makers of cyperspace / cyperspace deviants are males» [6, с. 281].

2) точки зрения К.Ф. Седова о том, что «крайней формой отклонения от этических норм речевого поведения становится *конфликтный принцип построения дискурса,* демонстрирующий во внутрижанровом взаимодействии установку против коммуникативного партнера. По-

добная интеракция отражает стремление одного из участников общения самоутвердиться за счет собеседника. Указанный тип представлен двумя разновидностями: *конфликтно-агрессивным и конфликтно-манипуляторским.*

Наиболее очевидно нарушение этико-коммуникативных норм речевого взаимодействия обнаруживается *в конфликтно-агрессивном типе общения*, участники которого (один или оба) демонстрируют по отношению к коммуникативным партнерам негативную иллокуцию (агрессию), вызванную стремлением видеть в его поведении враждебную или конкурирующую интенцию. Очевиднее всего такого рода конфликтность проявляется в форме прямой вербальной агрессии, которая проявляется в субжанре инвективы (брани) <…>.

Завуалировано конфликтный характер речевого взаимодействия отражает *конфликтно-манипуляторский подтип,* в котором один из участников общения в своем собеседнике видит объект манипуляции» [7, с. 31-32].

Рассмотрим конфликтный принцип построения дискурса с двумя его разновидностями на конкретном примере, взятым с форума http://health.mail.ru/forum/topic.html?fid=47&tid=5986&render=1 [8], на котором обсуждается такое заболевание как вегето-сосудистая дистония.

Stranger The Guest
Владимир, у вас явно заклинило на почве кишок. Мне делали все обследования (ага, и в рот и в зад и рентгеном и видио и изотопные исследования), в т.ч. кучу платных - ну нет там ничего. ВСД это даже не название болезни! Это расстройство нервной системы, которое может быть вызвано кучей факторов - от остеохондроза до гормональных нарушений.

10 июня 2013 года в 23:09⚓
Владимир Гордийчук
Крутая безграмотность и тупизм!

11 июня 2013 года в 11:50⚓
Stranger The Guest
А у вас невежественность и необразованность прёт из всех щелей. Вы бы хоть стеснялись гадить на людях своим словесным поносом.

11 июня 2013 года в 13:26⚓
Владимир Гордийчук
guest! Фотограф, наш! От Вас--одна образованность да заумность. А вот разума ---ноль! Ты почитай, что написал-то сам! Пропоносный, наш!

11 июня 2013 года в 16:32⚓
Stranger The Guest
Я написал информацию, подтверждённую наукой. А вы - шарлатан и фраудатор, который на форумах ищет "лохов" с целью содрать с них деньги за свои шаманские советы.

11 июня 2013 года в 18:01⚓
Владимир Гордийчук
Поносный, наш! До какой степени бывают фотографы-людишки зловонные!

12 июня 2013 года в 07:23⚓
Stranger The Guest
Ты даже предложение не можешь составить читаемое, а всё туда же - лечить людей лапшой на ушах. Cura te ipsum doctor

Так в фокус нашего внимания попадают форумчанин под ником В. Гордийчук, который является постоянным участником дискуссий по поводу вегето-сосудистой дистонии с 2011 года и ведет «ожесточенные баталии» в отстаивании своей позиции по этому вопросу, и его оппонент форумчанин под ником Stranger the Guest.

В. Гордийчук, на наш взгляд, выстраивает свое общение по типу – конфликтно-агрессивный. Мы разделяем точку зрения Т.А. Воронцовой, которая считает, что «если речевое поведение ориентировано на стремление строить коммуникацию по своему собственному сценарию, не считаясь с интересами партнера, то в этом случае речь

идет о вторжении в речевое пространство адресата, т.е. речевой агрессии, цель которой заключается в создании иерархических отношений (коммуникативной вертикали) между коммуникантами» [9, с. 23].

В анализируемом примере конфликтность В. Гордийчука переходит на новый виток, где он высказывает колкости по отношению к своему оппоненту по форуму, используя инвективы «*зловонный, пропоносный, поносный*». Его оппонент – Stranger The Guest не остается в долгу и «навешивает ярлыки» «*фраудатор*» и «*шарлатан*», дискредитируя самого В. Гордийчука и его точку зрения. Мы считаем, что здесь налицо конфликтно-манипуляторский тип общения, так как истинной интенцией такого типа общения является не простое оскорбление или стремление обидеть своего оппонента, а вывести его на эмоции, провоцируя его «сдаться».

Последняя реплика форумчанина под ником Stranger the Guest «*Cura te ipsum doctor*» – латинское крылатое выражение, выступающее подписью, – ставит точку в развитии конфликта между ним и В. Гордийчуком и, следовательно, расставляет всех по своим местам. Коммуникативная инициатива остается за форумчанином Stranger The Guest.

Таким образом, рассмотренный и проанализированный пример подтверждает вышесказанное теоретическое положение о том, что мужчины чаще выстраивают конфликтный тип общения не только в реальном, но и в виртуальном пространстве, что связано с их личностными психологическими особенностями.

Второй пример взят с того же форума, но конфликтная ситуация происходит между В. Гордийчуком и Евгенией.

5 сентября 2011 года в 09:30⚓
Евгения
я школьный психолог, консультант по здоровью -решаем такие задачи с помощью специального питания. Которое обеспечивает питание прежде всего коре головного мозга. сосудистой системе. нервной системе...Давайте пообщаемся -я задам вам вопросы, отвечу на ваши вопросы- вы получите рекомендации и результат непременно будет положительный. С уважением, Евгения

8 сентября 2011 года в 08:14⚓
Владимир Гордийчук
Очень мудро! Если кормить кору головного мозга- можно многого достигнуть! А что будет, если перекормить эту самую КОРУ ГОЛОВНОГО?

8 сентября 2011 года в 08:24⚓
Евгения
не надо паясничать-вы не хуже меня понимаете.,о чём я писала...каждой клетке нужно своё питание и не борща тарелку...и это не я придумала. а ведущие лечебные клиники со своими специалистами, которые немало потрудились. чтобы разобраться в механизмах профилактики и оздоровления в целом. ДОКТОР! Меня ЛЕЧИТЬ не надо, помогите тем, кто к вам с этим обращается .И слава и хвала вам тогда!

8 сентября 2011 года в 09:06⚓
Владимир Гордийчук
Это нормаль,когда психолог говорит пациенту(в данном случае-я):"не надо паясничать"? А лечить Вас не собираюсь- Вы неизлечимы ! Отсутствие знаний в медицине- не лечатся!

8 сентября 2011 года в 09:35⚓
Евгения
))))))))))))))вы не пациент, а специалист. А я себя медиком и не называла...я использую знания академиков Российской Академии Медицинских Наук,Института Питания,Всемирной Организации Здравоохранения. И их наработки в области нутрициологии просто довожу до сведения людей,которые очень нуждаются в этих рекомендациях...Извините...но спорить не хочу...и оправдываться...а то что я не излечима -это ещё не смертельный диагноз...спасибо за позитив...

8 сентября 2011 года в 10:46⚓
Владимир Гордийчук
Несете медицинские знания-специалист, но, не медик! Так кто же Вы? А Вам несут денежки и для каждой клеточки Вашего организма! Нутрициология- великая наука! И деньги приносит, и крышу имеет: Академия Медицинских Наук!

8 сентября 2011 года в 14:00⚓
Евгения
Я – консультант по здоровью и представляете, я настолько здорова, что мои консультации денег не стоят, и денег от населения я не принимаю...а медицина у нас, конечно, тоже бесплатная! Может вместо того, чтоб злится, нам надо познакомиться, поговорить, возможно и вам здоровье нужно? А не нужно, так успокойтесь – от меня пользы больше, чем от некоторых медиков... вас не имею ввиду – не знакома

9 сентября 2011 года в 21:40⚓
Владимир Гордийчук
Я ни на кого, не злюсь- я доктор! Могу себе позволить вольность-быть злым на глупость,как свою, так и чужую!

9 сентября 2011 года в 23:46⚓
Евгения
спасибо...хоть такого, но позитива...всего вам доброго...всегда готова учиться и общению, и не только, с уважением, Евгения

9 сентября 2011 года в 23:55⚓
Владимир Гордийчук
Вот не понимаю Вас! Все Вы, пишущие - просто, "довели" меня, своими познаниями ВСД!

В анализируемом примере участники конфликтной ситуации – В. Гордийчук и Евгения находятся в оппозиции «мужчина – женщина» и «врач – консультант-психолог». Мы считаем, что именно эти оппозиции и задают тональность общения, при котором доминирующую функцию в общении берет на себя мужчина, но при этом сохраняются общепринятые способы выражения вежливости, например, «Вы-обращение» и другие. Для данной конфликтной ситуации характерно использование В. Гордийчуком стратегии генерализации, которая позволяет ему имплицитно «обличать» психолога-консультанта в зарабатывании денег на больных, прикрываясь результатами исследований Академии Медицинских наук, например, «*И деньги приносит, и крышу имеет: Академия Медицинских Наук!*» Несмотря на иронию В. Гордийчука, его обличающий тон, Евгения пытается вернуть общение в гармоничное и дружеское русло, найти общий язык, договориться, предпринимает попытку сохранять самообладание и душевное равновесие, не нарушая этических норм речевого поведения.

Подводя итог всему вышесказанному, мы приходим к выводу о том, что гендерная специфика дискуссионных форумов своеобразна, подвергается анализу в рамках аспекта «конфликтность – толерантность», где очевидным становится тот факт, что конфликтный тип построения дискурса характерен для мужчин.

Список литературы:

1. Дементьев, В.В., Фенина, В.В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речежанровые ценности // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2005. – Вып. 4. Жанр и концепт. – С. 5-34.
2. Галичкина, Е.Н. Характеристики компьютерного дискурса // Вестник ОГУ. Оренбург, 2004. – № 10. – С. 55-59.
3. Зимина, М.В., Ополовникова, М.В. Специфика употребления частиц в компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале текстов немецкоязычных форумов) // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. М.: Языки славянской культуры, 2009. – Т. 5. – С. 355-363.
4. Кутузов, А.Б. Коммуникативные особенности дискурса компьютерных сетевых форумов // Третьи Лазаревские чтения: Традиционная культура сегодня: теория и практика: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Челябинск, 2006. – Ч. 2. – С. 306-311.
5. Асмус, Н.Г. Лингвистические особенности виртуального коммуникативного пространства: дис….канд. филол. н.: 10.02.19. Челябинск, 2005. – 265 с.
6. Suler, J.R. and Phillips, W. The Bad Boys of Cyberspace: Deviant Behavior in Multimedia Chat Communities // Cyber Psychology and Behavior. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – № 1. – p. 275-294.
7. Седов, К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. – С. 7-38.
8. Электронный ресурс – режим доступа: URL: http://health.mail.ru/forum/topic.html?fid=47&tid=5986&render=1
9. Воронцова, Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход: автореф. дис. …д-ра филол. н.: 10.02.19. Челябинск, 2006. – 43 с.

УДК 81'27:811:111, ББК 81.2-3

СИНЕРГИЙНЫЙ ЭФФЕКТ ПОЛИТИЧЕСКИХ МЕТАФОР КАДРОВЫХ ПЕРЕСТАНОВОК В ПРАВИТЕЛЬСТВЕ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Козырева Наталья Витальевна
старший преподаватель МГИМО-Университета МИД РФ, г. Москва

SYNERGY EFFECTS OF THE UK GOVERNMENT RESHUFFLE METAPHORS
Kozyreva, Natalia, Lead Teacher of English, MGIMO-University, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье представлен актуальный анализ эффекта синергии функционально-прагматического, когнитивного, историко-культурологического, эмотивного и аксиологического компонентов политических метафор. Для примеров были выбраны метафоры, употреблявшиеся для описания недавних кадровых перестановок в правительстве Великобритании. Автор основывает свои интересные наблюдения и выводы на актуальном языковом материале, отобранном из выступлений британских политиков и оригинальных публикаций в англоязычной прессе.

ABSTRACT

The article presents a timely analysis of synergy effects provided by functional, pragmatic, cognitive, cultural, emotional and axiological components in the political metaphors. Metaphors describing the recent staff reshuffle in the UK government serve as the beautiful or interesting examples for the present article. The author substantiates her observations and conclusions by the abundant language material, derived from the current British press publications and speeches by the British politicians.

Ключевые слова: политические метафоры; прагматическая функция; синергийный эффект.

Keywords: political metaphors; pragmatic function; synergy effect.

Интересно отметить, что несмотря на столетия лингвистических исследований, исторически восходящих еще ко временам Аристотеля, в современной науке не угасает интерес к метафоре. Более того, интерес ученых к новым аспектам и примерам метафорической номинации только растет. Метафору рассматривают теперь и с точки зрения новых синергийных подходов. Представляется, что метафоризация – это сложная, комплексная номинативная, прагма-когнитивная и лингво-креативная деятельность; это многомерный процесс, представляющий квинтэссенцию когнитивного, концептуального, референционального, семасиологического аспектов, национально-культурных ассоциаций, прагматических эмотивно-оценочных и манипулятивных параметров. Примечательно, что метафоры, имеющие в своем составе, помимо эмотивно-аксиологического компонента, еще и достаточно мощный прагматический и когнитивный потенциал, оказываются наиболее жизнестойкими и в результате пополняют основной корпус языка. [1, с. 102]. Язык является средой, в которой постоянно происходит определенная творческая работа - своего рода отбор наиболее удачных метафор из числа окказиональных. Именно в этом проявляется природа языка как самодостаточной, самонастраивающейся и самоорганизующейся системы [2].

Однако социокультурная специфика и аксиологическая функция политической метафоры определяет ее огромный прагматический потенциал, который является не простой арифметической суммой ее прошлых (пусть множественных) значений и «расширения смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений и усиления его экспрессивных свойств» [3, с. 232], но и результатом когнитивного моделирования, «концептуальной интеграции», «концептуального слияния, сращивания» («блендинга») [7; 13], в результате которого происходит образование «событийных фреймов» [12].

Не вызывает сомнений тот факт, что в настоящее время в мире наблюдается обострение политической и экономической борьбы за ресурсы на макроэкономическом уровне, а на микроэкономическом и межличностном уровне «страсти накаляются» по поводу «места под солнцем», причем желательно наиболее выгодном и комфортном. Внешне это проявляется в своеобразных «***словесных баталиях» («spats»)***, либо в виде обмена дипломатическими любезностями с подтекстом и намерением достижения своих скрытых целей ***(«diplomatic dancing»***). И тому существует немало примеров. Так, в июле 2014 года, правительство Великобритании, сформированное представителями партии тори, столкнулось с противоречивой задачей, связанной с необходимостью формирования наиболее эффективно действующей команды управленцев – нового кабинета министров под началом амбициозного премьер-министра Дэвида Кэмерона. «***Кадровые перестановки» («cabinet reshuffle»*** [8]***)***, действительно схожие с «***перетасовкой колоды карт»,*** были осуществлены в преддверии предстоящих в 2015 году выборов, - при этом цели самих новоиспеченных членов правительства явно расходились с патриотическими задачами и носили скорее конъюнктурный характер. В угоду своему молодежному и женскому электорату Кэмерон «омолодил» и «феминизировал» кабинет, введя несколько харизматичных мужчин и женщин-политиков среднего возраста. Однако для всех стало очевидным, что это не обещанные реальные перемены, а лишь их видимость – на самом деле это оказалась банальная перестановка уже известных «кадров» из «***команды» («Tory team)*** [8] консервативной партии (все той же ***«колоды карт»*** с теми же персонажами), тем более, что бывшие члены кабинета были переведены на другие высокие посты.

В британской и мировой прессе, в стенографиях выступлений политиков и комментаторов сразу же появилось множество шутливых, ироничных и даже язвительных метафор, которые разоблачают истинную суть и подоплеку происходящих кадровых перестановок. Так, газета Daily Mail насмешливо описывает происходящее следующим образом:

***March** of the **Tory women**: Cameron promotes **raft of female ministers** in **dramatic reshuffle** but **ousts** Michael Gove and William Hague **in cull of the 'male, pale and stale'**.* [6]

По мнению Чорли, автора статьи, все эти дамы из партии Тори ***«браво маршируют»*** прямиком в кабинет министров, вытесняя и ***«избавляясь, как от чего-то лишнего и ненужного»*** (***«in cull of»***) от всех этих ***«скучных, бледных и выдохшихся мужчин» («male, pale and stale»).*** Еще более уничижительный эффект достигается с помощью приема рифмовки нелицеприятных эпитетов.

А тем временем Кэмерон ***«командует парадом» на Даунинг стрит,*** то есть непосредственно у штаб-квартиры главы правительства ***(«paraded** his **new ministerial team** along Downing Street»),*** с удовольствием представляя свою ***многочисленную женскую «министерскую команду» (new ministerial team, raft of female ministers)*** журналистам и широкой публике [6]. Интересно, что появление этих привлекательных ухоженных и уверенных в себе женщин журналисты называют «***процедурой омоложения», «подтяжкой лица»*** [9] для улучшения имиджа и повышения рейтингов правительства в рамках подготовке к предвыборной кампании (хотя эта акция и рассматривается как некое ***«упражнение», «специальное мероприятие» -*** «***exercise»)***:

*David Cameron **gives his ministry a pre-election facelift… The exercise** is being seen as an attempt by the Prime Minister **to drive fresh momentum into his government** by **bringing in new faces and talent** before the general elections in May 2015.* [9]

***Desperate** David Cameron **turned on his pals in the Tory old guard** today in a **brutal reshuffle** aimed at **giving his Cabinet a feminine facade**. [5]*

С иронией журналисты обращаются к Терезе Мей, члену прежнего состава кабинета министров, славящейся своим неизменным вниманием к последним тенденциям в моде (по слухам, к моде она относится с большим энтузиазмом, чем к проблемам вверенного ей ведомства – МВД Великобритании) с предложением ***«потесниться», «подвинуться»,*** даже возможно «***уступить должность или место на модном Олимпе» («move over»)*** в связи с появлением нового очаровательного члена кабмина - Эстер МакВэй как «***another fashionista in the Cabinet» («еще одной фанатки моды»).*** В любом случае, такая ***«модная конкуренция» «влетит Терезе в копеечку» («set give Theresa May a run for her money in the style stakes»)*** [11].

Что характерно для политиков, так это то, что и многолетняя дружба не спасет, если электорат не доволен своим избранником: так, Кэмерон, ***не раздумывая, увольняет («axes»)*** своего друга и «по совместительству» министра образования Майкла Гова из-за его разногласий с профсоюзами учителей и многочисленными дрязгами в министерстве ***(«spats»),*** что могло бы привести ***к провалу на предстоящих выборах («toxic poll warning»)*** [14]. Однако следуя логике ***«перетасовки карт» («reshuffle»),*** Кэмерон создает видимость понижения своего приятеля в должности и назначает его «главным парламентским партийным координатором» («***Chief Whip» - «главный кнут», «погонщик»*** с большой буквы). Тем самым Кэмерон обеспечил победу своей партии на предстоящих выборах:

***Amid warnings** from the Tory general campaign director, Lynton Crosby, that private polling showed **Gove had become a toxic liability among teachers**, the prime minister moved his education secretary to the lower role of **chief whip**. David Cameron **gave a ruthless display** of **prime ministerial power** on Tuesday when he **demoted his close friend and ally** Michael Gove, as he **removed a series of obstacles blocking** the **Conservatives' path to a general election victory**.* [14]

Самому же Гову ничего не осталось, как сделать «хорошую мину при плохой игре» и отшучиваться, опять применяя прием рифмовки, чтобы снизить важность кардинальной перемены и негативные последствия для своей репутации. Характеризуя предпринятый шаг, он намеренно выражает сомнение по поводу истинного значения этой меры – ***«понижение в должности», «эмоциональная реакция», «продвижение по службе», «дисквалификация»*** - он якобы не знает, как журналисты «Би-Би-Си» отнесутся к произошедшему. Но в любом случае, это определенный шаг, и он ***«считает своей привилегией»*** возможность послужить в данном качестве:

The man who had been praised by the prime minister as ***a pioneering reformer*** responsible for ***a new generation of free schools*** lost his full cabinet post, ***leaving him to joke about his prospects***. "I'm ***happy to be in this role***," Gove told the PM programme on BBC Radio 4. "***Demotion, emotion, promotion, locomotion***, I ***don't know how you would describe this move***, though move it is, all I would say is that it's ***a privilege to serve***." [Watt]

В целом СМИ метафорически характеризуют все эти ***резкие и неожиданные перестановки***, произведенные Кэмероном, как своего рода ***«ночь длинных ножей» («night of the long knives»)*** [4; 5; 9; 10], что отсылает к историческим событиям 30 июня - 2 июля 1934 года, когда был осуществлен кровавый нацистский переворот в Германии путем многочисленных политических убийств и откровенной резни. Для британцев памятны печальные события 1962 года, Гарольд МакМиллан также уволил многих министров и высокопоставленных чиновников:

David Cameron has stunned Westminster with ***a brutal cabinet clear-out*** that has seen senior ministers, led by foreign secretary William Hague, ***reshuffled or sacked*** to ***make way for a fresh new team*** to ***drive the Tories to the general election***. In ***a wide-ranging shakeup*** which has been compared to Harold Macmillan's 1962 ***"night of the long knives",*** the prime minister ***sacked or moved*** a dozen ministers, including veteran Ken Clarke. But ***no one had suspected the size or brutality of the reshuffle***, which ***represented early gains for the right-wing, Eurosceptic group*** in the Tory party. Labour immediately ***branded the reshuffle a "massacre of the moderates"*** with ***shadow minister*** Michael Dugher saying it showed the prime minister was ***"running scared of his own right wing"***. [4]

И действительно, несмотря на всю патетику, кажущуюся очевидной брутальность и безжалостность метафоры ***«night of the long knives»,*** такие шаги британского премьера все же свидетельствуют скорее не о его сильной

политической воле, а о слабости его позиций и характера (в том числе и как члена партии, не уверенного в своих соратниках).

Очевидно, что для лингвистов, политологов и журналистов, чтобы разобраться во всех тонкостях и многослойных подтекстах употребляемых синергийных метафорических выражений, необходимо знать всю предысторию вопроса, личностные характеристики и всевозможные детали биографии вовлеченных в данный процесс политиков, а также текущее состояние экономики, политики и общества Великобритании, чтобы в полной мере оценить и понять эти метафоры. Кроме того, следует помнить и о специфическом «английском юморе», который также может синергийно проявляться в выборе тех или иных метафорических единиц в зависимости от манипулятивных целей автора.

Несомненно, важной причиной усиления внимания к метафоре со стороны политиков и журналистов, а также рост ее всесторонних исследований становится все более очевидная значительная роль метафоры в прагматической и когнитивной модификации политического дискурса в целом. Представляется, что в дальнейшем ее роль будет только возрастать, так как современные медийные средства коммуникации и интенсификация политических процессов все в 'большей степени будут нуждаться в ярких, убедительных и беспроигрышных инструментах манипулирования сознанием противников, союзников и общественным мнением. На наш взгляд, как никакой другой троп или иное языковое средство, метафора способна обеспечить политиков выигрышным арсеналом манипулятивных средств в политической борьбе.

Список литературы:

1. Козырева Н.В. Прагма-когнитивные аспекты метафор английского политического дискурса: словесная игра, состязание или война? // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. Языкознание. — 2014. — № 1 (112). – С. 101-107.
2. Пономаренко Е.В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. — 2006. — № 1 (41). — С. 134-138.
3. Словарь лингвистических терминов / Ред. О.С. Ахманова — М.: Советская энциклопедия, 1969. — 608 с.
4. Assinder, N. Cameron's Brutal 'Night of the Long Knives' Signals Gains for Eurosceptic Right. [Electronic resource]. International Business Times. — 15 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.ibtimes.co.uk/camerons-brutal-night-long-knives-signals-gains-eurosceptic-right-1456674
5. Beattie, J. David Cameron's night of the long knives: Who's out and who's in after desperate Tory reshuffle. [Electronic resource]. DailyMirror. — 14 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.mirror.co.uk/news/uk-news/david-camerons-night-long-knives-3862305
6. Chorley, M. March of the Tory women: Cameron promotes raft of female ministers in dramatic reshuffle but ousts Michael Gove and William Hague in cull of the 'male, pale and stale'. [Electronic resource]. The Daily Mail. — 14 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.dailymail.co.uk/news/article-2691813/Waving-goodbye-Tory-veteran-Ken-Clarke-prepares-end-ministerial-career-Cameron-reshuffle-promotes-women.html?ITO=1490&ns_mchannel=rss&ns_campaign=1490
7. Fauconnier, G. Analogy and Conceptual Systems. Readings. [Electronic resource]. Cogsci 151. (Cognitive Science Journal). — 2002. — Mode of access — URL: http://cogsci.ucsd.edu/~faucon/151/readings.html
8. Graham, G. Cabinet reshuffle: after the sackings, the ministerial promotions. [Electronic resource]. The Telegraph. — 15 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.telegraph.co.uk/news/politics/david-cameron/10967655/Cabinet-reshuffle-after-the-sackings-the-ministerial-promotions.html
9. Menon, P David Cameron gives his ministry a pre-election facelift. [Electronic resource]. The Hindu. — 15 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.thehindu.com/news/international/world/david-cameron-gives-his-ministry-a-preelection-facelift/article6214331.ece
10. Stamp, G. and Hunt, A. In full: Prime Minister's Questions (Report — live text commentary). [Electronic resource]. BBC. — 15 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.bbc.com/news/uk-politics-28326794
11. Styles, R. Move over Theresa May, there's another fashionista in the Cabinet. [Electronic resource]. The Daily Mail. — 15 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.dailymail.co.uk/femail/article-2692722/Watch-Theresa-theres-fashionista-Downing-Street-Esther-McVey-makes-big-impression-arrives-Prime-Minister.html
12. Talmy, L. How Language Aims at a Target. [Electronic resource] Journal of Foreign Languages, vol. 2 — 2013. — Mode of access — URL: http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/talmy/talmyweb/Recent/target.html
13. Turner, R. Convention and Metaphor. [Electronic resource]. — 2002. — Mode of access — URL: cogling@uscd.edu.
14. Watt, N. and Wintour, P. David Cameron axes Michael Gove in reshuffle after toxic poll warning. [Electronic resource]. The Guardian. — 15 July 2014. — Mode of access — URL: http://www.theguardian.com/politics/2014/jul/15/cameron-sacks-toxic-gove-promotes-women-reshuffle

МОЙ ДРУГ, ОТЧИЗНЕ ПОСВЯТИМ ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ (к вопросу о злободневности русской классики)

Литвинова Валентина Ивановна
Кандидат филологических наук, доцент Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, Абакан

MY FRIEND, the MOTHERLAND WILL DEVOTE GREAT GUSTS of SOUL
(to a question about the actuality of Russian classics)
Valentina Litvinova, Candidate of philological sciences Associate, Professor Khakas State University. N.f. Katanova

АННОТАЦИЯ

В статье сделана попытка на примере анализа сотворчества Поэта и Философа XIX века подчеркнуть актуальность русской классики, выделить непреходящие направления философской мысли необходимые обществу.

ABSTRACT

This article tries to analyze the co-creation of the poet and philosopher of the 19th century Russian classics to profile, select the eternal destinations of philosophic thought necessary to society.

Ключевые слова: противостояние; Россия и Запад; сотворчество; Пушкин и Чаадаев.
Keywords: the confrontation; Russia and the West; co-creation; Pushkin and Chaadaev.

Вопрос о том, что более достойно уважения – Запад или Россия – так или иначе занимал лучшие умы XIX века. В полемику вступали В.Г. Белинский и А.С. Хомяков, Н.А. Добролюбов и Ап. Григорьев, позже спор продолжили В.Соловьёв и Н. Страхов, А.И. Солженицын и Д.С. Сахаров. В последние годы в многоголосье полемики влился капризный призыв Америки изолировать Россию от цивилизованного мира.

Сама формулировка вопроса обнаруживает противостоящие силы: весь Запад и одна Россия. Между тем, раздумья Философа и Поэта уже в пушкинскую эпоху подсказали ключ к разрешению споров об исторической судьбе родины: Запад и Россия – равноценные, но разноплановые исторические реальности. А.С. Пушкин был уверен в том, что «Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою… история ее требует другой мысли, другой формулы» [3,177]. И П.Я. Чаадаев отмечал: «…мы не Запад… Россия… не имеет привязанностей, страстей, идей и интересов Европы… У нас другое начало цивилизации… нам незачем бежать за другими» [6, I, 323].

Эпоха «золотого века» замечательна общением этих людей, сумевших объединить усилия для обсуждения исторического предназначения России. Обладая энциклопедическими культурными познаниями, филигранно владея искусством философской поэзии, Пушкин определял Чаадаева великим по европейским меркам мыслителем. «Твоя дружба мне заменила счастье, одного тебя может любить холодная душа моя» [3,VIII, с18],- писал А.С. Пушкин, принявший от Чаадаева «строй мыслей более глубокий, чем ходячее умонастроение французского просветительства» [5,396]**.** Находясь в ссылке, он просит родных прислать, как самую необходимую вещь, портрет Чаадаева. Ему первому доверяет оценить рукопись «Бориса Годунова» и мечтает о встрече: «Поспорим, перечтем, посудим, побраним, Вольнолюбивые надежды оживим» («Чаадаеву»,1818). Не случайно общение с Философом он определил как «пророческие споры», посвятил ему стихотворения «К портрету Чаадаева» (1820), «В стране, где я забыл тревоги прежних лет...» (1821), «К чему холодные сомненья?..» (1824)., признавшись «Ты был целителем моих душевных сил», «твой жар воспламенял к высокому любовь».

П.Я. Чаадаев назвал Пушкина первым национальным поэтом России, связавшим интеллект со словом. Он искренне сожалел о том, что "мало суждено было идти вместе, и что из этого воспоследовало бы нечто полезное и для нас и для других»[6,II,67]. Чаадаев приложил немало усилий для того, чтобы при участии Н.М. Карамзина спасти Пушкина от Соловецкого монастыря или ссылки в Сибирь [8,483]**.** Наконец, именно Пушкину он послал свое первое знаменитое «Философическое письмо», ожидая вдумчивого и беспристрастного отзыва.

Чаадаев ориентировал Пушкина сосредоточиться на «великом перевороте в вещах», отмечаемом в их время. Философ указывал ему актуальную тему для поэзии: «происходит нечто необычное в недрах морального мира», идёт «всеобщее столкновение всех начал человеческой природы»[6,II,66], «...погрузитесь в себя и извлеките из вашего собственного существа тот свет, который неизбежно находится во всякой душе, подобной вашей. Я убежден, что вы можете принести бесконечное благо этой бедной России, заблудившейся на земле. Не обманите вашей судьбы, мой друг» [6,II,75-76]**.**

Произведения Пушкина 30-х годов «Клеветникам России», «Бородинская годовщина», «Капитанская дочка» отвечали настроениям Чаадаева: «Мой друг, никогда еще вы не доставляли мне такого удовольствия. Вот, наконец, вы - национальный поэт; вы угадали, наконец, свое призвание. Не могу выразить вам того удовлетворения, которое вы заставили меня испытать... Стихотворение к врагам России в особенности изумительно; это я говорю вам. В нем больше мыслей, чем их было высказано и осуществлено за последние сто лет в этой стране» [6,I,534-535]. В стихотворении «К чему холодные сомненья» поэт увековечит подвиг их сотворчества: «На **камне, дружбой освященном, Пишу я наши имена».**

Одной из важнейших тем для обсуждения единомышленников – место их родины во всемирной истории человечества. Размышляя о причинах разъединённости Росси и Запада, Чаадаев подчёркивал, что изолированность России подтолкнёт её к абсолютной самостоятельности по всем направлениям жизнедеятельности государства, её моральный потенциал обусловит «великую, общечеловеческую, мессианскую роль по объединению человечества»: «Никакая сила в мире не заставит нас выйти из

того круга идей, на котором построена вся наша история, который составляет всю поэзию нашего существования»[7,69]. Пушкин в «Заметках при чтении «Путевых картин» Гейне» вторил ему: «Освобождение Европы придет из России!» [2,149]. Вместе с тем, Пушкин считал, что у Европы и России разные пути: главные ценности Европы – развитие технического прогресса и нажитой капитал, Россия наполняет мир высокой нравственностью, духовностью, торжеством справедливости.

В статье «Джон Теннер» Пушкин убедительно отверг мечту о «спасении богатой страной». Поэт определил Америку «безопасной, цветущей, сильной миром, гордой своими учреждениями», аргументировав это только силой её географического положения. В самой же стране при более близком рассмотрении можно увидеть «демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую - подавленное неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство … посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе,…; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевающий оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами»[3,VI,165].

Нельзя не согласиться с теми, кто утверждает, что Пушкин – это Россия, выраженная в слове. В письме к Чаадаеву от 19 октября 1836 года он пишет: «…разве не находите вы чего-то значительного в теперешнем положении России, чего-то такого, что поразит будущего историка? Думаете ли вы, что он поставит нас вне Европы? …я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора - меня раздражают, как человек с предрассудками - я оскорблен. Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал» [3,X,309].

Чаадаев гордился прошлым и верил в великое будущее России: «Мир искони делился на две части — Восток и Запад. Это не только географическое деление, но также и порядок вещей, обусловленный самой природой разумного существа: это — два принципа, соответствующие двум динамическим силам природы, две идеи, обнимающие весь жизненный строй человеческого рода. Но кто серьезно любит свою родину, того не может не огорчать глубоко это отступничество наших наиболее передовых умов от всего, чему мы обязаны нашей славой, нашим величием; и, я думаю, дело честного гражданина — стараться по мере сил оценить это необычайное явление. Может быть, преувеличением было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина!»[7,90].

Чаадаев, высоко ценя западную цивилизацию, категорически отвергал какое-либо проявление диктата в отношении к Родине. Николай I, находясь с визитом в Варшаве (в октябре 1833 года), призвал польскую знать не вмешиваться в политику России. Императорская речь с восторгом была принята Чаадаевым: «Пришедшая в остолбенение и ужас Европа с гневом оттолкнула нас; роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась,.. в данном случае само Провидение говорило устами монарха»[6,II,99].

Философ был убеждён в том, что сама судьба сделала Россию великою, и уже потому она не может быть эгоистичной. Он был убеждён в том, что провидение «поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества; все наши мысли в жизни, науке, искусстве должны отправляться от этого и к этому приходить; в этом наше будущее...»[6,II,96]. Он призывал граждан вдумчиво относиться к урокам истории, чтобы не повторился исторический эпизод, когда «вся будущность страны в один прекрасный день была разыграна в кости несколькими молодыми людьми, между трубкой и стаканом вина...»[6,II,106].

И Чаадаев, и Пушкин видели большую разницу в воспитании нового поколения на Западе и в России. Поэт в официальной записке «О народном воспитании» (1826), составленной по приказу Николая I,отмечал, что «влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла. Просвещение в состоянии удержать новые безумства, новые общественные бедствия. Что касается до воспитания заграничного, то запрещать его нет никакой надобности. Довольно будет опутать его одними невыгодами»[3,VII,30]. Чаадаев уточнял: «По нашему местному положению между Востоком и Западам, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы соединять в себе оба великих начала разумения: воображение и рассудок, должны бы совмещать в нашем гражданственном образовании историю всего мира»[6,I,326]. Выводы о взаимоотношениях Европы и России изложены в сноске статьи Пушкина «О ничтожестве литературы русской»: «Европа в отношении к России всегда была столь же невежественна, как и неблагодарна»[3,VI,268]. Тезис этого постулата был в дальнейшем развит в философской лирике Ф.И.Тютчева:

Как перед ней ни гнитесь, господа,
Вам не снискать признанья от Европы:
В ее глазах вы будете всегда
Не слуги просвещенья, а холопы

(«Напрасный труд — нет, их не вразумишь», 1867).

Отправным моментом в череде продолжающихся споров «что лучше» доминирует вывод, к которому когда-то пришли П.Я. Чаадаев и А.С. Пушкин: ««История взаимоотношений Запада и России – это история европейских попыток насильственно переделать русскую «варварскую» природу или «вымарать» её из истории»[I,17.05].

В думах лучших представителей «золотого века» отметились узловые отличия отечественной общественно-политической истории от европейских традиций, отразилась сложная модель убеждений и интересов. Они сумели обосновать принципы общественно-политического устройства страны, основанные на изучении опыта развития Европы, Америки и Азии, исключив бесполезные иностранные заимствования, наметили очертания проблем геополитического характера, указали роль России в процессе их реализации. Мыслители объединились в выводах

о необходимости создания цивилизованного сотрудничества с другими государствами, мира и согласия внутри страны, повышения культурного уровня народа.

Наши современники высоко ценят интеллектуальный, этический, эстетический и философский потенциал бесед лучших представителей интеллигенции XIX века, как «образец честного, профессионального, принципиального, глубокого обсуждения всего спектра проблем по жизнеустройству Отечества»: «Участники использовали весь арсенал научных знаний, методов, аргументов и фактов своего времени для взыскательного и масштабного анализа проблем развития страны с целью определения путей ее выживания, исторической судьбы, места России в Европе и мире.[4,N32]. В этой оценке учтено стремление мыслителей «провоцировать себя на творческие прозрения в поисках истины по рудным вопросам Бытия», конкретность в постановке проблем, отсутствие заказного красноречия и ссылок на западные авторитеты.

Список литературы

1. Аксючиц В. Инаковость России: Свободная Пресса, 17.05.2014, [электронный ресурс] svpressa.ru/blogs/article/87667/
2. Богданов А.В. Неизвестный Чаадаев// Философия и общество.- 2009.-№3, с.149
3. Пушкин А.С**.** Полное собрание сочинений в десяти томах, т. 10**.** М.: ГИХЛ, 1959—1962-М.,1958
4. Томский В. Пушкин – Чаадаев.// Газета «Завтра».- 2013.- от 8 .08.
5. Франк С. Л. Пушкин как политический мыслитель.- А.С. Пушкин в русской философской критике. - М.: Книга, 1990, с. 396
6. Чаадаев П. Я**.** Полное собрание сочинений и избранные письма. М.**:** Наука, 1991. С.768
7. Чаадаев. Философические письма (сборник). Апология сумасшедшего.- Эксмо; 2006, с.99
8. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. 2-е доп. и перераб. изд. Л. 1989, с.544

ФОРМЫ ЯЗЫКОВОЙ СТИЛИЗАЦИИ В ХУДОЖЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ Ю.ТЫНЯНОВА «ПУШКИН»

Мануйлова Инесса Владимировна

канд.филолог.наук, доцент Государственного института русского языка им. А.С.Пушкина, г.Москва

FORMS OF LANGUAGE STYLIZATION IN KUNSTHISTORISCHES ARTWORK YU.TYNYANOVA "PUSHKIN"

Manuylova Inessa, kand.filolog.nauk, associate professor of the State Institute, Russian Language Pushkin, Moscow

АННОТАЦИЯ

Цель статьи: рассмотреть историко-поэтическую стилизацию как составную часть исторической стилизации как лингвостилистической категории; разграничить две принципиально разные формы историко-поэтической стилизации. Методы: описательный и сопоставительный. Выводы: незавуалированная форма историко-поэтической стилизации, в отличие от завуалированной, может осуществляться не только лексическими, фразеологическими средствами, отдельными предложениями, но и сложными поэтико-синтаксическими структурами. С этой позиции воспроизведение поэтического текста в художественно-историческом тексте, может быть рассмотрено как средство историко-поэтической стилизации.

ABSTRACT

Article aims to examine the historical and poetic styling as an integral part of historical stylization as Lingvostilistichesky category; distinguish between two fundamentally different forms of historical and poetic stylization. Methods: A descriptive and comparative. Conclusions: nezavualirovannaya form of historical and poetic stylization, in contrast to the veiled, can be carried out not only lexical, phraseological means separate proposals, but also poetic and complex syntactic structures. From this position, the playback of the poetic text in the art-historical text, can be considered as a means of historical and poetic stylization.

Ключевые слова: историко-поэтическая стилизация; основные формы историко-поэтической стилизации: завуалированная и незавуалированная; целостные поэтико-синтаксические структуры; сверхфразовые стихотворные единства.

Keywords: historical and poetic stylization; basic forms of historical and poetic stylization: veiled and nezavualirovannaya; holistic poetic and syntactic structures; supra-phrasal poetic unity.

В художественных произведениях о великих поэтах прошлого формы и основные сегменты историко-поэтической стилизации являются предметом специального лингвостилистического рассмотрения. Обратим внимание на то, что в работах, затрагивающих вопросы историко-поэтической стилизации, рассматриваются в основном лексические и фразеологические средства, реже синтаксические. При этом анализируется их использование преимущественно в завуалированной форме, их включение в авторскую речь и диалоги в скрытой форме, без выделения кавычками.

Исследуя в основном лексические и фразеологические средства историко-поэтической стилизации, исследователи, например, В.Д.Левин в статье «Средства языковой исторической стилизации в романах Ю.Тынянова», исследования по языку советских писателей, М.Н.Нестеров в монографии «Художественное слово писателя-исследователя о Пушкине и его современниках», оставляли в стороне поэтические тексты Пушкина, других поэтов, включенные романистами в открытой форме. По сложившейся традиции в лингвостилистике доминирует литературоведческая сегментация стихотворных текстов на отдельные стихи и строфы, а не на собственно

лингвистические поэтико-синтаксические сегменты. По этой же традиции и анализ художественной роли поэтических текстов в историческом жанре относится всецело к ведению литературоведческой поэтики. В результате сложилась необычайная ситуация. В литературоведческих работах стихотворные включения рассматриваются как важнейшее средство художественного изображения поэтов прошлого в историческом жанре, а в лингвостилистических исследованиях их роль как средства языковой исторической стилизации обходится стороной, сужается понятие историко-поэтической стилизации, оно по существу сводится к стилистическому отражению в историческом жанре лексических и фразеологических особенностей языка поэта, поэтического языка эпохи в целом.

Кроме того, сама историческая стилизация часто понимается лишь как завуалированная имитация языка прошлого в диалогах героев и авторской речи [3, с. 46]. С этих позиций документальные тексты, приводимые писателями в своих произведениях о прошлом, а соответственно, и стихотворные тексты оказываются за пределами исторической стилизации, так как являются исторически подлинными текстами письменной речи прошлого.

В романе Тынянова о Пушкине во многих случаях диалоги и авторская речь включает в себя документальные тексты в значительном своем объеме. Возникает вопрос, как интерпретировать эти тексты при суженном понимании исторической стилизации? Формально они художественные, даны без графического выделения. А на деле они являются документально-подлинными. Это же касается многочисленных случаев дословного воспроизведения небольших целостных высказываний исторических лиц без их графического выделения. Так, например, многие реплики тыняновских героев представляют собой не что иное, как подлинные их слова, засвидетельствованные современниками.

Изображая Галича, Тынянов, например, использует воспоминание лицеистов о том, что он начинал лекцию, бывало, с того, что, «взяв в руки Корнелия Непота, говаривал: *«Теперъ потреплем старика»* [1, с. 19]. Ср.: «А потом профессор развернул истрепанную книжку, которую они узнали: это был Корнелий Непот..,- *Потреплем старика, - сказал новый профессор»*. В журнале о поведении воспитанников лицея за ноябрь 1812 года есть такая запись о Пушкине: «30-го числа к вечеру г. Кошанскому изъяснял какие-то дела С.-Петербургских модных французских лавок…я не слыхал сам сего разговора, а только пришел в то время, когда г. Кошанский сказал ему: *я повыше вас, а право, не вздумаю такого вздора, да и вряд ли кому оный придет в голову»* [1, с.60]. Эту запись, сделанную гувернером И.Пилецким, писатель использует для создания соответствующей сценки в своем романе, вводя при этом в речь героев зафиксированные им их подлинные выражения. Ср.: «Заслышав смех воспитанников и увидя, что профессор в негодовании пожимает плечами, он (И.Пилецкий) приблизился, и, вытянув шею, прислушался. Разговор Пушкина был необычайно дерзок. Он говорил о каких-то обстоятельствах, происходящих в модных лавках, за что содержательницы оных высылаются... Кошанский краснел все более и сказал в негодовании; - *Я повыше вас, я опытнее, а, право, не выдумаю такого вздора, да и вряд ли кому придет это в голову»*.

Таким же образом исторические романисты воспроизводят часто без графического выделения и письменные документальные тексты. Так, например, в одном из номеров лицейского журнала «Вестник» сообщается: «Мартин Степанович Пилецкий, инспектор Лицея, предложил следующее: *учредить собрание всех молодых людей, которых общество найдет довольно способными к исполнению должности сочинителя, И чтоб всякий член сочинял бы что-нибудь в продолжение, по крайней мере, 2-х недель, без чего его выключить»* [1, с.248]. Соответственно и у Тынянова находим: «Корсакову он /Мартин Пилецкий/ разрешил издавать журнал. Он кратко написал предложение: *учредить собрание всех молодых людей, которые довольно способны к исполнению должности сочинителя. Всякий член должен сочинить что-нибудь в продолжение, по крайней мере, двух недель, без чего его выключить*. А вне сего собрания – сочинять что-либо запретить».

Неразрешимые трудности возникают и в тех случаях, когда в текстах романов есть фактические указания на документальный характер воспроизводимых высказываний, но они даются не дословно, а в свободном авторском переложении. В камер-фурьерском церемониальном журнале 1811 года (за июль-декабрь), а затем и в «Северной почте» при описании дня открытия лицея говорилось; *«После императорского обеденного стола, будучи их Величества и их Высочества во внутренних государыни старшей императрицы покоях, взаимно во оных распрощались и соблаговолили из Царского Села отсутствовать: ее Величество с ее Высочеством великою княжною и свитою своею в Гатчину, а их Величество государь император... в Санкт-Петербург»* [5, с.43].

Пародируя официальное описание праздника, Тынянов вводит эту выдержку и в дневник Куницына. Однако в тексте Куницына она воспроизводится уже в заметно обработанном виде. Сохраняя основные черты казенного стиля, Тынянов вместе с тем устраняет из нее излишне тяжеловесные формы, которые бы затрудняли чтение художественного текста. Сравните: «Потом, говоря камер-лакейским языком «Северной почты», *после обеденного стола во внутренних покоях взаимно распрощались и соблаговолили отсутствовать, те в Гатчину, а сии - в Петербург»*.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют, что при понимании исторической стилизации лишь как имитации языка прошлого границы между этими частями невозможно установить ни теоретически, ни практически. А самое главное, что при таком суженном понимании исторической стилизации разрушается художественная целостность речевой структуры исторического жанра.

С учетом сказанного, целесообразно разграничивать две основные формы исторической и, соответственно, историко-поэтической стилизации в художественных произведениях о прошлом. Одна из них - это открытое, незавуалированное воспроизведение письменной и устной речи прошлого в виде графически выделенных текстов, отдельных предложений, слов, словосочетаний, фразеологизмов. Другая форма – это скрытое, завуалированное воспроизведение в диалогах и авторской речи отдельных документально-достоверных слов, выражений и целостных высказываний, текстов. В целом ряде случаев эти две формы исторического воспроизведения языка прошлого в его разных стилистических разновидно-

стях используются комбинированно, органически сочетаются. Предпочтительное использование той или другой формы в художественном произведении характеризует индивидуальный стиль романиста.

Посредством целостных синтаксических структур из различных документальных источников стилизуется в завуалированной форме речь Малиновского: «Все осталось, как прежде. Русский человек без достоинства. Царь, возбудивший такие надежды вначале, *не желал расставаться со старой властью царей русских: ссылать в Сибирь, и сечь, рубить и вешать равно и правого и виноватого,- продолжалась великая обида россиянам: народ от пьянства погибал. Вот однажды напившись, возмятется народ и разрушит насильственные узы рабства!* Все, как прежде, и к старым обидам прибавляются новые. Помина нет о том, чтобы *созывать депутатов,*- и он воспитывал детей тщетно.

Война приближалась, неистовая. Восемь лет назад он написал *проект вечного мира.*

Самборский проснулся.

- Бонапарт оседлал неукротимого коня - сказал ему медленно Малиновский, смотря на него воспаленными глазами.- *Восплачут сыны России, разлучаемы с матерьми и женами,- сотни тысяч рекрут! Не забуди звания убогих твоих!*

И он рухнул на колени, всплеснул руками и заплакал. Все английское вдруг в нем исчезло».

Выделенная в этом стилистически и ситуативно приподнятом контексте прямая и непосредственно-прямая речь Малиновского представляет собой своеобразную контаминацию отрывков из его дневника, как: «Спросить кроткого монарха, *пожелает ли он расстаться с сею властию русских царей рубить и вешать, сечь и засылать в Сибирь без разбору правого с виновным* по единой досаде или лукавым наветам» [4, с. 116]. *«Народ…лишает себя последних сил распространяющимся пьянством... Напившись когда, возмятется народ и разрушит насильственные узы рабства»* [4, с. 119]. *Бнапарт,* как второй Александр, *оседлал неукротимого коня... »* [4, с. 131]. *«От славного Бонапарта восплачут сыны России, разлучаемы с отцами, матерьми, женами и детьми,- семьдесят тысяч рекрут. Не забуди звания убогих твоих!»* [4, с. 131].

Однако завуалированная форма воспроизведения целостных синтаксических структур применима лишь к прозаическим текстам. Стихотворные тексты в силу своей особой ритмомелодики не могут быть воспроизведены на страницах исторического романа целостными поэтико-синтаксическими структурами в завуалированной форме. Они могут быть воспроизведены только в открытой форме, причем даже в тех случаях, когда выполняют чисто стилизационную функцию и не выражают никакого содержания. Наглядным примером может служить лекция профессора Кошанского, изображенная Тыняновым. Будучи большим мастером завуалированной формы стилизации, Тынянов лекцию Кошанского почти полностью строит скрытом воспроизведении фрагментов из «Общей реторики» профессора. Зато несколько стихотворных строк из перевода Кюхельбекера вынужден дать в открытой форме: «Назавтра лекцию свою он начал с достоинства слога. Профессор недаром бессонными ночами более всего размышлял над тем, что такое достоинство слога. *Простой слог был способ писать так, как говорят. Некоторые его ложно называли низким только потому, что он не был высок. Но выражения, слова, мысли в сем слоге вовсе не низки, они обыкновенные, но благородные.*

Он добился внимания, Кюхельбекер, скрипя пером, записывал...

Но где учиться простому слогу?

Он наслаждался: ему внимали прилежно и в самом деле ждали ответа на этот вопрос...

- Не на площадях нужно искать простоты, ибо от сего стиль площадной, а в разговорах высшего круга людей.

Он заставил их записать правила *ясности слога: знание предмета, связь мыслей, точность слов.* Правила были неоспоримы, но он любил облагородить сухую теорию прозаическую образами поэзии и поэтому, заодно продиктовал, что *ясность слога бывает дневная, лунная и солнечная... Он* огорчился, увидев, что некоторые не сочли нужным последнего записать, и между ними Пушкин.

Тогда он перешел к порокам слога.

Он вытащил из кармана сочинение Кюхельбекера - перевод из «Грозы» Сен-Ламберта - и прочел медленно, наслаждаясь:

Страх при звоне меди
Заставляет народ устрашенный
Толпами стремиться в храм священный.
Зри, Боже, число, великий,
Унылых, тебя просящих...

Все заулыбались, Пушкин и Яковлев захохотали, но ему самому надлежало сохранять спокойствие.

Это есть бессмыслица,- сказал он,- не простая, а высший род ее, ибо если стараться, сего не достигнешь. *Здесь нет связи в сочленениях.* Это могу уподобить только Тредиаковскому.

Не называя автора, он сказал и о причинах бессмыслицы:

- Ничего столько не пленяет воображения молодых людей, как возвышенный слог. Они стремятся к подражанию и впадают в темноту, пустословие, бессмыслицу, галиматью. Слог их тяжелый, грубый, дикий, шероховатый, холодный, надутый, натянутый, топорный, водяной, булыжный!

Слова пленяли его, и осторожность исчезла. Кюхельбекер сидел, бессмысленно глядя на него, надутый, с диким выражением в глазах. Взгляды всех на него обратились. На высший род бессмыслицы был способен только он. Спасительная лоза поделом ему досталась… Однако насмешки не должны были идти слишком далеко... Следовало обратиться к другому предмету, дать мыслям другое направление, и он перешел к *слогу неприличному.*

Небрежность неприлична. Галлицизмы, бессвязность, смесь низких слов с высокими, шуточных с важными. Неприличия в предмете: вино, сладострастие - таков новейший модный порок поэзии. *Слог водяной, пустой, развязный, мысли скачущие - ни плавности, ни постепенности...*

Это была не только лекция, это была жалоба сердца. Он не терпел этой *насмешливой, легкой, язвительной, шаткой, песенной, болтливой поэзии,* которая всех вокруг очаровывала. Пушкин - стихотворец был в этом роде. Племянник его шествовал, видимо, за дядею...

И, покончив с критикой, профессор сказал о слоге, который приличен, которым немногие одарены и который он хотел бы видеть у неоперенных еще, недозрелых еще, не излетавших еще из гнезда талантов:

- Слог плавный и нелепый, гармонический, приятный, слог обработанный, иногда затейный и колкий, всегда живой, свежий и натуральный, слог живописный, размашистый, добротный, огневой!

Он зажмурился и с тою улыбкою, которую всегда употреблял в дамском обществе, раздельно, тихо произнес:

- Слог шелковый, слог бархатный... жемчужный!

Никто из юнцов этого слога не имел».

Лекция Кошанского построена на основе «Общей реторики» и подлинного стихотворения лицеиста Кюхельбекера. Вот соответствующие отрывки из «Реторики» Кошанского: «Раздел: *Слог и его достоинства... Простой слог... способ писать так, как говорят. Иные называют его низким, в противоположность возвышенному... Слова... Мысли сему слогу свойственны простые, обыкновенные, но благородные.*

Простому слогу должно учиться не только читая сочинения, писанные сим слогом, *но и примечая разговоры в лучших обществах, в высшем кругу людей...*

Ничто столько не пленяет воображения молодых людей, как слог возвышенный. Они стремятся к подражанию. Но не имея сил возвыситься к высоким деяниям, мыслям и чувствам, подражают только наружности, высокопарным словам и выражениям: и через то делаются пустыми и смешными декламаторами... Посему начинающие должны удерживаться от сего слога до известного времени...

Частный слог... есть способ писать по своему характеру, по своему вкусу.

Мы говорим: *Слог легкий, плавный, быстрый, нежный, гармонический, приятный, прелестный..., слог живой, свежий, натуральный, живописный, пылкий, огненный и пр. И наоборот: слог тяжелый, грубый, дикий, шероховатый: слог холодный, принужденный, надутый, высокопарный, натянутый, растянутый и пр.* Названия показывают и свойства. Иногда названия слогу дают забавные, от подобия и отношения. Например: *слог водяной, чопорный, булыжный,- или шелковый, бархатный, жемчужный...*

Первое достоинство слога - ясность...

... Есть разные степени ясности, также как и света. Если читатель понимает, размышляя и догадываясь - *это свет лунный:* если, читая, видит и чувствует - *свет дневной,* он и греет. Если читает и поражается истиною - *это яркий свет солнца* - ясность гения...

Три правила сохраняют ясность: первое требует твердого знания предмета. Второе правило ясности требует здоровой, основательной связи в мыслях... Нарушение здравой связи в мыслях производит особый род темноты, называемый пустословием, бессмыслицей, галиматьею... Слог должен быть приличен предмету: простой предмет требует простого, важный - важного... Приличие не терпит странного смешения слов и выражений низких с высокими, шуточных с важными.. Чистота... слога... нарушается:1) словами низкими и площадными» [2, с.87-94].

Эти памятные многим лицеистам стихи Кюхельбекера Тынянов и включает в лекцию Кошанского. Художественно-содержательной роли они никакой не играют. Они выполняют чисто стилизационную функцию, служат примером неумелого подражания лицеистов высокому классическому слогу. И чтобы наглядно показать эти недостатки подражательного стихотворения Кюхельбекера, романист волей-неволей вынужден давать в открытой форме синтаксически целостный стихотворный отрывок, в то время как многие текстовые включения из «Реторики» Кошанского даются в завуалированной форме.

Таким образом, незавуалированная форма историко-поэтической стилизации, в отличие от завуалированной, может осуществляться не только лексическими, фразеологическими средствами, отдельными предложениями, но и сложными поэтико-синтаксическими структурами. С этой позиции воспроизведение поэтического текста в художественно-историческом тексте, то есть «текст в тексте» может быть рассмотрено как средство историко-поэтической стилизации.

В общем составе целостных поэтико-синтаксических структур, использованных в романе Ю.Тынянова, преобладают сверхфразовые стихотворные единства и фрагменты, состоящие их двух-трех сверхфразовых единств. Глубинные особенности поэтического языка наиболее ярко и наглядно проявляются не в его отдельных элементах, а в развернутом целостном тексте, представляющем собой сложные синтаксические целые и целостные объединения этих сверхфразовых единств. Именно в речевой структуре целостной части стихотворного текста в наибольшей мере отражаются интонационно-синтаксические особенности поэтического языка писателя, особенности семантики и экспрессии, обусловленные взаимодействием различных компонентов целостного текста. Поэтому стихотворные сверхфразовые единства и их фрагментные объединения играют ведущую роль в системе средств историко-поэтической стилизации в романах о Пушкине и его эпохе.

Список литературы:

1. Грот Я. Пушкин и его лицейские товарищи и наставники. Изд.2.- СПб, 1899.- 316с.
2. Кошанский Н. Общая риторика. Изд.4.- СПб, 1836.-130с.
3. Левин В.Д. Средства языковой исторической стилизации в романах Ю.Н.Тынянова.- В. кн.: Исследования по языку советских писателей. М.: Изд. АН СССР, 1959, - 214с.
4. Тынянов Ю.Н. Пушкин и Кюхельбекер.- Литературное наследство. М., Жургазобъединение, 1934, кн. 16-18,- 378с.
5. Тынянов Ю.Н. Заметки о лицейских стихах Пушкина.- Временник Пушкинской комиссии АН СССР. М.-Л., 1936, вып.1, -135с.

СУБЪЕКТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ КОНЦЕПТА КРАСОТА В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ

Колышкина Татьяна Борисовна
канд. фил. наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского
Маркова Елена Владимировна
канд. психол. наук, доцент Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова
Шустина Ирина Викторовна
канд. фил. наук, доцент, зав. кафедрой теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского

SUBJECTIVITY CONTENTS BEAUTY CONCEPT IN ADVERTISING DISCOURSE YOUNGER AUDIENCES
Kolyshkina Tatiana Borisovna, Candidate of Philological Sciences, (Assistant) Professor, Yaroslavl state Teachers' Training University named after K.D.Ushinsky
Markova Elena Vladimirovna, Candidate of Psychological Sciences, (Assistant) Professor, Yaroslavl state university named after P.G.Demidov
Shustina Irina Victorovna, Candidate of Philological Sciences, (Assistant) Professor, Head of department of Department of Theory of Communication and Advertising, Yaroslavl state Teachers' Training University named after K.D.Ushinsky

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются особенности анализа концепта с учетом типа дискурса. Такой подход позволяет установить специфические признаки концепта. Цель авторов – рассмотреть особенности восприятия концепта красота в рекламном дискурсе представителями подростковой и молодежной аудитории. Для достижения цели использовалась процедура построения семантического пространства и дендрограмм. В результате исследования было установлено, какие рекламные доводы могут сформировать у целевой аудитории представление о товаре (услуге) как источнике красоты.

ABSTRACT

The article discusses the features of the analysis of the concept with regard to the type of discourse. This approach allows you to set specific features of the concept. The aim of the authors - see especially the perception of the concept of beauty advertising discourse representatives of teenage and youth audiences. To achieve the goal, the procedure for constructing semantic space and dendrograms. The study found some promotional reasons may form the target audience understanding of the product (service) as a source of beauty.

Ключевые слова: Рекламный дискурс, концепт, семантическое наполнение, семантический дифференциал кластерный анализ

Keywords: Discourse in advertising, concept, semantic content, semantic differential, cluster analysis

В данном исследовании анализ концепта представлен с учетом типа дискурса, в котором концепт функционирует. Такой подход позволяет рассмотреть концепт не как абстрактную лингвистическую категорию, а как явление коммуникации, установить не только его образно-понятийную и ценностную составляющую, свойственную определенной лингвистической культуре, но и специфические дискурсивные признаки концепта.

Известно, что рекламный дискурс предполагает оценку. В языковом сознании концепт *красота* связан с эстетической оценкой предмета. Предварительный анализ показал, что применительно к рекламе можно выделить субъект-объектную оценку (когда покупатели оценивают рекламируемый товар) и субъект-субъектную оценку (при которой происходит оценка рекламного героя как потребителя товара). При субъект-субъектной оценке может происходить идентификация потребителя с рекламным персонажем. Профессионально сделанная реклама, как правило, воплощает в себе некую концепцию идентичности, которая может рассматриваться как способ воплощения идеализированного субкультурного представления. В зависимости от группы товара может быть представлена любая из этих оценок, применительно к услуге – только субъект-субъектная оценка [2].

В данной работе представлено исследование, направленное на выявление особенностей восприятия концепта красота (субъект-объектный аспект) на примере подростковой и юношеской целевой аудитории. Было опрошено 40 человек. Испытуемыми являлись школьники в возрасте от 15 до 17 лет и студенты в возрасте от 17 до 23 лет. Выборка была равномерной по полу и социальной принадлежности. Для опроса респондентов использовался метод модифицированного семантического дифференциала[1], в качестве математической обработки был применен метод кластерного анализа и построения дендрограмм. Этот метод позволил установить семантические связи и построить семантические пространства концепта качество для каждой группы респондентов.

[1] В результате ассоциативного эксперимента, проведенного на первом этапе исследования, были установлены параметры, на основании которых осуществляется оценка красоты товара в рекламе: *внешний вид, мода, здоровье, забота, натуральность, успех, гармония, необычность, бренд, индивидуальность, стиль, яркость, образ жизни, эстетичность, дизайн, молодость, имидж, очарованье, упаковка, высокая стоимость.* Каждый параметр респондент оценивал по пятибалльной шкале, где 5 – максимальная степень выраженности согласия, 1 – минимальная

В семантическом пространстве концепта *красота* у школьников выделяются 5 кластеров. Первый кластер образует группа, включающая два подкластера. В первом объединенные попарно категории: *дизайн* (4,6)[2] – *стиль* (4,6)*, внешний вид* (4,8) *индивидуальность* (4,6), к ним примыкают категории *здоровье* (4,6)*, натуральность* (4,8). Во второй подкластер вошли конструкты *бренд* (4,2)*, мода* (4,2) и *очарованье* (4)*, эстетичность* (3,8)*, имидж* (4,2). Подобное сочетание понятий объясняется следующим образом: для школьников старшего школьного возраста характерно внимание к внешнему виду, их социализация предполагает повышенное внимание к своей внешности, которая, по их мнению, определяется не только внешними физическими качествами, но и красивым товаром. Это время поиска своего стиля, формирования определенного имиджа, следования моде, которая подчеркивает принадлежность к определенной субкультуре. Стремление к внешнему эффекту обусловлено желанием нравиться, обрести свою индивидуальность, свой стиль, выделиться. Часто именно эти качества обеспечивают успех в среде сверстников, поэтому красивая одежда, обувь, стильный дизайн, известный бренд очень важны для данной группы респондентов, потому что подчеркивают статус обладателя.

Для старших подростков важна спонтанность, естественность поведения, которая может принимать протестные формы. Вероятно, коэффициент субъективной потребительской значимости категории *натуральность* и объясняется тем, что старший подросток считает красивым именно спонтанное, естественное поведение в противовес нормативному, навязанному социумом. Эта протестность поведения успешно используется разработчиками в рекламе, ориентированной на аудиторию старших школьников: *Имидж – ничто, жажда – все.*

Все понятия первого подкластера входят в диапазон высокого *коэффициента субъективной потребительской значимости*[3] (далее КСПЗ), характеризуются близостью в семантическом пространстве, это позволяет рассматривать их как ядро кластера (отметим, что ядро кластера группы респондентов может не совпадать с ядром концепта, полученным на общей выборке). Поскольку следующие конструкты семантического пространства обладают меньшим КСПЗ, то в рекламе товаров или услуги, которые ориентированы на эту целевую аудиторию, необходимо уделять внимание именно этим категориям.

Следующий кластер включает конструкты *необычность* (3,8)*, успех* (4,2)*, яркость* (4)*, упаковка* (3,6)*.* В семантическом поле они находятся в непосредственной близости к словам первого кластера. Основу кластера составляют категории *успех* и *необычность,* однако средний КСПЗ одной из них указывает, что она имеет значение лишь для части респондентов, а низкий КСПЗ другой – что данная категория незначима.

Третий кластер составляют понятия *забота* (3,4), *высокая стоимость* (3) и *гармония* (3,2). Они характеризуются низким КСПЗ, что говорит о незначительном влиянии на потребительский выбор. Часть респондентов считает, что красота определяется заботой. Однако σ=1,67 свидетельствует о неоднородности оценки. Конструкт *высокая стоимость*, отличается низким КСПЗ, возможно, потому, что в силу своего положения в семье (представители этой группы не зарабатывают деньги, не планируют семейный бюджет) они не могут объективно оценить необходимость дорогой красивой вещи, главное, чтобы она нравилась и была модной, а сколько она стоит, неважно.

Следующий кластер включает два конструкта: *молодость* (2,8)*, образ жизни* (3,2). Низкий КСПЗ параметров объясняется следующим. Во-первых, молодость пока не осознается респондентами как ценность, они не переживали ее утрату. Во-вторых, молодость воспринимается школьниками как недостаток, который мешает им приобщиться к миру взрослых, выйти из-под родительской опеки и самим определять свою жизнь. Казалось бы, аналогичным должно быть отношение к категории *здоровье*, которая упоминалась выше. Однако статистика свидетельствует о высоком КСПЗ (4,6), а ответы однородны (σ=0,8). Возможно, в данной ситуации, срабатывает стереотипное отношение к категории *здоровье*, сформированное под влиянием общественного мнения и СМИ, ведь реклама ряда товаров апеллирует именно к этой ценности. Другой параметр *образ жизни* также незначим для опрошенных, поскольку он формируется в течение определенного времени под влиянием целой группы факторов: особенностей работы (у школьников учебы) и быта, общественной и культурной жизни, поведенческих привычек, у школьников они еще не определились, а жизненный опыт еще мал.

В семантическом пространстве концепта *красота* у школьниц выделяются 3 кластера. Первый кластер объединяет восемь конструктов: *внешний вид* (4,8)*, необычность* (4,8)*, упаковка* (4,8)*, стиль* (5)*, яркость* (4,6)*, дизайн* (4,6)*, бренд* (4,2)*, индивидуальность* (4,6). Внутри данного кластера семантические категории образуют три подкластера. В первом объединяются понятия *упаковка, необычность, внешний вид.* В семантическом пространстве респондентов этой группы они существуют как тождественные и обнаруживают высокую однородность оценок (σ=0,45). К ним примыкает конструкт *стиль*, который для всех респондентов данной группы максимально значим (σ=0,00). Во второй подкластер входят объединенные вместе тождественные, в восприятии данной группы, понятия *дизайн* и *яркость* (σ=0,89). Все перечисленные понятия находятся в зоне высокого КСПЗ и составляют ядро кластера. Такое сочетание объясняется теми же факторами, что и у школьников. На некотором удалении от основной группы конструкты *бренд* и *индивидуальность*. Возможно, респонденты считают, что принадлежность бренду влияет не на красоту товара, а на другие его характеристики. В свою очередь, по мнению респондентов этой возрастной группы, красивый товар этот такой товар, который способен подчеркнуть индивидуальность владельца.

[2] Показатели, данные в скобках, представляют собой среднее значение по группе опрошенных.

[3] Коэффициент субъективной потребительской значимости – параметр, отражающий степень связи концепта качество с переменными ассоциативного ряда. Рассчитывается на основе среднего. Высокий КСПЗ, если его значение находится в интервале [5; 4,6]; средний КСПЗ, если его значение находится в интервале [4,5; 4,1], низкий КСПЗ – в интервале [4,0; 1,0].

Следующий кластер объединяет шесть категорий *здоровье* (3,8), *забота* (3,3), *успех* (4), *гармония* (3,8), *эстетичность* (3,8), *образ жизни* (3,4). Все обозначенные категории обладают низким КСПЗ и не способны выступать в качестве аргументов в рекламе, направленной на эту группу потребителей.

Третий кластер объединяет два подкластера. В первом объединяются тождественные понятия *очарование* (3,6), *имидж* (3,6) и примыкающий к ним конструкт *мода* (4). Во втором – *молодость* (3,8), *натуральность* (3,2). Объединение слов в этом кластере можно объяснить теми же причинами, что и у группы школьники. Указанные параметры отличаются низкой степенью значимости и находятся на периферии кластера. Незначим для этой группы и критерий *высокая стоимость* (2,6).

Исходя из сказанного выше, можно утверждать, что для девушек школьниц красив тот товар, который обладает необычным, ярким, стильным дизайном или внешним видом и относится к категории не серийных, а брендовых или уникальных. При этом цена или натуральность не имеют значения. Главное для них – яркий нестандартный внешний вид.

В семантическом пространстве концепта *красота* у студентов выделяются три кластера. Первый кластер объединяет одиннадцать понятий и распадается на два подкластера. В первый подкластер входят *внешний вид* (4,8), *успех* (5), *стиль* (5), *имидж* (5), *образ жизни* (4,6), *мода* (4,4), *индивидуальность* (4,6), *яркость* (4,4), *дизайн* (4,8). Результат, полученный при построении семантического пространства методом кластерного анализа, частично совпадает с группой школьников в том, что повышенное внимание к своей внешности помогает выделиться в группе и заявить о своей индивидуальности. Три понятия (*стиль, имидж* и *успех*) обнаруживают абсолютное тождество, они значимы для потребителя (высокий КСПЗ) и составляют ядро кластера. Можно предположить, что ключевым здесь будет слово *успех*. Успех может проявляться по-разному: успех в учебе, успех у противоположного пола, успех любой ценой, финансовый успех и пр.

Далее к ним присоединяются категории *внешний вид* и *образ жизни*. Соединение этих понятий в одном кластере позволяет говорить о том, что представители группы студенты, в отличие от группы школьники, начинают экспериментировать с образом жизни, выбирая для себя тот, который далее будут считать эталонным. Немаловажную роль здесь играет внешний вид и стиль, которые формируют имидж. Подтверждают это и объединенные в отдельную группу понятия *мода, индивидуальность, яркость*. Мода позволяет подчеркнуть и образ жизни, и индивидуальность. Слово *мода* в рекламном дискурсе реализует несколько смыслов: 1. ‘совокупность привычек и вкусов, господствующих в определенной общественной среде и в определенное время’; 2. мн. ‘образцы предметов одежды, отвечающие таким вкусам’; 3. ‘манера поведения, обычай’ (прост.). [1, с. 288]. Вероятно, представители группы мужчины студенты рассуждают так, модный товар способен подчеркнуть мою индивидуальность, выделить меня среди окружающих и в то же время подчеркнуть групповую идентичность. И в этом случае можно говорить о социальных и эмоциональных преимуществах, которые дает красивый товар его обладателю. Лексема *индивидуальность* (от *индивидуальный*) реализует семантику. ‘личный, свойственный данному индивидууму, отличающийся характерными признаками от других’ [1, с. 202], а *яркость* (от *яркий*) употребляется как в прямом ‘резкий по чистоте и свежести тона’, так и в переносном значении ‘выдающийся в каком-н. отношении’ [1, с. 202]. Ассоциации респондентов этой группы позволяют построить лексическую парадигму с инвариантом *яркость*: *цвет, расцветка, приятный внешний вид, имеет красивую окраску, поможет преобразиться*. Представленные понятия позволяют выделить одно из главных составляющих концепта красота – свойство товара, обеспечивающее выразительность, способность производить сильное впечатление.

Самостоятельный подкластер в данном кластере образуют понятия *упаковка* (4,2) и *необычность* (4,2). Объединение этих конструктов подтверждает, что свою индивидуальность потребители студенты подчеркивают благодаря необычности самого товара и его внешним характеристикам таким, как упаковка. Все категории обладают средним КСПЗ, что позволяет сделать вывод о значимости лишь для определенных сегментов.

Второй кластер образуют категории *здоровье* (3,6), *натуральность* (3,6), *высокая стоимость* (2,8). Такое сочетание понятий можно объяснить тем, что представители данной группы осознают, что красота является следствием потребления натуральных, экологически чистых, полезных товаров, которые помогают сохранить здоровье человека, данные товары не могут стоить дешево. Однако в силу возраста, отсутствия проблем со здоровьем данные характеристики оказывают незначительное влияние на потребительский выбор, о чем свидетельствует низкий КСПЗ.

В третьем кластере происходит деление на два подкластера. Один из них составляют конструкты *забота* (3,2), *гармония* (3,6), *молодость* (4). Такое объединение понятий в сочетании с низким КСПЗ свидетельствует, что, как и у школьников, данные характеристики в силу возраста не являются значимыми для респондентов. В основе второго подкластера – понятия *бренд* (4,2), *эстетичность* (4) и *очарованье* (3,6). Конструкты, образующие второй подкластер отражают ценности мужской студенческой аудитории, ориентированные частично на себя (*бренд*) и частично на другого человека (*эстетичность, очарование*). Возможно, этим объясняется разница КСПЗ.

В семантическом пространстве концепта *красота* группы студентки выделяются четыре кластера. Первый кластер объединяет девять конструктов *внешний вид* (4,8), *успех* (4,6), *мода* (4,6), *эстетичность* (4,8), *стиль* (4,6), *натуральность* (4,2), *гармония* (4,4), *дизайн* (4,4), *образ жизни* (4). Внутри кластера категории делятся на три подкластера. Первый подкластер объединяет слова *внешний вид, успех*. Второй подкластер включает иерархически объединенные понятия *мода, эстетичность* и примыкающие к ним *стиль*. Все они получили достаточно высокие оценки и относятся к зоне высокого КСПЗ, на основании чего могут быть отнесены к ядру кластера. В третий подкластер входят тождественные понятия *дизайн* и *гармония,* семантически близок им конструкт *натуральность*. К этому кластеру примыкает отлетающий конструкт *образ жизни*. Его низкий КСПЗ подтверждает незначительное влияние на группу студенток. В отличие от группы юноши

девушки студентки включил в этот кластер категорию натуральность, что свидетельствует об актуальной потребности молодых женщин приобретать экологичные товары, произведенные из натуральных материалов. Красив для студенток именно тот товар, который произведен из натуральных материалов, а не синтезирован искусственно. Мужчинам студентам в данном случае все равно, товар может быть и красивым и синтетическим.

Во второй кластер входят конструкты *здоровье* (3,4), *имидж* (3,8), *необычность* (3,2), *очарованье* (3,6), *индивидуальность* (4). Все они обладают низким КСПЗ. Стандартное отклонение показывает, что категории *здоровье*, *имидж* значимы для отдельных лиц выборки (σ=1,14; σ=1,10). Другие параметры также характеризуются низким разбросом потребительских оценок. Такое положение объясняется тем, что категория *очарование* направлена во внешнюю среду (‘очаровать кого-то’), тогда как категории *мода, стиль, внешний вид* могут быть направлены и на самого субъекта. Молодые женщины сопротивляются идее о том, что они приобретают красивый товар для очарования, так как считают подобное рассуждение социально-неприемлемым для себя. Вероятно, это связано с семантикой слова, ср.: *ОЧАРОВАТЬ, зачаровать, околдовать, заколдовать, заворожить, обворожить, пленить, покорить, прельстить; приворожить* (разг.); ◊ *свести с ума* [1, с. 341].

Третий кластер объединяет понятия *забота* (3,8) и *молодость* (3,2), они мало значимы для данной группы, как и для студентов мужчин. В четвертом иерархическом кластере объединяются конструкты *бренд* (3,4), *упаковка* (3,4), к ним примыкают взаимовлияющие категории *высокая стоимость* (2,8) и *яркость* (3,6).

Как показал анализ, в целом результаты по мужской и женской выборке в группе студенты совпадают. Реклама, направленная на демонстрацию красоты товара, должна содержать в себе указания на моду, эстетику внешнего вида, стиль. Апелляция к бренду, имиджу, цене, здоровью будет неэффективной.

Полученные в результате исследования кластеры, позволяющие выделить содержательную специфику концепта красота в молодежной аудитории, могут быть использованы при создании рекламного продукта для того или иного сегмента рынка. Рекламный текст достаточно часть апеллирует к концепту красота, но при этом не всегда авторы рекламы учитывают, его субъективное наполнение. По итогам исследования очевидно, что если создателям рекламы важно, чтобы или рекламируемый товар или человек как пользователь этого товара воспринимались рекламной аудиторией как красивые, то в тексте будут уместны такие термины как «стиль», «успех», «необычность». В то же время апелляция к высокой стоимости или имиджу не будут эффективной в данном случае, так как эти конструкты слабо связаны с концептом красота.

Список литературы:

1. Ожегов С.И. Толковый словарь современного русского языка. – М.: РАН, 1992.
2. Колышкина Т. Б. Энтропия как средство согласования элементов структуры рекламного текста // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г.Демидова. Серия Гуманитарные науки. . – 2013. - №2 - с. 144-148.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI века

Мележик Карина Алексеевна

канд. филол. наук, доцент Таврического национального университета имени В.И. Вернадского

PREREQUISITES FOR THE EUROPEAN LANGUAGE SITUATION IN THE EARLY XXI CENTURY

Melezhik Karina, Candidate of Science, associate professor of Taurida national V.I. Vernadsky university

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ факторов, обусловивших взаимодействие национальных языков и контактного английского лингва франка (АЛФ) в европейской языковой ситуации. Выделяются функционально-прагматические критерии АЛФ, на основе которых постулируется, что диглоссия европейцев включает АЛФ и родной язык. АЛФ предлагается рассматривать как совокупность социолектов, функционирующих на основе регулярной практики взаимодействия людей в разделяемой области интересов.

Ключевые слова: английский лингва франка, европейская языковая ситуация, социолект, диглоссия.

ABSTRACT

The article discusses factors determining interaction of national languages and English lingua franca (ELF) in Europe where it performs the unique pragmatic function of a contact language. It is claimed that European diglossia is that of ELF and a national language. ELF is argued to have developed into a totality of sociolects employed by non-native English speakers in the international communication.

Keywords: English lingua franca, European language situation, sociolect, diglossia.

Основной принцип языковой политики Евросоюза заложен в том, что «именно разнообразие делает Европейский союз тем, чем он является – не плавильным котлом, в котором стираются различия между народами и языками, а общим домом, где процветает разнообразие, где многочисленные родные языки населяющих его народов являются источником здоровья и служат мостом, ведущим к солидарности и взаимопониманию» [5, p. 2].

Сложившуюся в Европе языковую ситуацию можно сравнить с утилитарной сетевой системой, которую характеризуют две отличительные черты [3, p. 60]. Во-первых, будучи неотделяемой собственностью их

пользователей, языки являются своего рода сетями, связанными с определенными экстерналиями (положительными или отрицательными побочными влияниями), а из этого следует стратегическое взаимодействие как между языками, так и между их пользователями. Во-вторых, каждый язык является своего рода всеобщим достоянием его пользователей, лояльных своему языку до тех пор, пока не возникает ситуация, когда он уже не может удовлетворить их потребности. Тогда они готовы присоединиться к другой сети и уплатить «вступительный взнос» – время и усилия, затраченные на изучение нового языка.

По мнению А. фон Бусекист, специфика языка, как коллективного достояния заключается в том, что его стоимость возрастает с появлением каждого нового пользователя. [3, p. 61] Действительно, исследования французских социолингвистов показали, что увеличение числа говорящих по-английски на 1% ведет к увеличению числа людей, желающих изучать АЯ, на 3.6%. Для французского языка пропорция составляет 1% : 2.2%, а для немецкого – 1% : 1.8%. [6, p. 50]

Анализируя языковую ситуацию в Евросоюзе, бельгийский социолингвист Ф. ван Парийс утверждает, что общий язык должен быть обязательным условием для успешного осуществления процесса европейской интеграции: «Чтобы интеграция стала реальностью, и мы могли общаться на равных началах, ЕС должен принять единый язык, лингва франка, функционирующий помимо и за пределами существующих национальных и региональных языков. Когда речь заходит о выборе лингва франка, английский язык (АЯ) является единственным адекватным средством, потому что за последние десятилетия мы стали свидетелями такой конвергенции относительно выбора второго языка, что любые попытки поиска других альтернатив будут необоснованны и неоправданны». [11, p. 17, 23]

А. де Сваан также настаивает на том, что АЯ как лингва франка (АЛФ) имеет наиболее высокий потенциал, который искусственно занижается в результате проводимой Евросоюзом политики сохранения многоязычия. Поддерживая необходимость изучения и описания всех языков в научных целях, Ф. ван Парийс и А. де Сваан призывают отделять коммуникативный аспект языка от вопросов культуры и власти, отказаться от искусственной поддержки многоязычия как официальной политики и признать реальность использования АЯ в качестве европейского лингва франка. [11, p. 24; 4, p. 577]

Согласно анализу А. де Сваана, АЛФ является тем рациональным выбором, который позволяет малым языковым сообществам преодолевать изоляцию, а их членам обеспечивать лучшие возможности на рынке труда. По его словам, Евросоюз, руководствуясь идеями «радикального многоязычия», проводит языковую политику «метафор и настроений», отказывается смотреть в лицо реальности и становится жертвой собственного недальновидного сентиментализма. Количество языков только усиливает гегемонию АЯ в реальной коммуникации. Чем больше фрагментирован лингвистический ландшафт Европы, тем больше потребность в общем языке, который осуществляет объединяющую функцию в многоязычной Европе [4, p. 577, 578].

АЛФ представляет собой не вызывающий сомнения, неоспоримый факт европейской реальности, и, хотя большинство жителей стран-членов ЕС прекрасно понимают, что использование АЛФ обеспечивает взаимное общение, способствует проведению общеевропейских акций и т.п., как среди лингвистов, так и на официальном уровне существует определенное противодействие растущей экспансии АЯ в Европе. В первую очередь, это касается представителей тех стран, чьи языки обладают большой функциональной мощностью и до недавнего времени широко использовались в Европе, прежде всего, Франции и Германии [2].

Распространение АЯ продолжается де-факто, и, пока ученые и политики дискутируют, жизнь идет своим чередом, и АЯ занимает все более устойчивые позиции. Так, например, вся деятельность вспомогательных служб органов Евросоюза – секретариатов, групп референтов и т.п. – осуществляется только на английском языке [1, с. 36]. Как кратко охарактеризовал эту ситуацию А. де Сваан, «чем больше языков, тем больше английского» [4, p. 578].

Позицию критиков официальной языковой политики Евросоюза можно свести к следующему тезису: концепция АЯ как первого иностранного языка среди других иностранных языков в коммуникации и системе образования должна уступить место концепции АЯ как основного контактного языка – лингва франка объединенной Европы.

Для того, чтобы раскрыть перспективы развития АЛФ в современной Европе, необходимо учитывать, что, как контактный устный и письменный инструмент межнациональной коммуникации, он оптимально отвечает потребностям европейского сообщества, где интернационализм проникает во все формы его жизнедеятельности, включая и те, что, на первый взгляд, могут представлять только локальный интерес. Интернационализация на национальном, отраслевом и институциональном уровнях определяется как процесс интеграции международного, межкультурного, или глобального измерения в назначение, функции и осуществление административно-политической, социокультурной, деловой, образовательной и т.п. активности общества [10].

Утверждение, что АЛФ вытесняет национальные языки из традиционных сфер функционирования, представляется таким же ошибочным, как, например, утверждение, что Интернет является агрессором по отношению к бумажным носителям информации. Вследствие изменения административно-политических и социально-экономических условий соотношение АЛФ и других языков изменяется в трех направлениях:

Во-первых, он возникает и развивается в многоязычном контексте Европейского Союза, что изначально предусматривает необходимость межкультурного и межнационального общения, в рамках которого соотношение языков не является чем-то раз и навсегда закрепленным.

Во-вторых, он подвергается естественному влиянию других языков и выступает как один из нескольких

языковых кодов, которыми владеют коммуниканты, и, соответственно, используется ими в характерном для межкультурных коммуникативных ситуаций переключении кодов, в качестве языка-партнера, а не языка-агрессора.

В-третьих, АЛФ используется коммуникантами, представляющими самые разные типы национальной, региональной, локальной, культурной идентичности. Они могут дополнять АЛФ интерферирующими особенностями своего произношения, лексико-грамматической системы и т.п., но для самого АЛФ культурные и национально-специфические характеристики не релевантны – это язык для коммуникации, а не для идентификации говорящих на нем людей.

АЛФ не противоречит декларируемому Европейским Союзом принципу равенства языков его членов, т.к. является *дополнительным контактным языком* межнациональной коммуникации, который не только независим от норм и стандартов британского и/или американского вариантов АЯ, но вырабатывает собственные, приемлемые для континентальной Европы, критерии коммуникативной корректности на уровне произношения, грамматики и лексики. Необходимо признать устаревшим представление о европейце как монолингвальном индивидууме: англо-европейская диглоссия стала свершившимся фактом. Причем, это не диглоссия национального языка и английского (в традиционном представлении) языка, а диглоссия национального языка и АЛФ, когда в 90% всех коммуникативных ситуаций ни один из партнеров общения не является носителем АЯ, представляющим его традиционно устоявшиеся нормы и стандарты.

Из этого следуют три постулата: а) АЛФ как контактный язык, используемый в межнациональной коммуникации, должен быть достаточно нормирован в фонетическом, грамматическом и лексическом аспектах, чтобы служить оптимальным инструментом общения; б) представления о его правильности не ориентированы на нормы британского и/или американского варианта; и в) АЛФ формируется и развивается по своим правилам, приемлемым для коммуникации континентальной Европы.

В отличие от любого национального языка или национального (регионального, территориального) варианта языка, АЛФ не несет в себе функции *национальной идентификации*, но он может получать определенную ситуативную лингво-культурную идентичность от своих пользователей, вырабатывающих в процессе общения на АЛФ разделяемую ими межкультурную и межнациональную поведенческую основу. В таких контекстах АЛФ получает свойство *социальной идентификации* или, по словам Дж. Дженкинс, способность выражения социально-эмоциональной идентификации. [9, p. 48, 49]

В сосуществовании АЛФ и национальных языков ЕС не просматривается устаревшая, по крайней мере, для Европы, дихотомия национального языка и АЯ как «языка-агрессора», вытесняющего национальный язык из каких-либо сфер употребления на его территории, поскольку они выполняют различные функции. Более того, использование АЛФ для межнациональной коммуникации мотивирует ее участников относиться к своему национальному языку как основной категории национальной идентичности, связывающей его носителей с национальной культурной и исторической традицией.

В *индивидуальном аспекте*, владение общим контактным языком дает гражданам Евросоюза возможность в полной мере осуществлять свое право свободы передвижения в границах ЕС. Поэтому Ю. Герхардс называет АЯ транснациональным капиталом, который не только позволяет его владельцам проживать и учиться в любой стране ЕС, но и повышает их шансы найти наиболее оптимальную работу [7, p. 186].

В *социально-политическом аспекте*, владение АЯ увеличивает транснациональный социальный капитал и расширяет доступность европейских социально-политических сетей. В свою очередь, расширяется круг деловых связей и открываются новые возможности участия в политической жизни и общественно-политического влияния в контексте европейской интеграции.

В *экономическом аспекте*, общение на одном контактном языке сокращает издержки, необходимые для ведения международного бизнеса и, тем самым, оказывает положительное влияние на рынок труда, способствует европейскому экономическому росту и географической мобильности бизнеса.

В *аспекте объединенной Европы*, общий контактный язык способствует консолидации европейцев: как писал Ю. Хабермас, объединенное языковое сообщество Европы имеет возможность преобразоваться в «демос», не будучи «этносом» [8, s. 69]. Для большинства жителей Европы ЕАЛФ не ассоциируется с национальной территорией, а служит инструментом коммуникации, свободным от т.н. «исторического балласта, отягчающего национальные языки» [8, p. 188].

Таким образом, в качестве основных предпосылок, определяющих перспективу развития АЛФ как функционального типа, подчеркнем три фактора: 1. *Наличие европейской многонациональной общности*, владеющей и использующей АЛФ в межнациональной коммуникации. Это жители стран Евросоюза и ассоциированных с ним государств. 2. *Демографический потенциал* в данной многонациональной общности – 38% граждан ЕС (более 140 млн. человек) утверждают, что они владеют АЯ в достаточной мере для свободного общения. 3. *Функциональный потенциал* – в европейском административно-политическом, деловом, научно-академическом, культурном и т.п. сообществе АЯ выполняет функцию основного контактного языка, лингва франка межнациональной коммуникации, оптимально отвечающего потребностям членов этого сообщества, которое вступило в эру интенсивной интернационализации.

Мы предлагаем рассматривать АЛФ как совокупность социолектов, разнообразных языковых образований, объединяемых на основе общего функционально-прагматического фактора**.** Они функционируют на основе регулярной практики взаимодействия людей в разделяемой области интересов, и условием функционирования того или иного социолекта является социализация пользователей путем усвоения новых лингвокультурных и языковых норм. Эти социолекты реализуются в ограниченных наборах коммуникативных ситуаций, диапазон которых варьируется от обмена простыми высказываниями до научной дискуссии.

Как заявил Ф. Ван Парийс, «английский – это наш язык, даже если для многих из нас это только один из

наших языков. И мы будем использовать его, чтобы сказать по-английски то, что мы сами хотим сказать, а не то. что правительство страны, населенной носителями АЯ, хотело бы, чтобы мы сказали» [11, p. 139].

Список литературы:

1. Крючкова Т.Б. Языковая политика и реальность / Т.Б. Крючкова // Вопросы филологии. 2010, N 1 (34). – С. 30-39.
2. Ammon U. Language conflicts in the European Union / U. Ammon // International Journal of Applied Linguistics, 2006, Vol. 16/3. – P. 319-338.
3. Busekist A. One Man, One Voice! One People, One Language? / A. von Busekist // T. Herman (ed.) For the People, By the People. – Jérusalem, IDI Press, 2012. – P. 51-86. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://en.idi.org.il/media/1429204/ByThePeople_BUSEKIST.pdf
4. De Swaan A. Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism / A. De Swaan // European Review, 2004, Vol. 12/4. – P. 567-580.
5. De Swaan A. The language predicament of the EU since the enlargements / A. De Swaan // Sociolinguistica, 2007, N 21. – P. 1-21.
6. Fidrmuc J., Ginsburgh V., Weber Sh. Le français, deuxième langue de l'Union Européenne? / J. Fidrmuc, V. Ginsburgh, Sh. Weber // Économie publique, 2004, N 15/2. – P. 43-63.
7. Gerhards J. From Babel to Brussels. European Integration and the Importance of Transnational Linguistic Capital / J. Gerhards. – Berlin: Freie Universität Berlin, 2012. – 222 p.
8. Habermas J. Ist die Herausbildung einer europäischen Identität nötig und ist sie möglich? / Jürgen Habermas // Der gespaltene Westen. Kleine politische Schriften X. – Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2004. – P. 68-82.
9. Jenkins J. World Englishes. A resource book for students / J. Jenkins. – London and New York : Routledge, 2003. – 233 p.
10. Knight J. Updated Definition of Internationalization / J. Knight // The Boston College for International Higher Education newsletter, 2003, N33. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.bc.edu/content/dam/files/research_sites/cihe/pdf/IHEpdfs/ihe33.pdf
11. Van Parijs Ph. English as the European Union's Lingua Franca : Prerequisite of Solidarity, Source of Injustice, Factor of Decline? / Philippe Van Parijs // Economie publique, 2004, N 15/2. – P. 13-32.

ДИЛОГИЧЕСКАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ ПЕДАГОГА – ЗАЛОГ УСПЕШНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ СТАНДАРТОВ ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ. (ИЗ ОПЫТА РАБОТЫ В РАМКАХ ЭКСПЕРИМЕНТА ПО РЕАЛИЗАЦИИ СТАНДАРТА ВТОРОГО ПОКОЛЕНИЯ)

Вагизова Диляра Анверовна
Учитель русского языка и литературы МБОУ г. Астрахани «Гимназия №2»
Мининбаева Аделя Анатольевна
Учитель информатики МБОУ г. Астрахани «Гимназия №2»
Ахмеджанова Альфия Анатольевна
Учитель математики МБОУ г. Астрахани «Гимназия №2»

DIALOGIC COMPETENCE OF THE TEACHER IS THE KEY TO THE SUCCESSFUL IMPLEMENTATION OF THE STANDARDS OF THE SECOND GENERATION IN THE EDUCATION SPACE. (FROM experience in the IMPLEMENTATION of the EXPERIMENT of the SECOND GENERATION)

Vagizova Dilyara Anverovna, Teacher of Russian language and literature, MBOW. Astrakhan "Gymnasium № 2"
Mininbaeva Adel Anatolevna, Informatics Teacher. MBOW Astrakhan "Gymnasium № 2»
Achmedzhanova Alfiya Anatolevna, math teacher of AstrakhanMBOW Astrakhan "Gymnasium № 2»

АННОТАЦИЯ

Цель нашей статьи заключается в том, чтобы поделиться своими первыми впечатлениями, которые нам пришлось испытать, участвуя в эксперименте по реализации ФГОС ООО.

ABSTRACT

The purpose of this article is to share my first impressions, that we had to experience by participating in an experiment to implement FGOSOOO.

Ключевые слова: предметная компетенция, методическая компетенция, готовность к сотрудничеству

Keywords: the subject-matter competence, didactic competence, willingness to cooperate

…Приучаю себя к сдержанности и терпению.
Учусь делать черную работу в науке воспитания.
Изучаю, сопоставляю и накапливаю факты.
…играя, экспериментируя, наблюдая, стараюсь не остаться у поверхности фактов. Не превращаясь в архивариуса. Пытаюсь проникнуть в тайну их возникновения.

А потом… Настойчиво ищу законы, ими управляющие, дающие право научить, научиться и передать последующему поколению главную бессменную философию жизни – быть людьми.

Продолжая мысли эпиграфа (быть людьми!), рассуждаем, кто этого не хочет, ведь как говорил Л.Н. Толстой: «Человек рожден для счастья».

Но почему эта философия не соответствует действительности? Если окинуть историю, прямо или косвенно каждое поколение сталкивается с разными ситуациями насилия, агрессии, жесткости. Кто больше всего страдает от этих проявлений? У кого нарушается хрупкая психика?

Конечно, у детей. Они – наиболее восприимчивая, наиболее чувствительная к любым эмоциональным проявлениям часть общества. И в то же время наиболее беззащитная перед лицом жестокости и агрессии.

Как сложатся отношения с другими подростками? Сможет ли и захочет ли кто – то изменить эти раненные души и убедить: «Тебя обидели, но ты подари другому жизнь».

Как не школе работать, работать и работать в этом направлении?! И мы очень благодарны тем коллегам, которые все чаще и чаще поднимают в своих научных трудах проблему гуманитарной школы [1, с.15](С.В. Белова), проблему создания гуманитарного пространства [2, с.114] (Т.Д. Лавриненко), сориентированного на углубленное изучение гуманитарных дисциплин, на становление «человеческого в человеке», интегрированного гуманитарного пространства [3,с. 78] (Ольнева А.Б., Томилина Н.В.), в котором диалог станет не только средством коммуникативных отношений между участниками образовательного пространства, но и методом управления «гуманитарной школы»

Учитель – ученик… Остановимся на варианте этих субъект – субъектных отношений. В ходе эксперимента по реализации стандартов второго поколения, для мониторинга результатов эксперимента был создан психолого – педагогический консилиум, который провел диагностику учителей школы и обучающихся. Задача состояла в том, чтобы определить, готовы ли участники образовательного процесса к диалогическим отношениям в образовательном пространстве.

Проводилась диагностика через анкетирование учителей, учащихся.

«Учитель глазами учеников», «Ученик глазами учителя»

Таблица 1

Обработанные данные показали следующие результаты

	Учитель	Обучающиеся
1. Знания обучающихся	100% хорошо знают своих учеников	45% отметили, что учитель не знает своих учеников
2. Компетентность в целях полагания	62% ответили «свободно ориентируются» 38% не смогли ответить	-
3. Предметная компетентность	100% знают свой предмет	100% знают предмет
4. Методическая компетентность	58% самостоятельно работают, 42% затрудняются в решении педагогических вопросов	-
5. Готовность к сотрудничеству	100%	100%

Таким образом, выстроилась следующая парадигма, которая и определила проблему, цели и задачи по ее решению.

Таблица 2

«Психологический климат»

«Сильные» и «слабые» стороны	Цели развития школы	Планируемая деятельность	Ресурсы	Критерии достижения результатов
Плюс: Атмосфера доверия и взаимопомощи; поддержка инициативы и самостоятельности. Минус: Неудовлетворенность условиями труда; неумения разрешать внутри личностные конфликты.	Создание благоприятного психологического климата.	1. Организация процесса изучения индивидуально – личностных особенностей учителей и учеников; 2. Проектирование и организация совместных дел; 3. Оказание псих.- пед. поддержки; проведение психолого – пед. семинаров; создание «консультационного пункта» 4. Разработка разных видов «контрактов» и введение системы договоренностей.	Привлечение студентов – психологов АГУ, родителей, материальное стимулирование	Учителя и ученики хорошо знают свои индивидуально – личностные особенности и понимают своеобразие другого; проявляют заботу друг о друге; режим дня в школе согласован с потребностями детей и учителей; взаимодействие строится на доверительных и открытых началах, на диалогическом согласовании прав, и обязанностей участников образовательного пространства.

Появилось желание педагогов показать себя на уроках (не у многих, конечно), но те два урока, литературы, интегрированный урок география и информатика, которые учителя провели в режиме диалога, показали, что они готовы вместе с учениками искать истину. Учителя не предстали перед классом как личности, для которых все проблемы решены и не существует сомнений. Обучающие поняли это, в глазах читалось: «Не подведем. Твои слабости – наши тоже, мы тебе поможем преодолеть их».

Считаем, что диалогическая компетенция учителя играет большую роль в формировании образовательного пространства и во внеурочное время.

Кружки, факультативы, элективные курсы только тогда могут стать инструментом для развития обучающихся, если складывается обстановка доверия, желания помочь друг другу. Кружок «Пишу стихи» объединяет 5-6 человек, седьмой – сам учитель, на правах равных идет работа над словом, вместе создается, структурируется текст.

В результате такого диалога рождается стихотворение:

Мой малый город интересный.
Загадкой скрытая душа!
Ты словно ангел поднебесный,
Какие могут быть слова!
Как позабыть разливы Волги
И величавый стан Кремля!
Неповторимые красоты
И заповедные леса.
А вон рыбак…
Он делом занят.
В руках его златая сеть,
А в той сети малютка – вобла
Она лишь в Астрахани есть!
Бывало, вспомню наше лето
И астраханский помидор,
Арбузы на степном раздолье-
И вновь в душе моей задор!
Прими же, город мой, признанье
Большой и искренней любви.
Ты город, дарящий надежды
И вдохновение души.

Так шаг за шагом идет наша школа по пути реализации ФГОСОО, а сама жизнь показывает, что это сделать невозможно, если не будут создаваться условия понимания ценности «другого» (человека, природы, культуры). Диалогическая компетенция должна стать одним из условий решения проблем образовательного пространства, в котором соотносятся разные точки зрения, разные субъективные контексты и мышления.

Список литературы:

1. Белова С.В. Диалог – основа профессии педагога. – М., 2002.-312с.
2. Лавриненко Татьяна Дмитриевна. Саморазвитие личности старшего школьника в условиях интегрированного гуманитарного образовательного пространства гимназии .-Хабаровск, 2009.- 274 с.
3. Томилина Н.В. Реализация ФГОС начального общего образования в организационно – педагогической модели школы полного дня: из опыта работы МОУ «НОШ №19».//»Образование в Астраханской областим»-2011г.-№3-с.77-85

ОБРАЗ НАПОЛЕОНА В ПОВЕСТИ М. АЛДАНОВА «СВЯТАЯ ЕЛЕНА, МАЛЕНЬКИЙ ОСТРОВ» (1921)

Орлова Юлиана Анатольевна
аспирант кафедры русского языка и литературы Школы региональных и международных исследований Дальневосточного Федерального университета, город Владивосток

IMAGE OF NAPOLEON IN THE STORY BY ALDANOV "St. HELENA, A SMALL ISLAND" (1921)
Yuliana A. Orlova, graduate student of Russian language and literature Schools Regional and International Studies Far Eastern Federal University, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется первая повесть писателя-эмигранта М.Алданова, посвященная последним дням жизни Наполеона. Рассматривая образ исторического деятеля во всей сложности и противоречивости, автор ставит вечные вопросы, актуальные во все времена: человек и власть, судьба личности в переломную эпоху, ирония судьбы и др.

ABSTRACT

The paper investigates the first story writer expat M.Aldanov dedicated the last days of Napoleon. Considering the image of a historical figure in all its complexity and contradictions, the author poses the eternal questions that are relevant at all times: people and power, the fate of the individual in a pivotal era, irony, and others.

Ключевые слова: образ Наполеона, личность, судьба
Keywords: image of Napoleon, personality, destiny

Первым беллетристическим произведением Алданова, написанным в эмиграции, была повесть «Святая Елена, маленький остров», ставшая (в последствии) заключительной в тетралогии «Мыслитель», повествующей о Французской революции. Повестью, написанной в год столетней годовщины со дня смерти Наполеона Бонапарта, автор будто бы подводит итог всей эпохе Французской революции. Алданов, создавая свое произведение в обстановке оживленного интереса к личности Наполеона, попытался показать универсальное, общечеловеческое —

глубинное — содержание феномена императора, и в то же время определить свое собственное понимание его личности и судьбы. В «Святой Елене…» писатель обратился к изображению последних дней жизни Наполеона, и его подлинный интерес составляла не сенсация, а образ самого императора. Алданову важно было передать нравственно-психологическую атмосферу эпохи, на историческом материале прошлого поставить вопросы, не потерявшие актуальности и для современников.

«Святая Елена, маленький остров…» — повесть о человеческой судьбе, о её поворотах и об иронии судьбы великого человека. Остров Святой Елены — затерянный в Атлантическом океане осколок суши, слишком далекий от континента, от Франции, от всего, к чему духовно стремился «первый консул». Наполеон Алданова надеялся, что остров Святой Елены для него «мог быть короткой», но «не последней главой» (1, с. 352).

Образ Наполеона воплотил основные противоречия изображаемой эпохи. Первый император Франции – это сложная и противоречивая фигура. С одной стороны, его имя ассоциируется с кровавыми войнами и жестоким деспотизмом, характерным эпохе, с другой — «напоминает о смелости и отваге, о таланте, умении дерзать» (3, с.29).

Алданов убеждает нас в неповторимом психологическом своеобразии и поразительной индивидуальной сложности персонажа. Характер создания образа и личности главного героя сложен. Через восприятие героя окружением (внешний план) и через его «скрытые» монологи (внутренний план) писатель создает емкий психологический — двусоставный — портрет Наполеона. Сосланный на остров Св. Елены, Наполеон подводит итоги своей судьбы: «Вначале он рассчитывал, воссоздавая в мыслях прошлое, найти ответ на вопрос, — где, в чем и когда была им допущена погубившая его роковая ошибка. Но понемногу ему стало ясно, что ответа на этот вопрос искать не стоило. В глубине души он пришел к выводу, что погубила его не какая-либо отдельная политическая неудача или военная ошибка и даже не тысячи ошибок и неудач: его погубило то, что он, *один человек*, хотел править миром; а это было невозможно даже с его счастьем и его гениальностью» (1, с. 356). Наполеон Алданова – это мудрый и печальный больной человек: «Мир утомился от его дел, а он утомился от того, что не было больше дела» (1, с. 352). Экс-император — личность крупная и одаренная. Масштабны его размышления о судьбах мира, об уроках истории.

Между тем автор не идеализирует Наполеона. Исторический образ его велик и мелок одновременно, он полон человеческих черт, позволяющих создать полноценный живой образ героя.[4] Любопытна изображенная писателем страсть Наполеона к управлению «придворными» посредством интриг и сплетен. «Император никого из людей не считал равным себе по умственным и духовным силам», но «люди, последовавшие за ним в ссылку, при всей своей ничтожности, были нужны Наполеону; без них ему жилось бы еще хуже и тяжелее». Герою не приходило в голову «серьезно упрекать человека за то, что он себялюбив, зол, жаден или глуп, <…> так же <…> как упрекать зверей в зверских инстинктах» (1, с. 356). «По долголетней привычке правителя, он не мешал им ни сплетничать, ни интриговать; благосклонно и даже с интересом выслушивал то дурное, что каждый мог рассказать о других, — император почти всегда верил всему дурному в людях, — и каждому наедине ясно давал понять, что ценит его гораздо больше, нежели всех остальных. А потом мирил их, — иначе они разбежались бы». (1, с.356) Среди офицеров английского корпуса, охраняющего ссыльного императора на острове, царило благоговейное отношение к военному гению великого корсиканца. Простые солдаты обожествляли его. После его смерти закаленные в боях воины плакали: «им было жутко оттого, что умер <…> величайший человек в мире, по сравнению с которым ничего не стоила жизнь их, обыкновенных людей». (1, с. 376)

Все с трепетом относились к ссыльному. Свита наблюдала последний акт его жизни, историю, которая, как подобает истинной трагедии, потрясала души, очищала их и примиряла. Его окружение – это его судьи, и эти судьи судили императора и вынесли приговор: «вечная жизнь, вечное ему изумление, вечное сожаление!».

Главным приемом для раскрытия образа центрального героя Алданов избирает *диалог*, где разговор ведется как игра мысли, а не как средство для продвижения действия. В беседе со свитой Бонапарт обращается ко множеству вопросов; его волнуют люди, политика, революция, любовь, религия, в особенности вопрос о Боге и высшей справедливости. О людях он «очень дурного мнения», революция – «грязный навоз» и «страшное дело», любовь – «глупость, которую делают вдвоем», «удел праздных обществ», а религия завоевывает мир страхом и подкупом» (1, с.354-375). Алданов сумел передать афористичность, емкость высказываний Наполеона, который понимал *историческую* значимость не только своих дел, но и слов.

Вопрос веры и безверия особенно занимает ссыльного император: он не верит в Бога и высшую справедливость, потому что верующий скован религией и не способен осуществлять «наполеоновские планы», а «все мошенники счастливы в жизни».(1, с.370-376) Сам же первый консул по мере необходимости переходил из одной веры в другую.

В повести Алданов продолжает разрабатывать концепцию случайностей. Рассуждения автора о влиянии случая иллюстрирует эпизод, когда Наполеон решил диктовать историю своих походов, «но скоро понял, что другие ее напишут лучше и выгоднее для него: сам он слишком ярко видел роль случая во всех предпринятых им делах – в несбывшихся надеждах и в нежданных удачах». На примере судьбы великого корсиканца Алданов констатирует, что случай правит миром, что «случай – вообще Бог». (1, с.356)

Алданов убеждает читателя в том, что *война* являлась смыслом, нервом, делом жизни великого корсиканца. Описывая последние минуты ссыльного императора, автор мастерски передает атмосферу исторического

[4] Ссыльный император по ходу действия мошенничает (например, играя с девочкой в карты; 1, с. 358), или один из приближенных предлагает ему бежать с острова в корзине с бельем (т.е. далеко не героическим способом; 1, с. 353), ему не чужды мелкие каверзы и бахвальство.

момента, когда «душа Наполеона должна отойти в другой мир <именно в такую погоду>, среди тяжких раскатов грома, под завывание свирепого ветра, при свете тропических молний. <…> Отзвуками канонады представлялись застывающему мозгу громовые удары, а уста неясно шептали последние слова: «Армия…Авангард…». (1, с.356) Думается, Алданов сознательно хотел сделать акцент на сосредоточенности *подсознания* Наполеона на войне, даже в момент предсмертной агонии.

"Святая Елена, маленький остров" могла быть названа повестью о смерти - она заканчивается смертью Наполеона. Но у читателя не рождается ощущение трагического: писатель-историк постоянно помнил, что гибель великой империи или смерть выдающегося человека лишь частный *случай*; движение истории в целом продолжается, пока существует человечество. Мирская слава, по Алданову, скоротечна по времени, ограничена в пространстве. Подводящему итоги прожитого Наполеону писатель вкладывает в уста *вечный вопрос*: «Если господь Бог специально занимался моей жизнью, – то что же Ему было угодно сказать?» (1, с.376).

В «Святой Елене…» вопрос остается без ответа. А ведь сам герой Алданова этим вопросом поставил философскую проблему *предназначения человека н*а Земле. В кабинете у тела покойного императора аббат читает Библию, пророка Екклесиаста: «Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злому, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы…» (1, с.378).

Писатель обстоятельно и психологически достоверно показал процесс мифологизации образа Наполеона в сознании его современников (начала XIX века). Так в сочетании психологизма и мифологизма рождается миф о герое или антигерое, миф, который несет в себе идею о сверхчеловеке. Решая эту проблему, Алданов приходит к *мысли о невозможности единоличной власти*, которая просматривается в размышлениях Наполеона. Невозможно ответить на вопрос, где был допущен просчет, стоивший карьеры и жизни: «его погубило то, что он, один человек, хотел править миром; а это было невозможно даже с его счастьем и с его гениальностью» (1, с.356).

Мы видим, что на страницах «Святой Елены…» Алданов отвергает ницшеанскую идею о сверхчеловеке, популярную в искусстве и литературе в начале XX века, на переломном этапе литературного и исторического процесса. В образе Наполеона М.А. Алданов художественно раскрыл самую суть исторического деятеля величайшего масштаба. Образ Наполеона еще при жизни приобрел особое качество философско-психологического символа, формирующего национальный миф не только об истории и революции во Франции, но и о роли личности в истории, о судьбе и предназначении неординарного человека. Образ и личность Наполеона стали важной частью сознания всего человечества, одновременно сохраняя и таинственную привлекательность для духовной жизни каждого отдельного человека, и заставляя задуматься о катастрофических последствиях его деяний.

Список литературы:

1. Алданов, М.А. Собр. соч. в 6 т, т.2, М.: «Правда», 1991. 544 с., С. 315-390.
2. Гейне, Г. Путевые картины // Вступ. ст. Я. Металлова.— М.: Гослитиздат, 1957.— 578 с.
3. Манфред А. З. Наполеон Бонапарт. М.: «Мысль», 1989. С. 29.

ГЛАГОЛЫ ГОВОРЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКОВЫХ РЕФЛЕКСИВОВ В СИСТЕМЕ АНГЛИЙСКОГО ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА

Паршутина Галина Алексеевна

Старший преподаватель кафедры английского языка № 5 Московского Государственного института Международных Отношений (Университета) МИД России

VERBS OF COMMUNACATION AS A PART OF METALINGUISTIC COMMENTARY IN BUSINESS ENGLISH DISCOURSE SYSTEM

Parshutina Galina, Senior teacher of Moscow State Institute of International Relations(MGIMO-University)

АННОТАЦИЯ

Целью настоящей статьи является изучение функционирования глаголов коммуникации в сочетании с метаязыковым комментированием (языковыми рефлексивами) в пространстве английского делового дискурса. Путем анализа научной литературы и транскриптов теле- и радиопередач автор приходит к выводу, что при взаимном дополнении эти средства могут способствовать оптимизации процесса речевого взаимодействия, обеспечению корректного функционирования системы дискурса.

ABSTRACT

The present article aims to disclose communication verbs functioning along with metalinguistic commentary in terms of English business discourse. In the course of scientific literature analyses and TV and radio transcripts' reviewing the author of the article concludes that mutual complementation of metalinguistic commentary and reporting verbs can facilitate optimization of communication process and ensure the discourse system operating adequately.

Ключевые слова: глаголы говорения, английский деловой дискурс, метаязыковое комментирование, оптимизация процесса коммуникации.

Keywords: communication verbs, English business discourse, metalinguistic commentary, optimization of communication process

Безусловная потребность личности в общении всегда служила важнейшим фактором развития общества; а сегодня, когда формируется глобальное информационное пространство, проблемы коммуникации особенно актуальны. Межличностное взаимодействие, вышедшее на уровень всего мира, который переживает довольно сложный период, требует более тонкого подхода к общению (особенно межнациональному), правильной интерпретации и видения коммуникативной ситуации в ракурсе дискурсивной системы в ее движении к определенной цели. На глобальный уровень выходит процесс всевозрастающей интеграции ключевых сфер жизни современного общества, который в свою очередь сопровождается расширением диапазона международной коммуникации, где вербальной основой часто выступает английский язык (общепринятый второй язык) [8; 9; 17]. Поэтому изучение особенностей функционирования английского дискурса имеет значение как в теоретическом отношении, так и в практическом – для раскрытия потенциала риторического воздействия на сознание, чувства, поведение человека, на его суждения и решения. В настоящее время наиболее актуальны с точки зрения коммуникативных особенностей вопросы из области деловых отношений в таких сферах, как политика, экономика, менеджмент, финансы, маркетинг, реклама и пр.

Соответственно, в данной работе ставится задача осветить один из существенных моментов деловой коммуникации, связанный с возможностью правильно подбирать и комбинировать элементы системы языка (в данном случае – глаголы коммуникации) в пространстве дискурса, с тем чтобы придать речи больше убедительности и организованности на пути к цели коммуникации. Чтобы овладеть такими навыками, необходимо научиться ориентироваться не только в системе языка общения, но, что очень важно, – в системе дискурса [5; 7], управлять ее элементами на любом уровне коммуникации и при необходимости обращаться к языку «второго порядка» – языку о языке, или метаязыку.

Вопросы метаязыковых аспектов лингвистики входили в круг научных интересов Р. О. Якобсона, ему по праву принадлежит весомый вклад в их решение: помимо коммуникативной, апеллятивной, поэтической, экспрессивной и фатической функций языка, ученый выделяет метаязыковую [16]. По Р.О. Якобсону, предметом обсуждения при реализации метаязыковой функции выступает код сообщения, при этом основная форма воплощения данной функции – толкование. Позднее, расширяя термин «толкование», Р.О. Якобсон видит металингвистическую рефлексию в качестве осознания речевых компонентов и их отношений и раскрывает понятие метаязыка как языка, «на котором говорят о языке». При этом он обосновывает причины появления и широкого использования метаязыка в определенных условиях общения [15], одна из которых − появление у говорящего или у слушающего необходимости удостовериться, совпадают ли коды, которыми они пользуются; а это говорит о том, что метаязыковые комментарии (или, иначе, языковые рефлексивы) выполняют функцию координации и оптимизации процесса коммуникации, то есть вносят свой вклад в формирование системных характеристик дискурса.

В системе языка такой функцией в большей степени наделены глаголы, так как, согласно вербоцентрической теории, глагол − организующий центр высказывания [11]. Выражая действие, глагол фактически в концентрированном виде передает событие и, таким образом, несет основную функциональную нагрузку в продвижении и развитии ситуации общения.

Отдельный вопрос составляют глаголы коммуникации, которые номинируют сам речевой акт, то есть продвигают и развивают такую ситуацию, в которой «событие» подразумевает не внешнюю по отношению к вербальной коммуникации деятельность, а само вербальное общение. Как указывает Н.Д. Арутюнова, каким бы ни было содержание высказывания, говорящий всегда подразумевает «я говорю» [1, с. 123], выбирая при этом те формы, которые соответствуют прагматике коммуникативной ситуации. Многозначный глагол «говорить» или «сказать» прекрасно иллюстрирует все функции языка – номинативную, когнитивную, коннотативную, коммуникативную и интерпретирующую [3].

Первичной функцией языка считается коммуникативная. Однако, как отмечено выше, говорящий не просто конструирует высказывания, а использует их для достижения поставленной цели (основополагающая черта делового дискурса): проинформировать, предупредить, спросить, убедить, разъяснить и пр. [13]. Реципиент сообщения, как правило, субъективен в своем восприятии, т.к. осмысление происходит индивидуально, здесь необходимо учитывать психическое состояние коммуниканта, целый спектр параметров каждой ситуации общения сквозь призму понимания того или иного участника коммуникации.

Если коммуниканты не учитывают, что вследствие субъективного понимания некоего явления или его элементов, или сигналов системы дискурса возникает частичное несовпадение речемыслительной деятельности отправителя и получателя сообщения [4], то это может оказаться причиной отклонения дискурсивной системы от заданного курса развития, а с течением времени – нарушения движения к намеченной цели. Поэтому в процессе общения возникает необходимость предупреждать возможные «погрешности» (прагма-семантическую недостаточность) исходного сообщения и проводить коррекцию возможных «погрешностей» восприятия и интерпретации сообщения [6; 12].

Решить эту проблему частично может помочь такой прием, как метаязыковое комментирование. В современном деловом дискурсе метаязыковое комментирование связано с необходимостью преодолевать коммуникативные помехи, которые создаются смысловой неопределенностью. Обращаясь к исследованиям современного политического дискурса, Е.И. Шейгал отмечает, что довольно часто встречаются ситуации, когда семантические проблемы могут перерасти в политические. Коммуникантам нередко приходиться прибегать к метаязыковым операциям по толкованию значения специфического термина или не широко известного выражения, как, например, в отрывке из выступления К. Борового, который признался, что до 50 процентов средств, которые прописаны в бюджете на ту или иную статью, превращаются на деле «в ***так называемый откат. То есть,*** возвращаются тем депутат-

ским фракциям, которые лоббируют эти деньги». В данном примере прием метаязыкового комментирования диктуется необходимостью пояснить смысл жаргонизма «откат», в том числе, чтобы удостовериться в правильном его понимании всеми участниками диспута [14].

Помимо функции проверки соответствия кодов, которые используют участники коммуникативного акта и пояснения, метаязыковое комментирование выполняет функции дополнения и корректирования благодаря возможности подобрать достаточное количество семантически родственных форм. Е.И. Шейгал приводит выдержку из речи Г. Явлинского, который обращается к данному приему, чтобы скорректировать суждение оппонента с целью снижения степени категоричности: «Но вы тогда еще ультиматум выставили. – Это был ***не ультиматум, а нормальные политические требования***».

Такой прием имеет большое преимущество: возможность моделировать имплицитное значение высказываний и, соответственно, управлять ходом движения системы дискурса в зависимости от проявлений внешней среды, участников акта коммуникации, а также изменения цели.

В работах многих современных лингвистов функции регулирования взаимодействия элементов системы английского дискурса и участия в структурировании речи возложены на глаголы коммуникации [2; 10]. Неотъемлемым условием формирования смысловой и прагматической системности речи является оптимальное структурирование дискурса, что важно для гармонизации коммуникативной деятельности как порождающей, так и воспринимающей речь сторон [5; 7].

Благодаря своей прямой функции вводить высказывание в общее пространство коммуникации глаголы говорения дают возможность повышать или снижать степень выраженности тех или иных компонентов смысла, делая очевидными или, наоборот, маскируя свои интенции. Специфическая семантика глаголов коммуникации обеспечивает их моделирующую роль на этапе восприятия речи.

Прием металингвистического комментирования в сочетании с удачно подобранными глаголами коммуникации позволяет сделать речь оратора более лаконичной, направляя движение системы дискурса в нужное русло, способствуя рациональному пониманию и интерпретации реципиентом. Например, в одном интервью американский журналист и политический обозреватель Грета Ван Састерен и бывший губернатор штата Нью Гэмпшир Джон Сануну обсуждают неутешительные результаты опроса американского населения на предмет их ожиданий по трудоустройству будущих поколений:

SUNUNU: It is a shame this *administration* doesn't seem to want to acknowledge (A) Their responsibility for that and (B) Make any effort to change it.

VAN SUSTEREN: And you **say** *administration*. Do you **mean** *President Obama*?

SUNUNU: *President Obama*. [18]

Гость, дающий интервью, выражает недовольство по поводу действий некого управляющего элемента − *administration,* вероятно, в попытке исключить упоминание о Президенте США; ведущая в свою очередь уточняет правильность понимания термина и использует глагол *mean,* вводящий предположительное суждение, что указывает на акт проверки совпадения кода коммуникации. Прямой вопрос мисс Ван Састерен не оставляет ее оппоненту возможности избежать откровенного комментария. Также этот прием способствует исключению возможности неверной расшифровки зрительской аудиторией сообщения мистера Сануна.

Таким образом, можно сделать вывод, что понимание структуры языка коммуникации, владение им на более глубоком уровне необходимо не только для проверки кода коммуникации. Ввиду своей природы метаязыковое комментирование несет функцию координации и оптимизации процесса коммуникации. Значит, коммуникант, в соответствии с развитием ситуации общения, имеет возможность корректировать выбранный код для оптимизации процесса речевого взаимодействия, а значит − управлять этим процессом. В сочетании с глаголами речи, благодаря их роли моделирования на этапе восприятия, прием метаязыкового комментирования может способствовать корректному функционированию системы дискурса, предотвращению ее разрушения (срыва коммуникативного замысла) и оказывать благоприятное влияние на процесс движения дискурсивной системы к заданной цели коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
2. Вепрева И.Т. Метаязыковое комментирование в тексте. Текст: средства выражения оценки // Человек-Коммуникация-Текст : сб. ст. / отв. ред. А.А. Чувакин. Барнаул, 1999. Вып. 3. – С. 65-77.
3. Имамутдинова Ф.Р. Функционально-когнитивная характеристика глаголов речи в русском и английском языках (на материале ядерных компонентов речи) // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение.− 2010. – № 13 (194). – С. 48-51.
4. Леонтьев А.Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000.
5. Пономаренко Е.В. О развитии системного подхода в лингвистике // Филологические науки. 2004. № 5. С. 24-33.
6. Пономаренко Е.В. Пояснение как языковая единица (к вопросу о функциональных связях дискурса): Монография. М.: Академия ФПС России, 1999.
7. Пономаренко Е.В. Системный подход как методологическая основа изучения речевой деятельности // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2006. № 1 (41). С. 134-138.
8. Раицкая Л.К. Развитие автономии студента в информационно-образовательной интернет-среде // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2009. № 4. С. 54-58.
9. Раицкая Л.К. Развитие информационной личности в деятельности: энвайронментальная составляющая // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2013. № 3. С. 5-13.
10. Савина И.В. Лингвосинергетические аспекты функционирования глаголов коммуникации (на материале английского языка): Автореф. … канд. филол.н. Самара, 2009.
11. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. – М.: Прогресс, 1988.

12. Харьковская А.А. Дискурсивный мир англоязычных и русскоязычных бестселлеров // Вопросы прикладной лингвистики. 2013. № 10. С. 75-88.
13. Харьковская А.А., Ильичева Н.В. Business English: Учеб. пособие для индивидуальной работы по деловому английскому языку студентов 4 курса специальности «Англ. филология». Самара, 2004.
14. Шейгал Е.И. Теоретическая и прикладная лингвистика // Аспекты метакоммуникативной деятельности. Воронеж, 2002. – № 3. – С.133-141.
15. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
16. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985. С. 306-318.
17. Crystal D. English as a Global Language. Cambridge: CUP, 2003.
18. Full interview between John Sununu and Greta Van Susteren // FoxNews.com [Electronic resource]. URL: http://www.foxnews.com/on-air/on-the-record/2014/08/07/sununu-young-people-beginning-understand-obama-has-done-them-no-favors-president-likes-jo/ (accessed: 12.07.2014).
19. The Free dictionary by Farlex [Electronic resource]. URL: http://www.thefreedictionary.com/ (accessed: 13.08.2014).

ФОНОВОЕ ЗНАНИЕ, ИНФЕРЕНЦИЯ И АЛЛЮЗИЯ

Павленко (Васильева) Елена Александровна
канд.филол.наук, ст.преподаватель Санкт-Петербургского государственного университета

BACKGROUND KNOWLEDGE, INFERENCE AND ALLUSION

Elena A. Pavlenko
Candidate of science, senior lecturer of St.Petersburg State University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается понятие инференции применительно к различным видам контекста, а также анализируется классификация фоновых знаний относительно различных видов текста, содержащего текстовые включения, в том числе аллюзию.

ABSTRACT

The article deals with the notion of inference in different types of context and the analysis of different kinds of background knowledge with respect to different kinds of text which contain textual inclusive, including allusion.

Ключевые слова: инференция; фоновые знания; контекст; аллюзия
Keywords: inference; background knowledge; context; allusion

Представляется очевидным, что в обычном коммуникативном акте между участниками коммуникации возможно непонимание, потому что хотя они пользуются общим кодом (языком), репрезентации контекста не совпадают. Если говорить о восприятии письменного текста, у разных читателей будет в некоторой степени разное понимание текста из-за разницы в объеме и качестве фоновых знаний [4, с. 304].

Не вызывает сомнений, что недостаточно просто декодировать полученную лингвистическую информацию, поскольку эта информация должна на базе контекста приобрести прагматическое значение [10, с. 16]. Процесс формирования умозаключения на базе контекста называется инференцией. Инференция - одно из ключевых понятий, используемых при изучении прагматики текста. Получатель создает умозаключение в процессе интерпретации сообщения, полученного от адресата, на основании различной информации и на базе контекста (ситуативного, интертекстуального и т.п). Инференция «работает» на базе следующих принципов, которые тесно связаны с видами контекста: принцип ближайшей интерпретации гласит, что читатель в процессе интерпретации использует «ближайший» контекст (ситуативный). Согласно принципу аналогии при интерпретации мы пользуемся аналогиями, извлекаемыми из нашего жизненного опыта и фоновых знаний. Декодирование начинается с сигнала и позволяет построить сообщение. Инференция начинается с ряда предположений и позволяет построить ряд умозаключений [9, с. 12-13].

В когнитивной психологии принято считать, что фоновое знание (основанное на опыте, в том числе, и опыте прочитанных книг) хранится в форме когнитивных структур, являющихся абстракциями отдельных примеров класса [1]. Новые данные добавляются к уже имеющимся в долговременной памяти, и отдельные части сообщения воспринимаются в контексте уже существующих. Как только в сообщении обнаруживается какая-либо неоднородность, включаются механизмы инференции, посредством которых получатель сообщения добавляет в полученный текст ту информацию, которая в этом тексте отсутствует. Чем более косвенным является сообщение, тем больше инференции требуется от получателя для его расшифровки.

Кинч [6, с. 189-192] пишет о наличии двух видов инференции: есть логическая инференция, основанная на воспринимаемом тексте, и есть инференция, основанная на прагматическом знании. Аллюзия в данном отношении может рассматриваться как механизм изменения существующей в сознании схемы. За счет отсылки к другому тексту (прецедентному) происходит расширение построенной на основании предъявленного текста схемы, и изменения могут быть довольно значительными, в зависимости от авторской интенции.

Поскольку инференция основывается на фоновом знании, очевидно, что для успешной коммуникации необходимо, чтобы у участников были одинаковые фоновые знания. Наличие такого знания определяется принадлежностью к одному культурному сообществу, владением определенными знаниями и специфическим словарным

запасом. Культурные сообщества как правило формируют свой определенный лексикон на основании места проживания, образования, занятия, языка, религии, национальной принадлежности, субкультуры, пола и т.п. [3, с. 103-108]. Если участники коммуникации являются членами очень узкого культурного сообщества, может возникнуть явление «внутреннего языка» ("insider language").

Контекстуальное знание особенно важно для письменной коммуникации. Автор пишет, имея в виду определенную аудиторию, а читатель строит инференции в опоре на свои представления [2, с. 296]. Межличностный диалог в таком случае невозможен, и читатель может опираться только на текст.

Тексты являются неотъемлемой частью любого фонового знания. Если в речевом акте смысл высказывания нельзя реконструировать в отрыве от ситуации, то в письменном тексте смысл не может быть выстроен без учета интертекстуальности, ведь значение текста не равно сумме значений предложений [7, с. 293]. Для правильного восприятия текста необходимо обладать информацией, которая предполагается как данность и не включена в текст. Это называется «культурной грамотностью» [5] и включает знания, полученные в процессе развития и образования в конкретной культуре (например, Библия, мифология, география и т.п.), а также в процессе социализации.

Существуют разные варианты классификации фоновых знаний. Наиболее подходящей для целей данной статьи нам представляется классификация Бернхарда Линдеманна, разработанная им для газетного текста. Поле читателей художественного текста меньше, чем поле читателей газетного текста, и, по нашему мнению, эти два поля в значительной степени пересекаются. Следовательно, данную классификацию можно отнести к любому современному читателю, с различными уточнениями и дополнениями. Б.Линдеманн в своей работе «What knowledge does it take to read a newspaper?» выделяет пять видов фоновых знаний [8, с.51]:

- аналитическое универсальное знание
- эмпирическое универсальное знание
- культурно-специфичное знание
- мировоззрение
- переходное знание

Аналитическое универсальное знание включает логические категории, математические закономерности и т.п., а эмпирическое универсальное знание соответствует, в разных терминах, схемам, фреймам или прототипному знанию. Культурно-специфичное знание включает все, что относится к конкретной культуре. Итак, первые три класса объединяет четкое соответствие действительности и объективность. Мировоззрение отличается от трех вышеперечисленных, поскольку включает стереотипы и клише, а к переходному знанию относятся временные культурные явления, мода, популярные пристрастия и т.п. [8, с.61].

Нам представляется очевидным, что для читателей художественной литературы в контексте восприятия текстовых включений и аллюзии в частности наиболее важным является эмпирическое универсальное знание, в особенности его прототипный компонент. Культурно-специфичное знание, несомненно, важнее для читателя газетного текста, чем для читателя художественного текста. Мировоззрение, по нашему мнению, также является ключевым для газетного текста, поскольку журналист обычно ориентируется на определенную целевую аудиторию с определенными представлениями и стереотипами мышления. Художественный текст же, как правило, предназначен для более «разнородной» аудитории, имеющей при этом достаточно высокий культурный уровень и определенный набор фоновых знаний.

Доступность и общеизвестность материала, на который идет отсылка, является в некоторых случаях единственной гарантией восприятия включения в тексте, поскольку в нем могут присутствовать такие случаи, когда, например, в тексте нет нарушения или сигнала как маркера наличия аллюзии, и лишь знание читателем материала, на который идет отсылка, может гарантировать восприятие и расшифровку текстового включения.

Именно поэтому текстовое включение должно соотноситься с фактами или текстами, обладающими известностью у достаточно большого круга людей. Для аллюзии на литературное произведение, очевидно, важна ценность прецедентного текста в качестве объекта культуры, что гарантирует известность такого текста большому кругу читателей вне зависимости от времени написания. Вероятно, большой известностью пользуются библейские или мифологические сюжеты, однако это также зависит от того, насколько важны подобные сюжеты для отдельно взятой культуры.

По объективным социальным и культурным причинам в наше время знание аллюзивных фактов, относящихся к далекому прошлому, весьма ограничено, и это затрудняет для читателя выявление аллюзий в тексте.

Среди прецедентных текстов, являющихся источниками различных включений, преобладают такие, которые содержат культурные и литературные реалии, которые можно отнести к общечеловеческим. К ним относятся значимые литературные произведения, Библия, область мифологии. В настоящее время, с развитием современных технологий, особенно Интернета, на читателя обрушивается поток информации, которую невозможно хранить в памяти в полном объеме. В этой связи социологи говорят о появлении «мозаичной культуры», когда в памяти остается незначительная часть знаний.

Все это повышает степень вероятности того, что включение в художественном произведении просто останется неопознанным, в свете поверхностных знаний современного читателя. Это подтверждается возросшим числом разъяснительных пояснений и комментариев, которыми снабжаются художественные тексты. В настоящее время от читателя уже не ожидается, что он будет обладать знаниями об античной Греции или английской литературе 19 века. Даже знание Библии больше не является обязательным, в основном из-за распада непосредственной связи между государственным устройством и религией, уменьшением роли религии в государстве, а также превращении обществ в такие, в которых существуют различные культуры, религии и традиции, и при этом все носители таких культур в широком смысле слова называются участниками одной культуры и членами одного общества.

Именно в связи с вышеуказанными причинами возникает необходимость дать авторские пояснения, указывающие на источник заимствования некоторой части или всех включений. Очевидно, что целью таких пояснений является обеспечение такого диалога автора, текста и читателя, при котором читатель становится полноправным

участником текстовой игры и активным действующим лицом в диалоге, который предполагается постмодернистским текстом.

Список литературы:

1. Bartlett, F. C. Remembering: A study in experimental and social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1932 — 317 p.
2. Clark, H. Inferring what is meant. In W. J. M. Levelt & G. B. Flores d'Arcais (Eds.), Studies in the perception of language. London: Wiley. 1978 — pp. 295-321
3. Clark, H. Using Language. Cambridge: Cambridge University Press. 1996 — 446p.
4. Garman, M. Psycholinguistics. Cambridge University Press, 1990. — 512 p.
5. Hirsch, Eric D. The theory behind the dictionary: Cultural literacy and education. In: The Dictionary of Cultural Literacy/ E.D. Hirsch, Jr., Joseph F. Kett, James Trefil. 1998
6. Kintsch, W. Comprehension: A Paradigm for Cognition. Cambridge: Cambridge University Press, 1998 — 461 p.
7. Lemke J.L. Ideology, intertextuality, and the notion of register. In J.D.Benson & W.S.Greaves (Eds.), *Systemic perspectives on discourse*. Norwood, NJ: Ablex. 1985 — pp. 275-294
8. Lindemann, B. What knowledge does it take to read a newspaper? Journal of Literary Semantics. Volume 18, Issue 1, 1989 — pp. 50–65.
9. Sperber, D./Wilson, D. Relevance: Communication and Cognition, Second Edition. Oxford/Cambridge: Blackwell Publishers, 1995 — 338 p.
10. Widdowson, H. The conditions of contextual meaning. In *Context in Language Learning and Language Understanding.* Cambridge: Cambridge University Press, 1998. — pp. 6-23.

ОБРАЗНЫЕ СРАВНЕНИЯ В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ КАРТИНЕ МИРА Р. БРЕДБЕРИ

Подсевак Екатерина Сергеевна

аспирант Киевского национального лингвистического университета

SIMILES IN R. BRADRARY'S AUTHOR WORLDVIEW

Podsievak Kateryna, Post-graduate student of Kyiv National Linguistic University

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные вопросы когнитивной теории литературы. Целью статьи является изучение индивидуально-авторских концептов Р. Бредбери методом интерпретационно-текстового анализа с использованием методики лингвостилистичного анализа тропов и фигур, в частности, образного сравнения. В результате исследования был выделен концепт Техника с характерной прототипической концептуальной схемой, что привело нас к выводу об особенной языковой картине мира Р. Бредбери.

ABSTRACT

The article deals with the main issues of cognitive theory of literature. The aim of the article is to study R. Bradbury's author concepts with the help of interpretational-text analysis using techniques of linguistic stylistic analysis of tropes and figures, in particular, the simile. As a result of the study the concept Technology was singled out with a distinctive prototypical conceptual framework. That has led us to the conclusion that the linguistic personality of R. Bradbury is specific.

Ключевые слова: когнитивная теория литературы; когнитивная поэтика; концептуальный анализ; индивидуально-авторские концепты; языковая картина мира; языковая личность; образное сравнение.

Key words: cognitive theory of literature; cognitive poetics; conceptual analysis; author's concepts; linguistic worldview; linguistic personality; simile.

Антропоцентрическая направленность исследований в языкознании последних лет привела к укреплению позиций когнитивистики. Предметом когнитивистики является когниция – одно из базовых понятиий, определению которого уделяется внимание в работах израильского ученого Р. Цура. Он понимает когницию как процесс, который включает в себя перцепцию, память, внимание, решение проблемных ситуаций, язык, мышления и образность [16]. Когнитивный подход меняет парадигму понятия анализа текста. Соотвественно, в рамках когнитологии стремительно развивается новая отрасль – когнитивная теория литературы/когнитивная поэтика (a cognitive theory of literature/cognitive poetics [1, с.379]). Объектом данного направления исследований является художественное произведение. Целью когнитивной теории литературы (или когнитивной поэтики) является раскрытие тех когнитивных процессов, на основе которых происходит продуцирование, восприятие и интерпретация текста. Ученые-когнитивисты концентрируются не только на самом тексте и на внутренних закономерностях его построения, а стремятся к синтезу когнитивных, познавательных, коммуникативных, факторов, изучению функционирования языка вместе с его носителем [17]. Проблематика когнитивной поэтики активно разрабатывается Р. Цуром [16;17]. Также новые когнитивные подходы к анализу художественного текста активно разрабатываются российскими, а также украинскими учеными, в частности Л.А. Бутаковой [3], Н.И. Колодиной [7], Л.И. Белеховой [3], О.П. Воробьевой [1], В.Г. Никоновой [10]

Актуальность исследования текста в рамках когнитивной поэтики обусловлена рядом вопросов, представляющих несомненный лингвистический интерес. Методика концептуального анализа используется, в основном, при рассмотрении поэтических произведений [3; 16; 17]. В то же время, на сегодняшний день немногие тексты прозаи-

ческих произведений рассматриваются с применением когнитивного анализа. Следует упомянуть О.П. Воробьеву с (анализ рассказа В. Вульф "Monday on Tuesday") [1, с.381], Л.Ф. Присяжнюк, акцентирующую внимание на произведениях Г. Грина [11], А.С. Колесник, применившую методику концептуального анализа в прозаических произведениях (современные британские произведения жанра фэнтези) [9], Литвинову В. В. [8]

Характерной чертой когнитивной теории литературы является отход от традиционного взгляда на тропы как на исключительно языковое явление. В рамках этого подхода тропы рассматриваются как способ изучения когниции. В первую очередь, речь идет о метафоре. Она рассматривается как средство, "с помощью которого абстрактные и неясные области опыта могут быть концептуализированы в знакомых и конкретных терминах "[14, с.205]. Однако другие тропы, в частности, образные сравнения, остаются недостаточно изученными. Эта работа является одной из попыток пополнить ряд лингвистических работ, посвященных изучению сравнение с когнитивной точки зрения

Изучение художественного текста неотделимо от исследования индивидуально-авторской картины мира. В рамках когнитивной поэтики это находит отражение в изучении когнитивных параметров языковой личности автора, которая включается в общую концептуальную структуру языковой картины мира [6, с.58].

Целью статьи является изучение индивидуально-авторских концептов в произведениях Р. Бредбери методом интерпретационно-текстового анализа с использованием методики лингвостилистичного анализа тропов и фигур, а именно, образного сравнения. Для достижения данной цели были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть подходы к исследованию языковой авторской картины мира в рамках когнитивной теории литературы;
- изучить роль образных сравнений как средства вербальной репрезентации языковой картины мира индивида.

В рамках когнитивной теории литературы текст рассматривается как модель картины мира автора, как отношение конкретного автора и конкретного текста. «Авторская картина мира фиксирует, в первую очередь, уникальность творческого субъекта: ее индивидуально-личностная составляющая определяет сущность текста как произведения словесного искусства и эстетического события. Вместе с тем, как и картина мира любого индивида, она включает в себя универсальное и национальное» [12, с.92]. Картина мира конкретного автора существенно отличается от объективного описания свойств, предметов, явлений, от научных представлений о них, ибо она есть «субъективный образ объективного мира». Это образ мира, сконструированный сквозь призму сознания и языка писателя, результат его духовной активности [9, с. 42-43].

Одним из средств изучения языковой картины мира личности признается анализ системы тропов произведения автора. Хотя большинство работ ученых посвящено метафоре в качестве основного средства исследования художественных тестов, некоторые лингвисты выделяют также и образное сравнение. Дж. Бекмен пришел к выводу, что эффект образного сравнение не отличается от эффекта соответствующей метафоры, поскольку как сравнение, так и метафора основаны на одной метафорической концепции [13, с.29]. С. Глаксберг и Б. Кисар считают, что для интерпретатора образные сравнения несут больше (по сравнению с метафорами) когнитивной нагрузки. Это связано с тем, что сравнение, в отличие от метафоры, представляет собой имплицитную категоризацию [15, с.423]. Вслед за Л.Ф. Присяжнюк [11] под термином "образное сравнение" мы понимаем логико-когнитивную операцию, в результате которой формируется троп, построенный на отношениях сходства, категориальной признаком которого является наличие эксплицитно выраженных субъекта и объекта уподобления. В зависимости от наличия / отсутствия показателя компаративного связи исследователь различает

1) конструкции с имплицитным выражением показателя компаративных отношений: а)типа N1 to be N2; б) генетивные конструкции; в) конструкции с приложением; 2) конструкции с эксплицитно выражением показателя компаративного связи.

В результате анализа образных сравнений в текстах Р. Бредбери было установлено, что они составляют лингвистическую базу формирования прототипических концептуальных схем ряда образов, объединенных одним концептуальным референтом. Данный факт позволяет сделать определенные выводы об особенностях языковой и концептуальной картины мира Р. Бредбери.

Материалом для концептуального анализа образных сравнений послужили тексты рассказов американского писателя Р. Бредбери – "The Veldt", "The Murderer", “451 Fahrenheit”.

Приведем пример построения такой прототипов концептуальной схемы. Для этого был отобран ряд иллюстраций, содержащий образное сравнение.

1. *It [Hound] was like a great bee come home from some field where the honey is full of poison wildness, of insanity and nightmare….ТЕХНИКА-ЯД*
2. *wrist radio buzzed like a wounded grasshopper…ТЕХНИКА-УНИЧТОЖЕНИЕ*
3. *it [house] felt like a mechanical cemetery……ТЕХНИКА-СМЕРТЬ*
4. *it[insinkerator]purred like a sleepy lion…..ТЕХНИКА-ОПАСНОСТЬ*
5. *room is….far more important that their parents….ТЕХНИКА-НЕПРАВИЛЬНОСТЬ*

В отобранных примерах объект, к которому персонаж (субъект сравнения) испытывает постоянные или временные негативные эмоции, охарактеризованы такими лексическими единицами: poison – яд; nightmare – ужас; wound – рана, lion – лев, cemetery – кладбище; insanity – безумие.

Посредством применения лингвокогнитивный процедуры обобщения признаков, содержащихся в семантике анализированных членов сравнения, можно констатировать, что все они выражают один концепт - ВРЕД. Таким образом, прототипов концептуальная схема совокупности словесных образов получает символьное изображение в виде записи: ТЕХНИКА – ЭТО ВРЕД.

Таким образом, языковая картина Р. Бредбери, находящая отображение в художественных произведениях автора, включает в себя концепт Техника, который в интерпретации писателя приобретает особенное значение, что и дает нам основание говорить нам о существовании индивидуально-авторской языковой картине мире.

В последующих работах методики концептуального анализу можно использовать для анализа других концептуальных полей (Жизнь, Человек, Природа, Город).

Список литературы

1. Воробьёва О.П. Художественная семантика: когнитивный сценарий // С любовью к языку: Сб. научн. трудов. - Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. гос. ун-т, 2002. - С. 379-384.
2. Бєлєхова Л.І. Образний простір американської поезії: лінгвокогнітивний аспект: Автореф. дис. ... доктора філол. наук: 10.02.04/ Київськ. націон. лінгвіст. ун-т. - Київ, 2002. - 34 с.
3. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование: Монография. - Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2001. - 283 с.
4. Караулов Ю.Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. -Москва: Наука, 1989. - С. 3-8.
5. Колесник А.С. Языковые средства отражения мифологической картины мира: лингвокогнитивный аспект (на материале древнеанглийского эпоса и современных британских художественных произведений жанра фэнтэзи): Автореф. дисс. канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Киевский национ. лингв. ун-т. - Киев, 2003. - 19 с.
6. Колесник Д.М. Концептуальное пространство авторской метафоры в творчестве А. Мердок: Дис. … канд. филол. наук: 10.02.04. - Черкассы, 1996. – 260 с.
7. Колодина Н.И. Проблемы понимания и интерпретации художественного текста. - Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2001. - 184 с.
8. Литвинова В.В. Индивидуально-авторские концепты в структуре художественно мира Р. Бредбери: Дис. …канд.филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2009. – 234с.
9. Маслова В.А. Поэт и культура: концептосфера Марины Цветаевой. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 245с.
11. Ніконова В.Г. Трагедійна картина світу в поетиці Шекспіра: Монографія. – Дніпропетровськ: Вид-во ДУЕП, 2007. – 364 с
1. 11.Присяжнюк Л.Ф. Особливості характеру співвідношення порівняння та метафори // Матеріали II Міжнародної науково-практичної конференції "Динаміка наукових досліджень '2003". Том 18. Філологічні науки. – Дніпропетровськ: Наука іосвіта, 2003. – С. 80-81.
12. Щирова И.А., Гончарова Е.А.. Текст в парадигмах современного гуманитарного знания. – СПб.: Книжный дом, 2006. – 348с.
13. Backman G. Meaning by Metaphor: An Exploration of Metaphoric Reading of Two Short Stories by Stephen Crane. – Acta Univ. Ups. Sudia Anglistica, 1991. – 203 p.
14. Cruse D.A. Meaning in Language. An Introduction to Semantics and Pragmatics. - Oxford: Univ. Press, 2000. - 424 p.
15. Glucksberg S., Keysar B. How Metaphors Work // Metaphor and Thought. Second Edition edited by Andrew Ortony. – Camridge University Press, 1993. – P. 357-400.
16. Tsur R. Aspects of Cognitive Poetics. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL ://http: // www.tau.ac.il/~tsurXX/2 cognitive_ poetics. html
17. Tsur R. Light, Fire, Prison: A Cognitive Analysis of Religious Imagery in Poetry // PSYART: Hyperlink Journal for Psychological Study of the Arts. – 1998. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: // http: // www.clas.ufl.edu/ipsa/jornal/1998/tsur 02 htm
18. Bradbury Ray. Fahrenheit 451. Short Stories. - M., 1983.
19. Bradbury Ray. The Veldt. [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://raybradbury.ru/library/story/50/20/0/
20. Bradbury Ray. The Murderer [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://raybradbury.ru/library/story/53/8/0/

СОПОСТАВЛЕНИЕ РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ – КЛЮЧ К УСТАНОВЛЕНИЮ ИХ ПРАТОКУЛЬТУРЫ

Попова Лариса Георгиевна

Доктор филологических наук, профессор, профессор Московского городского педагогического университета, Москва

COMPARISON OF RELATED LANGUAGES – A KEY TO THE DETERMINATION THEIR PRATOCULTURE

Popova Larissa Georgiyevna, Doctor of philological science, professor, professor of Moscow City Pedagogical University, Moscow

Аннотация

В статье осуществляется обзор современных направлений развития лингвистики, нацеленных на установление знаний о древней культуре носителей языков, предлагается метод определения элементов пратокультуры индоевропейских языков.

Summery

In the article there is realized the survey of modern directions development of linguistics which are aimed at the establishment knowledge about an ancient culture of native speakers of languages, there is offered the method of determination elements of pratoculture of Indo-European languages.

Ключевые слова

Древняя культура, сопоставление родственных языков, пратокультура.

Keywords

An ancient culture, comparison of related languages, pratoculture.

В развитии современного языкознания наблюдается устойчивая тенденция к тесной взаимосвязи с культурологией. Как отмечает Е.В.Бондаренко, традиционная сравнительно-историческая парадигма языкознания, превратившая исследование языка в самостоятельную науку, имела целью реконструкцию праязыка методами внутреннего и внешнего сопоставления языковых данных. Логическим продолжением этих методов является потенциальная возможность реконструирования этапов эволюции языка и их рассмотрение в контрастивном аспекте для выявления общих закономерностей развития [1]. И.П.Сусов, перечисляя направления развития мирового языкознания, говорит о генетическом направлении, возникшем в начале XIX в. вместе с формированием сравнительно-исторического подхода к языкам и обогатившемся сегодня благодаря обращению к типологическим, ареальным, математическим методам. Лингвист признает, что ещё нет новой, целостной, интегральной по своему характеру модели языка, которая полно бы отражала последние достижения самого языкознания и смежных наук, гармонично синтезируя подходы структурно-семиотический, функционально-коммуникативный, антрополого-лингвистический, социолого-лингвистический, когнитивно-лингвистический. Построение такой модели явится результатом деятельности языковедов XXI века [8].

В этом случае следует упомянуть разрабатываемую в наши дня ностратическую теорию, которая по мнению В.В.Иванова исследует новые возможности проникновения в более отдалённые эпохи предыстории языковых семей при установлении родственных отношений между семьями Старого Света, которые объединяются в ностратическую макросемью. В развитии аналогичных методов выясняется вероятность вхождения в другую макросемью северокавказских, енисейских и китайско-тибетских. Решаются и другие вопросы о родственных связях и контактах между праязыками ряда семей [4].

Ностратическая теория предполагает вхождение индоевропейских языков в “сверхгруппу” языков (вместе с семито-хамитскими, картвельскими, уральскими, алтайскими, дравидскими). В работе Тамаза Валерьевича Гамкрелидзе и Вячеслава Всеволодовича Иванова “Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры ” (1984) рассмотрению подверглась проблема взаимоотношения индоевропейского и других ностратических языков и проблема индоевропейской прародины. В работе Н.Д. Андреева "Раннеиндоевропейский праязык" была показана тесная связь праиндоевропейского, прауральского и праалтайского в рамках бореального языкового единства [7].

Обозначенное направление развития современного языкознания связано и еще с одной из задач молодой отраслью лингвистики, а именно с эколингвистикой, которая среди своих перспективных направлений выделяет следующие:

- исчезающие языки (спасение малых и исчезающих языков);
- соотношение между биологическим и лингвистическим/культурным многообразием;

Проведение исследований по данным направлениям представляется перспективным и многообещающим и в проекции на решение лингвистических задач, и в аспекте общечеловеческих ценностей [3] .

В рамках данной статьи хотелось бы предложить метод сопоставительного анализа семантики лексических единиц родственных языков с целью выяснения начального образа того или иного предмета, заложенного в пратокультуре этих языков. Для примера возьмем родственные индоевропейские языки – русский и английский, относящиеся к разным языковым группам, но к одной индоевропейской языковой семье. Данными послужат переводные, толковые и этимологические словари этих языков. И в качестве примера проанализируем слово, обозначающее орудие труда – пилу.

В русском языке пилой обозначают режущий инструмент с зубчатым лезвием. Происходит это слово от древневерхненемецкого fîla, fîhala «напильник» (предположительно), из прагерманской формы *finkhlo, от которой в числе прочего произошли: древнеанглийские feol, fil и английское file, древнесаксонское, древневерхненемецкое fila, средненидерландское vile, нидерландское vijl, немецкое Feile. Родственно греческому πείκω «чешу, стригу, царапаю», πικρός «острый», древнеиндийскому piṁçáti «вырубает». Менее вероятно ввиду различия значений родство с литовским peĩlis «нож», латышским peĩlis, древнепрусским peile. Литовское pielà «пила, напильник», возможно, заимствовано из славянского. Неприемлемо предположение о родстве с литовским piūklas «пила», piáuju, piáuti «резать» [2] .

В английском языке имеется такой словарный эквивалент, как saw, поперечная пила cross-saw, круглая пила - circular saw, ленточная пила – band saw; ручная пила – handsaw [55, с. 457]. Saw – это обычная номинация пилы [6, с. 691]. В толковом словаре английского языка имеет место следующая информация. Saw - a tool that you use for cutting wood. It has a flat blade with an edge cut into many V shapes(т.е. резец, который используется для разрезания древесины. У него есть плоское лезвие с острием, нарезанным на много зубцов в форме V) [9]. Этимологическая характеристика этого слова такова.

Toothed cutting tool, Old English sagu, from Proto-Germanic *sago "a cutting tool" (cognates: Old English seax "knife," Old Norse sög, Norwegian sag, Danish sav, Swedish såg, Middle Dutch saghe, Dutch zaag, Old High German saga, German Säge "saw"), from PIE root *sek- "to cut" (cognates: Latin secare "to cut," Russian sech' "to cut").

(Зубчатый резец для разрезания, древнеанглийское sagu, происходит из прогерманской основы *sago в значении режущий резец, инструмент (родственно древнеанглийскому seax – нож, древненорвежскому sög, норвежскому sag, датскому у sav, шведскому såg, средненидерландскому saghe, нидерландскому zaag, древневерхненемецкому saga, немецкому Säge – пила), восходит из индоевропейского корня *sek- - резать, (сходно с латинским secare – резать, русским «сечь»)- [10].

Сравнение полных семантических характеристики русского слова «пила» и английского слова ‘saw” дает нам основание предположить, что в индоевропейской пратокультуре существовал такой рабочий инструмент, который назывался разными словами, похожими на слова *finkhlo, *sek. Инструмент этот предназначался для резки

и было первоначально не чем иным как ножом. Затем в связи с необходимостью рассекать что-то твердое как древесина меняются его размеры и форма, усовершенствуется внешний вид. Использование предложенного метода позволило заглянуть нам в далекое прошлое и установить возможный вид первоначальной пилы.

Список литературы

1. Бондаренко Е.В. Внутренние и внешние факторы морфологической эволюции (на материале английского и немецкого языков)// Автореф. дисс. … докт. филол. наук.- М., 2011.- 41 с.
2. Викисловарь [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wiktionary.org/wiki (дата обращения: 20.02.2014).
3. Кислицына Н.Н. Эколингвистика – новое направление в языкозна-нии// [Электронный ресурс]. URL: http://ecolinguistics.ru (дата обращения: 20.02.2014).
4. Лингвистический энциклопедический словарь// [Электронный ресурс]. URL: http://tapemark.narod.ru (дата обращения: 20.02.2014).
5. Мюллер В. Большой русско-английский словарь в новой редакции.- М.: Рипол, 2010.- 816 с.
6. Мюллер В.К. Новый англо-русский словарь.- М.: Дрофа. Русский язык Медиа, 2008.- 946 с.
7. Основные лингвистические направления и школы, сложившиеся в первой половине XX века// [Электронный ресурс]. URL: http://murmix.narod.ru (дата обращения: 20.02.2014).
8. Сусов И.П. Введение в теоретическое языкознание// [Электронный ресурс]. URL: http://homepages.tversu.ru (дата обращения: 20.02.2014).
9. Толковый словарь английского языка Лонгман [Электронный ресурс]. URL http://www.ldoceonline.com (дата обращения: 20.02.2014).
10. Этимологический словарь английского языка// URL http://www.etymonline.com (дата обращения: 20.02.2014).

КВАНТИТАТИВНЫЕ СРЕДСТВА КАТЕГОРИИ ИНТЕНСИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ ГАЗЕТНОЙ СТАТЬИ

Радченко Иван Иванович

канд. фил наук, докторант кафедры русского языка и культуры речи, Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, г. Ростов-на-Дону

QUANTITATIVE MEANS OF INTENSITY CATEGORY IN LANGUAGE OF THE NEWSPAPER ARTICLE

Radchenko Ivan

Candidate of Philological Sciences, Doctoral Candidate of the Russian Language and Speech Standards Department in Philology, Journalism and Intercultural Communication Institute of South Federal University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

В статье на основе системного (функционально-семантического) описания квантитативов показано, что количественные интенсивы не только сообщают достоверную информацию, но несут и эмоционально-экспрессивную информацию, способствуя большей выразительности медиатекста.

ANNOTATION

Basing its analysis on a systematic (functional and semantic) description of quantitatives the article aims to demonstrate that quantitative intensifiers convey not only factual data but emotional and expressive as well, which leads to greater expressiveness of a media text.

Ключевые слова: квантитатив, категория интенсивности, деинтенсификатор.

Key words: quantitative, intensity category, deintensifier.

Языковую систему можно рассмотреть как ряд компонентов, состоящих из разноуровневых единиц, объединенных общностью выполняемых ими функций. Такой подход позволяет сосредоточить внимание на различных связях между элементами, которые принадлежат к разным уровням языка (лексики, морфологии, синтаксису), а не ограничиваться рассмотрением одного из уровней, ибо связь между уровнями языка обеспечивает возможность использования языка как средства коммуникации.

Изучению разноуровневых средств выражения категории интенсивности посвящен целый ряд современных исследований, в их числе работы И.И. Туранского, Г.Ф. Гавриловой, В.М. Труб и других [1].

Для современных средств массовой коммуникации характерно обращение к человеку, к различным сферам его жизни. Несомненный интерес представляет изучение национально-культурных ипостасей языкового образа человека, особенностей их репрезентации в текстах различных стилей и жанров, в газетах разных направлений. Интересным представляется изучение характеристики любого человека, отражающей описание его темперамента, социальные условия его деятельности, что находит свое выражение и в определенных языковых средствах. Функциональный подход, изучающий язык в действии, ориентирован на языковую личность не только объекта исследования другого лица, но и отражает в языке личность самого адресанта.

Как правило, пишущий высказывает свои личные эмоции, категорически утверждает, навязывает свое мнение. При этом для воздействия на читательскую аудиторию в максимальной мере используется словообразовательный и фразеологический потенциал языка, средства

создания экспрессивности, образности, эмоциональной окраски значений, подчеркивающих их стилистическую значимость.

Использование данных экспрессивных средств позволяет автору фиксировать внимание читателя на определенных участках текста, помогая тем самым оценить их относительную значимость, иерархию образов, идей, чувств и таким образом передать отношение говорящего к предмету речи.

В силу этого, качественные, количественные и качественно-количественные средства интенсификации образуют определенный эстетический контекст и выполняют целый ряд смысловых функций, одной из которых является повышение экспрессивности и, в конечном счете, выполнение воздействующей функции авторского газетного текста на читателя, иногда навязывание ему своего мнения.

Целям интенсификации служат количественные, дробные и местоименные числительные. Единицы двух первых разрядов могут подвергаться семантическим преобразованиям, в результате которых происходит расширение значения; числительные перестают называть определенное количество, указывая лишь на множество предметов, высокую степень характеризуемых признаков, выступая в роли интенсивов-квантитативов:

Студенту всего лишь девяносто лет. (Ирония). /Вечерний Ростов 09.10.2009/.

При интенсификации оценок используются также числительные и существительные, являющиеся наименованиями малого количества (деинтенсификаторы).

– На прямой вопрос, что будете делать после того, как получите диплом, кем вы будете работать, из аудитории в сто человек готовы дать ответ только два-три человека.../Наше время 08.10.2009/.

Местоименные числительные, употребляемые для указания на неопределенное количество предметов, также могут стать средством интенсификации в роли наречий:

Ваши подарки приятней в разы, когда они сплетены из лозы. /Вечерний Ростов 09.10.2009/.

К регулярно действующим интенсификаторам относятся те модальные слова и частицы, которые способны одновременно выражать и субъективную оценку, и степень проявления каких-либо признаков предмета:

Пили, ели, веселились аж до часа ночи. /Вечерний Ростов 20.10.2009/.

Таким образом, функционирование числительных в медиатекстах связано с усилением эмоциональной силы высказывания на адресата. С целью достижения экспрессивности журналисты очень часто используют точное число для передачи неточного количества:

Между тем сто с лишним британских мечетей контролируются радикальными исламистами, они рассадники религиозной нетерпимости. /Комсомольская правда. 06.08.2014/. *Неусвоенные уроки первой мировой бойни аукнулись через 20 с лишним лет.* /Союзное вече 31.07.–06.08.2014/.

Данный прием особенно выразителен в рекламных текстах:

За три дня минус три сантиметра (реклама средства для похудения «Турбослим»).

В данном примере мы наблюдаем использование дистантного повтора, выраженного количественным числительным «три», причем в первом случае это деинтенсив, подчеркивающий, что нужно очень мало, всего «три дня», чтобы добиться такого очень большого уменьшения талии на три сантиметра. Числительное «три» – здесь уже выступает в роли квантитативного усилителя.

Таким образом, смысловое смещение количественных номинаций связано с появлением в их семантике семы «интенсивность», метаязыковым выражением которой служит слово «очень».

В текстах СМИ часто наблюдаются примеры осложнения нумеральных значений семами оценки «много / мало», для выражения которых используются интенсификаторы (*только, лишь, (всего) лишь, всего*) и эмоционально-экспрессивные частицы (*аж, уже).* Включение в высказывание различных по семантике эмоционально-усилительных элементов позволяет создателю текста акцентировать внимание на характере предметов и явлений, подчеркивая их значимость для аудитории. Вместе с тем такие выделения по воле автора текста могут перевести оцениваемое количество из положительно оцениваемой области в отрицательную или, напротив, сменить «минус» на «плюс». Ср.: *В мае и июне на этом же месте ярмарки проходили уже дважды.* /Союзное вече. 31.07.–06.08.2014/ и *Только из Лондона на «священную битву» уехали свыше трехсот боевиков и две трети из них уже опять на берегах Темзы.* /Комсомольская правда. 06.08.2014/.

Можно наблюдать, как стремление к экспрессии порождает новые приемы осмысления и вербализации параметрической информации:

Это может быть и подмена единиц измерения: *Мои родители долго отказывались считать профессией увлечение русской народной песней, они считали – то, чем я занимаюсь, могут делать все.* /Союзное вече. 31.07.–06.08.2014/.

Или же измерение принципиально неизмеряемых явлений: *Сколько стоит жизнь? Россияне оценивают стоимость своей жизни в 3 млн. рублей* /Комсомольская правда. 15.05.2007/.

В ходе исследования установлено, что периферийные номинации всех основных количественных значений: определенного, неопределенного и приблизительного – направлены на реализацию воздействующей функции. Это обусловлено тем, что периферийные количественные номинации практически всегда сопровождаются идеей оценки и характеризуются эмоциональной нагруженностью. Для придания выразительности газетной речи нередко используются порядковые и количественные числительные в переносном значении, формирующие периферию определенного количества: *Экспертом номер один по джихаду в Британии считается Маадджид Навааз.* /Комсомольская правда. 06.08.2014/. Аналогично следует рассматривать и сочетания типа *третьи лица, третьи руки, второе рождение* и т.п. Анализируемые сочетания носят субъективный характер и отражают ассоциации и социальные оценки передаваемых явлений. Что касается периферийных номинаций приблизительности, то они очень часто связаны с оценкой передаваемого количества. Количественная оценка приблизительности выражается в денотативных признаках «много – мало», которые сочетаются

с коннотативной семой «очень», или же в сочетании со словами «с лишком», «примерно», «около». Например: *На театр военных действий отправлено примерно три тысячи солдат.* /Союзное вече. 31.07.–06.08.2014/.

Нами также установлено, что использование отрицательной частицы «не» с квантитативным интенсивом является одним из наиболее распространенных способов выражения отрицания на страницах газет: «*Я скажу вам одно: мой внук Бронислав и вся наша семья два года не видели и даже не слышали Баскова!*». /Комсомольская правда. 23–30.12.2010/.

В данном примере эксплицитное содержание отрицания, выраженное частицей «не» служит отрицанием смысла заложенного в повторяющемся сказуемом, выраженном глаголами в личной форме. Отрицательная форма сказуемого «не видел» в первом случае усиливается квалитативным интенсивом, выраженным сочетанием количественного числительного и существительного «два года». Значение, заключенное в отрицании «два года не видели» приобретает смысл усиления в контексте, повествующем о длительной разлуке героев, описанных в статье. Это содержание усиливается еще и повторяющейся формой сказуемого, построенного по такой же схеме: личная форма сказуемого «слушать» с частицей «не» и усилительной частицей «даже», и повторяющийся квантитативный интенсив «два года». Кроме того, сама фраза построена на основе устойчивого выражения «не слышать, не видеть» и несет в своей основе предельные коннотации отрицательной семантики.

Исследуя язык газет, мы заметили, что совмещение двух данных категорий возможно как правило при глаголах-предикативах, выражающих эмоционально-волевое значение психической оценки: любить, нравиться, хотеть, думать и др., а также в том случае, если интенсификатор при них квантитативный.

Несколько реже функцию усиления отрицания при квантитативном интенсиве выполняет частица «ни». Например: *«Я тридцать лет погружаюсь, ни разу никаких нападений не было.»*. /Комсомольская правда. 23–30. 12.2010/.

В самой фразе отрицательную смысловую нагрузку несет глагол в прошедшем времени, употребленный с отрицательной частицей «не было». Для усиления этого значения автором статьи используется интенсив в форме отрицательного местоимения и, выше названная форма квантитативного интенсива, с отрицательной усилительной частицей. Все это, включая квантитативный интенсив «тридцать» придает всей фразе отрицательное значение, осложненное экспрессией.

Таким образом наше исследование показало, что авторами газетных статей количественные и порядковые числительные умело используются как средство экспрессивной окраски текста, а в сочетании с интенсификаторами и эмоционально-экспресивными частицами – придания ему еще большей выразительности.

Список литературы:

[1]. Гаврилова Г.Ф. Сложное предложение в функциональном аспекте. Ростов-на-Дону, 1991; 180 с.; Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке Текст, И.И. Туранский. – М.: Высшая школа, 1990. – 290 с.; Труб В.М. О коммуникативных аспектах отрицания как негативной оценки истинности: Вопросы языкознания.1994 № 1 с. 44–45.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ МОРФЕМЫ, АВТОРСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ КАК ОДНИ ИЗ ОБРАЗУЮЩИХ ЭЛЕМЕНТОВ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В ИНДИВИДУАЛЬНОМ СТИЛЕ Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Нина Яковлевна Сипкина

канд. филолог. наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

POETRY OCCASIONAL MORPHEME, AUTHOR'S NEOLOGIZMS AS SOME OF THE IMAGES OF THE ELEMENTS INSIDE THE FORM OF POETRY CREATIVITY IN INDIVIDUAL STYLE OF R.I. ROZHDESTVENSKIY.

Sipkina Nina, Candidate of Philology; Khakassia State University named by N.F. Katanov

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается значение поэтических окказиональных морфем и авторских неологизмов (как языковых единиц художественной речи) в образовании внутренней формы поэтического творчества в индивидуальном стиле Р. И. Рождественского.

ABSTRCT

The article discusses the importance of occasional poetry morpheme and author of neologisms (such as language units artistic speech) in the formation of the inner form of poetry in the style of the individual R.I. Rozhdestvenskiy.

Ключевые слова: поэтический образ; сгущение мысли; смысловое расширение; внутренняя форма; поэтические окказиональные морфемы; авторский неологизм; индивидуальный стиль.

Key words: a poetic image; concentration of thought; the semantic expansion; the inner form; the morpheme occasional poetry; the author's neologism; individual style.

Согласно концепции А. А. Потебни поэтический образ дает нам возможность заменить массу разнообразных мыслей относительно небольшими умственными величинами. Этот процесс можно назвать процессом «сгущения мысли». Такая способность образа и превращает

поэтическую деятельность в один из главных рычагов в усложнении человеческой мысли и в увеличении быстроты ее движения. Поэтический образ многозначен и полон содержания, и является представителем тысячи отдельных мыслей. Потебня описал также противоположное явление – смысловое «расширение», «разложение». [2, с. 194-195]. В ходе этого психологического действия концентрируемая мысль «останавливается» и от неё, как от брошенного камня в воду, начинают распространяться «круги» мышления с постепенным «расширением до бесконечности» [2, с. 194-195].

Важнейшую роль в образном «сгущении» или «расширении» играет *внутренняя форма*, рассматриваемая в широком смысле (образ образов, идея идей): «Внутренняя форма, кроме фактического единства образа дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представления…Представление или внутренняя форма, это важнейшая в структуре слова ипостась. Слово может быть орудием, с одной стороны, разложения, с другой – сгущение мысли единственно потому, что оно есть представление, то есть не образ, а образ образа» [2, с. 194-195].

По утверждению А. А. Потебни, внутренней форме принадлежит огромная роль в стилевой индивидуализации содержания художественного произведения. Важная сторона взаимных отличий индивидуальных стилей состоит именно в семантическом «*расширении*» или «*сгущении*». «*Сгущение*» и «*расширение*» – один из основных факторов превращения каждого индивидуального художественного стиля в семантический уникум (в неповторимое, исключающее точный перевод средствами другого индивидуального стиля образование), «индивидуальный слог не просто средство выражения мысли, а индивидуальный способ преобразовывать её» [2, с. 194-195].

Таким образом, процесс сотворения внутренней формы – это процесс заострения художником интересующих его особенностей на основе индивидуально-творческой фантазии, заключает в себе факт отбора (морфем, слов, более сложных семантических элементов) и последующего объединения их объективно мотивированной, но в чем-то непременно индивидуальной «окказиональной связью» Это не просто связывание каких-то языковых единиц – это соединение «художественных идей, создание особой внутренней формы». [2, с. 194-195].

Именно с этой целью в поэтике индивидуального стиля Р. И. Рождественского употребляются поэтические окказиональные морфемы, неологизмы, рифмы и другие специфические элементы поэтического языка, которые отличают индивидуальный стиль поэта.

В художественной речи, в поэтическом языке наименьшая значимая единица (морфема) приобретает особое качество сравнительно с морфемой во внехудожественной сфере. Выделенное качество морфемы учёные определяют следующим образом: «поэтически окказиональная морфема – элемент, возникающий лишь в результате повтора, лишь там, где произошло повторение фонического комплекса», то есть наглядное воспроизводство его как некой целостности. Повторение «трансформирует группу единиц (фонем) в единицу иерархически более высокого уровня, которая естественно опознается сознанием читателя как нечто однородное «истинным» языковым морфемам. Происходит взаимное смысловое ассоциирование созвучных слов». [1, с. 232].

Однофонемный повтор (аллитерация) функционально неравноправен более чем однофонемному повтору. Повтор фонемного комплекса качественно воспринимается в читательском сознании по-разному, более чем однофонемный повтор осуществляется уже на уровне более высоком. Например, «рифма непременный повтор фонемного комплекса, то есть окказиональной поэтической морфемой, и таковыми становятся уже двуфонемное повторение» [1, с. 232].

Попробуем определить значение поэтических окказиональных морфем в образовании *внутренней формы* произведения, используя отрывок из стихотворения Р. Рождественского. «Весенний монолог»:

«Все весеннее:
намеки,
и поступки,
и бездумные шаги по мостовой.
Все весеннее:
бульвары и простуды,
ветер,
пахнущий вчерашнею травой.
Верю я, что есть улыбка в этом ветре,
Верю в ласковость и силу
сквозняка.
В постового застеснявшегося
верю.
И не верю только в синие снега…»[4, с. 339-340].

В этом стихотворном примере можно выделить следующие *поэтические окказиональные морфемы*: созвучия «**все**» и «**вер**»: в словах: *все*, *весеннее*, *ветер*, *вчерашний*, *бульвары*, *верю*; созвучия «**посту**» и «**твой**» в словах: *поступки*, *простуда*, *пахнущем*, *травой*, *мостовой*; созвучия «**снега**» и «**си**»: в словах: *сквозняка*, *снега, силу*, *синий*; созвучия «**лак**»: в словах: *улыбка*, *ласковость*; созвучия «**вго**»: в словах: в *постового* застеснявшегося.

В этом кусочке стихотворения поэт весьма «тонко» использует поэтическую этимологизацию, *создавая на основе внутренней формы слова сложные образные композиции*. Почти все слова в этом отрывке созвучны тем или иным образом: *все, весеннее, ветер, верю, вчерашний, бульвара* – в этих словах повтор двух корневых звуков «**в**» и «**е**»; «**в**» «**е**» и «**р**»; в словах *вчерашний, бульвара* добавляются «**в**», «**а**», «**р**». Это уподобление фонемных комплексов возникает с образами весны – *все весеннее, ветер, вера, вчерашний, бульвар*.

Созвучие следующих фонемных комплексов возникает по аналогии с образами и «последствиями весны»: *поступки, простуды, травой, мостовой, пахнущей*.

Созвучие слов «*постовой, застеснявшегося*» – это повтор внутреннего комплекса, дополнительно нюансирующий общую картину *образных смысловых терминов*.

В этом примере поэтические окказиональные морфемы-элементы («***все***», «***вер***», «***посту***», «***твой***», «***снега***», «***си***», «***лак***», «***вго***») возникают лишь в результате повторения фонемного комплекса слитного и разорванного, то

есть наглядное воспроизводство их как некой целостности. Повторение «трансформирует группу единиц (фонем) в единицу иерархически более высокого уровня, которая естественно познается читателем как нечто однородное, взаимно смысловое ассоциирование созвучных слов» [1, с. 232].

В раннем творчестве Р. Рождественского существует необычный тип лексем, являющихся в произведении результатом индивидуального творчества – это авторские неологизмы, которые «консервируются» контекстом, не входя в бытовую речь, а поэтому не подвергаются постепенному стиранию этимологического образа – внутренней формы» [1, с. 236] .

Неологизм с этой точки зрения – это и «слово, и синтагма (цепочка морфем), и образ и произведение, представляющий в процессе своего создания воплощение индивидуального творчества. В художественном контексте он впоследствии выступает как своеобычная «свернутая» метафора, с точки зрения лексико-синтаксической он является заместителем некоторой описательной, аналитической языковой конструкции» [1, с. 236]. Неологизм Р. И. Рождественского в этом последнем плане может пониматься как слово, которое замещает часть фразы, фразу или даже группу фраз.

Например, в стихотворении «Семидесятые» Р. И. Рождественского нам встречается авторский неологизм *«банно»*:

«Сквозь тропическую слизь
ай бо
серые от пыли
по Нигерии трясемся.
Было душно.
Было банно» [4, с. 218-219].

Приведённый неологизм *«банно»* заменил сравнительный оборот «жарко как в бане». Читатель, с помощью этой специфической «свёрнутой» метафоры может представить себе жаркую Африку, по которой путешествует поэт.

Рассмотрим ещё один авторский неологизм *«забронзовев»* из поэмы «Посвящение» Р. И. Рождественского:

«Он медлил,
отвечая на вопросы,
не думая,
что все слова его,
войдут века,
подхватятся поэтами,
забронзовев,
надоедят глазам ...»[4, с. 171-172].

Неологизм «*забронзовев*» отличается своей семантической концентрированностью. Его внутренняя форма (в этимологическом понимании) дает языковую разверстку (что-то отлитое из бронзы, монументальное, прочное, переносное значение – неизменное, неподдающееся обсуждениям). Этот неологизм еще ассоциируется с процессом смывания значения слов, сказанных известным человеком. Употребляемая по любому поводу фраза так надоедает, что перестает обращать на себя внимание, как примелькавшийся бронзовый памятник на площади.

Приведем некоторые неологизмы, которые Р. Рождественский создал в своём поэтическом творчестве: «*авио»* – «Ты слышишь? / Ты должна понять меня – / хоть *авио* (отправить письмо авиационной почтой), / хоть самым скоростным, / а все равно пройдет четыре дня…» («Без тебя»); «*баскетбог»*– «Впереди идут – / руки в боки – / двухметровые / *баскетбоги* (спортсмены-баскетболисты, кумиры болельщиков»); «*бнлобородие»* – «Небесное *белобородие* (белое облако, похожее на бороду), / прости мне / мои погружения…» («Срочное погружение»); «*бессмертинка»* – «В зубах у него / травиночка. / В глазах у него *бессмертинка* (подвиг разведчика, погибшего во имя победы, помнят люди)» («Зорге»); «*громадно»* – «Долго, / страшно, / и *громадно* (в одном слове совмещено два признака – музыка играет так громко, что кажется чем-то огромным) / эта музыка ползла» («Тыловой госпиталь»); «*коктейлить»* – «И за обедом напевал игриво: / «Никто меня не любит, / не *коктейлит* (слово двойного смысла: 1) – не делает коктейли, 2) (переносный) – не ухаживает, не завлекает, т.е. нет любовной интриги)» («О временно прописанных»); «*крылато»* – «Вот промчалась тройка звонко и *крылато* (быстро, как птица высоко в небе); / и дыхание весны шло от них» («Свадьба»); «*мельтешия»* – «Пусть идут, как всегда, / посреди *мельтешии* (ежедневная суета, мелькание дней как пленки в кинокамере), / очень быстро года» («Посвящение»); «*модерияжк»* – «Твой христосик / стал / *модерияжкою* (символ веры – Иисус становится модным атрибутом для внешнего восприятия) – / ни куда и от фактов / не денешься» («Армия спасения»); *«мэдесониться»* – «Легко ль тебе / приятель / *мэдисониться* (проводить время в легких развлечениях) / у рыжей Леночки» («Чисто деловое письмо из Нью-Йорка Сэму Звягину отечественному пижону»); «*окаяния»* – «Мужику уже кричат: / «Ну, чего же ты? / Лети! / Обещал, так взлетай, / *окаяния* (образовано от прилагательного «окаянный», т.е. проклятый Богом)» («210 шагов»); *«пересверк»* – «И все. / И только молний *пересверк* (во время грозы, молнии сверкают со всех сторон горизонта) / И все. / И не остановился век» («Убили парня»); *«продышина»* – «И *продышины* (растопленный лед замерзшего окна дыханием) в окне / цвели кругло, / будто в каждое / кто-то всадил / пулю» («Та зима была, будто война – лютой»); *«сосулечной»* – «Я уехал от весны / от весенней кутерьмы / от *сосулечной* (весной на крышах вырастают сосульки, первый признак наступающего долгожданного времени года) / апрельской / очень мокрой / бахромы» («Я уехал от весны») и др. [3]. Приведённые неологизмы увеличивают сотрудничество поэта с читателем. При чтении данных «неоднозначных» лексем, «включается» образное представление, т. е. использованные неологизмы вызывают дополнительные мыслительные операции.

Таким образом, поэтически окказиональные морфемы, авторские неологизмы являются одними из языковых элементов художественной речи, с помощью которых создаётся *внутренняя форма* стихов Р. Рождественского. Они целиком окказиональны – т.е. не просто выступают как феномен, созданный автором, но даже в опубликованном тексте произведения истолковываются в процессуальных категориях. С точки зрения лексико-синтаксической авторские неологизмы являются заместителями описательной, аналитическо-языковой конструкции.

Список литературы

1. Минералов Ю. И. Теория художественной словесности [Текст] / Ю. И. Минералов. – М.: Гуманитарный центр «Влада», 1999. – 360 с.
2. Потебня А. А. Мысль и язык. Собрание трудов. М., 1999. – 356 с.
3. Рождественский Р. И. Избранные произведения В 2-х т. / Предисл. Е. Сидорова; Худож. В. Медведева. 1 т. М.: Худож. лит., 1979. – 414 с
4. Рождественский Р. И. Избранные произведения В 2-х т. / Предисл. Е. Сидорова; Худож. В. Медведева. 2т. М.: Худож. лит., 1979. – 472 с.

ДИНАМИКА ЯЗЫКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ЯЗЫКОВАЯ ГИБРИДИЗАЦИЯ

Торов Ярослав Владимирович

Аспирант Алтайского Государственного Университета

LANGUAGE DYNAMICS IN THE AGE OF GLOBALIZATION: LANGUAGE HYBRIDIZATION

Torov Yaroslav, Altai State University graduate student, Barnaul

АННОТАЦИЯ

В данной работе рассматривается процесс языковой гибридизации на примере немецкого и турецкого языков. В статье предлагается когнитивная модель процесса гибридизации в условиях взаимодействия данных языков.

ABSTRACT

This article discusses the process of language hybridization on the example of the German and Turkish. We suggest a cognitive model of hybridization under the conditions of the interaction between these languages

Ключевые слова: гибридизация, языковой контакт, билингв.

Keywords: hybridization, language contact, bilingual.

Специфика современного общества и его культурных особенностей определяется, прежде всего, процессами глобализации, которые влияют, том числе, в том числе, и на состояние языкового сознания представителей различных культур, а также на динамику языковых систем, обеспечивающих жизнедеятельность этих культур. Ю.В. Рождественский при характеристике динамики языка считает необходимым выделять три процесса: эволюция, развитие и совершенствование языка [4]. Мы полагаем, что представленный ряд в эпоху глобализации пополняется еще одним процессом – процессом гибридизации, который обусловлен в ряду всего прочего и так называемым распределенным познанием, отличающим мировосприятие человека эпохи тотальных миграций.

М.В. Фаликман, рассматривая соотношение организма, социума, культуры, вводит понятие «распределенного познания», или познания, распределенного между, по крайней мере, двумя людьми [6, с. 31-37]. Распределенное познание связано с механизмом «совместного понимания» [14, с. 55-72], который играет важнейшую роль в языковом и социально-эмоциональном развитии ребенка, а также в обучении и совместной деятельности взрослых людей. М. Томаселло [5] в качестве основы взаимодействия и общения («коммуникации») выделяет «совместную интенциональность», или способность к разделению целей и намерений, развивающуюся путем интериоризации социальных взаимодействий.

В когнитивной науке широкое распространение получил термин «социальное познание» [6, с. 31-37], расширяющий идею «распределенного познания» до изучения когнитивных аспектов любого социального взаимодействия и социальных влияний на когнитивные процессы. Распределенное познание, на наш взгляд, является когнитивным механизмом, определяющим характер такого явления как культурная диффузия.

Культурная диффузия, по определению А.И. Кравченко [3, с. 273], − стихийное взаимопроникновение (заимствование) культурных черт и комплексов из одного общества в другое при их соприкосновении (культурном контакте), влекущее за собой обогащение культур.

Культурная диффузия неумолимо ведёт к диффузии языковой, так как язык является, с одной стороны, частью культуры, с другой стороны, той семиотической системой, которая объясняет существо глубинных структур и модификаций культуры. Кейт Винном [21, с. 91-116] обращает внимание на то, что ни один современный язык не сохранил нетронутым наследие своих более ранних стадий и не застрахован от последствий контакта с другими языками. Кристин Журден [7, с. 253-275], в свою очередь, приходит к выводу, что структурные особенности, взятые

из субстрата в возникшее языковое новообразование, адаптируются регуляризацией к новым системам.

В ходе взаимодействия культур появляются новые говорящие, развивающие свои собственные нормы, благодаря тому, что Р. Чауденсон [15] охарактеризовал как ‘автономизация’ и ‘нормализация’ нового варианта языка. В данном контексте важно рассмотреть понятие «гибридность», использованное И. Эбох [7, с. 253-275], которое не следует отождествлять понятием «первичной», «вторичной» и «третичной гибридизации», используемым К. Винном [21, с. 91–116] для объяснения процессов смешивания, распространения и закрепления элементов из разных языков в пределах одной популяции и разных поколений.

Понятие гибридности И. Эбох, соотносящееся с понятием С. Мафвина [18, 20] функции рекомбинации, проливает свет на процесс осмоса, который позволяет элементам, возникающим в языке-доминанте и субстратах, вливаться в новую систему. Это созвучно позиции, касающейся того, что овладение языком является процессом реконструкции системы, состоящей их двух компонентов $Я_1$ и $Я_2$.

И. Эбох считает, что мы заходим в тупик, когда относим процесс реконструкции к уровню коллективных языковых вариаций, на которых фокусируется диахроническая лингвистика. В подобном случае реконструкция сопоставима «принципу кафетерия», одним из главных недостатков которого, по мнению приверженцев концепции языкового субстрата, является то, что этот принцип практически не учитывает процессов интеграции материала различных языков в новую языковую систему [9].

Полагая «однородительский» генезис языка нормальным способом языкового развития, универсалисты, например, Д. Бикертон [11; 12, с 173–221; 13, с. 49-74] в качестве безальтернативной причины появления гибридов выделяют биопрограмму и речевую деятельность. Тем не менее, как утверждает С. Мафвин [19, 20], отличительной чертой генезиса всех современных языков является интеграция. Так называемый «принцип кафетерия» позволяет объяснить принципы, которые определяют выбор той или иной конструкции, той или иной лексемы при установлении контактов из множества доступного языкового материала. С. Мафвином для решения этого вопроса была предложена соревновательно-выборочная теория [17].

Опираясь на модель адаптации Ричарда Левонтина [16, с. 1-18], эволюционную биологию, И. Эбох [7, с. 253-275; 8, с. 73-97] посредством идеи «гибридизации» подходит к решению вопроса о том, какие «единицы отбора» оказываются предпочтительными. В то время как С. Мафвин [18] утверждает, что селекция применяется к языковым параметрам (единицам или правилам комбинаторики), И. Эбох [7, с. 253-275] показывает, что единицы отбора могут быть так же и незначительными деталями, часто замаскированными частичными соответствиями, которые существует между различными языками.

Процесс отбора непосредственно связан с мышлением отбирающего индивида – субъектом познания. Согласно концепции Н.Н. Болдырева и О.В. Магировской [2], структурная организация субъекта познания соотносится с его когнитивными функциями. Это соотношение авторы представляют следующим образом:

1) эмпирическое познание – наблюдатель;

2) понятийное осмысление – субъект понятийного осмысления:

3) вторичное осмысление – субъект вторичного осмысления (интерпретатор и субъект **оценки).**

Перцептивная основа когнитивной деятельности субъекта эмпирического познания позволяет охарактеризовать его как первичную, начальную координату функциональной представленности субъекта познания. Взаимодействие языковой и мыслительной деятельности обусловливает неразрывную связь языковых правил и принципов организации с правилами и принципами организации деятельности общекогнитивной. Именно на это базовое положение когнитивной лингвистики опирается анализ основных уровней познания.

Основными единицами актуализации первичных концептов как концептов чувственных образов, сформированных наблюдателем в процессе эмпирического познания, являются слова конкретной семантики. Своим предметно-понятийным значением они выступают носителями обязательной, конвенциальной информации об устройстве мира. Благодаря своей аналоговой (логической) сущности, высокой степени проницаемости, кумулятивной способности, как считает Н.Н. Болдырев [1], они фиксируют чувственно-логическое знание об объектах, с которыми субъект познания вступает в непосредственный контакт в ходе конкретно-предметной деятельности.

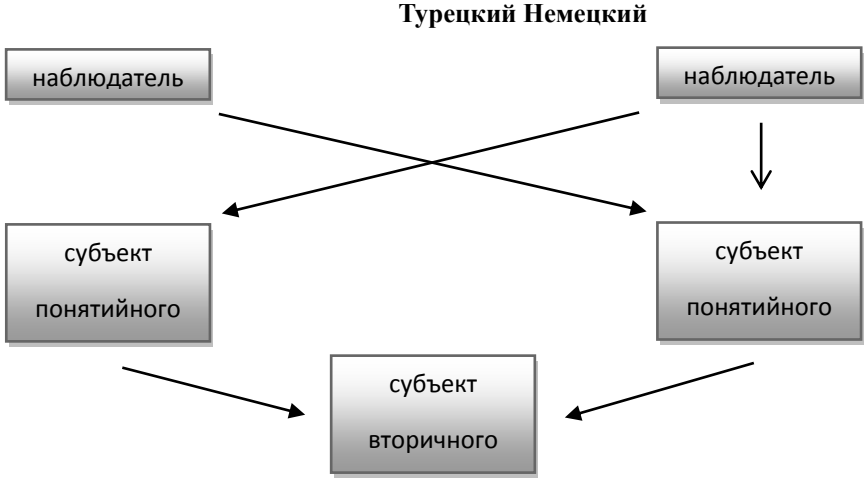
Особенности понятийного осмысления субъекта получают свою языковую репрезентацию на отдельном уровне языковой категоризации – категоризации грамматической. Грамматический уровень обеспечивает репрезентацию всех основных типов когнитивной деятельности субъекта понятийного осмысления: как концептуализирующей, так и категоризующей.

Когнитивная деятельность субъекта вторичного осмысления (интерпретация и оценка) включает в процесс познания индивидуальность субъекта познания, так как предполагают опору на его собственное мнение и определенный когнитивный опыт взаимодействия с миром, а также способность к оценке и эмоциональному восприятию. Она объединяет знания, сформированные на предшествующих уровнях когнитивной деятельности, и привносит в общий процесс концептуализации и категоризации собственную специфику их переработки. Результатом деятельности субъекта является конкретная мысль, единицей репрезентации которой выступает предложение-высказывание.

Процесс языковой гибридизации предполагает формирование у субъекта знаний и навыков, касающихся

единицы отбора, в замаскированы частичные соответствиями, существующие между различными языками культур и демонстрирующие факты культурной диффузии. Примеры языковой гибридизации и культурной диффузии, по нашему мнению, можно обнаружить в образцах языковой деятельности билингвов.

В нашей работе мы рассматриваем когнитивную деятельность турок-билингвов, живущих в Германии и владеющих турецким и немецким языками в равной степени. «Германские» турки обладают двумя наборами антропоцентрических координат наблюдателя и субъекта понятийного осмысления. Языковой перфоманс «германских» турок ориентирован антропоцентрическими координатами и обусловлен лингвистической компетенцией, сформированной на базе турецкого и немецкого языков. Субъекты вторичного осмысления в таком случае сливаются в одно целое. Взаимодействие наблюдателя турецкого языка с субъектом понятийного осмысления немецкого приводит к заимствованию слов из турецкого языка. Взаимодействие наблюдателя немецкого языка с субъектом понятийного осмысления турецкого языка приводит к использованию турецких грамматических конструкций. Все изложенное можно представить в следующей схеме:



Исследования, проведенные в смешанных этнических группах молодежи в высоко полиэтнических и многоязычных районах Гамбурга, указывают на распространение первичных турецких этнолектов среди нетурецких (также немецких) молодых людей, что должно рассматриваться не как нарушение этнической границы, а скорее как деэтнизация этнолекта. [10, с. 255-264].

Маркерами языковой гибридизации в языке молодежи высоко полиэтнических и многоязычных районах Гамбурга являются: а) выпадение артиклей; б) отсутствие местоимений; в) пропуск или употребление неверных предлогов; г) отсутствие согласования; д) нестандартное (ненормативное) грамматическое оформление фразы. Следующие иллюстрации процесса языковой гибридизации взяты из разговоров молодых людей из чисто немецких семей:

1) Выпадение артиклей: Italienisch ist ja fast gleich wie Spanisch, auch so, aber andere Sprache (Int. Bianca); wir gehen auch in Disco (Int. Bianca); möchte Ausbildung machen (Int. Rosa); wenn türkische Frau kommt (Int. Thomas); labert mal ein bisschen, Kassette ist so leer (Petra); was macht Fußball? (Michael); hast du Käufer? (Michael), etc.;

2) Пропуск предлога или употребление неверных предлогов: die geht so Laden rein (Maike); dann bin ich Gymnasium zwei Jahre gegangen (Annette, Int.); wollen wir nicht Kiez gehen? (Michael); und dann vor ein Jahr war ich auch türkische Frau zusammen (Thomas, Int.); Wochenende am meisten; (kurz darauf:): am Wochenende meistens immer (Rosa, Int.); wenn ich jetzt bei Bäckerei arbeite... (Thomas, Int.); will auch Urlaub nach Türkei machen (Thomas Int.); alle zu Hamburg. (= ‚nach Hamburg', Michael), etc.;

3) Отсутствие местоимения: ... weil ich hör die und die haben (sc. ‚es') mir beigebracht ... (über's Türkischlernen, Bianca, Int.);

4) Отсутствие согласование: ama (= türk. ‚aber') so, weil manche türkische Leuten, die können überhaupt kein Deutsch (Thomas, Int.);

5) Отличный падеж или отличная морфология: aber der eine wollte doch deutsche Geld haben (Thomas).

Недостающие предлоги и артикли показывают влияние первичного этнолекта на эту группу. Рассмотрим следующие предложения на турецком языке: "Я иду в школу" - (Ben) okula gidiyorum (я школа иду) – дословно в соответствии с порядком слов, где мы наблюдаем беспредложное употребление данного глагола в турецком языке. В выходные – haftasonunda, а в конце недели, во время выходных - hafta sonunda, что показывает несовпадение предлогов в языках.

Рассмотрение особенностей языковой гибридизации в качестве следствия культурной диффузии позволяет Auer сделать следующие выводы: 1) этнолект не только теряет свои этнические признаки, но и теряет свой гендерный характер; 2) отдельные структуры этнолекта используются в официальном стиле языка [10, с. 255-264].

Результаты изучения языковой гибридизации показывают, что границы между инаковостью и подлинностью

в процессе культурной диффузии слабеют и иногда исчезают полностью. В результате этнолект становится социолектом немцев, что легитимирует языковую гибридизацию и позволяет ей развиваться дальше.

Список литературы

1. **Болдырев Н.Н.** Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка. Тамбов, 2005а.
2. Болдырев Н.Н., Магировская О.В. Языковая репрезентация основных уровней познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2009. № 2.
3. Кравченко А.И. Культурология: Словарь. - М.: Академический проект, 2000. - с.273.
4. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознании. – М.: Высш. шк., 1990.
5. Томаселло М. Истоки человеческого общения. М.: Языки славянских культур, 2011.
6. Фаликман М.В. Когнитивная наука в XXI веке: организм, социум, культура // Психологический журнал. Международного университета природы, общества и человека «Дубна», 2012, № 3, с. 31-37.
7. Aboh, E. 2006. The role of the syntax-semantics interface. In *L2 Acquisition and Creole Genesis. Dialogues* [Language Acquisition & Langauge Disorders 42], Claire Lefebvre, Lydia White & Christine Jourdan (eds), 253–275. Amsterdam: John Benjamins.
8. Aboh, E. 2007. Le genese de la peripherie gauche du saramaka: Un cas d'influence du substrat?In *Grammaires creoles et grammaire comparative,* Karl Gadelli & Anne Zribi-Hertz(eds), 73–97. Paris: Presses Universitaires de Vincennes.
9. Aboh, E. 2009. Clause structure and verb series. *Linguistic Inquiry* 40(1).
10. Auer, Peter (2003). ‚Türkenslang': Ein jugendsprachlicher Ethnolekt des Deutschen und seine Transformationen. In: Häcki-Buhofer, Annelies (Hrsg.). *Spracherwerb und Lebensalter*. Tübingen: Francke, S.255-264.
11. Bickerton, Derek. 1981. *Roots of Language*. Ann Arbor MI: Karoma.
12. Bickerton, Derek. 1984. The language bioprogram hypothesis. *Behavioral and Brain Sciences*7: 173–221.
13. Bickerton, Derek. 1999. How to acquire language without positive evidence: What acquisitionistscan learn from creoles. In *Language Creation and Language Change: Creolization, Diachrony, and Development,* Michel DeGraff (ed.), 49–74. Cambridge MA: The MIT Press.
14. Butterworth G., Jarrett N. What minds have in common is space: Spatial mechanisms serving joint visual attention in infancy. // British Journal of Developmental Psychology, 1991, vol. 9 (1), pp. 55–72.
15. Chaudenson, Robert. 1979. *Les creoles francais*. Paris: Fernand Nathan.
16. Lewontin, Richard Charles. 1970. The units of selection. *Annual review of Ecology and Systematics*1: 1–18.
17. Mufwene, Salikoko S. 1996a. The Founder Principle in creole genesis. *Diachronica*13: 83–134.
18. Mufwene, Salikoko S. 2001. *The Ecology of Language Evolution*. Cambridge: CUP.
19. Mufwene, Salikoko S. 2005. *Creoles, ecologie sociale, evolution linguistique*. Paris: L'Harmattan.
20. Mufwene, Salikoko S. 2008. *Language Evolution: Contact, Competition and Change*. London: Continuum.
21. Whinnom, Keith. 1971. Linguistic hybridization and the 'special case' of pidgins and creoles. In *Pidginization of Creolization of Languages,* Dell Hymes (ed.), 91–116. Cambridge: CUP.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Васильева Екатерина Ильинична

Профессиональный колледж ДВФУ, Владивосток

Варламова Наталья Владимировна

Преподаватель русского языка и литературы, Профессиональный колледж ДВФУ, Владивосток

TENDENCIES OF THE DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN LANGUAGE

Vasileva Ekaterina, Professional college FEFU, Vladivostok

Varlamova Natalia, Lecturer of Russian language and literature, Professional college FEFU, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассмотрены тенденции развития современного русского языка. В качестве исследовательской задачи автором была определена попытка оценить современное состояние русского языка и культуры речи в России. На основе проведенного исследования автором предлагается повысить уровень грамотности письменной и устной речи у носителей русского языка через приобщение к культуре и культурным ценностям человечества.

ABSTRACT

This article describes tendencies of the development of modern Russian language. As the main goal of the research the Author chose an attempt to estimate modern position of Russian language and standard of speech in Russia. As a result of this research the Author suggests to raise literacy of written and spoken speech among Russian native speakers through familiarization with culture and cultural values of mankind.

Ключевые слова: русский язык; культура речи; неологизмы; жаргонизмы; орфоэпия; культура.

Keywords: Russian language; culture of speech; neologisms; jargon; orthoepy; culture.

Русский язык представляет собой национальную сокровищницу культуры всего русского народа, бесценное достояние, полученное нами от наших предков. Невозможно переоценить достоинства русского языка: это язык, обладающий огромным словарным запасом, удивительной способностью к словообразованию, обширным звуковым составом, богатой стилистической окраской слов, обилием синонимов и словоформ, широчайшим спектром оценочной лексики. Однако в языке, как в живой и очень чутко реагирующей на любые изменения в обществе системе, происходят серьёзные изменения, затрагивающие различные уровни языковой системы.

На состояние современного русского языка большое влияние оказала смена политического строя в 1991 году. После распада СССР в стране исчезла жёсткая регламентация всех сторон жизни общества. В новообразованном государстве были в полной мере осуществлены принципы гражданской и политической свобод, во много раз возросла активность членов общества. Бурный рост активности, ранее сдерживаемый государственным режимом, привел к оживлению деятельности в различных сферах общества. Но данный процесс не был лишен негативных последствий, к которым относится повышенная агрессивность, отсутствие культуры, бесцеремонность и неконтролируемость, выраженные как во внешних проявлениях поведения членов общества, так и в языковой культуре населения.

С возрастанием влияния СМИ в обществе ускорилось обновление языка средствами радио, кино, телевидения, а также через печатную продукцию. Вместе с исчезновением цензурной политики в России и усилением свободы слова в СМИ стала проникать нецензурная, сленговая и вульгарная лексика, расширился круг допустимых тем для обсуждения. На сегодняшний день в средствах массовой информации допускаются многочисленные речевые ошибки, использование ненормативной лексики, отступление в речи от языковых норм. Новые, «модные» тенденции в языке в большинстве своём приживаются в разговорной, устной и литературной речи благодаря их усиленному использованию в СМИ. Если раньше основой и примером речевой культуры была художественная литература, то теперь массмедиа становится образцом речевой моды, причём невысокого уровня.

Еще одной немаловажной современной языковой тенденцией является активное расширение словарного состава русского языка благодаря развитию техники, науки, культуры, электроники, компьютерных технологий и интернет индустрии. Нарастающее влияние высоких технологий на жизнь общества, а также ускоренные процессы развития компьютерной науки и техники столь стремительны, что русский язык постоянно пополняется новыми компьютерными терминами. Так, фактическое большинство новых слов из сферы IT-технологий являются заимствованными неологизмами. Причиной данной ситуации является затруднённый процесс поиска слова-аналога в русском языке, которое отличалось бы краткостью и информационной ёмкостью. Вследствие чего в лексический запас носителей языка русского языка прочно вошёл целый пласт международной компьютерной терминологии. Например, «ноутбук», «роутер», «смартфон», «факс», «кардридер», «неттоп», «моноблок» и другие.

Кроме использования в речи иностранных неологизмов существует тенденция к смешению слов родного языка и иностранного, к примеру, «У меня все well (с англ. «хорошо»)», или «Я очень sorry (с англ. «извиняться»)». Развитие торгово-экономических, политических, туристических связей Российской Федерации с другими странами после 1991 года стало способствовать возникновению подобной тенденции в языковой культуре россиян. Приверженцами такого «модного» течения в языке в большинстве случаев являются молодые люди, которые считают, что выражение мыслей в подобной форме является показателем их образованности, элитарности, «стильности» в языке. Данному процессу способствует американизация образа жизни определенной части населения россиян, для которых внедрение иностранных слов в повседневную речь является показателем культуры и их мировоззренческих взглядов. Однако «засорение» языка подобным способом показывает неуважительное отношение этих людей к родному языку, к культуре и традициям своего народа.

С каждым годом возрастает доля времени, отведённая россиянами на посещение социальных сетей и проведение досуга в сети Интернет. Как известно, в Интернете существует свой стиль и свои нормы общения, что отчётливо видно при контактах пользователей в социальных сетях. Современные молодые люди пытаются сократить время на написание сообщений, для этого активно используется несколько приёмов:

1) сокращение формы слова, к примеру, «ща» (сейчас); «поч» (почти; почему); «чёт» (что-то); «норм» (нормально); «комп» (компьютер) и т.д.;
2) использование только первых букв словосочетаний или выражений, известных всем активным пользователям сети («хз» (не знаю); «ппц» (пипец);

«имхо» (по моему скромному мнению); «спс» (спасибо) и т.д.);

3) обильное использование сленговых слов и жаргонизмов («угорать», «таращит», «откалываться», «отходосы», «красава» и т.д.);
4) использование транслитерации и транскрибирования («го» (пойдем, идти); «селфи» (фотоавтопортрет); «уоу» (wow); «лал», «лол», «лалка» (lol); «систр» (сестра) и т.д.);
5) использование междометий в качестве ответа на сообщение.

К сожалению, молодёжный компьютерный сленг выходит за рамки только социального диалекта и становится используемым людьми из разных социальных слоёв общества. Такой сленг стал появляться в разговорной, художественной и публицистической речи. Повсеместное употребление сленга приводит к уменьшению активного словарного запаса, сокращению использования в речи эмоционально-оценочной лексики, ослаблению способности людей к поиску синонимов для разнообразия речи. Сложившаяся ситуация явно даёт понять, что в различных слоях общества создаётся привыкание к подобной форме общения, к «новомодной» лексике. У людей, которые активно используют в своей речи подобную лексику, замедляются мыслительные процессы и способность к восприятию различных видов информации, падает культура речи, культура общения, уменьшается общая грамотность.

Усугубляет непростую ситуацию языковой культуры в России попытки реформирования русского языка в 2009 году, когда правила русского языка хотели привести в соответствие современному разговорному стилю речи. К сожалению, большинство россиян в речи не следуют орфоэпическим нормам русского языка. Приведём несколько примеров: «грит»(говорит), «кагыцца»(как говориться), «звОнит», «красивЕе», «средствА», «тортЫ» и т.п. Следует добавить, что наблюдается тенденция к увеличению употребления в речи так называемых «слов-паразитов»: «ну», «типа», «это самое», «короче» и т.д., также наблюдается увеличение употребления людьми в речи жаргонизмов, которые стали употребляться в различных социальных слоях общества, утрачивая характер табуированной лексики, что приводит к прочному вхождению такой лексики в словарный запас носителей языка. Данная ситуация не может не вызывать опасения.

Негативное влияние на современное состояние языка оказывает снижение уровня образованности населения в России. По мнению ректора МГУ Виктора Садовничего, «уровень подготовки выпускников школ упал по математике, химии, физике и по гуманитарным наукам» [1]. Снижается количество часов, отводимых для изучения русского языка и литературы в школе, что не способствует получению качественных знаний. У учеников не формируется умение красиво и логично изъяснять свои мысли, практически отсутствует навык грамотной и структурированной речи. Большинство учителей русского языка и литературы не прививают своим ученикам нормы культуры речи, любовь к своему языку и бережное отношение к слову, а только стремятся обучить необходимому образовательному минимуму для успешной сдачи учениками экзаменов. При этом, как пишет Л. Д. Кудрявцев в своей статье «Образование в России», «опасная тенденция динамики нашего образования (как среднего, так и высшего) состоит в последовательном систематическом снижении требований, предъявляемых к знаниям учащихся» [3]. Опасность данной тенденции заключается в том, что у учеников образуется формальное отношение к изучению всех предметов образовательного цикла, вместе с тем у большинства учеников создается тревожная цепочка «выучил»-«сдал экзамен»-«поступил в вуз»-«забыл». Результатом данной тенденции является снижение порогового минимума ЕГЭ по русскому языку на 12 баллов: с 36 до 24. В своём интервью изданию «Газета.Ru» руководитель Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки Сергей Кравцов заявил: «Чтобы избежать ситуации, когда многие выпускники остались без аттестата, мы и снизили минимальный порог» [5].

Наряду с вышеизложенным следует отметить, что в настоящее время в нашей стране остро стоит проблема снижения интереса к чтению литературы. В недавнем прошлом россияне считались самой читающей нацией в мире. Однако на сегодняшний день мы утратили это «почётное звание», что подтверждает печальная статистика, приведенная на сайте фонда «Общественное мнение» [4]. По данным опроса, 37 % респондентов заявили, что вообще не читают книги, 55 % опрошенных читают не реже раза в месяц. Большинство читающих, а это 71 % , отдают предпочтение газетам в печатном виде, чтобы иметь представление о событиях и новостях, происходящих в нашей стране и в мире. Такая ситуация оказывает негативное влияние на духовную культуру граждан России, снижается восприимчивость к культурным ценностям, вследствие чего происходит обеднение речевой культуры. Ещё одним немаловажным фактором является отсутствие потребности в чтении. Эта потребность формируется у детей с раннего возраста. Родители, читая ребенку на ночь книгу или рассказывая сказку, тем самым приучают его к ежедневному чтению, правильному обращению с книгой, но само важное, что ребёнком неосознанно познаются правила и структура родного языка.

Среди людей более старшего возраста доля читающих не намного выше, чем среди молодежи. В последнее время наблюдается тенденция к её уменьшению. Всё реже люди стали посещать библиотеки и поэтические вечера, интересоваться новинками в мире литературы. Общий фон литературной культуры среди граждан Российской Федерации ослабевает, и, как следствие, уровень грамотности и образованности стремительно снижается. Это связано, по-видимому, со сложной социально-экономической ситуацией в стране. Множество людей вынуждено очень много работать, чтобы обеспечить себя и свою семью, удовлетворить необходимые естественные потребности. И, как следствие, культурные потребности порой уходят

на второй план. На чтение просто не остаётся ни сил, ни времени.

В связи со сложной кризисной ситуацией в области читательской культуры, которая сложилась благодаря многим факторам, Правительство Российской Федерации стало реализовывать программы, направленные на сохранение и популяризацию чтения среди населения. Это доказывает создание Национальной программы поддержки и развития чтения, организуемой Федеральным агентством по печати и массовым коммуникациям и Российским книжным союзом. Целью программы является развитие грамотности и культуры чтения в России, повышение интеллектуального и духовного уровней граждан страны, а также увеличение способности России конкурировать с другими странами на мировом уровне.

Таким образом, мы можем выделить основные тенденции развития современного русского языка:

- усиление влияния средств массовой информации на речевую культуру россиян;
- увеличение словаря современной компьютерной лексики и активное использование данного типа лексики в современном российском обществе;
- сочетание в речи иностранной лексики со словами русского языка;
- отклонение в речи от орфоэпических норм русского языка;
- усиленное использование молодёжного сленга, ненормативной лексики и жаргонизмов в речи разных социальных групп;
- снижение уровня образованности в России, следствием чего является падение уровня языковой культуры и грамотности среди населения;
- ослабление интереса к чтению литературы, являющейся не только кладезью мудрости, нравственности и культуры народа, но ещё и эталоном, высшей формой национального языка.

Языковая культура человека начинается прежде всего с культуры духовной, национальной, мировой, а также художественной, материальной и физической. Чем выше в обществе уровень духовного и культурного развития, тем выше уровень культуры речи, культуры национального языка. Тенденции в современном русском языке показывают снижение культурного уровня общества в России. Улучшение языковой культуры русского языка должно происходить не только через познание родного языка, но ещё и культуры, в которую входит множество составляющих, а именно история, религия, литература, философия, искусство, музыка, мода, быт, политика, наука и т.д. Нельзя не согласиться со словами известного русского писателя А. И. Куприна о значимости языка и культуры: «Язык – это история народа. Язык – это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью» [2].

Список литературы:

1. Кудрявцев Л. Д. Образование в России. [Электронный ресурс] — Режим доступа.— URL:[http://www.portal-slovo.ru/pedagogy/37888.php]
2. http://dic.academic.ru/dic.nsf/aphorism/2679/Куприн
3. http://egeigia.ru/nowosti/1153-uroven-obrazovaniya-upal
4. http://fom.ru/obshchestvo/10951
5. http://www.gazeta.ru/social/2014/06/11/6067369.shtml

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ В КОМПЛИМЕНТАРНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЯХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОЙ, АМЕРИКАНСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

Куракина Наталья Александровна

аспирантка Балтийского Федерального Университета имени И. Канта, Калининград

LANGUAGE VARIABILITY OF EXPRESSING SOCIAL ROLE IN COMPLIMENTS BY THE REPRESENTATIVES OF ENGLISH, AMERICAN AND RUSSIAN LINGUACULTURES

Kurakina Natalia, postgraduate of I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

АННОТАЦИЯ

В языке и в речевом поведении находят отражение социальные различия между людьми. Говорящие различаются между собой по выбору языковых средств, характеру их употребления, по использованию тех или иных единиц, частоте их употребления, а также по предпочтениям в употреблении тех или иных средств. Такая вариативность характерна для носителей любого языка. Цель данной статьи – рассмотреть характерные черты речевого поведения коммуникантов в процессе порождения и восприятия комплиментов в английской, американской и русской лингвокультурах.

ABSTRACT

People's social differences are reflected in their language and language behavior. Speakers differ from each other by the use of linguistic means, the preference of employment of certain units, the frequency of their use and by the preference of employment of some or other means. This variety is typical of the representatives of any language. The article aims at examining

characteristic features of language behavior of the interlocutors in the process of production and perception of compliments in English, American and Russian linguacultures.

Ключевые слова: комплиментарные высказывания; социальная роль; английская культура; американская культура; русская культура.

Keywords: compliments; social role; English culture; American culture; Russian culture.

Языковая вариативность может рассматриваться в двух планах: стратификационном и ситуативном. В стратификационном плане имеется в виду вариативность языковых единиц в зависимости от социальных ролей говорящих (их возраста, профессии, уровня образования и т.п.), а в ситуативном плане – вариативность единиц в зависимости от условий общения (формальная / неформальная ситуация, отношения между собеседниками, цель беседы и т.д.) [1, с. 68-69].

Важную роль в речевом поведении коммуникантов играет социальный статус адресанта и адресата, определяющийся их социальной ролью. Социальная роль – это форма общественного поведения человека, обусловленная его положением в некоторой социальной группе или в определенной речевой ситуации [1, с. 22]. Социальные роли могут быть обусловлены как постоянными характеристиками участника общения: его полом, возрастом, социальным положением, так и переменными, которые определяются ситуацией общения: таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др. [1, с. 23].

Социальные роли распределяются по иерархии: вертикальные (начальник – подчиненный) и горизонтальные (равный с равным: студент – студент) [1, с. 144-145].

Речевое поведение коммуникантов во многом зависит также и от ситуации общения: оно должно меняться с изменением коммуникативной ситуации и состава общающихся (ситуации: официальная / неофициальная; состав общающихся: степень знакомства и отношения между ними, характеристика адресанта и адресата и т.д.) [1, с. 97-98].

Рассмотрим способы выражения комплиментарных высказываний представителей одной / разных социальных ролей в английской лингвокультуре.

1. " – **Dear Lucy**," he said, "**you're magnificent. And you must never bury your talents. Well done, thou good and faithful succubus!**" He kissed her hand again. "Go on doing your duty as you've already done it. **That's all heaven asks of you**."

" – Walter. My darling" [5, с. 96].

Приведенная неофициальная ситуация описывает общение супругов, принадлежащих к одной социальной роли. Адресантом комплимента является муж, который выражает высокоэмоциональную похвалу таланту своей жены ("And you must never bury your talents"). Настроить адресата на дружелюбный лад адресанту помогает комплиментарное обращение "dear", употребляющееся в отношении близкого человека. Дополнительную экспрессию комплименту придает использование эпитета "magnificent", похвального прилагательного "well-done" в значении "performed accurately and diligently; executed with skill and efficiency" и восклицания "thou good and faithful succubus!", настраивающего читателя на религиозную атмосферу, в котором устаревшая форма местоимение "thou" («ты») употребляется в значении "used to indicate the one being addressed, especially in a *literary, liturgical, or devotional* context", а существительное "succubus" в значении "demoness from Hell whose sole purpose is to drain the souls of men by having sex with them while they are asleep", употребленное в данном контексте в качестве комплимента, является аллюзией, отсылающей к средневековой легенде о демонице, посещающей ночью молодых мужчин и вызывающей у них сладострастные сны, и одновременно антитезой к следующему за комплиментом высказыванию "all heaven asks of you", в котором существительное "heaven" имеет значение "the place where God lives and where good people go after they die according to some religions" («царство небесное»). Героиня принимает комплимент, о чем можно судить из комплиментарного обращения к мужу "My darling".

2. Skinner laughed ironically. "Come on now, sergeant. **The late Mr. Manson has never been charged with a single crime of misdemeanour.** Okay, so half a dozen of his former employees are doing time for dealing, but that's still **no reason to speak ill of the dead**."

McGuire snorted. "The only thing I got to say to the dead, sir, is, "Cheerio, Tony, you won't be missed." We all know what he was."

Skinner nodded. "So the place is clean, then. He hasn't left anything we can stick on him beyond the grave?"

"Clean as a whistle, boss," said Martin. 'Not as much as a Beechams powder" [6, с. 2].

Речевая ситуация представляет собой деловую беседу между двумя полицейскими: констебля и сержанта, исполняющими разные социальные роли. Несмотря на то, что беседа носит полуофициальный характер, констебль, как положено по уставу, обращается к подчиненному по званию: "sergeant", а тот, в свою очередь, – "sir" и "boss". Констебль делает комплимент в адрес убитого местного бизнесмена относительно его чистой репутации: "The late Mr. Manson has never been charged with a single crime", "… no reason to speak ill of the dead". Однако сержант возражает ему, заявляя, что все знают, каким был убитый, и ему нисколько не жаль его: "The only thing I got to say to the dead, sir, is, "Cheerio", Tony, you won't be missed". Для данной речевой ситуации характерен эмоционально сдержанный, нейтральный тон, разговорные фразы "come on" («хватит, перестань»), "to speak ill" ("говорить, отзываться плохо о ком-либо»), "cheerio" («до свидания»), употребляющееся исключительно в разговорной речи, "stick on him" («пришить ему»), "clean as a whistle" («чист как стеклышко»), "as a Beecham powder" («ни пятнышка»), которые придают деловой беседе неформальный, непринужденный характер.

Рассмотрим способы выражения комплиментарных высказываний представителей одной / разных социальных ролей в американской лингвокультуре.

1. " – **Fine. But aren't you a success! Dear, oh! All the papers talking about you. I should think you would be just too proud to breathe. I was almost afraid to come back here this afternoon.**"

" – Oh, nonsense," said Carrie, blushing. "You know I'd be glad to see you" [4, с. 352].

Лола делает комплимент своей подруге Керри, выражая тем самым свое восхищение и радость по поводу актерского успеха подруги. Повышенная эмоциональность адресанта передается формами восклицательных предложений ("But aren't you a success! Dear, oh!"). Эмоции в данном примере усиливаются с помощью восклицания "Dear, oh!", выражающего восторг адресанта, гиперболизацией успеха («All the papers are talking about you", "you would be just proud to breathe", "I was almost afraid to come back here this afternoon."). Керри пытается несколько умалить свой успех ("Oh, nonsense") и заверить подругу, что всегда рада видеть ее («You know I'd be glad to see you"). Однако авторская ремарка "said Carrie blushing" указывает на определенное положительное воздействие комплимента на адресата, убеждает Керри в том, что ее игра действительно имела успех. В приведенном примере коммуниканты представляют одну социальную роль.

2. "- **Miss Madenda presents one of the most delightful bits of character work ever seen on the Casino stage**," observed the stage critic of the "Sun" [4, с. 345].

Комплимент театрального критика, произнесенный в неформальной ситуации, очень экспрессивен и свободен в форме выражения эмоций: использование эмоционально-экспрессивного эпитета "delightful" («восхитительный, очаровательный») и гиперболы "the most delightful bits of character work ever seen on the Casino stage" («самая очаровательная характерная роль, которая когда-либо была сыграна на сцене Казино») направлены на то, чтобы подчеркнуть великолепную игру молодой актрисы. Неофициальная ситуация общения, несмотря на разницу в возрасте и социальном положении театрального критика и начинающей актрисы, дает адресанту возможность свободного выбора речевого поведения.

Рассмотрим способы выражения комплиментарных высказываний представителей одной / разных социальных и возрастных групп в русской лингвокультуре.

1. «– **Да ты талант, Тарасова!** – восхитилась Заруцкая» [3, с. 98].

Данная симметричная ситуация общения представлена в случае, когда коммуниканты исполняют горизонтальные социальные роли. Обращение по фамилии подчеркивает неформальный характер беседы и близкие отношения партнеров по общению. Комплимент-похвала, представленный в виде восклицательного предложения, содержит экспрессивное существительное «талант» в значении «одаренный человек».

2. « - Катя, а ведь ты забыла стихи, что в молодости писал тебе. **Помнишь, сравнивал в них себя с червем ничтожным, который, влюбившись в сверкающую звезду, из земли по ночам выползает.** Теперь плачу: верить ли мне в любовь твою?

- Верь. Ты моя последняя женская радость.

Она подарила ему Аничков дворец» [2, с. 54].

Комплимент фаворита Екатерине очень напыщенный, яркие сравнения «червь ничтожный, который из земли по ночам выползает» и «сверкающая звезда» по отношению к самому себе и императрице, экзальтированно передают чувство влюбленности, которое испытывал фаворит в молодости. Он и сейчас не может поверить в ее любовь: «Теперь плачу: верить ли мне в любовь твою?». Екатерина отвечает фавориту щедрым подарком на комплимент – она дарит ему Аничков дворец и, в свою очередь, комплиментом, выраженным образной метафорой «Ты моя последняя женская радость».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что для исследуемых культур характерна ситуация общения с использованием комплиментарных высказываний, в которой коммуниканты исполняют равные социальные роли. В целом, в исследуемых культурах коммуниканты, выражающие комплименты в ситуациях общения, где они равны по социальному статусу, используют восклицательные конструкции, экспрессивные прилагательные, фамильярно-разговорные слова и различные риторические фигуры. В английской культуре для комплиментов, где собеседники представляют разные социальные роли, характерно наличие уважительных обращений независимо от того, в какой ситуации общения был произнесен комплимент: официальной / неофициальной. Американский комплимент более раскрепощен по способу подачи по сравнению с английским и может содержать различные стилистические средства, придающие комплименту дополнительную эмоциональность. Исследуемый материал показал, что русский комплимент имеет тенденцию к сохранению экспрессии в случаях, когда коммуниканты являются представителями разных социальных ролей. Это может быть связано с национальными особенностями русского народа, его большей эмоциональностью по сравнению с англичанами и американцами.

Список литературы:

1. Гвазава В.И. Русский речевой этикет: социокультурный аспект – Калининград: Монография / Филиал НОУ ВПО «Санкт-Петербургская академия управления и экономики», 2010. 170 с.
2. Пикуль В. Фаворит (II том). – Ленинград: Лениздат, 1984. 550 с.
3. Соломатина Т.Ю. Девять месяцев или «комедия женских положений // Электронная библиотека. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://book-online.com.ua/read.php?book=6115
4. Dreiser T. Sister Carrie. Original reading English. – СПб.: КАРО, 2005. 384 p.
5. Huxley A. Point Counter Point. [электронный ресурс] — Режим доступа. — URL: http://mural.uv.es/vicordo/firstpaper/ahetexts.html
6. Jardine Q. Skinner's Trail. Headline Book Publishing – London, 1994.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Басов Олег Олегович
канд. т. наук, докторант Академии ФСО России
Васечкин Евгений Александрович
адъюнкт Академии ФСО России

FEATURES OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN PUBLIC ADMINISTRATION
Basov Oleg Olegovich, PhD in Technics; PhD student Academy of Federal Agency of protection of Russian Federation.
Vasechkin Evgeniy Aleksandrovich, Adjunct Academy of Federal Agency of protection of Russian Federation.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам управления государством, а именно информационному взаимодействию между властью и обществом. Рассмотрены причины возникновения противоречий между результатами деятельности государственных служащих и ее общественными оценками. Определены условия инфокоммуникационного взаимодействия субъектов государственного управления.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of administration of government, namely, information interaction between government and society. The reasons of a conflict between a government staff's results of activities and its public assessment are considered in the article. The conditions of infocommunicational interaction of public administration's subjects are determined.

Ключевые слова: система государственного управления, межличностная коммуникация.
Keywords: system of government, interpersonal communication.

Система государственного управления (СГУ) представляет собой определенным образом сформированную иерархическую модель или архитектуру взаимодействия индивидов (должностных лиц), дифференцированную и специализированную по функциям управления и социальным ролям. Относительная самостоятельность действий должностных лиц СГУ является частью общего социума, устройство которого основано на разделении властных функций. Основой дифференциации архитектуры управления является система установившихся социальных статусов и правовой иерархии [6].

Совершенствованию СГУ во все времена придавалось первостепенное значение. В разные исторические периоды эта проблема решалась по многим направлениям в зависимости от уровня экономического развития. Одной из наиболее существенных проблем управления современным государством стало снижение доверия и уважения к власти со стороны граждан и частного сектора экономики [4].

Ключ к успеху в решении этой проблемы, к повышению степени уважения и доверия к власти лежит в налаживании постоянных взаимосвязей и партнерских взаимодействий между обществом и властью, в обеспечении обратной связи между обществом как объектом государственного регулирования и государственной властью как регулятором общественных отношений. Для практической реализации такой обратной связи определяющими «внешними» параметрами управления государством должны быть его открытость и прозрачность (транспарентность). Открытость и прозрачность управления государством необходимы не только для повышения уважения и доверия к власти, но и для обеспечения устойчивого функционирования, как СГУ, так и политической системы в целом [5].

Взаимодействие является естественным элементом взаимоотношений между гражданским обществом и государственной властью и необходимым условием обеспечения социально-политической стабильности и выработки оптимальных государственных решений. При этом следует учитывать тот факт, что совокупности частных и корпоративных интересов свойственна постоянная динамика и ситуационная изменчивость ее количественных, качественных и содержательных параметров в зависимости от принимаемых в СГУ решений и осуществляемых ею действий, изменений текущей социальной, экономической и политической обстановки в стране.

Нарастание информационных объемов, социальной, экономической и политической значимости, не учитываемых и не агрегируемых государственной властью при принятии решений частных и корпоративных интересов граждан и институциональных структур гражданского общества, создает угрозу потери социально-политической стабильности и устойчивости государственного управления и в целом политической системы. Эта угроза многократно усиливается, когда государственные решения реально или, лишь мнимо, ущемляют определенные личные и групповые интересы, а государственная власть игнорирует необходимость разъяснять обществу смысл и содержание своих решений и действий, обосновывать их приоритетность для достижения общенациональных, общезначимых целей развития по отношению к частным интересам.

Для предотвращения такой угрозы в демократическом государстве реализуется постоянно действующий контур инфокоммуникационных взаимодействий между гражданским обществом и государственной властью, который образуют каналы коммуникаций «общество-власть» и «власть-общество».

В процессе инфокоммуникационной деятельности формируется общественное мнение как результат рефлексивной оценки его субъектами фактов окружающей действительности. Для предотвращения манипулирования общественным мнением необходимо наличие множества альтернативных источников информации и свободы доступа к ним как всех граждан и институциональных структур гражданского общества, так и должностных лиц органов государственной власти.

Одним из самых мощных источников значимой социальной, политической и экономической информации является сама СГУ. В гражданском обществе его институциональные структуры выступают в роли не только потребителей, но и источников первичной информации. В достаточной мере консолидированное групповое мнение может быть сформировано только при наличии свободы коммуникаций и обмена информацией на межличностном и групповом уровне, а также между институциональными структурами общества и власти.

При существенно ограниченном для граждан и их объединений доступе к такой информации, неполном и некачественном ее представлении возможности осуществления действенного гражданского контроля резко сокращаются. Это хорошо понимают недобросовестные чиновники, которые при отсутствии контроля информационной деятельности органов власти всегда и всеми доступными им средствами будут стремиться скрыть информацию и препятствовать ее представлению гражданам и их объединениям в удобной для пользователей форме и в полном объеме.

В свою очередь указанный факт обуславливает повышение требований общества к содержанию и качеству профессиональной деятельности должностных лиц СГУ, их квалификации, профессиональным и личностным особенностям [1]. Данный вид деятельности содержит ряд противоречий: с одной стороны, он должен обеспечивать соблюдение и защиту прав и интересов граждан и институциональных структур гражданского общества, с другой – обязан обеспечивать реализацию федеральных законов и законов субъектов РФ, которые направлены скорее на соблюдение интересов государства, нежели интересов отдельных граждан [3].

Результатами деятельности должностных лиц являются правовые нормы различного уровня управления, социокультурные нормы отношений, нормы отчетности и ответственности, ресурсного обеспечения материальной деятельности. Возникающие при этом диалектические противоречия между результатами труда государственных служащих и общественной формой их оценки можно считать спецификой государственной службы как профессиональной деятельности.

Следствием подобного рода противоречий выступают негативный психоэмоциональный фон и конфликтность как типичная среда профессионального общения должностных лиц СГУ [2].

Общение (межличностная коммуникация) – система передачи и обмена информацией между представителями социума – представляет собой сложное, многогранное и многоэлементное явление. Люди могут обмениваться информацией на различных уровнях абстракции, при этом общение не ограничивается устными или письменными сообщениями. В коммуникативном процессе важную роль играют особенности личности собеседников, их настроение, физиологическое и психоэмоциональное состояния, что необходимо учитывать в деловом общении, характерном для должностных лиц многоуровневой гетерогенной СГУ [4].

Список литературы:

1. Акимова Е.Ю., Абрамова М.Ю. Культура делового общения в профессиональной деятельности государственных служащих / Ярославский педагогический вестник – 2011 – № 1 – Том I (Гуманитарные науки). – 121 с.
2. Моисеев Д.Л. Психологические особенности межличностных конфликтов во взаимоотношениях государственных служащих и условия их предупреждения: автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1997. – 24 с.
3. Наумов С.Ю. Система государственного управления- М.: Форум, 2008. – 81 с.
4. Никитов В.А., Орлов Е.И., Старовойтов А.В., Савин Г.И. Информационное обеспечение государственного управления; под ред. Ю. В. Гуляева. – М.: Славянский диалог, 2000. – 415 с.
5. Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. – М.: КноРус, 2012. – 286 с.
6. Сумин В.А. Рефлексивные нормы взаимодействия в системе управления // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 91. –188 с.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ ДЕТСКИХ ДОМОВ, ИМЕЮЩИХ НАРУШЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ

Бокова Ольга Александровна

канд. психол. наук, доцент Алтайской Государственной Педагогической Академии,

Чебулин Алексей Александрович

магистр направления «Психологическое консультирование», педагог-психолог Барнаульского Техникума Сервиса и Дизайна Одежды

THE ORETICAL BASIS OF THE PROGRAM OF PSYCHOLOGICAL COUNSELING GRADUATES OF ORPHANAGES WITH MENTAL HEALTH PROBLEMS

Bokova Olga, Candidate of Science, associate professor of Altai State Pedagogical Academy, Barnaul
Chebulin Aleksei, Educational \ psychologist Barnaul college service and fashion design, Barnaul

АННОТАЦИЯ

В статье представлены основные теоретические моменты организации индивидуального и группового психологического консультирования выпускников детских домов на основе когнитивно-бихевиорального подхода с целью коррекции нарушений психического здоровья.

ABSTRACT

The article presents the main theoretical aspects of organization the individual and group psychological counseling graduates of children's homes on the basis of cognitive-behavioral approach for the correction of mental health problems.

Ключевые слова: когнитивно-бихевиоральное психологическое консультирование, выпускники детских домов.

Keywords: cognitive-behavioral counseling, graduates of children's homes.

Социализация, защита и обеспечение прав и законных интересов, а также профессиональное образование воспитанников детских домов относятся к актуальным проблемам современной России. Вхождение воспитанников детских домов в окружающий их социум основывается на всевозможных доступных им способах, в том числе и противоправных. Исследования отечественных и зарубежных психологов показывают, что в условиях детского учреждения интернатного типа формируется совершенно иной, в отличие от условий семейного воспитания, тип личности человека. Особенности физического, психического и социально-правового статуса выпускников детских домов являются следствием их неблагополучной истории, что существенно сказывается на состоянии их психического здоровья, а также затрудняет получение профессионального образования.

В связи с этим нами разработана программа реализации консультирования на основе когнитивно-бихевиорального подхода, целью которой является коррекция психического здоровья выпускников детских домов.

Задачи программы:

1. Коррекция выделенных отдельных показателей психического здоровья выпускников детских домов (адекватность восприятия человеком самого себя; позитивность (негативность) ожиданий относительно будущего; базисные стратегии поведения человека; наличные психические ресурсы; эмоциональный фон человека) средствами индивидуального и группового консультирования.

2. Общая гармонизация внутреннего состояния выпускников детских домов.

Программа росуществляется на основе индивидуального и группового когнитивно-ориентированного консультирования. Формы реализации программы: индивидуальные консультативные сессии по 8 – 12 консультативных встреч, групповое консультирование с использованием психологического информирования и коррекционно-развивающих упражнений, организованное по принципу работы спецкурса.

Когнитивно-бихевиоральное психологическое консультирование, с нашей точки зрения, оказывает прямое влияние на коррекцию психического здоровья выпускников детских домов и реализуется через: проведение функционального поведенческого анализа; изменение представлений о себе (самопознание); коррекцию дезадаптивных форм поведения и иррациональных установок; развитие компетентности в социальном функционировании.

Поведенческий и проблемный анализ считается наиболее важной диагностической процедурой в когнитивно-поведенческом консультировании. Полученная психологом информация должна отражать следующие моменты: конкретные признаки ситуации (облегчающие, утяжеляющие условия для поведения-мишени); ожидания, установки, правила; поведенческие проявления (моторика, эмоции, когниции, физиологические переменные, частота, дефицит, избыток, контроль); временные последствия (краткосрочные, долгосрочные) с различным качеством (позитивные, негативные) и с различной локализацией (внутренние, внешние). Помощь в ее сборе оказывает наблюдение за поведением в естественных ситуациях и экспериментальных аналогиях (например, ролевой игре), а также вербальные сообщения о ситуациях и их последствиях.

Цель поведенческого анализа - функциональное и структурно-топографическое описание поведения, он позволяет осуществить планирование психологического консультирования и его ход, а также учитывает влияние на поведение микросоциального окружения.

При проведении проблемного и поведенческого анализа существует несколько схем. Нами в процессе коррекции психического здоровья выпускников детских домов используется следующая схема:

1. Описать детальные и зависимые от поведения ситуативные признаки. Улица, дом, школа - это чересчур глобальные описания. Необходима более тонкая дифференцировка.

2. Отразить поведенческие и относящиеся к жизни ожидания, установки, определения, планы и нормы; все когнитивные аспекты поведения в настоящем, прошлом и будущем. Они нередко скрыты, поэтому на первом сеансе их трудно обнаружить даже опытному психологу-консультанту.

3. Выявить биологические факторы, проявляющиеся через симптомы или отклоняющееся поведение.

4. Наблюдать моторные (вербальные и невербальные), эмоциональные, когнитивные (мысли, картины, сны) и физиологические поведенческие признаки (качественное и количественное описание).

5. Оценить количественные и качественные последствия поведения [1].

В качестве задач интервью можно назвать и такие, как демонстрация клиенту его способа избирательной фиксации негативной информации и получения ложных выводов; подчеркивание наиболее важных проблем, которые могли бы послужить ключом к психологическому

консультированию; установление степени устойчивости к стрессу, выяснение способов совладания со стрессорами; выяснение «условной приятности» симптома; получение информации о мотивации клиента к изменениям; подробный анализ влияния микросоциального окружения; психопатологическое исследование, поиск ресурсов личности.

С учетом того, что выпускники детских домов достаточно часто демонстрируют проблемное поведение, то отдельный акцент в консультировании делается нами на его преодоление или смягчение последствий. Психологическое консультирование проблемного поведения выпускников детских домов рассматривается нами как форма деятельности психолога, состоящая в непосредственном взаимодействии с детьми-сиротами с целью оказания им помощи в принятии решений относительно обстоятельств, условий их личной и социальной жизни, позволяющих снизить нежелательное поведение.

Работа с любым видом нежелательного поведения должно строиться по «определенному когнитивному алгоритму: определить вид поведения; распознать факторы, провоцирующие данный тип реагирования; выявить цель (что именно субъект хочет достичь при помощи данного поведения); идентифицировать и раскрыть суть дисфункциональной системы убеждений; выяснить: «Действительно ли «Это» надо? Может на самом деле надо нечто иное?»; определить, как можно этого достичь иначе (другим, социально одобряемым и более приятным для данного индивида способом); отработать данные виды поведенческих реакций» [2, с. 303].

Поиск ресурсов может быть ориентирован в прошлое, настоящее и будущее. На самой проблеме психолог-консультант не фиксируется, но активно подкрепляет любую «находку» клиента относительно возможности ее разрешения. Поиск ресурсов основан также и на признании компетентности: консультируемым нередко известно решение их проблемы, хотя они об этом с трудом догадываются. Образец вопроса: «Ваш друг с подобной проблемой пришел за советом. Что можно сказать в данной ситуации?».

Задача когнитивно-поведенческого психолога-консультанта - сделать клиента активным участником процесса, установление партнерских отношений между клиентом и психологом-консультантом. Это сотрудничество происходит в форме устного контракта, в котором психолог и клиент соглашаются вместе работать над устранением симптомов или поведения последнего.

Такая совместная деятельность преследует три цели: вытражает уверенность, что клиент и колнсультант имеют достижимые цели на каждом этапе психологического консультирования; взаимопонимание уменьшает сопротивление клиента; заключаемый контракт помогает предупредить непонимание между партнерами.

В связи с тем, что когнитивно-поведенческое консультирование представляет собой краткосрочный метод, необходимо тщательно использовать это ограниченное время. Центральная проблема в этом случае заключается в мотивации клиента. На усиление мотивации к психологическому консультированию может повлиять совместное определение целей и задач (важно работать только над теми решениями и обязательствами, которые вербализируются через «Я хочу, а не хотел бы»); составление позитивного плана действий, тщательное планирование этапов; а также анализ достижений и неудач на каждом этапе совместной работы. При устном контракте рекомендуется записать план или повторить его, используя приемы положительного подкрепления.

В начале каждого занятия во время интервью совместными усилиями принимается решение, какой перечень проблем будет затронут. Формированию ответственности за результат способствует своеобразный «список дел», благодаря которой удается последовательно прорабатывать психокоррекционные «мишени». Он обычно начинается с короткого обзора опыта клиента после последнего занятия и включает «обратную связь» психолога по поводу домашних заданий. Затем следует работа над новыми вопросами или по мере необходимости, продолжение предыдущих, иногда психолог сам предлагает темы, которые считает целесообразным рассмотреть.

По окончании занятия суммируются (иногда письменно) наиболее важные выводы, анализируется эмоциональное состояние клиента и совместно с ним определяется характер самостоятельной домашней работы, задачей которой служит закрепление знаний или умений, полученных на занятии.

Для повышения результативности процесса консультирования и мотивации студентов к внутренней работе используются разработанные нами когнитивные карты («Значение проблемы в моей жизни» и «Работа с проблемой»), которые позволяют студентам перевести внутренний диалог в письменную речь, что, по нашему мнению, существенно снижает уровень эмоционального отреагирования проблемы и позволяет не только осознать ее, но и, сделав задачей развития, наметить пути ее решения.

Заполнение карты «Жить – это значит расти и меняться» осуществляется в завершении консультативных встреч, она является своего рода итогом работы, фиксируя понимание необходимости внутренних изменений как части жизни и намечает перспективы самосовершенствования. Для облегчения работы студентам проводятся аналогии с природой: изменения в природе наблюдаются легко, но изменения в человеке также можно увидеть.

В качестве оценочной процедуры для определения готовности клиента к трансформации внутриличностного состояния применяется «Линейка готовности», которая представляет собой шкалу от 1 до 10. Первые цифры означают степень неготовности к изменению поведения или личности (1 - никаких мыслей об изменении), последние цифры - степень готовности к изменению (10 - наличие особых планов или попыток изменения). С помощью этой линейки также можно измерить важность для клиента намеченных изменений и уверенность в достижении поставленной цели.

Для расширения возможностей индивидуальной работы с выпускниками детских домов нами проводился спецкурс «Практическая психология саморазвития», организованный по типу группового консультирования.

Актуальность спецкурса обусловлена отсутствием в образовательной программе техникума практико-ориентированного курса психологии, запрос администрации к педагогу-психологу о психологическом просвещении студентов-выпускников детских домов, а также потребность

студентов в психологическом сопровождении, интерес к психологии.

Цель спецкурса: показать возможности практической психологии для саморазвития

Задачи спецкурса:

- знакомство студентов Барнаульского техникума сервиса и дизайна одежды с практической психологией саморазвития через лекционный материал.

- работа по индивидуальному саморазвитию.

В структуру спецкурса входят лекции-беседы в режиме группового консультирования (12 часов), которые снабжены вопросами для усвоения материала и списком литературы для индивидуальной работы.

Практические задания для студентов предусматривают составление плана саморазвития через осознание необходимости развития, изучение личных потребностей, процесс познание себя, составление стратегии и претворение плана в жизнь; дневник успеха: представляет собой тетрадь (блокнот, ежедневник и т.д.), в которую нужно ежедневно необходимо записывать 5-10 маленьких и больших успехов (побед или просто дел, которые получились); тесты самоконтроля знаний и контрольные работы; практикум по саморазвитию с использованием слайдовых презентаций.

По окончании спецкурса студенты разрабатывают индивидуальные или подгрупповые проекты в виде слайдовой презентации по произвольно выбранной или согласованной с психологом теме по саморазвитию или самопознанию.

Подобным образом реализованная программа, с нашей точки зрения, вызовет интерес у целевой аудитории, вместе с тем, направлена на достаточно эффективную коррекцию показателей психического здоровья выпускников детских домов. Грамотно проведенное психологическое консультирование на основе когнитивно-бихевиорального направления позволяет не только корректировать отдельные показатели психического здоровья, но и снижать для выпускников детских домов привлекательность проблемного поведения, усиливать личную ответственности студентов, а также оказывать им поддержку в нахождении альтернатив отклюняющемуся поведению. Для доказательства эффективности программы планируется провести экспериментальное исследование.

Список литературы:

1. Данилова З.Г. Профессионализация и ресоциализация детей-сирот в системе среднего профессионального образования: Монография. – М.: Издательство НИИРПО, 2008. – 212 с.
2. Дмитриев М.Г., Белов В.Г., Парфенов Ю.А. Психолого-педагогическая диагностика делинквентного поведения у трудных подростков. – СПб.: ЗАО «ПОНИ», 2010. – 316 с.

ПСИХОЛОГИЯ ЗДОРОВЬЯ С ПОЗИЦИЙ КУЛЬТУРНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА

Чеснокова Милена Григорьевна
Кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии МГУ имени М.В.Ломоносова, Москва

HEALTH PSYCHOLOGY IN THE VIEW OF THE CULTURAL ACTIVITY APPROACH

Chesnokova Milena, Candidate of science, senior researcher of Lomonosov Moscow State University, Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются возможности использования идей и принципов культурно-деятельностного подхода в области психологии здоровья. Здоровье человека понимается как высшая психическая функция. Анализируются вопросы: место здоровья в структуре деятельности, зависимость психологического здоровья от мировоззрения и особенностей деятельности человека, мотивация здоровья.

ABSTRACT

The article discusses the use of the ideas and principles of the cultural activity approach in the field of health psychology. Health is understood as a higher mental function. The following issues are analyzed: the place of health in the structure of activity, the dependence of psychological health on man's worldview and features of his activity, health motivation.

Ключевые слова: психология здоровья, высшая психическая функция, деятельность, бытийная и прагматическая установка, мотивация здоровья.

Key words: health psychology, higher mental functions, activities, existential and pragmatic attitude, health motivation.

Психология здоровья является одной из наиболее востребованных отраслей современной психологии. Возникнув в 50-е годы прошлого века на Западе, эта область психологического знания вот уже более 20 лет активно развивается и у нас. Однако теоретические основания психологии здоровья остаются еще недостаточно разработанными и носят эклектический характер, представляя собой смесь идей и методик различных школ и направлений. При этом традиции отечественной общепсихологической мысли, на наш взгляд, неоправданно игнорируются. Между тем, идеи и принципы культурно-исторической теории и психологической теории деятельности (культурно-деятельностного подхода) представляются нам полезным методологическим инструментарием для решения многих проблем в области психологии здоровья и профессионального здоровьях, в частности. Они позволяют также развенчать некоторые «мифы» о здоровье, закрепившиеся в обыденном и научном сознании.

Одним из таких распространенных «мифов» является представление о том, что «здоровье дается нам вместе с жизнью» [4]. Однако принцип историзма, лежащий в основе культурно-деятельностного подхода, не позволяет

принять это утверждение. Отличительной особенностью человека как биологического вида является то, что от рождения он не приспособлен ни к какому конкретному виду деятельности. Любой деятельностью, в том числе профессиональной, он овладевает при жизни, развивая соответствующие функциональные органы. И во взрослой жизни он уже не существует вне деятельности. Напротив, резкий выход из деятельности (выход на пенсию, уход из спорта или вынужденный профессиональный «простой») вызывает ухудшение состояния здоровья, провоцирует различные болезни. Это говорит о том, что здоровье новорожденного ребенка и взрослого человека ─ качественно различные вещи. В одной из своих работ мы ввели *определение здоровья человека как высшей психической функции* (ВПФ) [11]. Это определение предполагает, что здоровье человека социально обусловлено, формируемо и опосредовано культурными средствами и формами поведения. *Здоровье взрослого человека ─ это не биологическое, а социальное и культурное образование*.

В настоящее время в научной литературе здоровье рассматривается как «базовое *условие* реализации продуктивной профессиональной деятельности» [6] (выдел. мной ─ М.Ч.). Между тем, здоровье может занимать разное место в структуре деятельности.

Здоровье может выступать как совокупность психофизиологических функций, участвующих в осуществлении деятельности, и в этом смысле являться *условием* деятельности.

Здоровье может быть *целью* определенных оздоровительных мероприятий по восстановлению и укреплению здоровья.

Наконец, оно может стать для человека образом жизни, систематической *деятельностью*.

Современный труд весьма специализирован. Узкоспециализированная деятельность несет для здоровья ряд издержек. Такая деятельность:

1) «эксплуатирует» определенные органы и функции, способствуя их преждевременному изнашиванию;

2) ведет к повышенной аффектации организма. Еще Спиноза отмечал, что аффекты связаны с воздействием на какую-то одну часть тела преимущественно перед другими, вследствие чего душа привязывается к созерцанию какого-либо одного объекта, что к пользе всего человека в целом отношения не имеет [10];

3) задает ограниченную «зону ближайшего развития», не задействует весь потенциал человека.

Естественным следствием такой организации деятельности является необходимость периодического выхода из нее, или *отдыха*. Однако для того, чтобы организм действительно физически и психологически восстановился, следует учитывать, что целью такого отдыха является *гармонизация работы организма как целого*. Это возможно:

1) через занятие недеятельностными видами практик (релаксация, медитация и т.п.)

2) через переключение на другие *компенсаторные* виды деятельности.

В свое время Л.С.Выготский высказал мысль о том, что психологическая система человека является подвижной. Иерархия психических функций варьирует в зависимости от того, какую деятельность человек выполняет и какую социальную позицию он занимает [3]. Определяя иерархию психических функций, соответствующую основной деятельности человека, можно моделировать веер компенсаторных деятельностей, вовлекающих в работу ранее «репрессированные» функции. Такие компенсаторные деятельности могут вводиться как в рамках основной профессиональной деятельности человека (как смена профессиональных функций), так и как варианты занятий для досуга ─ хобби.

В резолюции конференции «Психология здоровья: спорт, профилактика, образ жизни» 2011 года содержится следующее утверждение: «Здоровье является *не самостоятельной ценностью*, а *стратегическим ресурсом*, который необходим для активного достижения жизненных целей» [9] (выдел. мной ─ М.Ч.). Это положение рекомендуется учитывать при разработке профилактических программ. Однако если здоровье ─ это лишь стратегический ресурс, то в деятельности он может только тратиться. Возможно ли осуществление профессиональной деятельности без снижения/потери здоровья? Наш ответ: «Да!». Ярким примером может служить образ жизни самоактуализирующихся личностей. Основу мировоззрения таких людей составляет особая *непрагматическая* установка в отношении к миру.

Для *прагматической* установки характерно дуалистическое противопоставление себя миру в форме:

1) я существую для мира или

2) мир существует для меня.

В первом случае утверждается ценность мира при обесценивании себя, во втором ─ ценность «Я» при обесценивании мира.

Противоположностью прагматической установки является монистическая, *бытийная* установка ─ «я существую в мире», признающая единую (равную) ценность и себя, и мира.

Специфику деятельности, основывающейся на прагматической установке, можно определить как *«ограничивающую»*. Ее особенности:

1) ограничение своих возможностей требованиями мира;

2) ограничение мира тем, что соответствует моим нуждам и требованиям;

3) деятельность жесткая, стандартизированная, закрытая; подчинена заранее фиксированному результату;

4) конечна (заканчивается по достижении результата);

5) не имеет развития.

Деятельность, основывающуюся на бытийной установке, можно определить как *«расширяющую»*. Эта деятельность:

1) вовлекает *всего* человека, задействует весь его потенциал;

2) открыта миру, «вбирает» в себя мир; преодолевает функциональные стереотипы (предметы, явления как бы переоткрываются заново ─ в ней все может стать всем), этим она напоминает игру;

3) деятельность гибкая, индивидуализированная, открытая; конечный результат заранее не определен (присутствует в сознании лишь в общих чертах);

4) в принципе бесконечна;

5) постоянно развивается.

Между первым и вторым типом деятельности существуют также принципиальные различия в характере детерминации. В первом случае это детерминация целью как фиксированным образом желаемого результата. Эта

детерминанта стабильна и неизменна, что способствует консервации самого процесса и формы деятельности. Во втором случае это детерминация бытием ─ многообразными качествами человека и мира. Изменчивый характер этих детерминант определяет легкий, творческий характер данной деятельности.

Первый тип деятельности более типичен для современного общества. К деятельности второго типа способны лишь немногие (А.Маслоу считал, что самоактуализирующиеся личности составляют не более 1 % людей). Однако именно такой тип деятельности позволяет сохранять здоровье долгие годы тогда, как первый оказывается в большей или меньшей степени патологичным.

Так было показано, что установка руководителей на «продавливание» оппонента (прагматическая позиция по типу «мир для меня») коррелирует с низким уровнем профессионального здоровья. А высокие показатели по тесту самоактуализации личности сочетаются со стабильно высоким уровнем здоровья [ ].

Следует отметить еще одну закономерность. Чем более *индивидуализированной* является деятельность, тем более органична она для человека, тем большее удовольствие она ему доставляет и тем меньший ущерб здоровью способна нанести. А.Г.Асмолов рассматривает индивидуализацию деятельности как закономерный этап развития последней [1]. А В.С.Мерлин утверждал, что овладение деятельностью включает выработку человеком своего индивидуального стиля деятельности [8]. В свете сказанного мы считаем необходимым внести следующее уточнение в определение профессионального здоровья (см. [6], [7]). Профессиональное здоровье ─ это не просто базовое *условие* эффективности профессиональной деятельности (что справедливо скорее для ранних этапов овладения ею), но и закономерное *следствие* ее развития. Развитие деятельности, ее «авторизация» (обретения «авторского» характера) в свою очередь является условием профессионального здоровья. Таким образом, отношение *здоровье ─ деятельность* имеет черты круговой детерминации:
базовый уровень здоровья → овладение основами профессиональной деятельности, формирование функциональных органов деятельности → развитие, индивидуализация деятельности → формирование профессионального здоровья.

Данная закономерность вполне согласуется с нашим представлением о здоровье как высшей психической функции, формируемой прижизненно.

Интерес человека к собственному здоровью имеет инстинктивную основу (инстинкт самосохранения, влечение к жизни). Однако станет ли этот инстинкт *мотивом* конкретных действий по укреплению здоровья, в значительной степени зависит от отношения общества к здоровью человека, т.е. от признания здоровья общественной ценностью.

В разные эпохи это отношение было различным и дифференцированным для разных социальных групп. При этом в иерархии общественных ценностей ценность человеческого здоровья долгое время уступала место другим ─ материальным, духовным, ценностям социального статуса и успешности. И только в последнее время здоровье как общественная ценность начинает подниматься на более высокий уровень. Также наблюдается тенденция к перенесению ответственности за поддержание здоровья людей с общества (как это имело место в XIX ─ первой половине XX века) на отдельного индивида. В свете последней тенденции повышается важность психологического исследования *мотивации здоровья*.

Как известно, мотивы поведения людей могут быть как осознанными, так и неосознанными.

Однако систематическая деятельность с привлечением культурных средств и форм поведения (каковой является забота о собственном здоровье) возможна только при условии, что *побуждающий ее мотив осознается человеком*. Воспроизводимость мотива в сознании обеспечивает воспроизводимость деятельности. Осознанность мотива предполагает его *означенность*, за которой стоит общественная система ценностей. Таким образом, мотивация здоровья индивида неразрывно связана с представлением о здоровье как общественной ценности. В качестве осознанного мотив здоровья может выступать в двух основных формах:

- как декларируемый, только «знаемый» (в терминологии А.Н.Леонтьева);
- как реальнодействующий.

Последний в свою очередь может выражаться как в отрицательной ─ избегание болезни, так и положительной ─ стремление к укреплению, повышению уровня своего здоровья форме. Не исключена также ситуация мотивационного конфликта, когда декларируемое стремление к здоровью сочетается с неосознанной заинтересованностью в болезни, способствующей удовлетворению каких-то других мотивов. Очевидно, что эффективность оздоровительных мероприятий, проводимых на такой мотивационной основе, будет весьма низкой.

Как показывают исследования [2], в индивидуальной иерархии современных руководителей здоровье как *терминальная* ценность уступает место работе, карьере. Это в целом отражает общественную иерархию ценностей, которая в неявном виде присутствует и в научных разработках в области психологии здоровья. Здоровье рассматривается здесь как *стратегический ресурс, условие* эффективности профессиональной деятельности, иначе говоря, как *обеспечение* деятельности, которая, таким образом, сохраняет приоритетную ценностную позицию.

На первый взгляд вызывает удивление низкое место здоровья в системе *инструментальных* ценностей руководителей, отсутствие у них рефлексируемой связи между здоровьем и достижением жизненно важных целей [там же]. Однако и этот факт может получить свое объяснение с позиций деятельностного подхода. Условия деятельности в отличие от цели плохо осознаются субъектом, поэтому и осознания важности здоровья как инструментальной ценности также не происходит.

Если говорить о здоровье не как о декларируемой, а как о реальнодействующей ценности и мотивации, то здесь преобладает отрицательный мотив избегания болезни, актуализирующийся *ситуационно* при фактическом ухудшении состояния здоровья [5]. Одно из препятствий к формированию положительной мотивации здоровья связано, на наш взгляд, с восприятием мотивов здоровья и работы, карьеры как независимых и конкурентных друг другу мотивов. Деятельность по укреплению здоровья воспринимается как отвлекающая от реализации ос-

новного мотива и требующая отдельного времени и свободного досуга. Однако, как мы показали выше, при *бытийной*, а не прагматической ориентации реализация мотивов здоровья и профессиональной деятельности вполне совместима. Это свидетельствует в пользу важности укрепления в общественном сознании представления о здоровье как о *бытийной* (жизненной, терминальной), чем как об *инструментальной* ценности.

Список литературы:

1. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. ─ 416 с.
2. Березовская Р.А. Отношение менеджеров к здоровью //Вестник СПбГУ. 1999. № 2. С. 61-70.
3. Выготский Л.С. Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52-63.
4. Гогулан М.Ф. Законы здоровья // http://вседуховное.рф/гогулан-майя-законы-здоровья/ (дата обращения: 6.08.2014).
5. Зинченко Ю.П., Бусыгина И.С. Психологическое здоровье и профессиональная самореализация руководителя // Национальный психологический журнал. 2013. № 1(9). С. 89-95.
6. Кандыбович С.Л., Секач М.Ф. Здоровье населения ─ залог стабильности и безопасности государства // Вестник Московского университета. 2011. № 4. С. 32-38.
7. Маклаков А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. № 1. С. 16-24.
8. Мерлин В.С. Психология индивидуальности. М.: Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. ─ 448 с.
9. Резолюция Всероссийской научно-практической конференции «Психология здоровья: спорт, профилактика, образ жизни» 26-29 сентября 2011 г. // http://www.childpsy.ru/conf/24317/index.php?tab=report (дата обращения: 6.08.2014).
10. Спиноза Б. Этика. СПб.: Азбука, 2013. ─ 347 с.
11. Чеснокова М.Г. Общепсихологические основания исследования здоровья личности // Национальный психологический журнал. 2013. № 1(9). С. 96-102.

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОЙ ПАРАДИГМЫ

Чувашова Ирина Александровна

Аспирант кафедры социальной психологии и психосоциальных технологий Кемеровского государственного университета

EMOTIONAL BURNOUT IN THE CONTEXT OF AXIOLOGICAL PARADIGM

Chuvashova Irina Aleksandrovna, Postgraduate student of the Department of social psychology and psycho-social technologies of Kemerovo state University

В статье предпринят теоретический анализ проблемы эмоционального выгорания, приведен ряд основных концепций. Предложено, а также обоснована целесообразность рассмотрения феномена эмоционального выгорания в контексте ценностно-смысловой парадигмы, позволяющей сместить акцент с изучения синдрома выгорания как симптомокомплекса на изучение переживания субъектом состояния эмоционального выгорания. Эмоциональное выгорание рассматривается как состояние, возникающее в результате рассогласования в системе «личностные ценности – профессиональные ценности – ценности социального окружения», переживаемого субъектом как десинхронизация временной перспективы личности.

Ключевые слова: эмоциональное выгорание, временная перспектива, ценностно-смысловая сфера личности, актуальное смысловое состояние.

The article attempted a theoretical analysis of the problem of emotional burnout are some basic concepts. Proposed, as well as the expediency consideration of the phenomenon of emotional burnout in the context of axiological paradigm, allowing to shift the focus from the study of burnout syndrome is a symptom complex learning experiences are subject to the state of emotional burnout. Emotional burnout is considered as the condition resulting from a mismatch in the system of personal values and professional values and the values of the social environment experienced by the subject as the desynchronization of the temporal perspective of personality.

Key words: emotional burnout, time perspective, value-semantic sphere of the person, the relevant notional state.

В настоящее время в психологической науке феномен эмоционального выгорания исследуется широко и разнонаправленно [1; 2; 3; 4; 5; 6; 10; 11].

Большую распространенность получила модель выгорания К. Маслач и С. Джексон, рассматривающая эмоциональное выгорание в качестве ответной реакции на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций и описывающая в его структуре три компонента: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию личностных достижений [3].

Процессуальные модели выгорания (Дж. Гринберг, Б. Перлман, Е. Хартман, М. Буриш, В.В. Бойко) рассматривают эмоциональное выгорание в качестве динамического процесса возрастания эмоционального истощения, вследствие которого возникают негативные установки по отношению к людям, с которыми связано профессиональное общение [3].

В.В. Бойко определяет эмоциональное выгорание как приобретенный стереотип эмоционального, чаще – профессионального, поведения, с одной стороны, позволяющего человеку дозировать и экономно использовать энергетические ресурсы, с другой – отрицательно сказывающегося на выполнении работы и отношениях с партнерами. Автор выделяет 3 фазы эмоционального выгорания, каждая из которых характеризуется набором внешне наблюдаемых симптомов:

1) тревожное напряжение, являющееся предвестником и «запускающим механизмом» в формировании эмоционального выгорания;

2) резистенция – сопротивление нарастающему стрессу;

3) истощение, характеризующееся более или менее выраженным падением общего энергетического тонуса и ослаблением нервной системы [1].

К. Маслач выделяет четыре последовательных стадии в динамике выгорания:

1) идеализм и чрезмерные требования к себе;

2) эмоциональное и психическое истощение;

3) дегуманизация как способ защиты;

4) синдром отвращения (к себе —» к другим —» ко всему) [3].

Исследователями описано большое количество внешне наблюдаемых симптомов выгорания, основными из которых являются постоянное чувство озабоченности по поводу работы; чувство усталости и пустоты; раздражение, направленное на партнеров по общению; отношение к совершаемой работе как к тяжкой обязанности, а не как к той сфере человеческой жизни, в которой становится доступной возможность самовыражения и самореализации [1; 3; 11].

В.В. Бойко, рассматривая эмоциональное выгорание как профессиональную деформацию личности, выделяет две группы факторов, влияющих на его возникновение – внешние факторы и внутренние.

Внешние факторы:

1) хронически напряженная психоэмоциональная деятельность (происходит в случаях, когда специалисту, работающему с людьми, приходится постоянно подкреплять эмоциями разные аспекты деятельности);

2) дестабилизирующая организация деятельности (дестабилизирующая обстановка сказывается не только на самом субъекте труда, но и на субъекте общения – клиенте, пациенте, ученике);

3) повышенная ответственность за исполняемые функции и операции (прежде всего, это касается медицинских работников, педагогов, специалистов по социальной работе, юристов, работников судебных учреждений);

4) неблагополучная психологическая атмосфера профессиональной деятельности (определяется двумя основными обстоятельствами: конфликтностью «по вертикали», между начальником и подчиненным, и конфликтностью «по горизонтали» – между коллегами).

Внутренние факторы:

1) склонность к эмоциональной ригидности (эмоциональное выгорание чаще возникает у людей эмоционально более сдержанных, нежели восприимчивых; у людей, обладающих подвижными нервными процессами, импульсивных формирование выгорания происходит медленнее);

2) излишне интенсивная интериоризация (восприятие и переживание) обстоятельств профессиональной деятельности, а также повышенное чувство ответственности;

3) слабая мотивация эмоциональной отдачи в профессиональной деятельности (либо специалист не считает для себя необходимым или по какой-то причине не заинтересован проявлять сопереживание к партнеру по общению, либо не привык или не умеет поощрять себя за сопереживание и соучастие в деятельности);

4) нравственные дефекты и дезориентация личности [1].

К. Маслач выделяет следующие факторы, оказывающие влияние на развитие синдрома выгорания:

- индивидуальный предел, «потолок» возможностей «эмоционального Я» противостоять истощению;

- внутренний психологический опыт (чувства, установки, мотивы, ожидания);

- негативный индивидуальный опыт, в котором присутствуют серьезные трудности, дискомфорт, дисфункции и/или их негативные последствия [3].

С.А. Подсадный и Д.Н. Орлов выделяют три группы факторов эмоционального выгорания: личностные, ролевые и организационные, уточняя, что главное значение в развитии выгорания имеет первая группа факторов [11].

Н.Е. Водопьянова предлагает рассмотрение феномена эмоционального выгорания в контексте ресурсной концепции человека, понимая выгорание как следствие профессиональных стрессов, возникающее в тех случаях, когда ресурсы (адаптационные возможности) человека по преодолению стрессовой ситуации превышены. В рамках такого подхода личностные, поведенческие и социальные переменные, отрицательно связанные с показателями выгорания, рассматриваются как ресурсы противодействия, которые при определенных условиях могут выступать в качестве «буфера» или смягчающих факторов в динамике синдрома «выгорания» [2].

Согласно мнению Макаровой Г.А., синдром выгорания является одним из аспектов профессиональной деформации личности и представляет собой приобретенный стереотип эмоционального поведения [11].

Л.Д. Демина, И.А. Ральникова также понимают под эмоциональным выгоранием функциональный стереотип, позволяющий дозировать и экономно расходовать энергетические и психологические ресурсы [6].

Так, анализ подходов к феномену эмоционального выгорания позволяет говорить о преимущественном понимании его исследователями в качестве синдрома, симптомокомплекса, механизма психологической защиты от психотравмирующих воздействий, а также о детальной проработанности вопроса внешних проявлений, симптомов выгорания и внешних факторов, его обусловливающих.

На наш взгляд, существенным является дополнение в понимании феномена эмоционального выгорания Н.В. Гришиной, которая рассматривает выгорание в качестве особого состояния человека, оказывающегося следствием профессиональных стрессов, адекватный анализ которого нуждается в экзистенциальном уровне описания, поскольку развитие выгорания не ограничивается профессиональной сферой, а проявляется в различных ситуациях бытия человека; болезненное разочарование в работе как

способе обретения смысла окрашивает всю жизненную ситуацию [4].

Также, по нашему мнению, значителен вклад в понимание феномена выгорания А. Лэнгле, рассматривающего его с позиции экзистенциального анализа. Под эмоциональным выгоранием автор понимает затяжное состояние истощения, возникающее в деятельности, появляется же оно в результате того, что человек в профессии в течение длительного времени не проживает ценностей. Лучшей защитой от возникновения эмоционального выгорания является истинная исполненность в работе, наполненность профессиональной деятельности смыслом. Как пишет А. Лэнгле, в синдроме выгорания проявляется непонимание экзистенциальной действительности, которая заключается в двойном пренебрежении: внутренней ценности других людей, вещей и задач, что ведет к овеществлению соотнесений с миром; к ценностям собственной жизни, которая используется, прежде всего, как средство для достижения цели – точно так же, как вещи и другие люди [10].

Отметим, что рассмотрение феномена эмоционального выгорания в контексте ценностно-смысловой парадигмы позволяет сменить угол рассмотрения проблемы и увидеть в центре не синдром выгорания, а самого человека, субъекта, его переживающего.

Понимание того, что жизнедеятельность человека является целостностью, единством различных ее сфер, а сам человек – открытой саморазвивающейся системой (В.Е. Клочко) подтверждает целесообразность рассмотрения феномена эмоционального выгорания неотрывно от всей жизненной ситуации субъекта и изучения ценностно-смысловых составляющих переживания субъектом эмоционального выгорания.

Само понятие «жизненная ситуация», достаточно объемлемо было определено Б.Ф. Ломовым как «система воздействий, не отдельное событие, а система событий», которая «должна рассматриваться соотносительно со свойствами и особенностями того, кто в этой ситуации действует, и с самой его деятельностью» [9].

Являющуюся в современной психологии на данный момент открытой проблему выделения строгих критериев, способов и средств описания жизненной ситуации мы предлагаем решить через выделение трех важнейших, обусловливающих контекст жизненной ситуации факторов: индивидуально-личностные особенности субъекта ситуации, характер выполняемой им деятельности, внешние факторы (прежде всего характеристики ближайшего социального окружения). При анализе причинно-следственных связей, определяющих жизненную ситуацию, необходимо исходить из принципа реципрокного детерминизма. Поскольку личность человека есть продукт его социального окружения, но, в то же время, социальное окружение есть результат деятельности личности, эти понятия являются взаимообусловленными и детерминируют друг друга на различных этапах жизнедеятельности человека [13]. Личность человека раскрывается в сознательной деятельности, а она представляет собой реальное онтологическое социальное качество бытия человека [8; 12].

Согласованность в системе «личностные ценности – ценности профессиональной деятельности – ценности социального окружения» образует субъективную смысловую реальность личности. Ценности, по В. Франклу, есть «кристаллизованные в типических ситуациях смыслы» [16]. Смысловая реальность субъекта всегда опосредована временными локусами человеческой жизни. Процесс осмысления собственного опыта осуществляется посредством синхронизации различных временных локусов, т.е. одновременного переживания смыслов разных временных периодов (прошлого, настоящего, будущего), этот процесс определяется А.В. Серым как актуальное смысловое состояние, представляющее собой совокупность актуализированных смыслов, размещенных во временной перспективе [13; 14] (рис. 1).

Рисунок 1. Синхронизация ценностей жизненной ситуации в структуре временной перспективы личности

Нарушение же согласованности в системе взаимообусловливания отношений личностных ценностей субъекта, ценностей его профессиональной деятельности и ценностного отношения социального окружения переживается субъектом как десинхронизация временной перспективы личности, что определяет аверсивный характер смысла жизненной ситуации для ее субъекта и выражается в состоянии эмоционального выгорания, положение о чем было подтверждено в ходе проведенного нами эмпирического исследования [17; 18].

Таким образом, рассмотрение феномена эмоционального выгорания в контексте ценностно-смысловой парадигмы позволяет актуализировать пока остающуюся недостаточно разработанной проблему переживания субъектом состояния эмоционального выгорания и увидеть в центре научной проблемы самого субъекта – живого человека, его переживающего и находящегося на своем жизненном пути в определенной жизненной ситуации.

Список литературы:

1. Бойко, В.В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении [Текст] / В.В. Бойко. - СПб., 1999.
2. Водопьянова, Н.Е. Противодействие синдрому выгорания в контексте ресурсной концепции человека / Н.Е. Водопьянова // Вестник СПБГУ Сер.12. –2009. – Вып.2. – С.75-86.
3. Водопьянова, Н.Е., Старченкова, Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – СПб.: «Питер», 2005. – с. 192-216.
4. Гришина, Н.В. Помогающие отношения: профессиональные и экзистенциальные проблемы / Н.В. Гришина // Психологические проблемы самореализации личности / Под ред. А.А. Крылова и Л.А. Коростылевой. – СПб., 1997. – С. 143–156.
5. Орел, В.Е. Феномен «выгорания» в зарубежной психологии. Эмпирические исследования / В.Е. Орел // Психологический журнал. – 2001. – №1.
6. Демина, Л.Д., Ральникова, И.А. Психическое здоровье и защитные механизмы личности. Учебное пособие [Текст] / Л.Д. Демина, И.А. Ральникова. - Изд-во Алтайского государственного университета, 2000. – 123 с.
7. Клочко, В.Е. Человек как самоорганизующаяся психологическая система [Текст] / В.Е. Клочко // Материалы региональной конференции, /науч. Ред. Краснорядцева О.М. - Барнаул, 2000.
8. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А.Н. Леонтьев. - М., 1982.
9. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии [Текст] / Б.Ф. Ломов. - М.: Наука, 1999. - 349 с.
10. Лэнгле, А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа [Текст] / А. Лэнгле // Вопросы психологии. 2008. №2. - С. 3-16.
11. Подсадный, С.А., Орлов, Д.Н. Развитие научных представлений о синдроме выгорания // Современные проблемы исследования синдрома выгорания у специалистов коммуникативных профессий [Текст] : коллективная монография / под ред. В.В. Лукьянова, Н.Е. Водопьяновой, В.Е. Орла, С.А. Подсадного, Л.Н. Юрьевой, С.А. Игумнова ; Курск. гос. ун-т. - Курск, 2008. – С. 13-35.
12. Рубинштейн С.Л. Человек и мир [Текст] / С.Л. Рубинштейн // Проблемы общей психологии. 2-е изд. - М., 1976.
13. Серый, А.В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика [Текст] / А.В. Серый; науч. ред. М.С. Яницкий. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. - 272 с.
14. Серый, А.В. Ценностно-смысловая парадигма как основа построения обобщенной теории психологического консультирования / А.В. Серый // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2011. – № 2. – С. 132-142.
15. Серый, А.В, Яницкий, М.С. Ценностно-смысловая сфера личности [Текст] / А.В. Серый, М.С. Яницкий. - Кемерово: Кемеровский государственный университет, 1999. - 92 с.
16. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
17. Чувашова, И.А. Особенности иерархии ценностных ориентаций при переживании состояния эмоционального выгорания в педагогической деятельности [Текст] / И.А. Чувашова // Психология и педагогика: современные методики и инновации, опыт практического применения. Сборник материалов V-й Международной научно-практической конференции (г. Липецк, 23 мая 2014г.). / Отв. ред. Е.М. Мосолова. – Липецк: «РаДуши», 2014. – С. 28-35.
18. Чувашова, И.А. Смысловая обусловленность взаимосвязи эмоционального выгорания и временной перспективы личности в педагогической деятельности [Текст] / И.А. Чувашова // Вестник Самарского государственного университета. 2014. № 5 (116). – С. 234-239.
19. Яницкий, М.С. Ценностные ориентации личности как динамическая система [Текст] / М.С. Яницкий. - Кемерово: Кузбассвузиздат, 2000. - 204 с.

ПРАКТИЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ В КАДРОВОЙ РАБОТЕ

Кочарова Минара Владимировна

кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской гуманитарно-технической академии, г. Москва

PRACTICAL SOLUTIONS IN PERSONNEL WORK

Kocharova Minara, Candidate of Science, Moscow humanitarian and technical academy (NSEI HPE "MSTA"), senior teacher of chair of psychology

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены методы и технология проведения аттестации начальников поездов при создании единой кадровой системы организации. Приведена программа психологического обеспечения аттестации сотрудников и даны практические решения фиксации оценки ПВК сотрудников.

ABSTRACT

In article methods and technology are considered when carrying out certification of chiefs of trains for a single personnel management system of the company. The program of psychological support staff certification. Recommendations on the application of assessment results were presented.

Ключевые слова: начальник поезда, профессиональная деятельность, аттестация, единая кадровая система, профессиональный отбор.

Keywords: chief of the train, professional activity, certification, a single personnel management system of the company, professional selection.

В настоящее время в психологии труда отсутствует базирующееся на системном подходе представление о структурно-содержательных характеристиках, детерминантах, закономерностях, механизмах и условиях формирования профессионализма начальника поезда, что ограничивает возможности аттестационных мероприятий и соответственно снижает их прогностичность. Результаты исследований подобных нашему позволили разработать научно обоснованную программу психологического обеспечения аттестации, обеспечивающую эффективность кадровой работы с управленцами низшего звена. Перед нами стояла задача на основе модели профессионализма начальника поезда разработать и апробировать программу психологического обеспечения их аттестации.

В результате нами была предложена система мероприятий по психологическому обеспечению аттестации и методика оценки эффективности этой системы с помощью комплекса показателей, характеризующих с одной стороны изменение показателей индивидуального труда начальника поезда и руководимого им коллектива в период аттестации и после аттестации, а также личностных качеств на основе выбранной батареи методик.

Мы разработали и апробировали программу психологического обеспечения аттестации начальников поезда, которая может применяться для объективной диагностики и развития кадрового потенциала предприятий и организаций железнодорожного транспорта и предложили систему критериев и показателей оценки эффективности ее проведения, которая может использоваться работниками психологической и кадровой служб предприятий и организаций железнодорожного транспорта в рамках аттестационных мероприятий руководящих кадров нижнего уровня.

Программа психологического обеспечения аттестации, должна включать в себя психологическую оценку профессионально важных качеств и компетенций работника на основе модели его профессионализма, выявление перспективы использования потенциальных способностей работника, информирование сотрудника об уровне развития его профессиональных и управленческих качеств, обеспечение развития руководителя [1, с. 30-34]. Социально-экономическая и психологическая эффективность системы мероприятий по психологическому обеспечению аттестации оценивается с помощью комплекса показателей, характеризующих изменение показателей индивидуального труда начальника поезда и руководимого им коллектива в период аттестации и после аттестации, а также личностных качеств на основе выбранной батареи методик.

В оценке сотрудников нами предлагается использовать графическое представление уровня развития профессионализма - индивидуальный профиль личностных и управленческих качеств начальника поезда. По вертикали отображена шкала из трех подсистем профессионализма, состоящих из соответствующих ПВК и компетенций, по горизонтали– шкала оценок – от 0 до 10. Такое представление визуализирует уровень развития каждой стороны профессионализма, каждого из профессионально важных качеств и компетенций, информирует оцениваемого сотрудника о наличии у него сильных сторон и зон развития, а периодичность оценки делает возможным отслеживания динамических изменений уровня развития профессионализма.

Для формирования качественного понимания оценок нами разработан принцип построения шкалы оценок с учетом предложений руководства Компании.

- Низкий уровень развития – до 2 баллов – в стандартной ситуации качества проявляются нестабильно. Соответствует стадии профессионализм, этап адаптации.

- Средний уровень – от 2 до 4 баллов – в рабочей стандартной ситуации качества проявляются стабильно, в сложных ситуациях в виде отдельных фрагментов. Соответствует стадии профессионализма, этап самоактуализации.

- Уровень выше среднего – от 4 до 6 баллов – В сложных ситуациях часть качеств проявляется стабильно, часть эпизодически. Соответствует стадии профессионализма, этап свободного владения профессией.

- Высокий уровень – от 6 до 8 баллов - Большая часть качеств проявляется стабильно в новых и сложных ситуациях. Соответствует стадии суперпрофессионализма, этап владения несколькими профессиями.

- Уровень суперпрофессионализма – от 8 до 10 баллов - Все качества в любых ситуациях проявляются стабильно, руководитель вносит творческий вклад в развитие профессии и принимает участие в разработке программ развития подчиненных. Стадия суперпрофессионализма, этап творческого самопроектирования.

С нашей точки зрения, введение единого критерия, а соответственно, и основанной на нем программы психологического обеспечения на этапах профессионального отбора и аттестации начальников поездов позволит повысить не только эффективность кадровой политики, но и экономическую эффективность деятельности предприятия.

Проведенный анализ нормативных и проектных документов, регламентирующих проведение профессионального отбора и аттестации в системе ОАО «РЖД» [2, с. 234-238] показал необходимость дальнейшего совершенствования методической базы психологической оценки персонала, в том числе, качественной доработки программы психологического обеспечения процесса профессионального отбора и аттестации, которая должна повысить объективность и достоверность психологической информации об аттестуемом, оказывать психологическую поддержку сотруднику, давать ему информацию о наличии у него сильных сторон и зон развития и предлагать

комплекс рекомендаций по индивидуальному развитию в должности.

При осуществлении психологической диагностики важно применять системный подход (изучать работника целостно), что достигается благодаря созданной нами модели профессионализма, генетический или динамический подход (изучать работника в развитии, в динамике), что возможно сделать, учитывая периодический характер аттестации и возможности проводить систематические психологические оценки в рамках обучения сотрудников, гуманистический и человекоцентрированный подход - учитывать возможности и запросы самого человека, исходить из его интересов, показывать работнику его профессиональные резервы, потенциальные возможности, что предполагают созданные нами технологии интервью и обратной связи.

Описанная в нами [2, с. 234-238] программа психологического обеспечения профессионального отбора и аттестации начальников поездов была апробирована в 2012 году на контрольной группе из 20 начальников поездов Московского филиала ОАО «ФПК». Ниже описаны методика оценки эффективности этой программы и ее результаты.

Нами была разработана методика оценки эффективности программы психологического обеспечения профессионального отбора и аттестации начальников поездов. Эффективность Программы должна показывать насколько правильно была осуществлена аттестация с точки зрения повышения производительности труда руководителя и улучшения социально-психологического климата руководимого им коллектива, рационализации затрат, полноты использования важнейших ресурсов и повышения эффективности деятельности предприятия железнодорожного транспорта в целом. Эффективность отбора и аттестации повышается при формулировании правильного аттестационного решения, иными словами если оценка при отборе и аттестации объективна, то решение будет способствовать повышению эффективности деятельности начальника поезда и руководимого им коллектива в целом.

Один из главных критериев эффективности отбора и аттестации начальника поезда, на наш взгляд, это позитивный, то есть характеризуемый высокими результатами и продолжительный по времени, опыт работы на данной должности. Также нами были рассмотрены показатели финансово-экономической, кадровой и методической эффективности, которые были предложены для использования при разработке методики оценки эффективности психологического обеспечения отбора и аттестации начальников поездов.

Исходя из этого, эффективность психологического обеспечения аттестации начальников поездов нами предлагается оценивать с помощью комплекса показателей, характеризующих с одной стороны изменение показателей индивидуального труда начальника поезда и руководимого им коллектива в период аттестации и после аттестации, а также личностных качеств на основе выбранной батареи методик. Для этого промежуточная оценка начальника поезда через некоторый период (год) после аттестации должна быть сопоставимой. Поэтому оценка социально-экономической и психологической эффективности должна проводится соответственно по:

- показателям качества (O_1) и своевременности (O_2) выполняемых функций, эффективности применения инноваций в профессиональной деятельности начальников (O_3); отношения к руководству (O_4) и подчиненным (O_5) и бесконфликтности (O_6), расчетных оценок степени выполнения установленных плановых показателей (O_7), наличия взысканий (O_8), текучести работников возглавляемых ими подразделений (O_9) и уровня эффективности управления временем (O_{10});

- показателям личностных качеств: организационные и коммуникативные склонности (P_1); работоспособность (P_2); интроверсия/экстроверсия (P_3); эмоциональная стабильность/эмоциональная нестабильность (P_4); подчиненность/доминантность (P_5); низкая/высокая нормативность поведения (P_6); социальная ответственность (P_7); стрессоустойчивость (P_8); удовлетворенность работой (P_9); самообладание в коммуникации (P_{10}).

По каждому i-му аттестованному начальнику поезда определяются разности:

- между значениями j-го социально-экономического показателя i-го начальника поезда после и в ходе аттестации;

- между значениями s -го психологического показателя i-го начальника поезда после и в ходе аттестации.

$i = 1 \ldots I$, $j = 1 \ldots J$, $s = 1 \ldots S$

I – число аттестованных начальников поездов.

J -число социально-экономических показателей.

S - число психологических показателей.

Рассчитываются значения O^+_i числа положительных разностей между оценками социально-экономических показателей по i-му начальнику поезда и P^+_i числа положительных разностей между оценками психологических показателей по i-му начальнику поезда.

Аналогично рассчитывается число отрицательных O^-_i, P^-_i разностей и разностей равных нулю (отсутствие изменений оценок после аттестации) O^0_i, P^{0-}_i

Рассчитываются значения социально-экономической и психологической эффективности аттестации i-го начальника поезда по трем видам: позитивной, негативной и нейтральной соответственно по формулам.

Рассчитываются значения социально-экономической и психологической эффективности аттестации для группы из I аттестованных начальников поездов как средняя арифметическая приведенных показателей.

В качестве доминирующей расчетной эффективности по индивидуальным и групповым показателям принимается наибольшее значение одного из вида эффективности, а именно позитивной либо негативной, либо нейтральной.

Если значения вышеуказанных показателей находятся в интервале [70; 100], то они высокие; если в интервале [50; 70), то средние; если в интервале [0; 50), то низкие.

На основе предложенной выше методики нами была проведена оценка эффективности психологического обеспечения аттестации проведенной по нашей программе для начальников поездов Московского филиала ОАО «ФПК» в 2012 году. Были аттестованы 20 начальников поездов. В 2013 году нами была проведена повторная оценка этих работников. Мы сравнили результаты оценки за 2013 и 2012 год и рассчитали число позитивных изменений социально-экономических O^+_i и психологических

показателей P^{+}_{i}, число негативных изменений O^{-}_{i}, P^{-}_{i}, а также отсутствия изменений оценок после аттестации O^{0}_{i}, P^{0-}_{i}.

Анализ показал, что 16 начальников поездов (80% от общей численности аттестованных) по большинству социально-экономических показателей повысили, 2 (10%) начальников поездов понизили и 2 (10%) не изменили свои социально-экономические показатели, по большинству психологических показателей - 6 начальников поездов (30% от общей численности аттестованных) повысили, 2 (10 %) понизили, и 12 (60 %) не изменили свои показатели.

Оценка эффективности деятельности начальника поезда – это объективная интегральная оценка его производственных достижений. Тогда как анализ профессионально важных качеств и компетенций из модели профессионализма начальника поезда представляет нам конкретную информацию о сильных сторонах и зонах развития сотрудника, что делает возможным осознанное направленное обучение работника и, как следствие, повышение эффективности его профессиональной деятельности.

Список литературы:

1. Кочарова М.В. Применение принципов и методов профессионального отбора в аттестации начальников поездов: Человеческий капитал, №8, 2013, г.Москва, стр.30.
2. Кочарова М.В. Психологические особенности и построение структурно-функциональной модели профессиональной деятельности начальника поезда: Вестник университета, №19/2013, стр.234, г.Москва раздел III. Актуальные проблемы управления.

ЕДИНАЯ КАДРОВАЯ СИСТЕМА КАК ОСНОВА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ

Кочарова Минара Владимировна

кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской гуманитарно-технической академии, г. Москва

A SINGLE PERSONNEL MANAGEMENT SYSTEM AS A BASIS EFFICIENCY OF THE COMPANY

Kocharova Minara, Candidate of Science, Moscow humanitarian and technical academy (NSEI HPE "MSTA"), senior teacher of chair of psychology

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены вопросы взаимосвязи и применения основных элементов системы профессионального отбора, таких как цели, принципы критерий, показатели, методы и технология при проведении аттестации начальников поездов при создании единой кадровой системы организации. Приведена программа психологического обеспечения аттестации сотрудников. Даны рекомендации по применению результатов аттестации.

ABSTRACT

In article questions of interrelation and application of basic elements of system of professional selection, such as the purposes, the principles criterion, indicators, methods and technology are considered when carrying out certification of chiefs of trains for a single personnel management system of the company. The program of psychological support staff certification. Recommendations on the application of assessment results were presented.

Ключевые слова: начальник поезда, профессиональная деятельность, аттестация, единая кадровая система, профессиональный отбор.

Keywords: chief of the train, professional activity, certification, a single personnel management system of the company.

Рассмотрим заявленную тему на примере предприятий железнодорожного транспорта. Модернизация железнодорожного транспорта России в условиях перехода к инновационной экономике невозможна без развития кадровой системы отрасли и решения не только экономических и организационных, но и социально-психологических проблем руководства предприятиями отрасли. Как известно, управление персоналом включает в себя решение множества задач по подбору и расстановке кадров, выдвижению работников в резерв и на новые должности; профессиональному отбору, ориентации и адаптации; переподготовке и повышению квалификации; мотивации результатов труда; прогнозированию и планированию потребности в кадрах. Решение этих задач, в большой степени зависит от комплексности, объективности и своевременности оценки работников, которая приобрела форму периодической аттестации, как процедуры выявления соответствия работников требованиям замещаемых ими должностей, а также от тесной взаимосвязи всех составляющих кадровой работы, в этой связи непрерывность, комплексность и полный охват всего персонала единой системой отбора, тестирования и развития является обязательным фактором успеха для любой компании. Следовательно, качество и эффективность проведения аттестации кадров железнодорожного транспорта России, и в особенности ее управленческого звена во многом определяет состояние кадрового потенциала отрасли и соответствие требованиям ее инновационного развития.

Наши выводы базируются на исследовании, которое было проведено в 2010-2013 гг. на базе Московского филиала ОАО «Федеральная пассажирская компания». В основную группу вошло 200 – 10% от генеральной совокупности начальников поезда, контрольную группу составили 20 человек.

В процессе работы нами обоснована необходимость создания единой системы кадровой работы, основанной на принципах комплексности, системности и преемственности и сформулированы рекомендации по применению результатов психологической оценки в рамках

аттестации на основе единой системы кадровой работы при решении различных задач управления кадрами.

В настоящее время аттестация начальников поездов Федеральной пассажирской компании регламентируется Положением о проведении аттестации работников открытого акционерного общества «Федеральная пассажирская компания [2]. В документе указывается, что аттестация – это периодическая комплексная оценка работников, проводимая специально созданной комиссией, по определению соответствия результатов работы, профессиональных знаний и квалификации работников занимаемым ими должностям.

Аттестация работников проводится в целях выявления перспективы использования потенциальных способностей работника, стимулирования его профессионального роста; определения необходимости повышения квалификации, профессиональной переподготовки работника; формирования резерва руководящих кадров ОАО «ФПК»; долгосрочного планирования карьеры и ротации кадров в ОАО «ФПК».

Эффективное решение перечисленных задач возможно в рамках единой системы кадровой работы, построенной на принципах системности, комплексности, непрерывности и преемственности всех ее элементов и предполагает включение в комплекс аттестационных мероприятий программы психологического обеспечения на основе соответствующей модели профессионализма. Целями программы психологического обеспечения аттестации начальников поездов является психологическое сопровождение процесса; выявление перспективы использования потенциальных способностей работника; психологическая оценка управленческих и личностных качеств работника на основе модели профессионализма; повышение объективности аттестационной оценки; информирование сотрудника об уровне развития его профессиональных и управленческих качеств; обеспечение развития руководителя.

Нами был проведен анализ результатов аттестации начальников поездов Московского филиала ОАО «ФПК» и динамики причин несоответствия занимаемой должности (выполняемой работе) начальников поездов за 2012 год.

Анализ показал: высокий удельный вес работников, которые прошли аттестацию по сравнению с числом работников, которые подлежали аттестации - 96%, говорит о высоком уровне организации аттестации. При этом 64% аттестованных соответствовали занимаемой должности (выполняемой работе), 32% соответствовали занимаемой должности (выполняемой работе) при условии выполнения рекомендаций аттестационной комиссии с установлением срока повторной аттестации, и наконец, 2% работников, не соответствовали занимаемой должности (выполняемой работе), и были переведены на другую работу в системе РЖД с понижением в должности.

Анализ динамики причин несоответствия занимаемой должности (выполняемой работе) начальников поездов показал, что наиболее значимой причиной несоответствия занимаемой должности (выполняемой работе) и увольнений начальников поездов являются нарушения, выявленные при проверках внутри Компании. Но по этому показателю наблюдается незначительное снижение в динамике данного показателя от 87% в 2010 г., до 81% в 2012 г. Далее со значительным отставанием следует систематическое невыполнение плана продаж. Однако значение этого показателя возрастает - от 8% в 2010 г., до 16% в 2012 г. И, наконец, наименее значимой причиной являются негативные отзывы от клиентов – всего 3% в 2012 г.

Очевидным является то, что снизить уровень несоответствия начальника поезда занимаемой должности возможно уже на этапе предварительной оценки его профессиональной пригодности, то есть на этапе профессионального отбора кандидатов на вакантную должность, что обеспечит и преемственность как принцип кадровой политики предприятия.

В рамках создания единой кадровой системы Компании нами исследована возможность использования принципов, критериев, показателей, методов профессионального отбора при создании программы психологического обеспечения аттестации начальников поездов.

Как известно критерий (κριτήριον –греческий, способность различения, средство суждения, мерило) — признак, основание, правило принятия решения по оценке чего-либо на соответствие предъявленным требованиям. В соответствии с такой трактовкой, а также опираясь на формулировку критериев в задачах экономико-математического программирования1 нами предлагается расширительная трактовка глобального критерия профессионального отбора начальника поезда: выбор на вакантную должность кандидата с психофизиологическими и психологическими параметрами, наиболее соответствующими требованиям данной должности, приводит к максимизации ожидаемых позитивных результатов деятельности как начальника поезда, так и руководимого им коллектива.

Предложенный критерий применим и для психологической оценки начальников поездов в рамках аттестации, что приводит к росту ожидаемых позитивных результатов деятельности аттестованных работников.

В настоящий момент процедуры профессионального отбора и аттестации начальников поездов не объединены общим методологическим основанием, лишь частично связаны между собой, что ограничивает возможности ведения единой кадровой политики в области профессионального развития персонала компании. Интегрирование некоторых этапов и принципов профессионального отбора в систему аттестационных мероприятий с опорой на единую модель профессионализма начальника поезда будет способствовать повышению эффективности этих мероприятий, реализации принципов системности, комплексности, непрерывности и преемственности кадровой системы РЖД.

Ниже приведен алгоритм психологического обеспечения аттестации начальников поездов, основанный на преемственности и взаимосвязанности процедур кадровой работы: профотбора и аттестации, на введении единого критерия профессионализма начальника поезда и на предложенной нами программе психологического обеспечения профотбора и аттестации. Присутствие психолога на основных этапах обусловлено необходимостью удалить из процедур отбора и аттестации начальников поездов

элементы субъективности, формальности, психологического травматизма и т.д., обеспечивает психологическую поддержку, сопровождение и дальнейшее развитие сотрудника и демонстрирует необходимость реализации программы психологического обеспечения профессионального отбора и аттестации начальников поездов.

Разработанная нами программа психологического обеспечения профессионального отбора и аттестации включает в себя следующие этапы:

1. Заполнение анкеты, содержащей общие, биографические, сведения о кандидате;
2. Тестирование сотрудника/кандидата с помощью компьютера по выбранным психодиагностическим методикам;
3. Диагностическое интервью сотрудника/кандидата: структурированное со строго сформулированными вопросами, неструктурированное в свободной форме либо слабо формализованное, в котором предлагаются темы для обсуждения; в условиях специально смоделированной стрессовой ситуации.

Данное интервью проводится с психологом, либо со специалистом кадровой службы, прошедшим специальную подготовку, в ходе его:

- проводится наблюдение за сотрудником/кандидатом по технологии ассессмент центр;

- берется интервью по разработанной технологии с применением методики STAR-пример;

4. Обратная связь сотруднику/кандидату: консультационная работа по результатам диагностики для определения зон роста сотрудника:
   – интерпретируются результаты тестирования;
   – дается конструктивная, сбалансированная, развивающая обратная связь по разработанной автором технологии с обозначением сильных сторон и зон развития сотрудника;
5. Письменный отчет сотруднику/кандидату: графически представленный индивидуальный профиль исследуемых качеств сотрудника/кандидата, индивидуальный план развития сотрудника/кандидата:

- производится сведение всех оценок в интегральные и формируется графически представленный индивидуальный профиль руководителя в соответствии с разработанной нами модели профессионализма начальников поездов.

- составляется индивидуальный план развития с учетом полученных данных специалистом кадровой службы рекомендаций. Нами создан архив рекомендаций по развитию исследуемых ПВК и компетенций;

- по результатам психологической оценки сотрудником кадровой службы составляется письменный отчет, доступ к которому имеют только непосредственной руководители сотрудника/кандидата и он сам.

С нашей точки зрения, введение единого критерия, а соответственно, и основанной на нем программы психологического обеспечения на этапах профессионального отбора и аттестации начальников поездов позволит повысить не только эффективность кадровой политики, но и экономическую эффективность деятельности предприятия.

При осуществлении психологической диагностики важно применять системный подход (изучать работника целостно), что достигается благодаря созданной нами модели профессионализма, генетического или динамического подхода (изучающего работника в развитии, в динамике), что возможно сделать, учитывая периодический характер аттестации и возможности проводить систематические психологические оценки в рамках обучения сотрудников, гуманистический и человекоцентрированный подход (учитывать возможности и запросы самого человека, исходить из его интересов, показывать работнику его профессиональные резервы, потенциальные возможности), что предполагают созданные нами технологии интервью и обратной связи.

Использование результатов аттестации при решении различных кадровых задач является и основой и результатом единой кадровой системы. Информация о каждом сотруднике добавляется в личное дело и используется при кадровой работе для повышения эффективности деятельности работника.

Блок отбора. *Результаты психологической оценки аттестации начальников поезда рекомендуются для применения в процессе* ***их подбора и отбора****, который требует проведение оценки кандидатов на замещение должности, оценки после испытательного срока, оценки через какой-то период работы с целью определения соответствия кандидата должности, оценки с точки зрения включения работников в резерв на выдвижение, а также оценки при отборе кандидатов из резерва на выдвижение на занятие вакантной должности начальника поезда.*

Блок расстановки кадров. При ***выдвижении начальника поезда в резерв и из резерва на вакантную должность***, результаты психологической оценки имеют решающее значение, так как они дают характеристику его перспективности и потенциальные возможности замещать более высокие должности. Следовательно, в этом случае *методика психологической оценки должна быть модифицирована, в нее должна быть дополнительно внесены критерии соответствия должностям в резерв, на которые они выдвигаются.*

Очевидно, что невозможно собрать в одном коллективе поездной бригады работников без недостатков. При этом было бы правильным *учитывать личностно-квалификационные параметры руководителя коллектива – начальника поезда в ходе его подбора и последующей* ***расстановки*** *с позиции создания эффективно работающего сплоченного коллектива поездной бригады, позволяющего компенсировать недостатки отдельных его членов достоинствами других, и в частности, начальника поезда. В этом случае рекомендуется использовать результаты психологической оценки при аттестации начальников поездов, а также диагностики организационной культуры поездной бригады* [3, с. 5-8].

Блок развития. Объективные результаты психологической оценки при аттестации начальников поездов должны использоваться в процессе их ***профессиональ-***

ного отбора и профессиональной ориентации. Профессиональный отбор и профессиональная ориентация могут помочь начальнику поезда своевременно, без дорогостоящего для железнодорожной отрасли и негативного психологически травмирующего опыта самого работника сделать правильный вывод о замещении соответствующей должности [1, с. 21-22].

Адаптация начальника поезда к руководимому им коллективу основывается на приспособлении к новым условиям и режимам труда и отдыха на рабочем месте, регулировании эмоциональной совместимости с членами коллектива, налаживанию коммуникаций, организации оптимального темпа и объема трудовой нагрузки, освоения трудового пространства и планирования самой работы.

Еще одна сфера применения результатов аттестации начальников поезда - организация их ***переподготовки и повышения квалификации***. Один из важнейших факторов, влияющих на содержание программ переподготовки и повышения квалификации начальников поездов - данные о результатах их аттестации, так как они выявляют слабые места в уровне специальных знаний, навыков, умений и профессионально важных качеств.

Блок мотивации результатов труда. Решение проблемы организации психологической ***мотивации результатов труда***, и в частности, материального стимулирования и оплаты труда начальников поездов, также связаны с их психологической оценкой. С одной стороны, оценка может и призвана выявить мотивы, которыми руководствуется в своей деятельности аттестуемый начальник поезда. С другой стороны, перспектива быть объективно оцененным в ходе аттестации и с дальнейшим повышением по службе, получением материального вознаграждения в виде премий и стимулирований побуждает начальников поездов к повышению эффективности и результатов своей работы. *К начальникам поезда, получившим в ходе аттестации низкие оценки, должны быть применены меры отрицательной мотивации: понижение в должности, лишение премий вплоть до увольнения с места работы.*

Что касается ***оплаты труда*** начальников поездов, то аттестация, прежде всего, может помочь преодолеть в ней уравнительность. Отметим, что в настоящее время основным фактором, влияющим на размер заработной платы начальника поезда, является его должность, а индивидуальные результаты труда работников данной категории не сравниваются между собой, что не позволяет сформировать объективную систему материального стимулирования.

Поэтому *периодическая аттестация начальников поездов и сравнительный анализ ее результатов позволят совершенствовать систему материального стимулирования и внести различия в оплату труда начальников поездов, занимающих одну и ту же должность, но добивающихся различных результатов в своей деятельности. С другой стороны, результаты аттестации начальников поездов позволят с научных позиций обосновать разрыв между уровнями зарплат для различных должностей путем установления взаимосвязи между результатами аттестации учетом в них фактического опыта и квалификации работника, занимающего много лет одну и ту же должность и формированием системы объективного стимулирования. В этом случае фонд материального стимулирования будет правильно распределяться между работниками.*

Актуальной проблемой является определение соотношения применения материальных и нематериальных стимулов путем изучения взаимосвязи личностных характеристик начальников поезда и эффективности их профессиональной деятельности и разработки практических рекомендаций по нематериальному стимулированию.

Важный аспект аттестации начальников поездов — ***разработка норм затрат труда и упорядочение использования их рабочего времени.*** Опираясь на результаты аттестации можно определить степень загрузки начальников поезда и соответственно подойти к решению задачи оценки рациональности их деятельности. Аттестация предполагает разработку и внедрение описаний должностей и должностных инструкций, которые в данном случае выступают в качестве критерия оценки. Это позволяет упорядочить деятельность начальников поездов, организовать эффективную проверку исполнения и контроля за результатами его работы. Четкое *описание должности начальника поезда способствует определению не только общей численности его подчиненных, но и требований к их профессионально важным качествам.* Таким образом, аттестация связана с ***определением потребности*** в начальниках поезда по филиалам ОАО «ФПК», так как потребность должна оцениваться с учетом результатов аттестации, которые отражаются в перемещениях или увольнениях работников.

В современных условиях важнейшей интегральной характеристикой работника любой категории, и начальника поезда в частности, является его **конкурентоспособность.** *Достижение высокой конкурентоспособности во многом зависит от эффективности управления карьерой и профессиональным ростом начальников поезда, который основывается, в том числе на анализе динамики результатов психологической оценки аттестуемого, их сравнении, и выявлении условий труда, не зависящих от работников, но влияющих на продвижение его по службе.*

Психологическое обеспечение аттестации является элементом демократических начал в управлении персоналом начальников поездов, так как снижает субъективизм в оценке руководителя, при этом коллективная оценка при аттестации имеет большую практическую ценность в кадровой работе.

Список литературы:

1. Акиндинова И.А. Особенности самоактуализации личности в профессиях различного уровня социального престижа: Дис... канд. психол. наук. - СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2000. с. 21-22.
2. Положение о проведении аттестации работников открытого акционерного общества «Федеральная пассажирская компания», Утверждено распоряжением ОАО «ФПК» от 11 ноября 2010 № 1032р .
3. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. – СПб. Питер, 2002. с. 5-8.

МЕТОДЫ И ПРОЦЕДУРА ИССЛЕДОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ МАТЕРИ ОБ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ РЕБЕНКА

Коротовских Любовь Анатольевна

Соискатель кафедры психологии развития, Пермский государственный научный исследовательский университет, г. Пермь

METHODS AND PROCEDURE OF STUDY VIEWS THE MOTHER ABOUT THE CHILD'S IDENTITY

Korotovskikh,Lubov, The applicant of the Department of developmental psychology, Perm state research University, Perm

АННОТАЦИЯ

В данной работе представлены процедура исследования и анализ методов и методического инструментария для изучения представлений матери об индивидуальности ребенка.

ABSTRACT

This paper presents the procedure of the research and analysis methods and methodological tools for studying the representations of the mother about the child's identity.

Ключевые слова: представления; индивидуальность ребенка; качественно-количественные методы исследования; контент-анализ.

Key words: representations; individual child; qualitative and quantitative research methods; content analysis.

В начале XXI века внимание ряда ученых обращено к изучению представлений об индивидуальности человека в связи с такими характеристиками как пол, возраст, профессиональная направленность, жизненный опыт, состояние здоровья, социальные стереотипы, индивидуальные и общественные ценности (К.А. Абульханова-Славская, 2001; С.Ю. Жданова, 2005; Л.А. Паутова, 2004; И.Б.Бовина, М.С. Панов, 2005; Л.З. Зарипова, 2012) и др.

Проблемным полем на современном этапе является вопрос о выборе адекватных методов и методик исследования представлений об индивидуальности человека.

Проблемой исследования, выполненного под руководством профессора С.Ю. Ждановой, является недостаточная разработанность методических средств изучения индивидуальности ребенка с позиции матери как субъекта познания.

Представления матери о ребенке во многом определяют ее установки, особенности ее отношения к нему, средства и стиль воспитательных стратегий, являются фактором, влияющим на формирование личности и социализацию (А.И. Захаров, А.Я. Варга, Э.Г.Эйдемиллер, Д.В.Винникот, Г.Г. Филиппова, С.Ю.Мещерякова, Г.В. Скобло, О.Ю. Дубовик, В.Л. Ситников, Л.Л. Петрова, А.С. Спиваковская) и др.

Цель исследования состояла в описании и анализе содержания и структуры материнских представлений об индивидуальности ребенка в связи с полом, возрастом и состоянием здоровья ребенка.

Методологическим и теоретическим основанием диссертационного исследования являются: теория социальных представлений (Э.Дюркгейм, С.Московичи, А.И.Донцов, Т.П.Емельянова, Г.М.Андреева, Н.Л.Смирнова) и др.; принцип интегрального подхода к изучению индивидуальности В.С.Мерлина; психологии познания индивидуальности человека (С.Ю.Жданова); исследования в области психологии познания значимого другого (К.А.Абульханова – Славская, Е.В.Гордиенко, Саливан, Джеймс).

Выборка и организация исследования**.** Выборку составили женщины в количестве 157 человек в возрасте 25-32 лет, имеющие ребенка (детей) в возрасте от 3 до 11 лет. Эмпирическое исследование проводилось в 2008-2010 г. на базе образовательных учреждений, медицинских центров, центров социальной помощи населению, общественных организаций г. Перми. Выбор возрастных категорий детей определялся рабочей гипотезой о том, что представления матери об индивидуальности ребенка разного возраста имеют качественное своеобразие в связи с различиями в социальных статусах дошкольника и младшего школьника. Б.Г.Ананьев указывал на необходимость изучения потенциальных свойств человека, представлений о его будущем для понимания становления и развития индивидуальности (Ананьев Б.Г., 1977).

Методы и процедура исследования.

Кроме общеметодологических положений, выбор методов исследования определялся рядом требований.

1.Учитывая высокий уровень занятости в профессиональной и семейной сферах испытуемых, период работы с диагностическим материалом составлял 45-60 минут.

2.В процессе исследования не применялся специальный инструментарий (приборы и др.), в целях исключения ситуации подобной лабораторному эксперименту. Испытуемым (после подробной и четкой инструкции) предоставлялась по их желанию возможность заполнения бланков анкет и выполнения рисунков в домашних условиях, в психологически комфортной атмосфере.

3.С целью повышения заинтересованности в процессе выполнения заданий, предотвращения отказа от исследования вследствие монотонности деятельности, методики подбирались с учетом возможности смены видов деятельности (завершение фразы в методике «Ассоциативный тест», заполнение бланка в методе «Личностный дифференциал», выполнение рисунка «Мой ребенок», свободное описание индивидуальности ребенка и др.).

По С. Московичи (1989) выделяют следующие компоненты социальных представлений: когнитивный уровень, эмоционально-оценочный уровень, а так же организационный. Для изучения когнитивного уровня представлений об индивидуальности ребенка в проведенном исследовании применен психосемантический метод «Свободный ассоциативный тест». Данные о частотности реакций испытуемых и их содержательный компонент предоставили возможность построить когнитивную схему представлений.

Ассоциативный тест проводился в письменной форме. Задание состояло в том, что испытуемые реагируют и записывают на слово-стимул любые, первые пришедшие в голову слова или словосочетания. Слова-стимулы, предложенные испытуемым: «ребенок», «мой ребенок», «девочка», «мальчик», «дошкольник», «младший школьник», «здоровый ребенок», «ребенок с нарушениями здоровья». С целью анализа материнских представлений об индивидуальности ребенка, полученных посредством ассоциативного теста, использовался метод, разработанный П.Вержесом. В соответствии с данным методом, первоначально анализу подлежат понятия, встречающиеся в общем объеме слов-реакций не менее 10 раз. В структуре представлений проведено поэтапно выделение ядра и периферической системы. Как указывается в ряде научных источников, несовпадение элементов ядра свидетельствует об имеющихся различиях представлений [2].

Метод личностного дифференциала является разновидностью метода семантического дифференциала, разработанного Ч.Осгудом, позволяющим изучать определенные свойства личности, самосознания, межличностных отношений. Личностный дифференциал разработан на базе современного русского языка, путем подбора слов, описывающих качества личности, наиболее характеризующие полюса трех классических факторов семантического дифференциала, предложенного Ч.Осгудом – оценки, силы, активности. Процедура исследования заключается в оценке испытуемым качеств исследуемой личности с помощью биополярных определений (прилагательных-антонимов). В данном исследовании использовался вариант, адаптированный в НИИ психоневрологии им. В.М. Бехтерева [5]. Испытуемые должны были прошкалировать 21 пару полярных понятий, отмечая наличие и выраженность присущих ребенку личностных характеристик.

Эмоционально-оценочный уровень социальных представлений тесно связан с когнитивными процессами, поскольку индивид всегда включает в познание свои эмоции. С целью анализа характеристик этого уровня в исследовании применены «Метод свободного описания» и проективный рисуночный тест «Мой ребенок». Выявление эмоциональных доминант, оценочных реакций испытуемых позволяет более полно анализировать многообразие и своеобразие представлений. Процедура сбора данных с помощью метода свободного описания состояла в том, что матери предлагалось описать индивидуальность своего ребенка. Результатом и объектом анализа явился текст-описание ребенка. В инструкции указывалось, что никаких ограничений по объему и стилю изложения не предъявляется. Метод свободного описания (M.Lalljee, R.Angelova, 1995) позволяет собрать и проанализировать обширный качественный материал об изучаемом индивиде.

Свободная форма описания ребенка позволила испытуемым указать в первую очередь самые важные для них характеристики - особенности личности, характера, поведения, коммуникации, отметить предпочтения, привычки и выразить отношение к ним.

Достоинствами метода свободного описания являются отсутствие ограничений для испытуемого (времени для описания, объема представленного материала). Испытуемый может использовать удобную для него лексику, оттенки описания.

Вместе с тем, следует учитывать, что данный метод имеет необходимость экспертной оценки и трудоемкость обработки результатов.

В соответствии с концепцией социальных представлений, поле представления, помимо понятий, содержит образы (С. Московичи, Д. Жоделе, В. Дуаз). В связи с этим, изучение индивидуальности человека может осуществляться не только в описательно-словесной форме, но и в графической. Поэтому в нашей работе с целью изучения особенностей представлений матери об индивидуальности ребенка использован проективный метод - рисунок «Мой ребенок».

Для обработки полученных данных использовались методы: частотный анализ, метод поперечных срезов (cross-sectional research) проводится для обнаружения различий лиц разного возраста, позволяет оценить эффекты, связанные с возрастом**)**, контент-анализ, метод экспертных оценок, методы математической статистики (Т-критерий Стьюдента, трехфакторный дисперсионный анализ). На первом этапе отслеживались главные эффекты (одиночное влияние) каждого независимого фактора на показатели материнских представлений о ребенке. На втором этапе отслеживалось взаимодействие (совместное влияние) независимых факторов на показатели материнских представлений о ребенке.

Остановимся на процедуре контент-анализа. На организационном этапе определены объекты изучения: вербальный текст – результат свободного описания матерью своего ребенка и рисуночный проективный тест. «Контент-анализ является строгим научным методом, отвечающим критериям объективности и надежности, поэтому его применение предусматривает соблюдение определенных требований – как процедурных, так и квалификационных» [4, с. 21], активно используется на современном этапе (Бергфельд А.Ю., 2002; Кильченко О.И., 2002; Шевелева М.С., 2002; Шиленкова Н.А., 2003; Жданова С.Ю., 2005; Нурлыгаянов И.Н., 2007; Л.З. Зарипова, 2012). При использовании процедуры контент-анализа большинство авторов определяют качественно-количественные единицы анализа.

К количественным показателям относят общее количество предложений, слов в тексте (И. Мистрик, 1967; О.Г. Кукосян, 1981), наличие авторских знаков препинания, скобок, кавычек, количество личных местоимений, вопросительных и восклицательных знаков (А.В.Визгина, С.Р Пантилеев., 2001). Кондратьева С.В. (1981) предлагает учитывать число автокоррекций, количество качеств, выделенных респондентом, соотношение положительных, отрицательных характеристик.

К качественным характеристикам большинство авторов относят физические, психологические и социальные показатели (Л.А. Петровская, Э.Н. Полякова 1999; В.Л. Ситников, 2000).

Основанием для выделения категорий при анализе текстов послужили исследования Ждановой С.Ю. [3]. Это индивидные характеристики (пол, возраст, состояние здоровья, внешний вид), психологические характеристики (особенности интеллектуально-познавательной сферы и

психических процессов, мотивационной сферы, потребностей, эмоционально-волевой сферы), личностные характеристики ребенка (характеристики деятельности, поведения, коммуникации, особенности характера, темперамента), социальные характеристики. Анализу подверглись так же количественные данные (общее количество слов в текстах-описаниях, количество слов - различных частей речи, количество метафор, отрицательных характеристик).

Определенные трудности возникли в процессе выделения индикаторов для последующего анализа и разработки категориальной схемы исследования (выделения качественных и количественных единиц). Трудностью отнесения индикаторов в определенные категории стала их потенциальная принадлежность к разным типам категорий.

Анализу показателей рисуночного теста подверглись: расположение на листе бумаги, размер, выбор цвета для передачи образа ребенка, качество линий, сила нажима, наличие-отсутствие дополнительных деталей, соответствие передаваемого образа полу и возрасту ребенка и другие характеристики, обозначенные в качестве наиболее важных в ряде исследований (Г.Т. Хоментаускас, Г.Г. Филиппова, Н.Ю. Герасимова, Л.Б. Шнейдер, Н.А. Хаймовская, Е.Е. Ромицына и др.). Рисуночный тест имеет значительную диагностическую ценность при изучении представлений матери о ребенке в сочетании с показателями других методик.

С целью проверки методики на надежность в контексте нашего исследования был использован метод экспертной оценки. Группа экспертов включала пять человек: преподаватели кафедры психологии и практические психологи. Расхождения между данными экспертов не превышали 5%, что свидетельствует о ее достаточной надежности (Н.Н. Богомолова, Н.Г. Стефаненко 1992).

Выполненное исследование углубляет проблему недостаточной разработанности методов изучения представлений матери об индивидуальности ребенка и показывает возможность и адекватность применения качественных методов в сочетании с количественной методологией. Работа продолжает линию системного исследования индивидуальности человека в Пермской психологической школе [1], психологии познания индивидуальности человека, разрабатываемую С.Ю.Ждановой [3].

Список литературы:

1. 1.*Воронова, Е.Ю.* Пермская научная психологическая школа: история и современность: монография. Пермь, 2008. Перм.гос. пед. ун-т. - 141 с.
2. *Втюрина, Т. А.* Изучение мотивации и мотива: ментальные репрезентации [Текст] / Т. А. Втюрина // Психология: проблемы практического применения: материалы междунар. науч. конф. (г. Чита, июнь 2011 г.). — Чита: Издательство Молодой ученый, 2011. — С. 9-16.
3. *Жданова, С.Ю.* Психология познания индивидуальности человека /С.Ю.Жданова. - Пермь, 2005. С.26 – 56. С. 80 – 89.
4. 4.Метод контент-анализа в психологических исследованиях: учеб.-метод.пособие /А.Ю.Бергфельд, Е.В.Шевкова, Н.А.Шиленкова и др.; / под ред. О.И. Кильченко; Перм.ун-т. – Пермь, 2007. С.113.
5. Методика личностного дифференциала (вариант, адаптированный в НИИ им. В.М. Бехтерева)/ Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М. Социально – психологическая диагностика развития личности и малых групп. – М., 2002., С. 20-21.

ИСЛЕДОВАНИЕ УРОВНЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ К ЭКСТРЕМАЛЬНЫМ СИТУАЦИЯМ С ПОЗИЦИЙ СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНОГО ПОДХОДА

Литвинова Оксана Юрьевна

соискатель Кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, г. Майкоп

THE RESEARCH OF THE LEVEL OF PSYCHOLOGICAL READINESS TO EXTREME SITUATIONS FROM POSITIONS OF SUBJECT-EXISTENTIAL APPROACH

Litvinova Oksana, Competitor of Chair of psychology of the personality and general psychology of the Kuban state university, Maikop

АННОТАЦИЯ

В статье психологическая готовность к экстремальным ситуациям рассматривается с позиций субъектно-бытийного подхода, где акцент делается на модусе жизнедеятельности и качестве субъектной активности личности.

ANNOTATION

In the article the psychological preparedness to extreme situations is considered from the standpoint of the subject-existential approach, where the emphasis is on the mode of life and as a subject of activity of the person.

Ключевые слова: психологическая готовность к экстремальным ситуациям; субъект; субъектная активность; модус бытия; тип профиля психологической готовности; опросник.

Keywords: psychological readiness to extreme situations; subject; subjective activity; the mode of existence; the profile type of psychological readiness; questionnaire.

Если раньше в терминах «аномальной реальности» (Магомед-Эминов, 1996) обозначались экстремальные ситуации, где решались проблемы выживания (жизнь-смерть), то сегодня признаками экстремальности обладают ситуации повседневности (Фоменко, 2010), требующие от человека эффективного и каждодневного решения жизненных задач. Условия неопределенности открывают возможности и новые перспективы для самостановления, самореализации человека, «многокачественности бытия», по С.Л. Рубинштейну и, самое главное, требуют внутреннего изменения самого человека. Для выживания и сохра-

нения личностности (З.И. Рябикина) в глобальном информационном мегасоциуме и полноценного творческого функционирования (аутентичное бытие), необходимо понимать себя и постоянно развивать субъектные качества [4], занимая позицию активного субъекта, выступая “автором своей жизни”.

Положения о субъекте создают возможность интерпретации личности как саморазвивающейся системы с акцентами на ценности субъективного опыта и свойственной человеку направленности на конструирование мира (Е.А. Сергиенко, В.Е. Клочко и др.), открывая перспективы новой интерпретации феноменов бытия, по отношению к которым личность выступает субъектом. Субъектный подход акцентирует внимание на поиске причин активности в самом человеке, на изначально активной роли индивида (А.В. Брушлинский), а также на взаимной обусловленности бытия и человека (С.Л. Рубинштейн), на свойственной человеку, как субъекту способности порождать новые формы бытия, объективируя в нем свое субъективное (З.И. Рябикина). Тем самым создаются предпосылки для методологического перехода от принципа единства сознания и деятельности к принципу единства личности и ее бытия (З.И. Рябикина).

Личностное бытие конкретного человека, являясь следствием его активности, выступает воплощением в объективной реальности структуры и содержания его внутреннего, субъективного мира [2]. Таким образом, теоретические и методологические принципы субъектно-бытийного подхода, спроецированные на исследования современной личности и современного профессионала, позволяют по-новому взглянуть на некоторые аспекты человеческого бытия, где акцент делается на модусе жизнедеятельности и качестве субъектной активности.

Поскольку модус бытия личности определяется особенностями субъектной позиции личности и спецификой личностного самоопределения, то соответственно могут быть выделены различные типы профилей психологической готовности к экстремальным ситуациям. Профили психологической готовности мы рассматриваем через различные сочетания субъектной активности и особенности личностного самоопределения с определенной конфигурацией ценностно-смысловых оснований, аффективно-потребностной сферы, конструирования образа мира, специфики личностной активности, что позволяет дифференцированно оптимизировать психологическое сопровождение личности с помощью “точечной” и разграничивающей работы с недостаточно сформированными параметрами [3]. Методологическое значение субъектного подхода в данном случае состоит в осмыслении противоречий, возникающих в связи с реализацией профессиональных, бытийный и многих других пространств, в реорганизации которых человек утверждает себя как личность, что представляется продуктивным и эвристичным для осмысления проблемы психологической готовности к экстремальным ситуациям.

Накопленный в процессе диссертационного исследования материал по данной проблематике, а также результаты, полученные от лиц, непосредственно находящихся в экстремальных ситуациях жизнедеятельности (по роду службы) создали предпосылки для конструирования опросника, направленного на исследование уровня психологической готовности студентов к экстремальным ситуациям.

Целью нашего исследования стало выявление типа профиля психологической готовности студентов к экстремальным ситуациям.

Объектом исследования – психологическая готовность к экстремальным ситуациям.

Предметом исследования – исследование уровня психологической готовности студентов к экстремальным ситуациям.

В опроснике мы использовали задания дихотомического типа. Блок основной информации включает в себя название теста, а также вопросы, касающиеся имени, пола, возраста, образования, даты и времени заполнения теста.

Инструкция: «Вам будет предложен ряд утверждений, если вы согласны с утверждением, ставите «+» в графе «да», если не согласны – «+» в графе «нет». Отвечайте так быстро, насколько это возможно, здесь нет правильных или неправильных ответов. Самое главное, чтобы Вы отвечали искренне, для нас это очень важно». Каждый ответ, совпадающий с ключом опросника, оценивается в 1 балл, а не совпадающий – 0 баллов.

В пилотажном исследовании апробации теста приняли участие студенты 1-5 курсов факультета педагогики и психологии Адыгейского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет (средний возраст 21 год), из них 76 юношей и 90 девушек. Всего в исследовании приняли участие 166 человек.

Анализ заданий по результатам, полученным в пилотажном исследовании позволил вычислить показатель, определяющий долю испытуемых, ответивших в соответствии с «ключом» опросника, или индекс эффективности задания (этот показатель подсчитывался делением количества обследуемых, давших правильный «ключевой» ответ, на их общее количество). Это индекс для каждого значения располагается в интервале от 0,25 до 0,75. Из окончательной версии опросника были устранены задания, не отвечающие требованиям индекса эффективности. Таким образом, в окончательную версию опросника вошли 64 вопроса.

В результате математической обработки полученных данных нами была разработана программа ЭВМ, предназначенная для оценки уровня психологической готовности студентов к экстремальным ситуациям.

Сам психодиагностический опросник включает четыре блока вопросов (в соответствии со структурными характеристиками модуса бытия личности) [3]:

1. Специфика личностной активности.
2. Ценностно-смысловая направленность личности.
3. Особенности образа мира.
4. Мотивационно-потребностная сфера.

Учитывая полученные статистические показатели, нами была произведена разбивка полученных результатов студентов на четыре интервала, в соответствии с типом профиля психологической готовности к экстремальным ситуациям:

I тип: интенционально-независимый тип профиля психологической готовности – 54-64 баллов (объективно-направленный, аутентичное бытие);

II тип интенционально-зависимый тип профиля психологической готовности – 38-53 баллов (субъективно направленный, неаутентичное бытие);

III тип: утилитарный тип профиля психологической готовности – 22-37 баллов (узкий практицизм);

IV тип: аморфный тип профиля психологической готовности – 0-21 баллов (пренебрежение собственными потребностями и интересами, несформированность мотивации).

Полученные результаты соответствуют нормальному закону – закону распределения. Таким образом, высокому уровню психологической готовности соответствует интенционально-независимый тип профиля психологической готовности. Низкому уровню – интенционально-зависимый, утилитарный и аморфный типы профилей психологической готовности.

Следует отметить, что полученный достаточно высокий показатель стандартного отклонения указывает на то, что опросник позволяет дифференцировать результаты и распределять испытуемых на выделенные типологические категории. При этом порядка 95% результатов отнесены ко второму и третьему типам и лишь 5% – к первому и четвертому. И это свидетельствует о достоверности полученных результатов, так как естественный уровень психологической готовности людей к повседневным, обычным ситуациям не всегда достаточно высок, не говоря уже об экстремальных ситуациях, требующих вполне конкретной и определенной психологической подготовленности.

Полученные показатели указывают на то, что в целом поблочные также как и итоговые результаты близки к нормальному распределению. Результаты второго и особенно четвертого блоков имеют несколько большее отклонение в связи с тем, что вопросы этого блока направлены на исследование мотивационно-потребностной сферы личности. Неразвитость данной сферы говорит о невозможности найти истинный смысл в собственной профессии и жизни в целом. Как следствие – потеря интереса, ощущение бессмысленности. Расстройства на этом уровне, согласно А. Лэнгле, могут привести к возникновению фрустрации, пустоты, чувству отчаяния и зависимости [1].

Для подавляющего большинства опрошенных студентов характерен низкий уровень развития мотивационно-потребностной сферы, что свидетельствует о психологической неготовности и восприятии экстремальных ситуаций, как аномальной реальности, вынужденности. Все это в конечном итоге чревато снижением самоценности, растущей пустотой, недовольством, отвращением и потерей смысла ситуации в целом. По нашему мнению, четвертый блок является самым мощным и частично накладывающимся на три других по сходным компонентам, так как мотивация является системообразующей характеристикой (основанием) личностного самоопределения в операциональном плане и от эмпирики (опираясь на результаты пилотажного исследования).

Результаты корреляционного анализа показали, что в целом внутри блоков наблюдается слабая корреляция, что указывает на отсутствие содержательного дублирования вопросов. Другими словами, вопросы в подблоках являются самостоятельными компонентами опросника, направленными на выявление определенных сторон личности (мотивационно-потребностная сфера, ценностно-смысловое позиционирование, образ мира, специфика личностной активности) и вместе с тем тесно согласуются с итоговыми результатами по блокам. Аналогично, в основном, наблюдается слабая и межблочная корреляция.

При этом поблочная результативность имеет среднюю корреляцию с итоговой корреляцией. Это указывает на то, что ответы на вопросы являются взаимодополняемыми общей (итоговой) результативности каждого из анкетируемых, что позволяет с достаточной степенью надежности отнести к одному из выделенных типов.

В ходе дальнейшего анализа опросника были определены показатели надежности: надежности как устойчивости и надежности как внутренней согласованности.

Первый показатель был выявлен на основании повторного тестирования (ретеста) испытуемых по прошествии двух месяцев. Коэффициент корреляции между результатами двукратного опроса составил 0,8234, что указывает на высокую степень устойчивости. Отметим, что нами не был использован метод параллельного тестирования вследствие того, что отсутствует тест-опросник подобный предлагаемому.

Для выявления надежности как внутренней согласованности был определен коэффициент Кронбаха, который = 0,7. Полученные результаты указывают на средний уровень внутренней надежности опросника, что является достаточным показателем.

Таким образом, разработанная нами программа для ЭВМ, является первым опросником, предназначенным для оценки уровня психологической готовности студентов к экстремальным ситуациям. Это позволит значительно облегчить выявление проблемных моментов и соответственно обеспечить организацию целенаправленной и комплексной психологической поддержки личности в экстремальных ситуациях, тем самым позволяя личности не только добиваться успеха, но и создавать собственную стратегию жизни, аутентичное ее природе бытие не только в экстремальных условиях жизнедеятельности, но и в повседневной обстановке. Так как только при наличии полноценной психологической готовности личности к труду, жизни, экстремальным ситуациям и т.д. можно ожидать в дальнейшем возможности проявления творческого потенциала личности, которое в итоге венчается состоянием “плодотворности” (Э. Фромм), “самоактуализации” (А. Маслоу), чувством “идентичности” (Э. Эриксон), ощущением “экзистенциальной исполненности (А. Лэнгле)”. В результате чего человек субъективно воспринимает и оценивает себя, не только как состоявшегося профессионала, но и как личность.

Список литературы:

1. Лэнгле А. Эмоциональное выгорание с позиций экзистенциального анализа // Вопросы психологии. 2008. № 2, с 3-16.
2. Рябикина З.И., Фоменко Г.Ю. Личность в профессии: теоретико-эмпирическая интерпретация с позиций субъектного и событийного подходов.
3. Фоменко Г.Ю. Личность в экстремальных условиях: два модуса бытия. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2006.
4. Шиповская В.В. Преодолевающая активность личности как потенциал субъектности // Человек, субъект, личность в современной психологии. Материалы Международной конференции, посвященной 80-летию А.В. Брушлинского. Том 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Сергиенко. – М., 2013. С. 463-466.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ АУТОАГРЕССИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ

Мешкова Елена Сергеевна
магистрант Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, г. Тамбов

PSYCHOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF AUTOARESSIVE CONDUCT OF CONVICTED PERSONS
Meshkova Elena, undergraduate student at Tambov State University, Derzhavin, Tambov

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются различные точки зрения относительно понятия аутоагрессивное поведение. Автором выделены шесть основных подходов к изучению этого психологического феномена. В частности, аутоагрессивное поведение представлено как: форма девиантного поведения субъекта, острая аффективная реакция в трудных жизненных ситуациях, способ противостояния разрушающим переживаниям, механизм психологической защиты, результат ретрорефлексии и дезадаптивная стратегия выхода из психологического кризиса.

Ключевые слова: психология осужденных, психологический кризис, аутоагрессивное поведение, дезадаптация.

ABSTRACT

This article analyzes different points of view on the concept of auto-aggressive behavior. The author distinguishes six main approaches to the study of this psychological phenomenon. In particular, auto-aggressive behavior is presented as a form of deviant behavior of the subject, acute affective reaction in difficult situations, how to confront destructive feelings, psychological defense mechanism, the result of retrorefleksii and maladaptive exit strategy from the crisis in psychology.

Keywords: psychology of convicted persons, psychological crisis, auto-aggressive behavior, maladjustment.

Проблема аутоагрессивного поведения явилась предметом исследования многих ученых (Г. Амбрумова, В. М. Вроно, Х. Виттчен, С. Канетто, Д. Мосциски, Г. Я. Пилягина, А. А. Реан, В. А. Тихоненко, К. Н. Фейберoу, Э. Шнейдман и др.).

Многообразие точек зрения на вопрос о сущности и содержании понятия «аутоагрессивное поведение» привело к необходимости их систематизации. В статье выделено 6 подходов, раскрывающих сущность данного понятия.

1 подход – аутоагрессивное поведение как форма девиантного поведения субъекта (А. Г. Амбрумова, В. Я. Гиндикин, В. А. Гурьева, Л. Я. Жезлова, В. Н. Косырев, В. Д. Менделевич и др.).

А. Г. Амбрумова, Л. Я. Жезлова на основе социально-психологического подхода выделяют аутоагрессивное поведение как разновидность отклоняющегося на ряду с антисоциальным, антидисциплинарным, делинквентным [4].

В. Д. Менделевич определяет аутоагрессивное поведение как отклоняющееся, девиантное, относит аутоагрессию к клиническим формам девиантного поведения [8].

В. Д. Менделевич разграничивает аутоагрессивное поведение и агрессивное поведение по признаку направленности агрессии: аутоагрессивное нацелено на причинение вреда себе, агрессивное на присинение вреда окружающим людям. В. Д. Менделевич описывает виды аутоагрессии: физическая и вербальная (самообвинение, самоуничижение, самооскорбление, убеждение других в своей никчемности, низменности, ничтожности).

Аутоагрессивное поведение в ранних изданиях В. Д. Менделевича отождествляется с суицидальным, а позже указываются их различия.

По мнению В. Д. Менделевича, аутоагрессивное поведение может проявляться в двух формах: суицидальном поведении (самоубийстве) и парасуицидальном поведении (самовреждении) [8]. Различия состоят в цели аутоагрессивных действий (достижение смерти или членовредительство). Суицидальное поведение, как намеренное стремление достичь смерти может объясняться наличием внутриличностного конфликта, психопатологических расстройств, действием жизненных обстоятельств. Оно может быть осознанным и непроизвольным (когда совершается в рамках психопатологической симптоматики, например, при явлениях психического автоматизма) [8].

Аутоагрессивное поведение зачастую относят к группе индивидуальных или изолированных девиаций, важной характеристикой которых является стихийность. Стихийные девиации характеризуются своей спонтанностью, временным характером, зависимостью от эмоционального настроя и стечения обстоятельств [11].

Аутоагрессивное поведение может относиться к делинквентному, либо патохарактерологическому, психопатологическому, аддиктивному типу отклоняющегося поведения, являться их разновидностью. Аутоагрессивное поведение (аутодеструктивное) характеризуется как «система поступков человека направлена не на развитие и личностный рост, не на гармоничное взаимодействие с реальностью, а на деструкцию личности» [11, С. 39]. При аутоагрессивном поведении окружающий мир расценивается оппозиционно, так как он не дает возможность удовлетворять свои потребности и реализовать себя.

2 подход - аутоагресивное поведение как острая аффективная реакция в трудных жизненных ситуациях (В. Б. Гельфанд, П. В. Качалов, Е. А. Личко, Е. С. Мазур, Л. Н. Собчик и др.).

В работе Е. А. Личко обнаруживается, что аутоагрессивное поведение может рассматриваться как острая аффективная реакция в ответ на трудные жизненные ситуации, субъективно-значимые травмы. Аутоагрессивное поведение как аффективная реакция является кратковременной и может быть интрапунитивной, демонстративной [6].

Л. Н. Собчик определяет аутоагрессию наряду с отступлением, готовностью отказаться от реализации своих

намерений в трудной ситуации, склонностью к самообвинению как наиболее резкую форму реагирования, преимущественно направленную на себя, внутрь личности [14].

Аутоагрессивное поведение может рассматриваться также как тип психического реагирования на болезнь, форма снятия психического напряжения путем физической или вербальной агрессии в стрессовых ситуациях.

По мнению ряда авторов (Е. С. Мазур, В. Б. Гельфанд, П. В. Качалов и др.), аутоагрессивное поведение является типичной реакцией на травматическое событие и определяется действием таких негативных чувств, как страх, чувство угрозы, ужаса, при этом механизмы регуляции собственных действий преимущественно осуществляются на неосознаваемом уровне [7]. Аутоагрессивное поведение в рамках данного подхода, является типичной реакцией стресс и может проявляться при посттравматическом стрессовом расстройстве.

3 подход - аутоагрессивное поведение как механизм психологической защиты (Э. Берн, М. В. Коркина, Н. Д. Лакосина, А. Е. Личко, Н. Мак-Вильямс, К. Менингер, З. Фрейд, Э. Фромм, К. Юнг и др.).

С позиций западных ученых, представителей психоаналитического направления в психологии (Э. Берн, Н. Мак-Вильямс, З.Фрейд, Э. Фромм и др.) возникновение аутоагрессивного поведения обусловливается действием неосознаваемых инстинктов и защитных механизмов. К. Менингер, З.Фрейд, К. Юнг и др. характеризуют аутоагрессию как механизм психологической защиты, проявление ряда осознанных и неосознанных импульсов. Аутоагрессивное поведение, по мнению исследователей, - это явные (суицид, членовредительство) и скрытые проявления агрессии по отношению к себе (алкологизм, голодовка, увлечение травматическими видами спорта, нарушение скоростного режима и правил езды на автомобиле, выбор опасных для жизни профессий и т.д.).

В отечественной психологии убеждение о принадлежности аутоагрессивного поведения к группе защитного высказывали М. В. Коркина, Н. Д. Лакосина, А. Е. Личко и др. Аутоагрессивное поведение, по их мнению, является результатом защитного поведения при использовании интроекции (М. В. Коркина, З. Фрейд, А. Е. Личко и др.). Интроекция как механизм психологической защиты состоит в том, что события, образы внешнего мира переносятся во внутрь личности. В случае аутоагрессивного поведения агрессия по отношению к окружающим людям может перейти во внутренний план, провоцируя действия самоповреждения [5].

4 подход - аутоагрессивное поведение как результат ретрорефлексии (П. Гудмен, Ф. С. Перлз, И. А. Фурманов, Р. Хефферлин и др.).

И. А. Фурманов в своей работе указывает, что аутоагрессия может возникать как результат ретрофлексии. Анализируя труды гештальт-психологов, они описывают влияние проекций, интроекций и ретрофлексии на поведение человека. Проекции провоцируют различные формы агрессии, интроекции являются причиной проявления «выученной агрессии», ретрофлексия - аутоагрессивного поведения. Аутоагрессия в данном случае является результатом нарушения саморегуляции личности в ситуации, когда какую-либо потребность удовлетворить невозможно (нельзя завершить «гештальт») [16.].

5 подход - аутоагрессия как способ противостояния разрушающим переживаниям (Н. Н. Васильев, В. А. Войцех, М. А. Сараев, В. Франкл, И.А. Фурманов, Е. С. Шнейдман, А. Эллис и др.).

Е. С. Шнейдман определяет стремление к саморазрушению как способ ухода от непереносимых отрицательных эмоций.

Н. Н. Васильев конкретизирует содержание словосочетания «непереносимые эмоции» и указывает, что таковыми являются депрессия и чувство вины, стыда. Именно они провоцируют человека на аутоагрессию [2].

М.А. Сараев описывает проявление аутоагрессии как результат долго переживаемого чувства вины [12]

По мнению А. Эллис, аутоагрессия сама по себе, как и сильное чувство вины, страх, волнение, обида, гнев, апатия, отчаяние, относятся к разрушающим переживаниям [17].

В. Франкл рассматривает аутоагрессивное поведение как способ противостояния состоянию утраты смысла жизни.

6 подход – Аутоагрессивное поведение как дезадаптивная стратегия выхода из психологического кризиса (Л. И. Анцыферова, А. В. Бруг, Г. Я. Пилягина, Ю. В. Попов, Д. И. Шустров и др.)

Отечественные клинические исследования рассматривают аутоагрессию как дезадаптивную стратегию выхода из психологического кризиса, обусловленную особыми предиспозиционными факторами.

В свете теории социальной адаптации феномен аутоагрессии проявляется в различных формах дезадаптивных поведенческих реакций на различные неблагоприятные в физическом и психическом плане жизненные ситуации, вызывающие стресс, фрустрацию и тому подобные состояния [15].

Социально-психологическая дезадаптация личности, проявляющей аутоагрессию, может быть парциальной или тотальной в зависимости от степени нарушений познавательного, преобразовательного, коммуникативного и ценностно-смыслового характера.

В рамках данного подхода интересны работы Л. И. Анцыферовой, Т. Г. Визель, Г. Я. Пилягиной, Ю. В. Попова, Д. И. Шустрова и др.

Л. И. Анцыферова рассматривает аутоагрессию как дезадаптивные защитные способы повеления (копинг-стратегии), возникающие у личности в трудных или экстремальных жизненных условиях, ввиду неспособности к адекватному переосмыслению, переоценке изменившейся социальной ситуации [1].

Д.И. Шустров отмечает, что аутоагрессивное поведение является социально-дезадаптивным способом решения проблем, связанных с защитой чувства собственного достоинства, сохранением индивидуальности и тождественности, с противодействием неблагоприятному социальному окружению.

Д.И. Шустров указывает на отсутствие или потерю страха смерти у человека с аутоагрессивными тенденциями [13].

Аутоагрессивное поведение в работе Г.Я. Пилягиной рассматривается в структуре модели дезадаптивного поведения как результат фрустрации. К аутоагрессии прибегают люди, не восприимчивые к

изменениям социальной среды и не способные вынести тяготы стресса вживания в новую социальную ситуацию. Такие люди могут стать безыниициативными, консервативными, держаться привычного образа действий, отказываясь воспринимать предлагаемые им изменения, даже самые разумные, могут стать агрессивными вплоть до физического насилия, могут вести себя инфантильно, проявлять аутоагрессию [9].

Ю.В. Попов, А.В. Бруг отмечают, что решающим моментом формирования готовности к аутоагрессивным действиям становится смысловой конфликт. Исполнение аутоагрессивного решения (вне зависимости от причин, условий и форм дезадаптации) происходит после этапа личностной переработки конфликта [10].

Т.Г. Визель развивает интегративный нейропсихологический и личностно-типологический подход к проблеме аутоагрессивного поведения как как проявлению социальной дезадаптации. Проявление аутоагрессии связано с наличием акцентуированных черт характера, особенностей деятельности мозговых механизмов [3].

Итак, обзор отечественных и зарубежных концепций аутоагрессии показал, что в большинстве случаев объясняющие концепции носят функциональный характер. Аутоагрессивное поведение рассматривается в них как попытка индивида справиться с ситуацией или своими эмоциями [15].

В своей позиции будем придерживаться шестого подхода, который трактует аутоагрессивное поведение как дезадаптивную стратегию выхода из психологического кризиса. Таким образом, ***аутоагрессивное поведение осужденных*** определим как *активность личности, характеризующаяся стремлением к причинению себе вреда в психической или физической сфере, с целью выхода из психологического кризиса в результате дезадаптации, связанной с пребыванием в условиях лишения свободы.*

Список литературы

1. Анцыферова Л.И. Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. – М.: Инс-т психологии РАН, 2006. – 512 с.
2. Васильев Н. Н. Тренинг преодоления конфликтов. – СПб.: Речь, 2002. – 174 с.
3. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии. – М.: АСТ, 2007. – 400 с.
4. Гиндикин В.Я., Гурьева В.А. Личностная патология. – М.: Издательство «Триада-Х», 1999. – 266 с.
5. Коркина М. В., Лакосина Н. Д., Личко А. Е. Психиатрия: Учебник. – М.: Медицина, 1995. – 608 с.
6. Личко А. Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – Л.:Медицина, 1983.—256 с.
7. Мазур Е. С., Гельфанд В. Б., Качалов П. В. Смысловая регуляция негативных переживаний у пострадавших при землетрясении в Армении // Психологический журнал. – Т.13. – 1992. – № 2.
8. Менделевич В. Д. Клиническая и медицинская психология. М.: Сфера, 2002. – 510 с.
9. *Пилягина Г. Я.* К вопросу о клинико-патогенетической типологии аутоагрессивного поведения // Таврический журнал психиатрии. — 2000. — Т. 4. – № 1. — С. 22–24.
10. Попов Ю.В., Бруг А.В. Аддиктивное суицидальное поведение подростков //Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2005. – №2. – С. 3-6.
11. Руководство по аддиктологии / Под ред. проф. В. Д. Менделевича. СПб.: Речь, 2007. – 768 с.
12. Сараев М. А. Аутоагрессивное поведение женщин, мужья которых зависимы от опиатов : автореф. дисс. … канд. медиц. наук / 14.00.45, 14.00.18. – М., 2009.
13. Сельченок К.В. Психология человеческой агрессивности. – Мн.: Аспект-пресс, 1999. – 656с.
14. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – М.: Институт прикладной психологии, 1997. – 480 с.
15. Социальные отклонения / Под ред. В.Н. Кудрявцевой. – М.: Просвещение, 1989. – 215 с.
16. Фурманов И.А. Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста // Психологические основы диагностики и коррекции нарушений поведения у детей подросткового и юношеского возраста.– Мн.: НИО, 1997.– 198 с.
17. Эллис А. Практика рационально-эмоциональной поведенческой терапии. – СПб.: Изд-во «Речь», 2002. – 352 с.

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОСВЯЗИ МОТИВАЦИИ УЧЕНИЯ С ИНДИВИДУАЛЬНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ ЛИЧНОСТИ ПОДРОСТКА

Омарова Марина Карахановна

доцент, к.пс.н., Дагестанский государственный университет, г. Махачкала

FEATURES OF THE INTERPLAY BETWEEN LEARNING MOTIVATION AND INDIVIDUALLY-TYPOLOGICAL CHARACTERISTICS OF A TEENAGER'S PERSONALITY

Marina Omarova, Associate professor, candidate of Science in Psychology, Makhachkala, Dagestan State University

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи между мотивациями учения подростка и такими индивидуально-типологическими особенностями личности как акцентуации характера и свойства темперамента.

ABSTRACT

The article presents the results of an empirical study of the interplay between a teenager's learning motivations and such individually-typological characteristics of a personality as accentuation of character and properties of temperament.

Ключевые слова: мотивация, мотивационная направленность, акцентуации характера, экстраверсия, амбиверсия, эмоциональная устойчивость, нейротизм.

Keywords: motivation, motivational orientation, accentuation of character, extraversion, ambiversion, emotional stability, neuroticism.

Исследователям в области педагогики и педагогической психологии давно известно, что для успешного протекания учебной деятельности необходима ярко выраженная мотивация учения. Особенную значимость для успешной учебной деятельности имеет внутренняя мотивация, поскольку именно ею побуждается, активизируется деятельность учения, вне зависимости от наличия или отсутствия внешних стимулов. Кроме того, она делает процесс учения более глубоким, насыщенным, осмысленным.

О мотивационной сфере личности можно сказать, что она является важной составляющей для полной характеристики личности. К примеру, Л.И. Божович говорила о том, что развитие мотивационной сферы является базой, основанием становления личности. «Целостная структура личности определяется, прежде всего, ее направленностью. В основе направленности личности лежит возникающая в процессе жизни и воспитания устойчиво доминирующая система мотивов, в которой основные, ведущие мотивы, подчиняя себе все остальные, характеризует строение мотивационной сферы человека» [1, с. 7-44].

В настоящее время наиболее активно в исследовании мотивации развивается интегральная психология, объединяющая накопленный опыт и учитывающая проблемы предшествующих направлений, что способствует попытке создания общих концептуальных подходов. При этом следует учесть, что на всем протяжении исследований феномена мотивации формировалось различное понимание ее содержания, но вполне очевидным в большинстве позиций было признание за мотивацией тех механизмов, которые стоят у истоков начала деятельности [2, С. 72].

В основном проблема мотивации возникает у ученых в русле исследований любых механизмов, служащих источником активности человека, начиная с понятия «драйва», «аффекта» и продолжая более сложными концептами, как мотив, стимул, воля, потребность, цель и т.д.

Так, во взглядах В.А. Иванникова отражается общая установка в психологии на изучение личностной специфики поведения субъекта и тех причин, которые этому способствуют. При этом, ориентируясь в своих концепциях на понимание мотивации как системы детерминант деятельности как сознательных, так и бессознательных, ученые пытаются выявить в дальнейшем сферы их влияния на суть и исход действий. По этой причине совершенно очевидным является тот факт, что психологи различных направлений пытались и продолжают пытаться дифференцировать произвольное и непроизвольное поведение как способ отделить генотипическую составляющую индивида и ситуативную (личностно-индивидуальную линию поведения). В частности, Д.Н. Узнадзе, *изучая* произвольное и импульсивное поведение человека, в качестве объединяющей категории рассматривает установку, которую в случае с импульсивным поведением создает актуальная ситуация, а в случае с произвольным поведением ее создает потребности момента [7, с. 151.]. Тем самым пытаясь различить качественное содержание детерминантов, исследователи прибегают для этого к различным способам: Д.Н. Узнадзе различает «потребности Я и потребности момента» [7, с. 151]; В.И. Иванников в качестве детерминантов рассматривает и потребности, и окружающую среду [3, с. 137]; Г. Олпорт рекомендует различать единицы личности и мотивацонные единицы, указывая на то, что детерминантами могут быть как бессознательные, так и сознательные побуждения [6, с. 54]. Между тем сам Г. Олпорт говорил о том, что нельзя ориентироваться в исследовании мотивации только на ситуационные модели поведения, поскольку, на его взгляд, гораздо важнее найти основания целостности личности [6, с. 62].

Таким образом, интерес к проблеме мотивации в современной науке не только не ослабевает, но и открывает новые перспективы в процессе её изучения. На наш взгляд, особенную важность приобретают вопросы мотивации в школьный период жизнедеятельности личности. И, поскольку ведущим видом деятельности на этом этапе развития является учебная деятельность, то основное внимание следует уделять именно изучению мотивации учебной деятельности или мотивации учения.

По мнению Марковой А.К., изучение мотивации - это выявление ее реального уровня и возможных перспектив ее развития у каждого учащегося [5, с. 5].

Значительный вклад в изучение мотивации учения внесли отечественные ученые А.Н. Леонтьев, Л.И. Божович, В.К. Вилюнас, А.К. Маркова, А.Б. Орлов, Л.М. Фридман, Т.А. Матис, М.В. Матюхина, Н.Е. Елфимова, Т.А. Саблина, И.И. Вартанова.

Л.И. Божович отмечает: «Анализируя характер отношения школьников к учению (любит ли данный школьник учиться, старательно или небрежно он относится к своим школьным обязанностям и пр.), мы обнаружили, что одним из важнейших моментов, раскрывающих психологическую сущность этого отношения, является та совокупность мотивов, которая определяет учебную деятельность школьников. При этом под мотивами учения мы понимали то, ради чего учится ребенок, или, иначе говоря, то, что побуждает его учиться» [1, с. 61-62].

Мотив учебной деятельности, согласно мнению Е.П. Ильина, это все факторы, обусловливающие проявление учебной активности: потребности, цели, установки, чувство долга, интересы и т.п. [4, с. 253].

По мнению А.К. Марковой и соавторов, мотив - направленность школьника на отдельные стороны учебной работы, связанная с внутренним отношением ученика к ней [5, с. 15].

Среди многообразия факторов, воздействующих на мотивацию, выделяются индивидуально-типологические свойства. Для полного понимания природы мотивации их

изучению следует уделить особенное внимание. Изучение литературы по интересующей нас проблеме показало, что на сегодняшний день сведения о взаимоотношениях индивидуально-типологических свойств подростка с учебной мотивацией носят лишь фрагментарный характер. При этом, тема темперамента, акцентуаций характера является чрезвычайно важной и сама по себе, так как связана с решением многих практических проблем и задает обширный круг вопросов, связанных с индивидуальными особенностями.

Путь к пониманию мотивационной направленности подростков лежит также через понимание индивидуальных и индивидуально-типологических особенностей, так как общие закономерности с полной отчетливостью могут быть обнаружены и осмыслены только на фоне ясного и четкого представления об индивидуальных различиях.

С целью изучения зависимости мотивационной направленности подростка от его типологических свойств (темперамента, акцентуаций характера) нами было проведено эмпирическое исследование.

Гипотезой исследования послужило предположение о том, что свойства темперамента и акцентуации характера проявляются в мотивационной направленности подростков.

Для получения эмпирических данных были использованы следующие методики: Тест-опросник Айзенка; Опросник Шмишека-Леонгарда для диагностики акцентуации характера; Методика определения направленности личности (ориентационная анкета Б. Басса); Методика «Мотивация успеха и боязнь неудачи» (А.А. Реана); Методика «Направленность на приобретение знаний» (Е.П. Ильина, Н.А. Курдюковой); Методика «Направленность на отметку» (Е.П. Ильина, Н.А. Курдюковой). Для изучения взаимосвязей между исследуемыми параметрами применялся метод корреляционного анализа (по Спирмену). Статистическая обработка данных проводилась в программе Статистика 6.1.

Экспериментальной базой исследования послужило МОУ «Лицей №5» г. Махачкалы. В работе приняли участие учащиеся трёх 7-ых классов. Общая численность выборки составила 60 подростков, из которых девочки составили 53% (32 человека) выборки, мальчики – 47% (28 человек). Возраст респондентов – 13 - 14 лет.

На первом этапе исследования нами был проведен анализ связи характера с мотивационной направленностью подростков. Для этого были сведены данные типов акцентуаций характера с показателями мотивационной направленности в единую таблицу. С целью выявления взаимосвязи между выше указанными образованиями применялся метод корреляционного анализа данных (по Спирмену). Итоговые результаты корреляционного анализа между типами акцентуаций характера и мотивационной направленностью отображены в таблице 1.

Таблица 1

Взаимосвязь акцентуаций характера с мотивационной направленностью

Тип акцентуации характера	Мотивационная направленность			Направленность личности		
	Мотив успеха и избегания неудач	Направленность на приобретение знаний	Направленность на отметку	На себя	На общение	На дело
Гипертимический	0,11	-0,17	-0,11	**0,30***	**-0,35***	-0,21
Возбудимый	-0,07	0,06	**0,36***	0,07	0,01	-0,09
Эмотивный	-0,14	0,08	**0,34***	-0,05	0,03	-0,06
Педантичный	-0,23	-0,24	0,28	0,21	-0,12	**0,37***
Тревожный	**-0,44***	0,00	**0,46***	0,10	0,10	-0,06
Циклотимический	**-0,35***	-0,20	0,02	-0,07	0,11	-0,14
Демонстративный	0,03	0,21	0,21	-0,29	0,22	-0,06
Застревающий	**-0,33***	**-0,35***	0,08	-0,06	0,04	**-0,49***
Дистимический	-0,26	-0,24	**-0,34***	-0,19	0,02	0,00
Аффективно-экзальтированный	-0,09	0,13	**0,33***	0,04	0,20	0,00

Степень значимости: * — $p < 0,5$; ** — $p < 0,01$; *** — $p < 0,001$.

Результаты корреляционного анализа показывают, что преобладающая часть акцентуаций характера имеет связь хотя бы с одной из мотивационных направленностей, исключением явилась демонстративная акцентуация, не обнаруживающая связи ни с одной из направленностей.

Из результатов видно, что обнаруживается связь гипертимного типа акцентуации с мотивационной направленностью на себя ($r=0,30$, при $p<0,001$) и на общение ($r=-0,35$, при $p<0,001$). Выявлена связь возбудимой акцентуации с мотивационной направленностью на отметку ($r=0,36$, при $p<0,001$). Эмотивный тип также обнаруживает связь с мотивационной направленностью на отметку ($r=0,34$, при $p<0,001$). Педантичный тип обнаружил связь с мотивационной направленностью на дело ($r=-0,37$, при $p<0,001$). Выявлена связь тревожного типа акцентуации с мотивационной ориентацией на успех и избегание неудач ($r=-0,4$, при $p<0,001$), а так же этот тип связан с направленностью на отметку ($r=0,46$, при $p<0,001$). Циклотимический тип имеет связь с направленностью на успех и избегание неудач ($r=-0,35$, при $p<0,001$). Обнаруживается взаимосвязь неуравновешенного типа акцентуации с тремя мотивационными направлениями: на дело ($r=-0,49$, при $p<0,001$), на приобретение знаний ($r=-0,35$, при $p<0,001$), на успех и избегание неудач ($r=0,33$, при $p<0,001$). Дистимный тип связан с направленностью на отметку ($r=-$

0,34, при p<0,001). Также выявлена связь экзальтированного типа с направленностью на отметку (r=0,33, при p<0,001).

Абсолютным коэффициентом корреляции является 1, то есть в нашем случае достоверность менее 50%, что исходя из основ математической статистики, является признаком слабой значимости. То есть полученный результат не может распространяться на всю генеральную совокупность (на всех членов группы). Этот факт на уровне математической статистики указывает на то, что между типами акцентуаций характера и мотивационной направленностью личности подростка существует слабая взаимосвязь.

Таким образом, не удалось выявить статистически значимых зависимостей между показателями мотивации и выраженностью акцентуированных черт характера.

На следующем этапе исследования был проведен анализ связи темперамента с мотивационной направленностью подростков. С целью выявления взаимосвязи нами также был применен метод корреляционного анализа данных, итоговые результаты которого отображены в таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь свойств темперамента с мотивационной направленностью

Свойства темперамента	Мотивационная направленность			Направленность личности		
	Мотив успеха и избегания неудач	Направленность на приобретение знаний	Направленность на отметку	На себя	На общение	На дело
Экстраверсия-интроверсия	-0,23	-0,13	**0,35***	-0,18	0,28	-0,25
Амбиверсия	0,10	**-0,43***	**-0,60****	0,25	0,09	0,15
Экстраверсия	0,26	0,23	0,11	-0,15	0,25	**-0,33***
Нейротизм стабильность	0,02	0,11	**0,57****	**0,54****	**-0,69****	0,19
Нормостения	-0,03	0,15	-0,13	**-0,30***	0,27	-0,23
Нестабильность	-0,25	-0,09	-0,05	0,16	0,00	0,04

Степень значимости: * — p < 0,5; ** — p < 0,01; *** — p < 0,001.

Результаты корреляционного анализа показывают, что наиболее высокие коэффициенты связи выявлены у стабильной шкалы нейротизма с мотивационной направленностью на отметку (r=0,57, при p<0,001), на себя (r=0,54, при p<0,001) и на общение (r=-0,69, при p<0,001). Свойство амбиверсии шкалы экстравертированности обнаруживает высокие отрицательные коэффициенты взаимосвязи с мотивационной направленностью на отметку (r=-0,60, при p<0,001). Интроверсия выявляет положительную связь с направленностью на отметку (r=0,35, при p<0,001). Экстраверсия выявляет отрицательную связь с направленностью на дело (r=-0,33, при p<0,001). Нормостения по шкале невротизма выявляет слабую обратную связь с направленностью на себя (r=-0,30, при p<0,001). Нестабильность по шкале невротизма не показывает связи ни с одной из мотивационных направленностей. Мотивационная направленность на успех и избегание неудач не вскрывает связи ни с одной из шкал экстравертированности и нейротизма, следовательно, не имеет связи с темпераментом.

Таким образом, анализ результатов проведенного нами исследования показал, что свойства темперамента и акцентуации характера проявляются в мотивационной направленности подростков.

Мотивационная сфера личности обнаруживает связь с её индивидуально-типологическими свойствами. Темперамент, характер и мотивация личности относятся к тем же индивидуально-психологическим особенностям, по которым люди существенно отличаются друг от друга. В совокупности эти индивидуально-психологические особенности составляют предмет психологии индивидуальных различий.

На основании полученных данных можно сделать следующие выводы:

1. Существует слабая корреляционная связь между показателями мотивационной направленности подростков и типами акцентуированной выраженности характера.
2. Обнаружена статистически значимая связь мотивационной направленности с отдельными свойствами темперамента.
3. Отметка не играет мотивационной роли для подростков. Познавательные интересы доминируют над мотивационной направленностью на отметку.
4. Потребность в приобретении знаний подкреплена высокими показателями мотивационной направленности на успех.
5. Мотивационная направленность на успех и избегание неудач не вскрывает связи ни с одной из шкал экстравертированности и нейротизма, следовательно, не имеет связи с темпераментом.

Список литературы:

1. Божович Л.И. Проблемы развития мотивационной сферы ребенка [Текст] /Л.И. Божович //Изучение мотивации поведения детей и подростков /Под ред. Л.И. Божович, Л.В. Благонадежной. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/hrestomatia/28.php (дата обращения 05.08.2014)
2. Занюк С.С. Психология мотивации: Теория и практика мотивирования. Мотивационный [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://padaread.com/?book=30190 (дата обращения 02.08.2014)

3. Иванников В.А. Психологические механизмы волевой регуляции. - СПб.: Питер, 2006. -208 с.
4. Ильин Е. П. Мотивации и мотивы. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.twirpx.com/file/86050/ (дата обращения 18.03.2014)
5. Маркова А.К. Формирование мотивации учения: кн. для учителя [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://bookz.ru/authors/markova-ak/markovaak01.html (дата обращения 18.02.2014)
6. Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. - М.: Смысл, 2002. - 462 с.
7. Узнадзе Д. Н. Общая психология /Пер. с грузинского Е. Ш. Чомахидзе. - М.: Смысл; СПб.: Питер, 2004.-413 с.

ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ ПОТРЕБИТЕЛЯ

Перепелкина Н.О.
БФУ им. И. Канта, кафедра социально-культурного сервиса и туризма, доцент
Мутавчи Е.П.
БФУ им. И. Канта, кафедра социально-культурного сервиса и туризма, старший преподаватель

FEATURES NONVERBAL COMMUNICATION CONSUMER

Perepelkina Natalya, Immanuel Kant Baltic Federal University, Associate, Professor, Ph.D.,
Mutavchi Elikanida, Immanuel Kant Baltic Federal University, Social and cultural services and tourism , senior Lecturer

АННОТАЦИЯ

В статье подробно рассматриваются особенности поведения потребителя в процессе выбора товара. Тщательно изучаются невербальные средства общения с точки зрения такесики, проксемики, просодики и экстралингвистики. Даются рекомендации продавцам как правильно себя вести с тем или иным потребителем.

ABSTRACT

The article discusses in detail the behavior of the consumer in the process of product selection. Carefully studied nonverbal communication in terms takesiki, proxemics, prosody and ekstralingvistiki. Makes recommendations to sellers how to behave with a particular consumer.

Ключевые слова: потребитель, невербальное общение, жесты, мимика, рукопожатие, движение глаз, интонация, дистанция, смех.

Keywords: consumer, non-verbal communication, gestures, facial expressions, handshake, eye movement, tone, distance, laughing.

Невербальное общение потребителя зависит от его психического состояния и является индивидуальной особенностью самовыражения. Вербальное общение можно быстро скоординировать. Невербальное общение личность контролирует 4-5 секунд. Оно является менее пластичным и отражает сущность потребителя.

Учеными разработана классификация невербальных средств общения: такесика, проксемика, кинетика, просодика и экстралингвистика.

Таблица

Невербальное общение

Невербальные средства общения	Содержание
Такесика	Рукопожатие, поцелуи, похлопывания.
Проксемика	Ориентация в пространстве, дистанция между партнерами.
Кинетика	Поза, жесты, мимика, походка, направление движения глаз.
Проксодика и экстралингвистика	Интонация, громкость, пауза, тембр, смех, плач, кашель.

К такесическим средствам общения относят рукопожатие, похлопывания и поцелуи. Рукопожатие бывает трех видов: доминирующее – рука сверху, покорное – рука снизу, равноправное. Также ряд исследований говорят, что по рукопожатию можно определить как к вам относится собеседник. Сильное рукопожатие свидетельствует о серьёзном намерении, вялое рукопожатие показывает плохое настроение, болезненность, глубокое рукопожатие (другая рука хватает за локоть) характеризует расположенность, доверие к собеседнику. Также следует помнить, что существует ряд профессий, где сильное рукопожатие не приветствуется, так как может травмировать (художники, музыканты).

К проксемическим средствам относят способность человека ориентироваться в пространстве и выстраивать личностное пространство.

Ориентация в пространстве зависит от физического состояния человека. Также влияние оказывает взаиморасположение собеседников в момент общения. У каждого человека личностное пространство зависит от культуры, образования, статуса. Например, в Японии личностное пространство значительно сокращено, по сравнению с Европой.

Выделяют четыре дистанции: интимная (до 45 см.), личностная (от 45 до 120 см.), социальная (от 120 до 400 см.) и публичная (от 400 см. и выше).

Близкий человек не всегда будет допущен в интимную зону, так как это зависит от настроения собеседника. Часто мы можем наблюдать картину, когда собеседник двигается назад, в то время как другой приближается. Со стороны будет казаться, что пара танцует. А на самом деле один из партнером пытается сохранить свое пространство.

Кинетитические средства являются наиболее значимыми для зрительного восприятия собеседника. Они являются наиболее выразительными и читаемыми, так как проявляются в позе, жестах, походке, мимике.

Как правило, поза – положение человеческого тел, которое характерно для данной культуры. Учеными подсчитано, что человек может принять около тысячи поз. Культурные традиции провоцируют определенный ряд поз. Также по позе можно оценить социальный статус, самооценку, настроение.

По позе можно определить коммуникативный настрой: открытая или закрытая поза к общению. Закрытая поза характеризуется скрещиванием рук и ног. Открытая поза способствует психологическому комфорту, располагает к доверию и доброжелательности.

Если человек заинтересован в общении, он будет стремиться в сторону собеседника. Уверенный в себе человек всегда держится свободно, он будет спокойный и расслабленный.

Жесты – разнообразные движения рук, ног и головы. Условно мы можем разделить жесты на:

- жесты приветствия, прощания, привлечения внимания, утвердительные и отрицательные, т.е. те, которые мы используем чаще всего в процессе общения;
- жесты одобрения, неудовлетворения, доверия, рассеянности (такие жесты помогают нам выразить свое отношение и оценку к собеседнику);
- жесты, которые мы используем, подтверждая речь (дополняем речь показам руки).

В Италии, например, очень развита жестикуляция и если слова не подтверждаются жестами рук, то собеседники могут не понять друг друга.

Особую роль можно отвести мимике, так как она является основным информатором в передаче психического состояния. Большое значение имеет улыбка. Существует два вида улыбки: улыбка Дюшена и Пан Америка. Улыбка Дюшена является естественным проявлением чувств с морщинками вокруг глаз, а в улыбке Пан Америка работают челюстные мышцы.

Американские исследователи сделали заключение, что люди, улыбающиеся естественной улыбкой, более успешны в жизни, чем улыбкой Пан Америка.

Если говорить о мимике человека, то важную часть общения составляет взгляд человека. Даже на стадии формирования мысли зрачки неконтролируемо двигаются. Существует много теорий, что относительно движений глаз можно определить правду ли говорит собеседник.

Поэтому взгляд всегда передает точную информацию о психическом состоянии человека. Расширенный зрачок свидетельствует, что собеседник находится в возбужденном, приподнятом настроении или заинтересован в чем-то. Сердитое настроение заставляет зрачки сужаться.

Таблица

Виды взглядов, их характеристика

Взгляд и сопутствующие движения	Трактовка	Необходимые действия
Подъем головы и взгляд вверх.	Подожди минуту, подумаю.	Прервать контакт.
Движение головой и насупленные брови.	Не понял, повтори.	Усилить контакт.
Улыбка, возможно, легкий наклон головы.	Понимаю, мне нечего добавить.	Продолжить контакт.
Ритмичное кивание головой.	Ясно, понял, что тебе нужно.	Продолжить контакт.
Долгий неподвижный взгляд в глаза собеседнику.	Хочу подчинить себе.	Действовать по обстановке.
Взгляд в сторону.	Пренебрежение.	Уйти от контакта.
Взгляд в пол.	Страх и желание уйти.	Уйти от контакта.

Походка человека – это движения человека, которые отражают эмоциональное состояние в данный момент времени.

Исследования показали, что легкая походка свойственна радости, тяжелая походка – гневу, длинный шаг при гордости, шаркающая походка при угнетенном состоянии.

Проксодическими и экстралингвистическими средствами характеризуется поток речи, громкость и темп голоса. Когда мы восхищаемся, радуемся, то эмоции передаются в высокой тональности, гнев и страх – варьируется от эмоционального состояния, усталость – мягким голосом.

Большое значение в невербальном общении уделяется первому впечатлению. Как правило, при встречи собеседники обмениваются взглядом. Если вас игнорировали взглядом, то возникает чувство оскорбления. В тоже время, приветливый и открытый взгляд символизирует доверие и открытость.

Опытный собеседник всегда знает о необходимости приветствовать партнера открытым взглядом. Также необходимо следовать, что:

- взгляд имеет такую же силу внушения, как и слова («убить взглядом»);
- зрительный контакт не следует прерывать во время разговора.

Психологи выделяют 3 группы взглядов:

- деловой — это целеустремленный взгляд, направленный в район лба партнера по общению, способствует созданию деловой, официальной обстановке;
- светский — это взгляд, направленный в глаза или, как правило, ниже глаз собеседника, что характеризует стремление к непринужденной беседе;
- интимный — это оценивающий взгляд, стремящийся охватить овал между глазами и грудью собеседника.

В процессе общения взгляд всегда динамичен пропорционально эмоциональной заинтересованности в дискуссии.

Прямой открытый взгляд свидетельствует о желании общаться. Такой потребитель заинтересован в покупке. Он будет терпеливо слушать все ваши доводы и аргументы в пользу товара. Данный потребитель не будет сомневаться в ваших словах.

Если потребитель смотрит «вдаль», то это говорит о задумчивости и сомнении. Здесь необходимо опираться на надежность, достоинство, невысокую цену товара. Нельзя давить, а наоборот, стимулировать покупателя, что этот товар имеет большой спрос.

Взгляд направленный «сквозь» означает неуважение и агрессию. Такой потребитель не будет слушать ваши советы, так как настроен отрицательно. Вам необходимо аккуратно, ненавязчиво рассказать о товаре. Старайтесь быть обходительными и комплементами поднять настроение.

Потребитель смотрит уклоняющимся взглядом, значит, он испытывает робость. Тут необходимо поднять самооценку потребителю. Следует спросить, покупал ли он ранее похожие товары, сделать комплемент об удачном выборе.

Когда потребитель смотрит сверху вниз (при откинутой голове) – это символизирует о чувстве превосходства, высокомерии, что создает дискомфорт при общении. С таким потребителем не стоит долго разговаривать, так как он уже заранее определил предмет своей покупки. Необходимо просто быть вежливым и достойно выполнять свои обязанности.

Одним из наиболее эффективных способов определение искренности собеседника является наблюдение за его мимикой, позой, жестами.

Как правило, открытый взгляд с разведенными ладонями и опущенными руками свидетельствуют об искренности. Также, если держать ладони открытыми, потребителю трудно будет лгать. При демонстрации этого жеста важно обратить на положение ног: скрещенные ноги говорят: « Не спешите доверять!». Жест открытых ладоней очень показательный, но не стоит говорить об истинных чувствах, опираясь только на него.

Существует много других жестов, с помощью которых можно понять эмоциональное состояние потребителя.

Перед тем, как рассматривать другие жесты, вспомните трех обезьян, характеризующие высказывание: «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу!».

Говорящий неправду может прикрывать рот рукой, сжатым кулаком. Пытаясь скрыть свой жест, и придать непринужденность собеседник может притворно хихикать, покашливать. Для прикрытия рта может служить не обязательно рука, но и другие предметы (лист бумаги, карандаш, визитная карточка, воротник джемпера и т.д.).

Свидетельством обмана или несогласие с вами являются жесты – прикосновение к кончику носа или потирание верхней губы.

Если собеседник к вам плохо относится или хочет обмануть, он будет избегать встречного взгляда. Поэтому лгуны предпочитают прятать глаза, потирая веко.

А когда мы не хотим слышать ложь, будем: почесывать мочку уха, прикрывать ухо.

В процессе социализации человек способен поменять свои привычки, интересы, но и даже видоизменить темперамент. Что же касается навыков использования взгляда, то они неизменны. Приобретённые умения в детстве пользоваться взглядом помогают в общении на протяжении всей жизни. Визуальный контакт у мужчин и женщин различается. Женщины, как правило смотрят долго и прямолинейно, мужчины не любят долго концентрировать взгляд на каком-либо объекте, а воспринимают объект в целом. Также существует ошибочное мнение, что если человек прячет глаза, то он что-то скрывает или хочет вас обмануть. На самом деле самые великие обманщики имеют прямой, сильный взгляд. А вот «бегающий глаз» и подвижная мимика будет говорить о слабости характера, неуверенности в себе и возможно непорядочности. Существует определенное правило тренировки «сильно глаза». Это необходимо не только для хорошего зрения, но и для активации мозговой деятельности.

Таким образом, если вы хотите иметь хорошее зрение, высокие когнитивные способности и уметь дать отпор лжецам, то вам необходимо пользоваться данным упражнение:

1. Сядьте по удобней и закройте глаза.
2. Делайте движение глазами вправо и влево (16 раз).
3. Делайте движение глазами вверх и вниз (16 раз).
4. Делайте круговые движения глазами (8 раз в одну сторону и 8 раз в другую сторону).
5. Откройте глаза и сконцентрируйтесь на носу, а потом переводите взгляд вдаль (8 раз).

Данное упражнение также эффективно при головной боли.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ САМОРЕГУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТНОЙ АКТИВНОСТИ

Попова Юлия Ивановна

канд. психол. наук, доцент Кубанского Государственного Университета

AXIOLOGICAL ASPECTS OF SELF-REGULATIVE ACTIVITY

Popova Yulia, Candidate of science, associate professor of Kuban State University, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты исследования содержания аксиологических ценностей личности и их взаимосвязи со смысложизненными ориентациями (на примере студентов социономических специальностей).

ABSTRACT

Study of the specifics, correlations and connections of axiological content of the personality and life-meaning orientations (of the students of socionomic specialties).

Ключевые слова: аксиологические ценности, смысложизненные ориентации, корреляционный анализ, саморегуляция.

Keywords: axiological values of personality, life-meaning orientations, correlation, self-regulation.

Обучение в Вузе, как один из основных этапов профессионализации и социализации, предоставляет молодежи выбор определенных направлений активности и возможность дальнейшего развития таких ценностей, которые в результате складываются в ценностную структуру личности, уникальную для каждого человека, но имеющую сходные черты у людей одной направленности.

Современные представления об аксиологической направленности личности показывают, что существует тесная взаимосвязь смысложизненных ориентаций и аксиологической направленности личности, которая проявляется через взаимное влияние аспектов личностной направленности и смысложизненных ориентаций. В данной статье представлены результаты исследования взаимосвязи смысложизненных ориентаций и аксиологической направленности личности на примере студентов социономических специальностей – таких, как «Социальная педагогика» и «Педагогика и психология». В исследовании приняло участие 55 человек, из них 20 юношей и 35 девушек в возрасте 19-21 год. Достоверных различий между выборками юношей и девушек обнаружено не было, что при анализе результатов позволило объединить испытуемых в одну группу.

Относительно выраженности смысложизненных ориентаций и аксиологических ценностей в среднем по группе можно сказать следующее. Все ценности аксиологической направленности у испытуемых находятся на достаточно высоком уровне выраженности, что характеризует их как людей с четким осознанием ценностей, которые задают направленное отношение к окружающему миру и являются ориентирами деятельности для личности. Все жизненные сферы являются значимыми, причем гуманистическая значимость оценивается выше, чем прагматическая.

Для выявления взаимосвязей аксиологических ценностей и смысложизненных ориентаций был предпринят анализ в двух направлениях: где в качестве различительных признаков использовались показатели аксиологической направленности (десять видов ценностей), показатели значимости жизненных сфер с точки зрения гуманистической и прагматической направленности (десять показателей), а затем в качестве различительных признаков использовались показатели смысложизненных ориентаций.

В результате анализа полученных данных с применением критерия r Пирсона было выявлено, что направленность на рефлексию фактов жизни, на объяснение происходящих с ними событий, на сознательное планирование своей деятельности, поведения и всех жизни, осмысление объективной реальности в развернутой внутренней речи способствует восприятию процесса жизни как интересного и наполненного смыслом; показывает удовлетворенность прожитым отрезком жизни; способствует формированию представления о себе как о сильной личности, обладающей контролем и свободой выбора; укрепляет убеждение в том, что человеку дано контролировать свою жизнь, свободно принимать решения и воплощать их в жизнь; и помогает воспринимать собственную жизнь как осмысленную.

В результате анализа полученных данных с применением критериев Н Краскалла – Уоллеса и U Манна – Уитни выявлено влияние смысложизненных ориентаций на аксиологические ценности, которое выражается в следующем.

Средняя выраженность осознанности жизненных целей обусловливает достаточно высокую прагматическую оценку материального благополучия, направленность на соответствующую рефлексию происходящих событий, сознательное планирование своей деятельности, направленность на повышение уровня своей образованности и расширение кругозора.

Значительная выраженность интереса к жизни и осознание ее насыщенности обусловливает гуманистическую направленность на социальные контакты, высокую прагматическую оценку материального благополучия, ценность психической активности и саморегуляции, и сознательного планирования своей жизни.

Выраженная гуманистическая направленность на духовную удовлетворенность и социальные контакты обусловливает высокие оценки значимости пройденного отрезка жизни. При этом ценность психической активности прямо пропорциональна связана с оценкой прожитого отрезка жизни – у испытуемых со средней выраженностью оценок прожитого периода жизни прагматическая оценка материального благополучия более выражена, чем у испытуемых, низко оценивающих значимость прожитого периода.

Представления о себе как о сильной личности, обладающей достаточной свободой выбора, чтобы построить свою жизнь в соответствии со своими целями и представлениями о ее смысле обусловливает четкое осознание ценности собственной саморегуляции и психической активности. Прагматическая ценность материального благополучия пропорциональна оценке силы собственной личности.

Гуманистическая направленность на социальные контакты и осознание ценности саморегуляции связаны с оценкой управляемости собственной жизни и значительно выражены у испытуемых, высоко оценивающих управляемость жизни.

У испытуемых, высоко оценивающих общую осмысленность жизни, ценность психической активности выше, чем у испытуемых, оценивающих управляемость жизни как среднюю.

Влияние аксиологических ценностей и значимости жизненных сфер на смысложизненные ориентации выражается в следующем.

Высокие оценки значимости образования и развития кругозора связаны с четкими представлениями о силе

своей личности, высокими оценками значимости общественных отношений и собственной самореализации.

У испытуемых с выраженной направленностью на духовное удовлетворение отмечены четкое осознание целенаправленности жизни, удовлетворение самореализацией, осознание силы собственной личности, осознание управляемости и осмысленности жизни. В то же время у испытуемых с низкой направленностью на духовное удовлетворение представления о силе собственной личности и осмысленности жизни более четкие, чем у испытуемых со средней направленностью на духовное удовлетворение.

Высокая креативность связана с четкими представлениями об осмысленности жизни выше.

Высокая значимость благоприятных отношений с людьми, интерес и эмоциональная насыщенность жизни, довольство самореализацией и ощущение управляемости жизни более выражены у испытуемых с выраженным интересом к социальным контактам.

У испытуемых с выраженной прагматической направленностью на престиж представление о целенаправленности жизни и довольство самореализацией выше, чем у испытуемых, у которых стремление к престижу, признанию и одобрению со стороны других, выражено в средней степени.

У испытуемых, высоко ориентированных на достижение ощутимых и конкретных результатов, представление о целенаправленности жизни, эмоциональная насыщенность жизни и интерес к ней, осознание управляемости и осмысленности жизни выше, чем у испытуемых, ориентированных на прагматические достижения в средней степени; а удовлетворение пройденным отрезком жизни выше, чем у испытуемых, низко оценивающих прагматическую значимость достижений.

Выраженная направленность на рефлексию жизненных событий и сознательное планирование своей деятельности обусловливают четкое понимание целенаправленности жизни, ее управляемости, осмысленности, довольство самореализацией и пройденным отрезком жизни, представления о силе своей личности, интерес и эмоциональную насыщенность жизни.

Взаимосвязи смысложизненных ориентаций с аксиологическими ценностями показывают, что чем четче испытуемые осознают важность планирования и постановки конкретных целей, прагматически подходят к оценке своих возможностей по их достижению, ориентируются на ощутимые результаты деятельности, тем конкретнее ими осознается общая целенаправленность их жизни.

Таким образом, можно заключить, что взаимосвязь смысложизненных ориентаций, аксиологических ценностей и значимости различных жизненных сфер проявляется через тесное влияние выявленных характеристик друг на друга. При этом чем на более высоком уровне осознанности находится человек, тем лучше он осознает инструментальные возможности управляемости своей жизни и тем лучше может направлять этот процесс.

Список литературы:

1. Капцов А.В., Карпушина Л.В. Аксиологическая направленность личности: руководство по применению теста. Самара: Содружество, 2007. — 40 с.
2. Карпушина Л.В. Структура жизненных ценностей различных социальных групп студентов вузов: дис. … канд. психол. наук. Самара, 2003. — 182 с.
3. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. — 17 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Прокопьева Наталья Юрьевна

канд.психол.наук, доцент Северо-восточного федерального университета им. М. К. Аммосова, г. Якутск

SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION

Prokopeva Natalia, Candidate of psychological Sciences, associate professor of the North-Eastern Federal University in Yakutsk, Russian Federation

АННОТАЦИЯ

Основополагающей задачей высшего образования является подготовка высококлассных, конкурентоспособных специалистов. На достижение этой цели направлен весь образовательно-воспитательный процесс, организатором которого выступает преподаватель. Сегодня высшее образование сталкивается с некоторыми трудностями в реализации данной цели. Во-первых, мотивационная проблема, недостаточная заинтересованность студентов в овладении профессиональной деятельностью. Во-вторых, проявление отчужденности в процессе обучения. Отчужденность в процессе обучения проявляется, в первую очередь, в дистанцированности от предмета профессионального труда, чему способствует и немотивированность самого субъекта, во-вторых, не включенность в саму образовательную деятельность и не заинтересованность в её результатах, в-третьих, во взаимодействии, в межличностных отношениях. В работе рассматривается именно третий аспект. Основные формы педагогической деятельности протекают в форме межличностного взаимодействия и то насколько они будут эффективны, зависит успех деятельности. Важнейшей отличительной чертой межличностных отношений является их эмоциональная основа. В работе было высказано предположение о том, что на межличностные отношения оказывает влияние эмоциональный интеллект, как способность отслеживать собственные и чужие эмоции, различать их и использовать эту информацию для направления поведения и деятельности.

ABSTRACT

Fundamental task of higher education is to train highly qualified competitive specialis. The whole educational process organized by professor is aimed to achieve this goal. Today higher education faces some difficulties in achieving the goal stated above. Firstly, the motivation problem and students' lack of interest in acquiring professional activity. Secondly, revealing

aloofness in learning process, what shows up in the following: distancing from the subject of professional work caused by amotivational subject him/herself, exclusion from educational process and disinterestedness in its results and interaction, interpersonal attitudes. This study deals with the last aspect mentioned. Basic forms of educational process take place in the form of personal interaction and the success of the process depends on the efficiency of interaction. The key distinguishing feature of personal interaction is the emotional basis. This study suggests that personal interaction is influenced by emotional mentality as an ability to follow up own and another's emotions, distinguish them and use information gained to guide behavior and activity.

Ключевые слова: высшее образование, мотивация, профориентационная работа, отчуждение, субъект профессиональной деятельности, межличностные отношения, преподаватель, эмоциональный интеллект

Keywords: higher education, motivation, career-guidance, aloofness, the subject of professional work, interpersonal relations, professor, emotional mentality

Все больший интерес проявляет российское общество к системе высшего образования. Сегодня все понимают, что образование есть залог процветания и развития общества, поэтому все, что происходит в сфере высшего образования вызывает огромный интерес и острейшие дискуссии в обществе.

Реформирование высшего образования идет уже не первый год, но вопросов, больше чем ответов. Современное трансформирующееся общество требует серьезных изменений от системы образования, изменения, происходящие в обществе должны отражаться в ней. С другой стороны, общество должно быть готовым к принятию и поддержанию этих изменений. Что происходит сегодня, с какими проблемами\трудностями сталкивается высшее образование? На наш взгляд, их несколько. Во-первых, мотивационная проблема. Если высшее образование рассматривать как систему, которая имеет «вход-процесс обучения-выход», то на «входе» мы имеем абитуриента, который сдал документы на несколько специальностей (куда позволяют результаты ЕГЭ), иногда эти специальности сильно отличаются по своей направленности. В итоге он зачисляется туда, куда прошли документы, при этом, не всегда имея четкое представление о «выбранной» профессии. Таким образом, на «входе» мы имеем уже студента, профессиональная мотивация которого заменена результатами ЕГЭ. Не хочется обвинять всех огульно, но с каждым годом критическая масса таких людей увеличивается. Практически получается, что первичная профориентационная работа перекладывается на Вуз. Профориентация всегда проводилась и проводится в Вузе, но она имеет другую специфику.

Как результат такой профориентационной работы, в первом семестре иногда происходит колоссальный отсев студентов, которые проучившись два-три месяца начинают понимать, что явно не туда попали, что это не их судьба. Есть и другая категория студентов, которые не скрывают, что они не будут работать по специальности, а учатся только ради диплома. Это подтверждается многочисленными исследованиями, что мотив получения диплома является одним из ведущих. Причем эта тенденция имеет свою динамику, после третьего курса мотив «приобретения знаний» и мотив «получения профессии» начинают резко сдавать свои позиции.

Вторая проблема, на наш взгляд, более глубинная и связанна с реформированием общества. Продолжим рассматривать систему «вход-процесс обучения-выход». В процессе обучения мы имеем делом с субъектом\личностью далеким от предмета своего профессионального труда. Практически мы имеем дело с ситуацией, изложенной еще К. Марксом, согласно которому, если труд, как основной вид деятельности, направлен на удовлетворение своих социальных и биологических потребностей, а не является его целью, средством самореализации, то это ведет к отчуждению человека от процесса и результата труда. Таким образом, мы имеем отчужденного субъекта обучения. Проблема отчуждения не нова для гуманитарной науки. Проблема отчуждения рассматривалось в трудах немецких философов И. Канта, Л. Фейербаха и Г. Гегеля. К. Маркса. В начале XX века Г. Лукач рассматривая проблему отчуждения, связал её с процессом овеществления. М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе видели отчуждение как проблему внешнего и внутреннего мира человека. М. Вебер говорил о бюрократизации общества, что ведет к отчужденности в повседневной жизни. Э. Дюркгейм связывал отчуждение с аномией, при котором индивид испытывает чувство растерянности и подавленности. Помимо них, явление отчуждения изучали в своих исследованиях Г. Зиммель, А. Лефевр, Ч.Миллс, Р.Нис.

Отчужденность в процессе обучения проявляется, в первую очередь, в дистанцированности от предмета профессионального труда, чему способствует и немотивированность самого субъекта, во-вторых, не включенность в саму образовательную деятельность и не заинтересованность в её результатах, в-третьих, во взаимодействии, в межличностных отношениях. Остановимся более подробно именно на третьем аспекте. Экспериментальные исследования проблемы эффективного педагогического общения (И.А. Зимняя, Я.Л.Коломинский, А.А. Леонтьев и др.) убедительно доказывают, что среди многих задач, встающих перед педагогом, наиболее трудными и сложными оказываются задачи, связанные с общением. Многие педагогические трудности связаны не с недостатком научно-методической подготовкой преподавателя, а именно с деформацией сферы профессионально-педагогического общения. Ведь в процессе педагогического взаимодействия происходит обмен не только знаниями, умениями и навыками, а осуществляется влияние на все личностные структуры. Поэтому некоторые исследователи утверждают, что использование дистанционных форм обучения усугубляет процесс отчуждения, т.к. нет непосредственного взаимодействия, нивелируется влияние личности преподавателя на обучающегося. В процессе обучения нельзя недооценивать роль преподавателя, который выполняет роль катализатора многих процессов, в том числе и отчуждения.

Основой межличностных отношений является эмоциональная чувствительность, умение контролировать свои эмоции и отражать чувства других. В данном случае мы говорим об эмоциональном интеллекте, как способности отслеживать собственные и чужие чувства и эмоции, различать их и использовать в деятельности и поведении. Для преподавателя это является профессионально важным качеством, наряду с владением приемами убеждения и влияния.

В исследовании приняли участие 114 человек, преподавателей высшей школы, имеющих разный профессиональный стаж, в возрасте от 25 до 58 лет. В результате исследования были выделены три группы. Первая группа (33%) продемонстрировала высокий уровень эмоционального интеллекта, что позволяет им демонстрировать адаптивное межличностное взаимодействие. Высокий уровень эмпатии обеспечивает безоценочное и деликатное общение, эффективная обработка эмоциональной информации помогает устанавливать и поддерживать новые контакты. Кроме того, отмечается положительная корреляционная связь между высоким уровнем эмоционального интеллекта и такими межличностными тенденциями как «независимость», «общительность», «принятие борьбы». Человек имеет собственную точку зрения и способен её отстаивать, при этом воспринимает и может понять точку зрения другого, способен идентифицировать эмоции других и в соответствии с ними выстраивать свое поведение, испытывать те или иные эмоции в ответ на эмоции других, общаться или действовать на основе внутреннего опыта, что обеспечивает эффективную коммуникацию.

Вторая группа продемонстрировала промежуточный уровень развития эмоционального интеллекта (33%), т.е. некоторые парциальные характеристики являются достаточно развитыми, а другие нет. Например, неспособность управлять своими эмоциями, жесткость, алгоритмизированность во взаимоотношениях явно не способствуют возникновению доверительных отношений, что вызывает непонимание и конфликты. При этом они обладают высокой эмоциональной осведомленностью, умением распознавать эмоции других. Преподаватели этой группы продемонстрировали такие межличностные тенденции как «зависимость», «общительность», «принятие борьбы».

В третьей группе, с низким уровнем эмоционального интеллекта (34%), наблюдается закрытость, стремление к минимизации контактов, некоторое обособление. Низкий уровень эмпатии проявляется в неспособности ориентироваться на индивидуальные особенности, как группы, так и индивидуальной личности, что не стимулирует интерес к профессиональной деятельности. Низкий уровень эмоционального интеллекта связан с такими межличностными тенденциями как «зависимость», «необщительность», «избегание борьбы», что выражается в эмоциональной ригидности, в неумении и нежелании управлять своими эмоциями. На занятиях у такого преподавателя акцент смещается к собственной личности, а не на формирование профессионала, передачи специальных знаний и умений, в результате студент неспособен рефлексировать в отношении пройденного материала и знания не имеют возможности перейти в зону сознания, оставаясь в периферийной зоне. В итоге мы имеем низкую мотивацию студентов и неудовлетворенность преподавателя результатом своей деятельности. Сам он склонен объяснять неудачи образовательного процесса внешними факторами, например, нежеланием студентов учиться и заботиться о своем будущем. Основные формы педагогической деятельности протекают сегодня в форме непосредственного взаимодействия, и его эффективность непосредственно влияет на конечный результат. Трудности в общении и неумение преподавателя с ними справиться может приводить к отторжению, непринятию своей будущей профессии.

Итак, прошли годы обучения, процесс завершен. Что мы имеем на «выходе»? А здесь мы имеем то, что уровень образованности никак не связан с уровнем доходов. Человек имеет высшее образование (иногда и два, и даже три, и научные степени), а может получать значительно меньше, чем человек со средним образованием. В этой ситуации самое главное видеть перспективу роста, если она есть, то человек идет в профессию, если нет, то он будет искать там, где лучше.

Таким образом, отчуждение в современном высшем образовании - это системная характеристика, её невозможно объяснить и преодолеть лишь единичными мероприятиями. Необходимы изменения, как на макро-, так и на микро- уровнях. Образование и образованность должны стать ценностью и высоко котироваться в обществе. С другой стороны, необходимо повышение статуса преподавателя в обществе, создание достойных условий для работы, но в тоже время необходимо повышение требований и к самому преподавателю, что неизменно приведет к повышению качества обучения.

Список литературы:

1. Леонтьев А.А. Психология общения. Тарту, 1973.–290 с.
2. Петровский В.А., Полевая М.В. Отчуждение как феномен детско-родительских отношений/В.А. Петровский//Вопросы психологии. –2001. –№1 –Стр.19-26

ГОТОВНОСТЬ УЧИТЕЛЕЙ К РЕАЛИЗАЦИИ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ВАРИАНТЫ РЕШЕНИЯ.

Пугачёва Наталья Александровна.
Аспирантка кафедры Психологии и Педагогики профессионального образования.

WILLINGNESS OF TEACHERS TO IMPLEMENT INCLUSIVE EDUCATION: PROBLEMS AND SOLUTIONS.

Natalia Pugacheva, Postgraduate student, Department of Psychology and Pedagogy of professional education.

Аннотация.

Инклюзивное образование - наиболее передовая система обучения детей с ограниченными возможностями здоровья, основанная на совместном обучении здоровых детей и детей-инвалидов.

Обучаясь вместе, дети учатся жить вместе, стираются границы между инвалидами и здоровыми людьми. Ведь причиной инвалидности являются не столько медицинские проблемы, связанные с состоянием здоровья человека, сколько то состояние развития общества, которое своими барьерами препятствует реализации прав и свобод людей с нарушениями здоровья. Разрушение барьеров при получении образования приводит к объединению общественного пространства инвалидов и здоровых людей, меняется отношение к инвалидности: она считается не пороком, а особенностью того или иного человека.

Понятие «инклюзивное образование» сформировалось из убеждения в том, что образование является основным правом человека и что оно создает основу для более справедливого общества. Все учащиеся имеют право на образование, независимо от их индивидуальных качеств или проблемы.

Мировое сообщество считает, что люди с инвалидностью имеют такие же права, как и все остальные граждане, и они должны иметь равные возможности в реализации этих прав. Сегодня задача государства и общества – сделать так, чтобы все дети могли получить образование и жить максимально полноценно, вне зависимости от возможностей здоровья. Система инклюзивного образования позволяет в полной мере реализовать образовательные права детей с ограниченными возможностями здоровья.

Abstract

Inclusive education - the most advanced system of education for children with disabilities, based on co-education of healthy children and children with disabilities.

Studying together, children learn to live together, boundaries between people with and without disabilities. After the cause of disability are not so much medical problems related to human health as a state of society, which, with its barriers hindering the implementation of the rights and freedoms of people with disabilities. Breaking down barriers in education leads to the unification of the public space disabled and healthy people, changing attitudes to disability: it is not considered a vice, and especially of a person.

The concept of "inclusive education" was formed on the belief that education is a basic human right, and that it provides a basis for a more equitable society. All students have the right to education, regardless of their individual characteristics or problems.

The world community believes that people with disabilities have the same rights as all other citizens, and they should have equal opportunities to exercise these rights. Today, the task of the state and society - to make sure that all children can get an education and to live fully as possible, regardless of the health challenges. Inclusive education system can fully realize the educational rights of children with disabilities.

Ключевые слова: инклюзия; инклюзивное образование.

Keywords: inclusion; inclusive education.

Современная система образования полноценно принимает в себя только тех, кто отвечает её определенным требованиям, детей со стандартными возможностями, способными обучаться по общей для всех программе и показывать результаты успеваемости, нормальные для всех. В результате нередко получается, что дети с особыми образовательными потребностями выпадают из общего образовательного процесса, так как для работы с ними педагогический состав общеобразовательных учреждений не обладает необходимыми знаниями в области коррекционной и специальной педагогики. Эту и множество других проблем в современной школе призвано решить инклюзивное образование.

Так что же такое инклюзивное образование? Инклюзивное образование (французский вариант «inclusif» – включающий в себя; от латинского слова «include» – заключаю, включаю) – процесс развития общего образования, который подразумевает доступность образования для всех, в том числе и для детей с особыми потребностями. В основу инклюзивного образования заложена идеология, исключающая любую дискриминацию детей и обеспечивающая отношение ко всем людям как кравным, но и при этом создает необходимые условия для детей, которые имеют особые образовательные потребности. Именно на это направлена национальная образовательная инициатива «Наша новая школа», выдвинутая президентом Дмитрием Анатольевичем Медведевым: «Новая школа – это школа для всех. В любой школе будет обеспечиваться успешная социализация детей с ограниченными возможностями здоровья, детей-инвалидов, детей, оставшихся без попечения родителей, находящихся в трудной жизненной ситуации». [4]

В наше время инклюзивное образование, становясь реальностью, неуклонно «приобщает» и «втягивает» в себя все страны мира. Но, в тоже время, интенсивно входя в практику, инклюзивное образование ставит перед образовательной системой большой ряд сложных вопросов и новых задач. В отличие от зарубежной системы образования, в которой инклюзия имеет богатый опыт и законодательное закрепление, наша отечественная инклюзия только начинает складываться и развиваться. В настоящее время 4,5 % детей, проживающих в России, относятся к категории лиц с ограниченными возможностями здоровья и нуждаются в специальном (коррекционном) образовании, отвечающим их особым образовательным потребностям..Но, к сожалению, в настоящее время в нашей стране рынок образовательных услуг для детей с ограниченными возможностями здоровья чрезвычайно узок, в небольших городах и селах дети с ограниченными возможностями чаще всего остаются вне системы образования по сугубо экономическим причинам. Традиционной формой обучения детей с ограниченными возможностями здоровья остаются специальные (коррекционные) образовательные учреждения. Значительная часть затруднений в обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями связана с острым дефицитом квалифицированных кадров: педагогов-дефектологов, психологов, воспитателей и социальных педагогов, недостаточным уровнем их подготовки. Ведь инклюзия охватывает глубокие социальные аспекты жизни школы: создается моральная, материальная, педагогическая среда, адаптированная к образовательным потребностям любого ребенка, которую возможно обеспечить только при тесном сотрудничестве с родителями, в сплоченном командном взаимодействии всех участников образовательного процесса. [2] Здесь должны работать люди, готовые изменяться вместе с ребенком и ради ребенка, причем не только «особого», но и самого обычного. Для детей с ОВЗ принцип инклюзивного образования означает, что разнообразию потребностей учащихся с ограниченными возможностями здоровья должна соответствовать образовательная среда, которая

является для них наименее ограничивающей и наиболее включающей. Реализация этого принципа означает, что:

Все дети должны быть включены в образовательную и социальную жизнь школы по месту жительства;

Задача инклюзивной школы – построить систему, удовлетворяющую потребности каждого;

В инклюзивных школах все дети, а не только дети с инвалидностью, должны обеспечиваться поддержкой, которая позволяет им быть успешными, ощущать безопасность и уместность.

Инклюзивное образование само по себе организовать невозможно, оно связано с изменениями на ценностном, нравственном уровне. Проблемы его организации в современной школе связаны в первую очередь с тем, что школа как социальный институт ориентирована на детей, способных двигаться в темпе, предусмотренном стандартной программой, на тех, для кого достаточными являются типовые методы педагогической работы.

Мною была предпринята попытка анализа степени готовности к реализации инклюзивного образования учителей в одной из школ Тульской области (Венёвский район, посёлок Грицовский) Исследование было проведено методом анкетного опроса учителей общеобразовательной школы, в котором приняли участие 30 педагогов (из них 9 чел. – педагоги начальной школы, 21 чел. – педагоги основной ступени)

Информационная осведомлённость учителя об основных положениях инклюзивного образования является основой для его профессиональной позиции. Данные опроса показали, что 95% респондентов либо не знакомы с основными положениями и принципами инклюзивного образования, либо заявляют о недостатке информации по этому вопросу, либо вообще слышат об инклюзии впервые.

Основные опасения педагогов связаны с пониманием собственного дефицита в знаниях в области коррекционной педагогики, с незнанием форм и методов работы с детьми с нарушениями в развитии. Педагоги общеобразовательной школы, которые сталкивались с детьми с нарушениями развития, старались таких детей поскорее отправить в коррекционные классы или организовать обучение на дому. Данные опроса показывали, что педагоги Грицовской СОШ испытывают острый дефицит в знаниях в области коррекционной педагогики. Вследствие чего,87 % педагогов не готовы применять элементы коррекционной педагогики в своей повседневной практике. На вопрос о «внедрении инклюзивного образования в нашей школе» почти все учителя ответили резко отрицательно, ссылаясь на недостаточную компетентность в этом вопросе, нехватку кадров и необорудованность нашей школы. Около 45% учителей сказали следующее «больные дети должны учиться отдельно, чтобы не чувствовать свою ущербность» и «мы не готовы взвалить на себя это бремя»

Базовым психологическим процессом, влияющим на эффективность деятельности учителя, который занимается включением ребёнка с особенностями в развитии в процесс общего образования, становится эмоциональное принятие такого ребёнка. Эмоциональное принятие имеет профессиональный «барьер» - учитель психологически не принимает того ребёнка, в успешности обучения которого он не уверен. Он не знает, как оценивать его индивидуальные достижения, каким способом проверять его знания. На вопрос о возникновении «непонимания» между учителем и «другим» ребёнком 80% учителей ответили так: «такие дети заведомо не смогут оставить учебную программу массовой школы, для них чаще всего необходимо специальное построение индивидуального образовательного маршрута и использование иной программы обучения, что для педагога общеобразовательной школы крайне сложно. В работе с такими детьми необходимо учитывать иные образовательные цели.»

Как же выглядит ситуация готовности учителя в МОУ Грицовская СОШ по включению того или иного ребёнка с особенностями развития в общеобразовательный процесс?

Исследование показало, что уровень готовности включения детей с различными видами заболеваний в учебную деятельность обычной общеобразовательной школы достаточно низкий. Все, опрошенные мною педагоги, считают, что для развития инклюзивного подхода в общем образовании необходима разработка общепедагогических технологий, моделей развивающего урока, технологий поддержки и детского сотрудничества, вовлечения родителей в педагогический процесс.

При анализе готовности педагогов составить свою программу по работе с «другими» детьми 60% согласились составить такую программу, а 40% отказались, ссылаясь на полную некомпетентность по этому вопросу.

Я считаю, что основным психологическим «барьером» является страх перед неизвестным, страх вреда инклюзии для остальных участников процесса, негативные установки и предубеждения, профессиональная неуверенность учителя, нежелание изменяться, психологическая неготовность к работе с «особыми» детьми. Это ставит серьезные задачи не только перед психологическим сообществом сферы образования, но и методическими службами, а главное – перед руководителя образовательных учреждений, реализующих инклюзивные принципы. Педагоги общего образования нуждаются в специализированной комплексной помощи со стороны специалистов в области коррекционной педагогики, специальной и педагогической психологии, которая обеспечит понимание и реализацию подходов к индивидуализации обучения детей с особыми образовательными потребностями, в первую очередь – это работать с детьми с разными возможностями в обучении и учитывать это многообразие в своем педагогическом подходе к каждому.

Учителя, которые уже имели опыт работы по принципам инклюзивного образования, разработали следующие способы борьбы с «барьерами»:

- Принимать учеников с инвалидностью «как любых других ребят в классе»;
- Включать их в те же активности, хотя ставить разные задачи;
- Вовлекать учеников в групповые формы работы и групповые решения задач;
- Использовать активные формы обучения – манипуляции, игры, проекты, лаборатории, полевые исследования.

Инклюзивное образовательное сообщество во многом изменяет роль учителя. Липски и Гартнер (Lipsky D.K., Gartner A.) считают, что учителя способствуют активизации потенциала учащихся, сотрудничая с другими

преподавателями в междисциплинарной среде без искусственного разграничения между специальными и массовыми педагогами. Они вовлекаются в разнообразные виды общения с учениками, благодаря чему узнают каждого индивидуально. Кроме того, учителя участвуют в широких социальных контактах вне школы, в том числе с социальными ресурсами поддержки и родителями. Такая профессиональная позиция учителя позволяет ему преодолеть свои опасения и тревоги, выйти на совершенно новый уровень профессионального мастерства, понимая своих учеников и своё призвание. [1]

В заключение хотелось бы сказать :

- Ценность человека не зависит от его способностей и достижений;
- Каждый человек способен чувствовать и думать;
- Каждый человек имеет право на общение и на то, чтобы быть услышанным;
- Разнообразие усиливает все стороны жизни человека;
- Подлинное образование может осуществляться только в контексте реальных взаимоотношений;
- Все люди нуждаются в поддержке и дружбе ровесников;
- Для всех обучающихся достижение прогресса скорее может быть в том, что они могут делать, чем в том, что не могут;
- Все люди нуждаются друг в друге.

Соблюдая эти 8 «заповедей» мы подойдём намного ближе к решению проблем инклюзивного образования.

Так же необходимо сказать, что все дети, несмотря на физические, социальные, интеллектуальные и другие особенности, должны быть обязательно включены в систему образования и воспитываться со своими сверстниками. Но как показывает зарубежный опыт, для реализации поставленных целей потребуется много времени, а главное – участие и взаимодействие всех взрослых участников образовательного процесса, работающих с ребенком с особыми образовательными потребностями, т.к. только при этом условии возможно решение проблем инклюзивного образования.

Инклюзивное образование – прогрессивный способ обучения, имеющий большие перспективы в современном обществе, и это дает надежду, что каждый ребенок с ограниченными возможностями здоровья сможет реализовать право на получение качественного образования, адаптированного к его возможностям и потребностям, найти свое место в жизни.

Литература.

1. 1«Инклюзия и школьная реформа: трансформация американских классов». Под ред. Липски Д.К. (Lipsky D.K.) и Гартнер А. (Gartner A.). Балтимор: Издательство «Paul H. BrookesPublishingCo».и реализовать свой жизненный шанс и потенциал.
2. Назарова Н. Интегрированное (инклюзивное) образование: генезис и проблемы внедрения // Социальная педагогика. - 2010. - № 1.
3. Романов П. В., Ярская-Смирнова Е. Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006.
4. Федеральный государственный стандарт начального общего образования. http://mon.gov.ru/pro/fgos/noo/pr_fgos_2009_of_1n_01.pdf
5. Федотенко И.Л. Становление психолого-педагогической компетентности будущих учителей, необходимой для сотрудничества с родителями школьников в инклюзивном образовании: Моногр. Тула: Изд-во Тул. гос. пед.ун-та им.Л.Н.Толстого, 2011.

СИСТЕМА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБУЧЕНИИ И РАЗВИТИИ РУКОВОДИТЕЛЕЙ СОВРЕМЕНЫХ КОМПАНИЙ: РОЛЬ И ВОЗМОЖНОСТИ

Серегина Татьяна Николаевна

кандидат психологических наук, доцент, кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанского государственного университета, г. Краснодар

SYSTEM OF PROFESSIONAL EDUCATION IN TRAINING AND DEVELOPMENT OF LEADERS MODERN COMPANY: ROLE AND OPPORTUNITIES

Seregina Tatiana, Candidate of Psychological sciences, Docent department of Social Psychology and Sociology of Management, Kuban State University, Krasnodar

АННОТАЦИЯ

В данной статье представлен опыт обучения и развития управленческого состава ряда предприятий, возможности и роль системы профессионального образования в повышении квалификации, развитии управленческих компетенций руководителей на примере нескольких предприятий Южного Федерального Округа России.

ABSTRACT

This article presents the experience of training and development management of some company's opportunities and role of system of professional education in improving skills, the development of management skills leaders at on the example of several companies of the Southern Federal District of Russia.

Ключевые слова: обучение и развитие руководителей, управленческие компетенции, система профессионального образования.

Keywords: training and development of leaders, management skills, the system of professional education.

Сегодня нет организации, в которой вопросы подготовки управленческих кадров, работа по оценке и отбору, развитию и подготовке руководителей, способных обеспечить эффективность деятельности компании, не были бы актуальны. Формирование руководящего состава, способного решать, как производственные, так и управленческие задачи - одна из важнейших функций кадровой политики, от качества реализации которой зависит управленческий потенциал каждой организации и ее конкурентоспособность на рынке.

Современное развитие экономических отношений и динамичные изменения во всех сферах нашего общества, изменения в организации управленческого труда и повышение требований к эффективности деятельности руководителей различного уровня поставили перед работниками служб управления персоналом ряд проблем, которые требуют комплексного и системного подхода для своего решения. Предприятию сегодня в первую очередь нужен управленец, который владеет не только профессиональными узкоспециальными знаниями и навыками, но и обладает рядом управленческих компетенций, например, способен за частностями видеть весь бизнес-процесс организации, способный к эффективному управлению людьми, формированию команд, умеющий действовать в условиях неопределенности, принимать оптимальные управленческие решения.

В данной статье представлен опыт обучения и развития руководителей ряда предприятий, возможности и роль системы профессионального образования в повышении квалификации, развитии управленческих компетенций руководителей на примере предприятий южного федерального округа России.

На наш взгляд, в современных условиях система профессионального образования могла бы взять на себя роль интегрирующего, связующего звена, обеспечивающего взаимодействие организаций и предприятий реального сектора экономики с системой профессионального образования, в частности:

- во-первых, в решении задач определения и коррекции содержания образовательных программ в соответствии с потребностями работодателей;
- во-вторых, в сфере формирования профессиональных стандартов оказания образовательных услуг и критериев их оценки. При этом, образовательные программы будут успешны, на наш взгляд, только в том случае, если образовательное учреждение имеет высококлассных преподавателей, сочетающих высокий академический уровень с хорошим знанием практики;
- в-третьих, в налаживании контактов с потенциальными работодателями с целью, как выявления потребностей в обучении и развитии руководителей, так и удержания квалифицированных преподавателей в системе образования путем их привлечения к оказанию образовательных и консалтинговых услуг на предприятиях и в учреждениях как государственного, так и частного сектора. Требования современной реальности таковы, что работодателю, чтобы избежать бессмысленных трат и сохранить свое благосостояние, а в дальнейшем и увеличить его, необходимо четко представлять цели, способы и предварительные результаты обучения и доверять образовательному учреждению, представляющему искомые услуги. И в этом случае квалифицированные преподаватели высшей школы, использующие научно-обоснованные методики и имеющие опыт подготовки и проведения обучающих программ в разных организациях могут вступать в серьезную конкуренцию с преподавателями столь широко распространенных сегодня консалтинговых и аудиторских фирм [1, с. 4];
- в-четвертых, в формировании благоприятного имиджа системы профессионального образования на рынке услуг в целом.

Представляемый нами опыт взаимодействия преподавательского состава одного из вузов Краснодарского края с рядом крупных и известных предприятий южного федерального округа, описанный в статье, демонстрирует системный подход к обучению и развитию руководителей современных компаний, а также перспективы и возможности, которые данный подход открывает перед образовательными структурами и предприятиями по их взаимодействию.

Первая компания – одна из основателей российского сотового ритейла. Для управленческих кадров одного из филиалов данной компании нами была разработана и проведена двухдневная (16 часов) обучающая программа на тему: «Развитие навыков управленческой компетентности». Целевой аудиторией выступили региональные директора отделов розничных продаж предприятия в количестве 40 человек. Целями программы было обозначено развитие управленческих компетенций региональных директоров: эмоциональная устойчивость, коммуникативные навыки, ориентация на результат, аналитичность мышления, организаторские умения, планирование, управление людьми, лидерство, принятие решений.

Для достижения данной цели нами была разработана и проведена учебная программа, основными задачами которой выступили: 1) развитие управленческих компетенций руководителей в области управления людьми (освоение техник целеполагания, планирования оперативной деятельности сотрудников, организации их деятельности и контроля); 2) освоение современных кадровых технологий (овладение навыками мотивации и оценки деятельности сотрудников, делегирования полномочий); 3) формирование навыков управления коммуникациями в компании.

Вторая компания – крупный аграрный холдинг, включающий предприятия, специализирующиеся как на производстве, так и на продаже и сопровождении своей продукции (разных сортов хлеба и хлебобулочных изделий). Для управленческого корпуса данной компании нами был разработан и проведен трехдневный тренинг (24 часа) «Формирование навыков эффективного руководителя». Целевой аудиторией выступили управленцы высшего звена предприятий холдинга в количестве 15 человек.

Целями мероприятия были обозначены: 1) повышение профессиональной компетенции слушателей в области управления организацией, в частности, овладение навыками формирования стратегии предприятия и управления персоналом на нем; 2) освоение современных технологий управления персоналом и возможностей их применения непосредственно на предприятиях; 3) формирование навыков развития корпоративной культуры, управления организационными коммуникациями и конфликтами.

Третья компания – торговая компания, специализирующаяся на продаже строительных материалов. Для управленцев высшего и среднего звена (7 человек) данной компании была проведена обучающая двухдневная программа «Руководство и лидерство: новые перспективы развития» (16 часов), целью которой выступило формирование видения перспектив развития компании, усвоение ключевых функций управления современного руководителя, развитие лидерского потенциала руководителей компании и развитие навыков формирования команд.

Четвертая компания – национальная телекоммуникационная компания и крупнейший оператор связи России. В одном из филиалов данной компании нами была реализована программа обучения и развития управленческого персонала. Целевой аудиторией выступили управленцы среднего и высшего звена в количестве 43 человека. Целями программы выступили:

- во-первых, на основе модели компетенций существующей в компании определить управленческий потенциал руководителей, выявить лидеров, определить успешные области и узкие места (ограничения) в выполнении профессиональной управленческой деятельности и командном взаимодействии;
- во-вторых, сформировать резерв перспективных руководителей, сформулировать рекомендации по обучению и развитию управленческих кадров компании.

Для достижения данной цели нами была реализована в компании технология развивающего ассессмент-центра, которая позволила нам добиться поставленных целей и решить следующие задачи: 1) оценить уровень развития таких управленческих и корпоративных компетенций руководителей как: клиенториентированность, лояльность к компании, управление эффективностью, сотрудничество, инновативность, эффективное мышление, принятие решений, управление людьми, управление задачами; 2) разработать рекомендации по обучению и развитию управленцев, и сформировать планы развития на каждого руководителя. Также следует подчеркнуть, что несмотря на оценочный характер мероприятия в рамках которого мы оценили сильные стороны управленцев, максимально развитые компетенции и ограничения, нам удалось оказать позитивный эффект на психологический климат и взаимопонимание в команде управленцев филиала в целом.

Пятая компания – одна из крупнейших в России специализированных бухгалтерских организаций. В одном из филиалов данной компании нами была проведена программа мероприятий, направленная на оценку, обучение и развитие управленческого резерва в количестве 29 человек. Целями программы выступили: 1) развитие корпоративных и управленческих компетенций управленцев высшего и среднего звена компании, таких как: командная работа, эффективная коммуникация, ответственность за результат, системное мышление, открытость новому, управленческая самостоятельность, управление исполнением, командное лидерство; 2) формирование управленческого резерва.

Особая ценность проекта состояла в том, что предварительно для управленцев мы провели ассессмент-центр, и уже по результатам оценки уровня развития управленческих и корпоративных компетенций руководителей компании нами была реализована учебная программа, которая включала в себя два модуля: «Управление исполнением и управленческая самостоятельность»; «Командное лидерство и эффективная коммуникация» (проект длился год). Проведение данного комплекса мероприятий позволило системно подойти к обучению и развитию управленческого персонала в рассматриваемой компании и «точечно» выявлять и решать проблемные зоны.

Подводя итоги, мы можем отметить, что проведение обучающих мероприятий в рассматриваемых нами компаниях позволило нам прийти к следующим важным выводам.

Во-первых, на современном рынке существуют предприятия, действительно ориентированные на развитие человеческого капитала своих компаний с прогрессивно мыслящими лидерами, уверенными и позиционирующими в сознании своего персонала то, что:

1) обучение и развитие руководителей влияет на экономический рост предприятия. И данное влияние состоит в том, что управленцы, обладающие необходимым объемом знаний, умений и навыков, обеспечивают более высокую производительность и качество труда при рациональном использовании материальных ресурсов;
2) предприятие рассматривает расходы, связанные с обучением и развитием управленческого персонала как инвестиции в человеческий капитал, понимая, что именно высококвалифицированный управленческий корпус и будет решающим фактором в выживании и развитии предприятия;
3) в современных условиях развития экономики все больше возрастает значение человеческого фактора, интеллектуальной деятельности и творческого потенциала каждого работника, роста его производственной и общей культуры. Поэтому системный подход к обучению и развитию персонала сегодня - залог процветания и конкурентоспособности компании завтра [3, с. 22].

Во-вторых, мы смогли убедиться в ходе проведения обучающих мероприятий на представляемых нами предприятиях, в целесообразности перехода к компетентностному подходу в сфере повышения квалификации руководящих кадров. Как мы убедились, внедрение компетентностного подхода в систему повышения квалификации руководителей решает целый ряд вопросов на качественно более высоком уровне. В первую очередь, это разработка модели компетенций управленца, которая позволяет более эффективно формировать и развивать компетенции, необходимые в профессиональной деятельности в процессе обучения и самообучения каждого руководителя, позволяет проводить более эффективную оценку руководителей предприятия, которая может быть осуществлена по модели компетенций, положенной в основу обучения. Как мы это сделали в телекоммуникационной компании и представленной нами бухгалтерской организации.

В-третьих, та работа, которую ведут рассматриваемые нами организации для повышения своей конкурентоспособности, невозможна без внедрения современных эффективных технологий обучения и развития руководителей. Обозначим наиболее значимые из них, которые мы применили на рассматриваемых предприятиях.

1. Тренинги, имеющие цель формирование управленческой позиции у слушателей, выработку умений и навыков, необходимых для эффективной управленческой деятельности и получение опыта организационно-личностного взаимодействия в группе.

2. Деловые, организационно-управленческие и ролевые игры в процессе подготовки руководителей - уникальный механизм формирования и передачи социального опыта, непосредственно влияющего на повышение эффективности обучения за счет активного включения слушателей в процесс не только получения, но и использования знаний.

3. Анализ конкретных ситуаций. Процесс анализа предлагаемых слушателям конкретных ситуаций позволяет не только закрепить знания, но и выработать навык группового анализа проблем и принятия решений. Основные результаты, достигаемые в процессе разбора практических ситуаций, связанны с отработкой навыков системного анализа информации, выявлению ключевых проблем, генерирования и оценки возможных вариантов решения, диагностики бизнес-процессов и т.д.

4. Кросс - культурный контекст подготовки. Управление подчиненными предполагает знание потребностей и психологии людей, принадлежащих к разным социальным группам, национальным, этническим и религиозным общностям (особенно это актуально для ЮФО). Каждая из них имеет свои традиции, свой набор ценностей и стереотипов поведения. Профессиональный руководитель должен уметь абстрагироваться от принадлежности к своей национальной группе, и концентрироваться на культурных особенностях той среды, на которую направлена управленческая деятельность.

5. Ассессмент – (от англ. assessment – оценивание), специально построенная процедура, направленная на выявление сильных и слабых сторон кандидата на должность или работающего в компании руководителя. Позволяет не в искусственной ситуации собеседования, а в максимально приближенных к реальности условиях выявить такие качеств руководителей, как: коммуникативные качества, умение работать в команде, лидерские качества, социальная смелость, мотивацию [2, с. 46]. Процедура ассессмента помогает выявлять потенциал каждого руководителя, что значительно облегчает формирование учебных программ и планов карьерного роста в компаниях. Кроме того, результаты ассессмента дают возможность самому управленцу увидеть, какие управленческие компетенции ему необходимо развивать самостоятельно. Что и было нами реализовано в ряде компаний.

В заключении подчеркнем, как мы смогли наблюдать в ходе проведения оценочных процедур, тренингов и семинаров на рассматриваемых нами предприятиях, работа с применением данных обучающих технологий уже находит свои позитивные отголоски. Которые выражаются в первую очередь том, что, на предприятиях формируются сильные и конкурентоспособные управленческие команды, способные добиваться поставленных целей и в недалекой перспективе привести свои компании к более высоким результатам, к успешному и эффективному функционированию не только на рынке ЮФО, но и на международном рынке.

Список литературы:

1. Бондарь Т.В., Серегина Т.Н. Практический опыт взаимодействия системы образования с предприятиями реального сектора экономики в контексте обучения и развития персонала. Актуальные проблемы управления персоналом и организационной психологии: матер. II Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, КубГУ, 2010. С. 4-9.

2. Базаров Т.Ю. Технология центров оценки персонала: процессы и результаты: практическое пособие. М.: КНОРУС, 2011. – 304 с.

3. Коробкина М.А., Серегина Т.Н. Технологии корпоративного обучения управленческих кадров на опыте компаний юга России // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. М., 2014. Т.3. № 1 (10). С. 21-25.

ПЕРСПЕКТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ЛЕНОСТИ

Стратилат Карина Николаевна
магистр психологии, г. Владивосток
Семечкин Николай Иванович
кандидат философских наук, профессор кафедры психологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета (Владивосток)

FUTURE PROSPECTS IN SOCIAL LOAFING RESEARCH

Stratilat Karina, Master of psychology, Vladivostok
Semechkin Nikolai,Candidate of Philosophy, Department of Psychology School of Human Sciences Far Eastern Federal University (Vladivostok)

АННОТАЦИЯ

В статье приводится краткий обзор зарубежных исследований феномена социальной лености. На основании предпринятого анализа делается вывод о перспективах дальнейшего исследований этого эффекта. Предлагаются возможные (и вероятные) варианты исследований социальной лености.

ABSTRACT

The authors give a short review of researches on the phenomenon of social loafing made by foreign researchers. The analysis carried out in the article reveals that additional researches on this effect are necessary, and possible (and probable) alternatives to further researches on social loafing are offered.

Ключевые слова: социальная леность, теоретические и эмпирические исследования, социальная компенсация, приманка для социальных бездельников.

Key words: social loafing, theoretical and empirical research, social compensation, social loafer bait.

Социальная леность (в периодике можно встретить другие названия этого феномена: эффект Рингельмана, социальное расслабление, социальное бездельничанье, «безбилетный проезд» и социальное паразитирование) - вид процессуальных потерь (мотивационных и координационных), проявляющийся в тенденции людей прилагать при групповой работе меньше усилий, чем при индивидуальной. Впервые данный феномен был зафиксирован в 1913 году Максом Рингельманом [15]. В дальнейшем ученые стали изучать различные аспекты социальной лености. В частности, проводились исследования причин возникновения социальной лености и влияния различных факторов на выраженность рассматриваемого феномена.

Так, исследователи изучали влияние на возникновение социальной лености плохой организации процесса групповой деятельности [12], отсутствия идентификации [20] и оценки индивидуального вклада [10] в групповую работу, распыления ответственности, ощущения несправедливости [1; 13;17], снижения у индивидов ощущения связи между прилагаемыми ими усилиями и результатами работы (речь идет об эмпирических исследованиях социальной лености, базирующихся на теории ожидания Виктора Врума)[13].

Также ученые проводили исследования влияния на выраженность социальной лености ситуационных и диспозиционных факторов. Что касается ситуационных факторов, то здесь изучались: размер [12], состав, сплоченность [14], способ формирования [18] и стадии развития группы [22], социальный остракизм [21], характеристики задания (сложность, интересность [13]), ожидание вознаграждения/наказания [9], настроение [5], гендер [3] и культура (связь социальной лености с такими кросскультурными характеристиками, как индивидуализм/коллективизм, дистанция власти, религиозные убеждения (конфуцианская мораль и приверженность нормам протестантской трудовой этики) [4]. Сфера исследования диспозиционных факторов – возраст [8], самоэффективность, ориентация на аффилиацию/отвержение, ориентация на успех/неудачу, потребность в познании, добросовестность, нарциссизм, индивидуальная ориентации на выигрыш, предпочтение групповой работы, приверженность нормам протестантской трудовой этики, склонность к академической прокрастинации, потребность в достижении, убежденность в собственной уникальности, уровень межличностного доверия и соответствие личностным профилям по Л. Лернер [2]. Результат некоторых из этих исследований были объединены в модели социальной лености [13;19].

Также следует отметить, что в периодике можно встретить мнения, что на выраженность социальной лености влияют такие факторы, как социально-психологический климат группы и лень, однако эмпирические исследования для проверки данных гипотез не проводились. Необходимо сказать, что ученые изучали особенности проявления социальной лености в различных сферах групповой деятельности, например, спорт (плаванье, гребля [5], футбол [12]), обучение (классическое [6] и дистанционное[17]), написание песен [16], работа продавца[9].

Из представленного обзора видно, что феномен социальной лености достаточно хорошо изучен, но, несмотря на такое положение дел, сохраняются отдельные вопросы, которые необходимо решить в дальнейших исследованиях. Актуальность дополнительных исследований рассматриваемого эффекта обусловлена, прежде всего, тем, что решение многих важных задач возможно только в группах, а в большом количестве зарубежных эмпирических исследований было установлено, что при групповой работе чаще всего возникает социальная леность. Знание особенностей проявления и причин возникновения социальной лености поможет уменьшить выраженность этого феномена или вовсе устранить его.

Перечислим возможные направления дальнейших исследований социальной лености.

1. Из-за недостаточной изученности требуются дополнительные эмпирические исследования проблемы влияния на выраженность социальной лености таких факторов, как состав группы, взаимоотношение в группе, религиозные убеждения, возраст.

2. В связи с тем, что (по нашим данным) не проводились эмпирические исследования влияния на социальную леность семейного воспитания, то эта проблема заслуживает отдельного внимания, поскольку именно этот фактор может оказаться ключевым в проявлении социальной лености.

3. Необходимы также исследования сравнения выраженности этого феномена у индивидов разных профессий и социального статуса.

4. Поскольку в психологической литературе можно встретить мнения, что социальная леность связанна с ленью и с социально-психологическим климатом в группе, но отсутствуют исследования, подтверждающие эти гипотезы, то назрела необходимость их проведения.

5. Дальнейшие эмпирические исследования нужны и в отношении достаточно хорошо изученных аспектов социальной лености (например, связь рассматриваемого феномена с культурой и личностными особенностями):

- Так, в связи с тем, что в некоторых исследованиях было установлено, что выраженность социальной лености отрицательно коррелирует с приверженностью нормам протестантской трудовой этики, но эмпирических исследований в культурах, где преобладает протестантизм, не проводилось, назрела необходимость их проведения;

- Поскольку зарубежными учеными были проведены эмпирические исследования связи социальной лености лишь с некоторыми диспозиционными характеристиками личности, необходимы дополнительные исследования этой проблемы. Например, заслуживает отдельного рассмотрения в ходе дальнейших исследований связь с социальной леностью таких личностных характеристик, как ориентация на процесс/результат, альтруизм/эгоизм, степень развитости самосознания, локус контроля, самооценка, Я-концепция, перфекционизм и т.д.;

- На основании результатов эмпирических исследований связи социальной лености с личностными характеристиками можно составить личностный профиль человека, склонного или не склонного к проявлению рассматриваемого феномена.

Кроме того, в дальнейшем необходимо проводить эмпирические исследования социальной лености в тех сферах деятельности, в которых проявление рассматриваемого эффекта либо недостаточно изучено, либо вовсе не изучалось (например, написание научных работ, написание и проведение различных тренингов и семинаров, исполнение песен, строительство каких-либо объектов, обслуживание клиентов и т. д).

Наряду с эмпирическими, необходимы и теоретические исследования. Дело в том, что разработанные зарубежными учеными модели социальной лености включают в себя результаты не всех эмпирических исследований

этого феномена. Кроме того, отсутствуют теоретические обзоры исследований некоторых аспектов социальной лености (например, возрастного). Также следует сказать, что в разработанных зарубежными учеными моделях описываются разные причины возникновения (или же используются разные названия для обозначения одной и той же причины) и факторы, влияющие на выраженность социальной лености. В связи с этим в дальнейшем необходимо произвести детальный сравнительный анализ встречающихся в периодике моделей социальной лености.

На основании результатов проведенных эмпирических и теоретических исследований необходимо составлять общие и частные (с учетом специфики конкретного вида деятельности) рекомендации, соблюдение которых поможет управлять социальной леностью.

Также для улучшения качества будущих эмпирических исследований нужно проводить и методологические исследования. Так, в связи с тем, что зарубежными учеными разработано несколько опросников, позволяющих измерять социальную леность (например, опросники Дж. Джорджа; К. Элама и Р. Шриваставы; Ю. Клее и Н. Андерсона), необходимо перевести их на русский язык и апробировать на российской выборке. Кроме того, назрела необходимость создания отечественного опросника по социальной лености. Также требуется проведение детального анализа процедур проведения экспериментов (эксперимент - традиционный и самый распространённый метод исследования рассматриваемого феномена) по социальной лености.

Нуждается в дальнейших исследованиях и противоположный социальной лености эффект – социальная компенсация (активизация усилий при групповом выполнении задания [14]). В начальной стадии изучения находится и такое явление, как приманка для социальных бездельников (Social loafer bait). Феномен социальной компенсации кратко рассматривался лишь в небольшом количестве статьей иностранных ученых – исследователей социальной лености. По нашим данным целенаправленные эмпирические исследования этого эффекта не проводились, а теоретические и вовсе отсутствуют. Всё это свидетельствует о необходимости их проведения, ведь знание особенностей возникновения социальной компенсации позволит организовать групповую работу таким образом, чтобы она была более результативной, чем индивидуальная.

Такой аспект проблемы социальной лености как приманка для социальных бездельников – профиль человека, являющегося идеальной мишенью для социальных бездельников (авторы этого термина, по аналогии с известным фильмом «Челюсти», сравнивают социальных бездельников с акулами, а приманку для них - с кровью), изучался всего в одном эмпирическом исследовании (2012). В нём Кент Файт с коллегами обнаружили, что успеваемость положительно коррелирует с опытом групповой работы с социальными бездельниками, а также, что отсутствуют гендерные различия в опыте работы с людьми, проявляющими социальную леность. Иными словами, ученые установили, что в качестве приманки для социальных бездельников могут выступать высокие интеллектуальные способности согруппников. В дальнейшем авторы предполагают проверить результаты исследования на других выборках (и в частности на студентах других вузов) и провести эмпирическое исследование связи опыта работы с социальными бездельниками с такими диспозиционными характеристиками, как добросовестность, принадлежность к решающему и чувствующему типу по MBTI Майерс-Бриггс [7]. На наш взгляд будущие исследования приманки для социальных бездельников можно проводить и на выборках не только из студентов (а например, из продавцов, менеджеров, спортсменов и т.д.) и изучать наряду с личностными характеристиками влияние на рассматриваемое явление других факторов (например, социальная роль, возраст).

Понятно, что в одной статье невозможно перечислить все предшествующие и все потенциальные перспективы исследований какого-либо феномена. Однако даже на основании краткого анализа уже проведённых исследований социальной лености можно сделать вывод, что, несмотря на то, что данный феномен изучается уже более ста лет, остается множество вопросов, требующих дальнейшего рассмотрения.

Список литературы

1. Бэрон Р., Керр Н., Миллер Н. Социальная психология группы: процессы, решения действия: учеб. пособие. СПб: Питер, 2003. – 272 с.
2. 2.Семечкин Н.И., Стратилат К.Н. Социальная леность и ее связь с диспозиционными характеристиками личности: обзор зарубежных исследований // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. - 2013. - № 6 (26). - С.84 -89.
3. Стратилат К.Н., Семечкин Н.И. Гендерные различия в проявлении социальной лености: пересмотр проблемы // Психология. Журнал Высшей школы экономики. - 2013. - Т. 10. - № 4. - С. 169–181.
4. Стратилат К.Н., Семечкин Н.И. Кросскультурные исследования социальной лености // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. - № 1 (17). – С.122-128.
5. Anshel M. .Examining social loafing among elite female rowers as a function of task duration and mood // Journal of Sport Behavior. - 1995. [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: http://www.highbeam.com/doc/1G1-16737407.html.
6. Clark J., Baker T. “It’s Not Fair!” Cultural Attitudes to Social Loafing in Ethnically Diverse Groups: Intercultural Communication Studies XX: 1. - 2011. - P. 124 – 140.
7. Faught K.S., Heflin J., Heflin L., Frank D. Social Loafer Bait" - Theory and Initial Evidence on the Types of People Social Loafers Target // Journal of Business Administration Online. - 2012. [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: http://www.atu.edu/jbao/Social_Loafer_Bait.pdf.
8. Gabrenya W.K. et al. Social Loafing in the United States and China: Annual Convention of the American Psychological Association. -1982. – 25 p.
9. George J. Asymmetrical effects of rewards and punishments: the case of social loafing // Journal of Occupational and Organizational Psychology. - 1995. № 1. [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: http://www.highbeam.com/doc/1G1-17837231.html.
10. Harkins S.G., Jackson J. The role of evaluation in eliminating social loafing // Journal of Personality and Social Psychology.- 1985. - Bulletin 11. - P. 457-465.
11. Høigaard R., Ingvaldsen R. Social Loafing in Interactive Groups: The Effects of Identifiability on Effort and Individual Performance in Floorball // Athletic Insight - The Online Journal of Sport Psychology. - 2006. –Vol. 8. - Issue 2. [электронный ресурс] - Режим доступа. -

URL: http://www.athleticinsight.com/Vol8Iss2/Loafing.htm.
12. Ingham A.G., Levinger G., Graves, J., Peckham, V. The Ringelmann effect: Studies of group size and group performance // Journal of Experimental Social Psychology. – 1974. - 10. - P. 371-384.
13. Karau S.J., Williams K.D. Social Loafing: A meta – analytic review and theoretical integration // Journal of Personality and Social Psychology. - 1993. - Vol. 65. - №4. - P. 681–706.
14. Karau S.J., Williams, K.D. The Effects of Group Cohesiveness on Social Loafing and Social Compensation // Group Dynamics: Theory, Research, and Practice. - 1997. - Vol. I. - №2. - P. 156-168.
15. Kravitz, D.A., Martin, B. Ringelmann Rediscovered: The Original Article // Journal of Personality and Social Psychology. - 1986. - Vol. 50. No.5. - P. 936-941.
16. Pettijohn II, T.F., Ahmed, S.F. Songwriting Loafing or Creative Collaboration?: A Comparison of Individual and Team Written Billboard Hits in the USA // Journal of Articles in Support of the Null Hypothesis. JASNH. - 2010. - Vol. 7. - No. 1. - P. 1-6.
17. Piezon S.L., Ferree S.L. Perceptions of Social Loafing in Online Learning Groups: A study of Public University and U.S. Naval War College students // IRRODL. The international review of research in open and distance learning. – 2008. - Volume 9, - № 2. [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: http://www.irrodl.org/index.php/irrodl/article/view/484/1034.
18. Senadji B., Dawes L. Effect of group formation on performance, task management and social loafing.: Proceedings of the 2010 AaeE Conference. Sydney. - 2010. - P. 64-69.
19. Social Loafing: A Field Investigation / R.C. Liden, S.J. et. al. // Journal of Management. – 2004. - Vol. 30. - Issue: 2. – P. 285-304.
20. Williams K., Harkins S., Latane B. Identifiability as a Deterrent to Social Loafing: Two Cheering Experiments // Journal of Personality and Social Psychology. - 1981. - Vol. 40. - No. 2. - P. 303-311.
21. Williams K.D., Sommer K.L. Social Ostracism by Coworkers: Does Rejection Lead to Loafing or Compensation? // Personality and Social Psychology .- 1997. -Vol. 23. -No. 7. - P. 693-706.
22. Worchel S., Rothgerber H., Day E.A. Social Loafing and Group Development: When "I" Comes Last //Current Research in Social Psychology. - 2011. [электронный ресурс] - Режим доступа. - URL: http://www.uiowa.edu/~grpproc/crisp/crisp17_5.pdf.

ОСОБЕННОСТИ МЕЖЛИЧНОСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Басов Олег Олегович
канд. т. наук, докторант Академии ФСО России
Васечкин Евгений Александрович
адъюнкт Академии ФСО России

FEATURES OF INTERPERSONAL COMMUNICATION IN PUBLIC ADMINISTRATION
Basov Oleg Olegovich, PhD in Technics; PhD student Academy of Federal Agency of protection of Russian Federation.
Vasechkin Evgeniy Aleksandrovich, Adjunct Academy of Federal Agency of protection of Russian Federation.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам управления государством, а именно информационному взаимодействию между властью и обществом. Рассмотрены причины возникновения противоречий между результатами деятельности государственных служащих и ее общественными оценками. Определены условия инфокоммуникационного взаимодействия субъектов государственного управления.

ABSTRACT

The article is devoted to the problems of administration of government, namely, information interaction between government and society. The reasons of a conflict between a government staff's results of activities and its public assessment are considered in the article. The conditions of infocommunicational interaction of public administration's subjects are determined.

Ключевые слова: система государственного управления, межличностная коммуникация.
Keywords: system of government, interpersonal communication.

Система государственного управления (СГУ) представляет собой определенным образом сформированную иерархическую модель или архитектуру взаимодействия индивидов (должностных лиц), дифференцированную и специализированную по функциям управления и социальным ролям. Относительная самостоятельность действий должностных лиц СГУ является частью общего социума, устройство которого основано на разделении властных функций. Основой дифференциации архитектуры управления является система установившихся социальных статусов и правовой иерархии [6].

Совершенствованию СГУ во все времена придавалось первостепенное значение. В разные исторические периоды эта проблема решалась по многим направлениям в зависимости от уровня экономического развития. Одной из наиболее существенных проблем управления современным государством стало снижение доверия и уважения к власти со стороны граждан и частного сектора экономики [4].

Ключ к успеху в решении этой проблемы, к повышению степени уважения и доверия к власти лежит в налаживании постоянных взаимосвязей и партнерских взаимодействий между обществом и властью, в обеспечении обратной связи между обществом как объектом государственного регулирования и государственной властью как регулятором общественных отношений. Для практической реализации такой обратной связи определяющими «внешними» параметрами управления государством должны быть его

открытость и прозрачность (транспарентность). Открытость и прозрачность управления государством необходимы не только для повышения уважения и доверия к власти, но и для обеспечения устойчивого функционирования, как СГУ, так и политической системы в целом [5].

Взаимодействие является естественным элементом взаимоотношений между гражданским обществом и государственной властью и необходимым условием обеспечения социально-политической стабильности и выработки оптимальных государственных решений. При этом следует учитывать тот факт, что совокупности частных и корпоративных интересов свойственна постоянная динамика и ситуационная изменчивость ее количественных, качественных и содержательных параметров в зависимости от принимаемых в СГУ решений и осуществляемых ею действий, изменений текущей социальной, экономической и политической обстановки в стране.

Нарастание информационных объемов, социальной, экономической и политической значимости, не учитываемых и не агрегируемых государственной властью при принятии решений частных и корпоративных интересов граждан и институциональных структур гражданского общества, создает угрозу потери социально-политической стабильности и устойчивости государственного управления и в целом политической системы. Эта угроза многократно усиливается, когда государственные решения реально или, лишь мнимо, ущемляют определенные личные и групповые интересы, а государственная власть игнорирует необходимость разъяснять обществу смысл и содержание своих решений и действий, обосновывать их приоритетность для достижения общенациональных, общезначимых целей развития по отношению к частным интересам.

Для предотвращения такой угрозы в демократическом государстве реализуется постоянно действующий контур инфокоммуникационных взаимодействий между гражданским обществом и государственной властью, который образуют каналы коммуникаций «общество-власть» и «власть-общество».

В процессе инфокоммуникационной деятельности формируется общественное мнение как результат рефлексивной оценки его субъектами фактов окружающей действительности. Для предотвращения манипулирования общественным мнением необходимо наличие множества альтернативных источников информации и свободы доступа к ним как всех граждан и институциональных структур гражданского общества, так и должностных лиц органов государственной власти.

Одним из самых мощных источников значимой социальной, политической и экономической информации является сама СГУ. В гражданском обществе его институциональные структуры выступают в роли не только потребителей, но и источников первичной информации. В достаточной мере консолидированное групповое мнение может быть сформировано только при наличии свободы коммуникаций и обмена информацией на межличностном и групповом уровне, а также между институциональными структурами общества и власти.

При существенно ограниченном для граждан и их объединений доступе к такой информации, неполном и некачественном ее представлении возможности осуществления действенного гражданского контроля резко сокращаются. Это хорошо понимают недобросовестные чиновники, которые при отсутствии контроля информационной деятельности органов власти всегда и всеми доступными им средствами будут стремиться скрыть информацию и препятствовать ее представлению гражданам и их объединениям в удобной для пользователей форме и в полном объеме.

В свою очередь указанный факт обуславливает повышение требований общества к содержанию и качеству профессиональной деятельности должностных лиц СГУ, их квалификации, профессиональным и личностным особенностям [1]. Данный вид деятельности содержит ряд противоречий: с одной стороны, он должен обеспечивать соблюдение и защиту прав и интересов граждан и институциональных структур гражданского общества, с другой – обязан обеспечивать реализацию федеральных законов и законов субъектов РФ, которые направлены скорее на соблюдение интересов государства, нежели интересов отдельных граждан [3].

Результатами деятельности должностных лиц являются правовые нормы различного уровня управления, социокультурные нормы отношений, нормы отчетности и ответственности, ресурсного обеспечения материальной деятельности. Возникающие при этом диалектические противоречия между результатами труда государственных служащих и общественной формой их оценки можно считать спецификой государственной службы как профессиональной деятельности.

Следствием подобного рода противоречий выступают негативный психоэмоциональный фон и конфликтность как типичная среда профессионального общения должностных лиц СГУ [2].

Общение (межличностная коммуникация) – система передачи и обмена информацией между представителями социума – представляет собой сложное, многогранное и многоэлементное явление. Люди могут обмениваться информацией на различных уровнях абстракции, при этом общение не ограничивается устными или письменными сообщениями. В коммуникативном процессе важную роль играют особенности личности собеседников, их настроение, физиологическое и психоэмоциональное состояния, что необходимо учитывать в деловом общении, характерном для должностных лиц многоуровневой гетерогенной СГУ [4].

Список литературы:

7. Акимова Е.Ю., Абрамова М.Ю. Культура делового общения в профессиональной деятельности государственных служащих / Ярославский педагогический вестник – 2011 – № 1 – Том I (Гуманитарные науки). – 121 с.
8. Моисеев Д.Л. Психологические особенности межличностных конфликтов во взаимоотношениях государственных служащих и условия их предупреждения: автореф. дис. … канд. психол. наук. – М., 1997. – 24 с.
9. Наумов С.Ю. Система государственного управления- М.: Форум, 2008. – 81 с.
10. Никитов В.А., Орлов Е.И., Старовойтов А.В., Савин Г.И. Информационное обеспечение государственного управления; под ред. Ю. В. Гуляева. – М.: Славянский диалог, 2000. – 415 с.
11. Нисневич Ю.А. Государство XXI века: тенденции и проблемы развития. – М.: КноРус, 2012. – 286 с.
12. Сумин В.А. Рефлексивные нормы взаимодействия в системе управления // Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая. Выпуск 91. –188 с.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

СТАНОВЛЕНИЕ МЕХАНИЗМОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МОЛОДЕЖИ (НА ПРИМЕРЕ МОЛОДЕЖНОГО ФОРУМА ЮНЕСКО)

Асадов Б.Р.,
к.пол. наук доцент кафедры «Экономика и организация туризма»
Санкт-Петербургского государственного экономического университета

THE FORMATION MECHANISMS OF INTERNATIONAL COOPERATION OF YOUNG PEOPLE (FOR EXAMPLE, YOUTH FORUM UNESCO)

Asadov B.R., D.of Ph.in Political Sciences, Associate Professor Department of Economy and organization of tourism Saint-Petersburg State University of Economics, Associate Professor

В статье рассматриваются некоторые стороны появления международных программ и директив по молодежи, направленных на расширение границ институционального взаимодействия с молодежью и новому пониманию роли ЮНЕСКО в этом процессе. Впервые рассматривается роль молодежных структур ЮНЕСКО на примере Молодежного форума, получившего регулярную форму деятельности. Представлена попытка описания его роли в организованной молодежной среде, определены некоторые проблемные аспекты.

Ключевые слова и фразы: ЮНЕСКО, молодежь, молодежный форум, международное гуманитарное сотрудничество, международная молодежная среда международная платформа молодежи

Abstract: The article considers some aspects of the appearance of international programs and policies for young people, aimed at expanding the limits of institutional inter-action with the youth and new understanding of the role of UNESCO in this process. First examines the role of youth structures of UNESCO on the example of the Youth forum, which received regular activity. Presents an attempt at describing his role in organized youth environment, identifying some problematic aspects.

Keywords: UNESCO, youth, youth forum, international humanitarian cooperation, international youth environment, international youth platform

В современных условиях, проблемы молодежной среды все активно включаются в орбиту многочисленных акторов - государств, международных организаций и других, которые целенаправленно предоставляют ей новые условия и возможности для обмена мнениями и взаимодействия, как в глобальном, так и в региональном и локальном масштабах. Сегодня очевидно, что как и в прежние годы, в этой сфере одним из таких акторов выступает ЮНЕСКО, которая в качестве ключевого специализированного института системы Организации Объединенных Наций (ООН) осуществляет многогранную гуманитарную деятельность. Принимая во внимание факт, относительно перспективы ЮНЕСКО, которая «фактически поставлена перед выбором - быть на высоте требований времени или занять почетное, но малопривлекательное место»[1] заставляет задуматься такой вопрос: насколько сегодня востребован институциональный потенциал и глобальная миссия крупной гуманитарной организации современности?

Как показывает практика некоторых сторон деятельность ЮНЕСКО, с момента ее создания, внимание основных структур было направлено на решение наиболее актуальных гуманитарных проблем международной жизни. В рамках ее действующих структур и механизмов, одним из важных действий является активное вовлечение молодого поколения в этот процесс. Сегодня молодежь, по сути, оказалась в центре внимания, и ЮНЕСКО уделяет особое внимание тому факту, что это неоднородная, постоянно изменяющаяся группа, и что в разных странах и регионах люди вкладывают в понятие «молодой» неодинаковый смысл[8].

Между тем, следует отметить, что деятельность действующих в рамках ЮНЕСКО институциональных механизмов и структур, созданных с целью активизации деятельности Организации в сфере работы с молодежью, отечественными исследователями изучена недостаточно. Анализ некоторых аспектов деятельности этих структур, в основном получил отражение в официальных документах и публикациях, изданных в рамках ЮНЕСКО, освещающих ее деятельность в сфере работы молодежи. В связи с этим, сегодня необходимо обращать внимание на ее целенаправленную роль в реализации различных мероприятий, проектов и программ посредством такого механизма, как Молодежный форум. Являясь инновационной международной платформой молодежи, Форум традиционно проходит перед Генеральной конференцией ЮНЕСКО**.** Это пространство открытого и динамичного диалога, позволяющее молодым участникам из всех государств-членов Организации, разработать стратегические рекомендации ЮНЕСКО в области молодежи. Особый интерес представляют обозначенные темы проходящих форумов, которые связанные по наиболее важным проблемам современности, и в свою очередь, расширение тематики и границ

деятельности данного института требует к себе особого внимания. В связи с этим, сегодня возникает необходимость найти ответы на следующие вопросы: какое место данный институт занимает в молодежной среде, и как его роль отражается, в частности, на уровне вовлеченности молодежи в сферу международного сотрудничества? Также, каковы были предпосылки использования новых институциональных механизмов в рамках деятельности ЮНЕСКО в области молодежи?

С целью понимания предпосылки создания Молодежного форума, необходимо обратиться к истокам деятельности ЮНЕСКО, направленной на формирование институциональных образований структур, которые были предназначены, в том числе для международного взаимодействия молодежи. В этом плане, обзор некоторых сторон целенаправленной деятельности ЮНЕСКО в этой сфере, позволяет изучать становление института координации работы с молодежью, а также понять его важные особенности и роли в современный период.

Отметим, активное использование ЮНЕСКО институциональных механизмов, направленных на расширение границ взаимодействия с молодежью имеет исторические предпосылки. Известно, что с самого начала своего существования, ЮНЕСКО постоянно оказывала содействия институциональному развитию международной молодежной среды, и для активного взаимодействия молодежи постоянно создавала новые площадки. В послевоенный период было необходимо создание механизмов и программ, с целью преодоления возникших барьеров и границ в международной гуманитарной сфере. В целом, ЮНЕСКО была первым институтом системы ООН, который, создавая различные структуры, стремится стимулировать международное сотрудничество в тех областях, которые входят в его компетенции. Еще в первые годы своей деятельности, ЮНЕСКО способствовало организации Международного молодежного добровольческого трудового лагеря, с целью участия молодого поколения в восстановлении Европы после Второй мировой войны. Несмотря на отдельные шаги со стороны ЮНЕСКО в отношении подрастающего поколения, молодежная политика в качестве особого направления деятельности государствчленов ООН начала формироваться примерно с конца 1950-х–начала 1960-х гг. В сложившихся условиях, активизация внимания к роли молодежи и ее институциональной деятельности на международной арене была продемонстрирована в рамках Декларации о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами (7 декабря 1965 г.), основывавшаяся на принципах, как необходимость воспитания молодежи в духе мира, взаимного уважения, свободы и справедливости, распространения идеалов гуманизма, международной солидарности, уважения к основным правам человека, расширения взаимных туристских обменов, породнения городов и университетов, изучения иностранных языков, создания национальных и международных молодежных объединений, воспитания у молодежи ответственности за будущее своей страны и всего мира, по сути, открыли новые ведения в работе с молодежью[6]. В развитии этого процесса важная роль отводилась ЮНЕСКО и ее структурам, которые осуществляют определенные действия с целью формирования нового взгляда на роль молодежи в межкультурном сотрудничестве. Часть важных действий, благоприятствующих активному вовлечению молодежи в деятельность ЮНЕСКО также была отражена в Декларации принципов международного культурного сотрудничества (04 ноября 1966 г., Париж). В частности, были озвучены призывы к мировому сообществу «уделять особое внимание нравственному и интеллектуальному воспитанию молодежи в духе дружбы, международного взаимопонимания и мира» [5, с.404-406]. И это до сих пор остается одной из приоритетных задач в деятельности ЮНЕСКО в области молодежи. Кроме того, впервые на 15-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО (1968 г.) был представлен доклад о молодежи. Доклад отражал определенный взгляд на молодежь, обусловленный не только общетеоретическим пониманием ее роли в мире, но также реалиями исторического периода.

Важным периодом в развитии структур, направленным на активное институциональное взаимодействие с молодежной средой характеризуется период 70-х и 80-х гг. Именно в это время отличительной тенденцией, является возрастание интереса ЮНЕСКО к молодежной политике. Практика ее деятельности свидетельствует о многочисленных фактах, где ЮНЕСКО по наиболее актуальным и острым проблемам молодежи активно сотрудничает с различными структурами, а также крупными международными молодежными организациями. Одна из таких проблем, как массовый характер молодежной безработицы в Европе вынудила ЮНЕСКО активизировать сотрудничество с Молодежной комиссией Всемирной Федерации профсоюзов (ВФП), Международным союзом студентов (МСС), Всемирной федерацией демократической молодежи (ВФДМ), Европейским молодежным фондом (ЕМФ). Определенный тон этому сотрудничеству задала региональная Европейская конференция ЮНЕСКО (Венеция, 1977 г.) на тему: Влияние экономического положения на доступ молодежи к образованию, культуре и труду», благодаря которой открывается новые возможности для проведения коллективных консультаций неправительственных организаций относительно плана работы Департамента молодежи и т.д. [3, с.66-67]. Следует отметить, что признание о необходимости создания специальной структуры, занимающейся актуальными вопросами молодежной среды в рамках Секретариата ЮНЕСКО – было выполнено в 1974 г., когда в секторе социальных наук появилось отделение молодежи и спорта. Данный институт, обеспечивая выполнения программ и действий Организации в сфере работы с молодежью, акцентирует внимание на следующие цели: поддержка и постоянный диалог с молодыми людьми, чтобы лучше понимать их ситуацию, их нужды и стремления; поддержка участия молодых людей в непрерывном развитии (молодежные неправительственные организации, содействие молодежному обмену, участие в добровольных программах и т.д.); способствовать развитию физического образования и спорта.

В условиях эпохи обновления, установления нового мирового порядка, ЮНЕСКО становится ареной ак-

тивного международного взаимодействия все больше привлекающего представителей народов и культур в свою орбиту. В свою очередь для их диалога, как отмечает руководитель отдела молодежи, спорта и преподавания физкультуры ЮНЕСКО Мария Хелена Хенрикес Мюллер «нужны взгляды, идеи и действия молодежи»[4].Следовательно, традиционная модель международного взаимодействия ЮНЕСКО с молодежью, в новых условиях постепенно приобретает иные качества институлизации, возникает необходимость в новом понимании роли молодежи в современном мире[2]. В 90-х гг. молодежь наравне с другими проблемами становится одной из ключевых тем деятельности ЮНЕСКО. С 1995 г., было привлечено пристальное внимание к молодежи, в качестве одной из четырех приоритетных групп деятельности ЮНЕСКО. Она последовательно действует в области работы с молодежью, создавая новые программы и институциональные механизмы для эффективной работы с молодежью. Одной из главных ее задач является стать местом встречи представителей различных народов, культур, и с этой целью активно используются новые международные площадки и механизмы, созданные для обмена мнениями и действиями. Существует понимание того, что проблемы молодежи на международном уровне невозможно решить без активного диалога молодежи и ее организаций и институтов. Поэтому, сегодня в рамках ЮНЕСКО существует острая потребность обмена опытом в этой области.

В своем стремлении к созданию и укреплению партнерских отношений по всему миру, в рамках ЮНЕСКО были созданы различные институциональные механизмы, а также заметно увеличилось число международных встреч с участием молодежи. Молодежные структуры являются ключевыми участниками в ее миссии, чтобы внести свой вклад в строительство мира, искоренению нищеты, устойчивому развитию и межкультурному диалогу. Наравне с другими, в активном общении с молодежью в последнее десятилетие важная роль отведена одному из ключевых институциональных механизмов для регулярных встреч молодежи - Молодежному Форуму Генеральной конференции, как было отмечено выше, неотъемлемой составной части высшего органа ЮНЕСКО.

Форум собирает молодых людей со всего мира для принятия решений и действий, что в свою очередь отражает приверженность ЮНЕСКО к привлечению молодежи на всех уровнях принятия решений. Это своего рода инновационная платформа для обмена знаниями и опытом относительно роли молодежи в деле служения миру и развитию. Для понимания усиления роли молодежи в этом процессе, обратим внимание на некоторые данные относительно регулярно проводившихся форумов.

1-й Молодежный Форум проходил в1999 г., где присутствовало 120 участников из государств-членов, и наблюдателей от организации активность в области молодежи;

2-й Молодежный Форум (2001):131 участник из 83 государств-членов и наблюдателей от организации активность в области молодежи. Большинство дебатов состоялось в дискуссионных группах, которые были начаты с презентациями молодых делегатов и ЮНЕСКО, представителей Сектора.

После успеха первых двух Форумов, в 2003 г. Генеральная Конференция принимает решение об институционализации Молодежного Форума, что делает его неотъемлемой частью каждой сессии Генеральной Конференции ЮНЕСКО. В свою очередь, это демонстрирует повышение интереса молодежи и ее приверженность, дает возможность увидеть их взгляды и стремления, представленные в программах и действиях. Окончательный Доклад участников Форума представляется в Генеральной Конференции;

3-й Молодежный Форум (2003 г.) собирает 154 участника из 105 государств-членов и наблюдателей из 22 организации, действующих в области молодежи. Ключевой темой Форума является ЮНЕСКО и молодежь: Взаимодействие;

4-й Молодежный Форум (2005 г.) 189 делегатов из 129 государств-членов, и 48 наблюдателей от организации активность в области молодежи. Центральной темой Форума является Молодежь и диалог между цивилизациями, культурами и народами: идеи для действий в образования, науки, культуры и коммуникации. Впервые стали проводиться Региональные Молодежные Форумы ЮНЕСКО (2006-2007 гг.). В частности были проведены Молодежный фестиваль (17-22 июля 2006 г. Таити), Средиземноморское Молодежный Форум (16-19 ноября 2006 г., Кипр), Азиатский Молодежный Форум (25-29 июня 2007 г., Республика Корея), Молодежный Форум Америки (9-15 сентября 2007, Мексика) и Африканский Молодежный Форум (24-28 сентября 2007 г., Буркина- Фасо). Эти Форумы, рассматривая в основном, специфичные для этих регионов проблемы, способствовали развитию партнерских отношений и связей между молодыми люди, молодежными организациями, ЮНЕСКО и другими партнерами на региональном уровне.

5-й Молодежный Форум " (2007): 174 делегата из 116 государств-членов, и 87 наблюдателей от организации активность в области молодежи. Наиболее обсуждаемыми вопросами форума становятся: наука и технологии для устойчивого развития, образование и экономическое развитие. Это дало возможность для представителей молодежи внести свой вклад в работу круглых столов на уровне министров, которая состоялась в ходе Генеральной Конференции на темах Форума.

6-ой Форум проходил с 1 по 3 октября 2009 г. с участием 147 представителей молодежных организаций из 99 стран. Форум проходил под девизом Наш вклад в преодоление кризиса, и основная цель его была направлена на укрепление сотрудничества между молодежью и ЮНЕСКО[10, s.12-18].

7-ой Форум, (с 17 по 20 октября 2011 г.) собирал молодых людей из всех государств-членов и национальных сообществ всего мира, а также представителей различных ведомств ООН, межправительственных организаций, академических кругов и частного сектора. В рамках Форума был рассмотрен тезис: «Молодежь как движущая сила преобразований», были обсуждены многочисленные способы, которыми молодые люди могут менять мир. В

частности, обсуждение проводилось по трем основным тематическим направлениям: молодежь в политической и общественной жизни, устранение барьеров для молодежи в сфере трудоустройства, и борьба с социальной изоляцией, уязвимостью и насилием в молодежной среде[6].

Поступательная деятельность ЮНЕСКО наглядно демонстрируется и в рамках 8-го форума проходящего в 2013 г. ЮНЕСКО объявляет конкурс 15 лучших проектов (по 3 от каждого региона). Проекты были «сертифицированы» знаком «8-й Молодежный форум ЮНЕСКО» и в период между 8-м и 9-м (2015 г.) Молодежными форумами будут реализованы под руководством молодых людей, и с их участием. Отбор и утверждение, соответствующих стратегии ЮНЕСКО в отношении молодежи на 2014-2021 гг., стало одним из важнейших итогов 8-го Молодежного форума ЮНЕСКО[9].

Поэтому, особый интерес представляют обозначенные темы проходящих форумов, которые по-прежнему связанны по наиболее важным проблемам современности. С учетом того, что в современных условиях гуманитарные проблемы требуют к себе пристального внимания, и со стороны международной молодежной среды необходимость в подобных институтах востребована.

Возрастающую роль Форума в гуманитарном миропонимании современного мира, следовательно, его влияние на молодежь, как на динамичный субъект общества можно оценить по-разному. Анализ проходивших форумов показывает, что данная площадка, формируя позиции молодежи, чтобы ее взгляды на различные вызовы современности не только были услышаны, но и актуализированы в обеспечении принятия решений с представителями молодого поколения. Вместе с тем, уникальность Форума состоит в том, что в рамках системы ЮНЕСКО это единственный глобальный институциональный механизм для регулярного участия молодежи, где участникам предоставляются возможности представить свои рекомендации высшим органам, а также представителям государств-членов ЮНЕСКО.

Вместе с тем, следует отметить, что как и другие институциональные структуры, Форум ЮНЕСКО, в силу отсутствия эффективных механизмов действия в молодежной среде не в стоянии качественно представлять позиции всей молодежи с учетом реальных действующих объективных тенденций в мире. Следовательно, снижение эффекта от такой деятельности на разнонаправленные запросы молодежи говорит о том, что в молодежной среде роль ЮНЕСКО воспринимается как почетное, но не обладающее реальными рычагами разрешения острых проблем в молодежной среде. Особенно в условиях острых гуманитарных проблем и конфликтности, особенно явно имеющее межнациональное и межцвивилизационное измерение, деятельность Форума не всегда эффективна. Часто, его роль сводится к декларативным призывам, адресованных государствам-членам ЮНЕСКО, чем к реальным действиям, направленным на минимизацию масштабов этих проблем с непосредственным участием и использованием потенциала молодежной среды.

Таким образом, несмотря на некоторые критические подходы, относительно его деятельности можно отметить, что получившая форму институлизации, роль Молодежного форума в организованной молодежной среде неуклонно возрастает, следовательно, он становится неким инновационным полигоном для освоения участниками навыков самоуправления, лидерства, реализации проектов молодежи, с учетом существующих эффективных форм сотрудничества молодежи на международной арене. Существующая модель и расширяющаяся граница форм взаимодействия в рамках Форума, открывают молодежи не только дорогу в мир новых возможностей, но и на глобальном уровне придает дополнительный институциональный механизм в качестве субъекта международного гуманитарного сотрудничества.

Список литературы

1. Белекова А.Т. Проблемы и перспективы деятельности ЮНЕСКО в контексте современных международных отношений : автореферат дис. ... кандидата политических наук : 23.00.04. - Москва, 2008.- 31 с.
2. Ильинский И.М. Молодежь в процессе развития. [Электронный ресурс].URL: http://www.mosgu.ru/_subdomains/ilinskiy/publications/stat/molrazv.php (дата обращения: 05.07. 2014)
3. Каргалова М.В. Молодежь Европы в поисках выхода/М.В. Каргалова – М.:Профиздат, 1990. – 215 с.
4. Мария Хелена Хенрикес Мюллер. Молодежь и диалог цивилизаций, культур и народов [Электронный ресурс]. URL:http://www.coe.int/t/dg4/youth/Source/Resources/Forum21/Issue_ No10/N10_dialogue_civilisations_ru.pdf (дата обращения: 28.07.2014)
5. Международные нормативные акты ЮНЕСКО. – М.: Логос, 1993. – 639 с.
6. Молодежь – движущая сила преобразований: Молодежный форум ЮНЕСКО, 2011 г. [Электронныйресурс].URL:http://www.unesco.org/new/ru/media-services/single-view/news/how_youth_drive_change_unesco_youth_forum_2011/ (дата обращения: 27.07.2014)
7. 7.Резолюция 2037(XX) от 7 декабря 1965 г. Декларация о распространении среди молодежи идеалов мира, взаимного уважения и взаимопонимания между народами// Генеральная Ассамблея. -Двадцатая сессия.
8. 8.ЮНЕСКО: работа с молодежью и для молодежи[Электронный ресурс].URL: http://www.unesco.org/new/ru/social-and-human-sciences/themes/youth/(дата обращения:05.08. 2014)
9. Social and human sciences. 8th UNESCO Youth Forum: Let the world's youth speak out! [Электронный ресурс].URL: http://www.unesco.org/new/en/social-and-human-sciences/themes/youth/sv13/news/8th_unesco_youth_forum_let_the_worlds_youth_speak_
10. out/#.Uy3LCM5P-ho(дата обращения: 07.08. 2014)
11. The UNESCO YOUTH FORUM: Celebrating a Decade of Youth Participation, Paris, UNESCO, 2011, 64 p.

ВЛИЯНИЕ АГРАРНОЙ РЕФОРМЫ НАЧАЛА XX ВЕКА НА РАЗВИТИЕ КООПЕРАЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ

Гагиева Анна Капитоновна
Доктор исторических наук, доцент кафедра документоведения и архивоведения

INFLUENCE OF AGRARIAN REFORM OF THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY ON COOPERATION DEVELOPMENT WITHIN EUROPEAN RUSSIAN NORTH

Anna Kapitonovna Gagieva, Doctor in History, Associate Professor Department of Documentation and Archival Science

Аннотация

В статье рассматривается влияние аграрной реформы начала прошлого века на развитие кооперации на Европейском Севере России. Впервые выявлена взаимосвязь проводимых государственных преобразований, которые оказали серьезное влияние на развитие крестьянской кооперации. Автор, на основе архивных документов, показывает особенности формирования кооперации на Европейском Севере России.

Abstract

The author considers agrarian reform influence on cooperation development within the European Russian North of the beginning of the previous century, for the first time reveals the correlation of conducted transformations with social, self-governing, self-organizing peasants' organizations development - cooperatives with state reformation, basing on archival documents shows the features of cooperation formation within the European Russian North, where Stolypin agrarian reforms exerted determining influence

Ключевые слова и фразы: община; уезд; процесс капитализации; надельная земля; П. А. Столыпин; кооперация; маслоделательные артели; Союз потребительских обществ.

Key words and phrases: community; district; capitalization process; allotment land; P. A. Stolypin; cooperation; butter-making cooperative associations; Union of Consumer Societies.

Актуальность исследования вопросов, связанных с аграрной реформой начала XX века, сохраняется до настоящего времени [5]. Особую значимость исследуемым вопросам придает то обстоятельство, что, во-первых, столыпинская аграрная реформа проходила по-разному в разных регионах России, а, во-вторых, оценка этой реформы, на протяжении изучаемого и последующего времени, не была однозначной. До настоящего времени не нашли глубокого освещения вопросы, связанные с влиянием реформы на развитие кооперации Европейского Севера. В исследованиях представителей дореволюционной исторической школы неоднократно говорилось о положительном влиянии аграрной реформы не только на развитие страны, но и на развитие кооперативного движения в целом. Советские историки, зачастую подчеркивая определенную прогрессивность столыпинских преобразований, негативно оценивали в целом и саму реформу, и ее последствия [9]. Так, С. М. Дубровский, оценивая ход проведения реформы и укрепления земли в личную собственность в общероссийском масштабе, полагал, что подобное положение является следствием усиления административного нажима на крестьян, которых просто заставляли составлять ходатайства на выход из общины [3, с. 212]. При всем многообразии работ по истории кооперации, как в досоветское, так и в советское время, вопросы, непосредственно касающиеся влияния реформ на развитие кооперации отдельно взятых регионов (в нашем случае – Европейский Север), не рассматривались вообще. Исключением, пожалуй, будет работа И. Н. Коновалова [6].

Целью настоящей статьи является показать на материалах Вологодской губернии влияние аграрной реформы начала XX века на развитие кооперативного движения. Для достижения поставленной цели были использованы как опубликованные [7], так и неопубликованные источники [2].

Вологодская губерния в исследуемое время включала 10 уездов: Кадниковский, Вологодский, Грязовецкий, Никольский, Великоустюгский, Сольвычегодский, Тотемский, Вельский, Яренский и Устьсысольский. Население, проживающее здесь, относилось к крестьянскому сословию. К началу столыпинской реформы (1906 год) из общего количества земель в 34 939 643 дес. в собственности государства и учреждений находилось 29 760 347 дес. или 85,2%. Крестьяне имели 4 430 630 дес. - 12,7%. Помещичье землевладение было распространено и сосредотачивалось в основном в трех юго-западных уездах – Вологодском, Грязовецком и Кадниковском. Общее количество этих земель составляло 248 794 дес. или 0,4% [8, с. 10].

Все крестьянские земли делились на общинные (надельные) и земли в частной собственности. Общинные земли составляли 3 699 772 дес., в частной собственности находилось 731 258 дес. [8, с.10]. Земли крестьянской собственности составляли 16,5% от общего количества. Однако в разных уездах губернии процесс капитализации земель был разным. Так, в Кадниковском, Вологодском, Грязовецком он составил 48,8%, 39,9% и 29,3% соответственно, а в Яренском и Устьсысольском уездах – 2,3% и 0,4% соответственно [8, с.10].

Вместе с тем, масса надельных земель в силу своего особого правого положения еще не была включена в процесс мобилизации. Указ от 9 ноября 1906 года, разрешавший укрепить землю в личную собственность, имел своей целью ускорить этот процесс. С 1906 по 1914 гг. на изучаемой территории заявили ходатайство об укреплении земли в частную собственность 28 933 домохозяев, что составило 12% от общего количества крестьян-общинников. В Вологодском уезде – 22,5%, Грязовецком – 16,4%, Кадниковском – 15,8%, Никольском – 15,3%, Великоустюгском – 13,8%, Тотемском – 8,8%, Сольвычегод-

ском – 4,6%, Вельском -4,3%. В Яренском и Устьсысольском уездах землеустроительные комиссии вообще не образовывались [7, с.37]. Сравнение этих данных с данными распространенности частной собственности позволяет предположить, что наметившиеся тенденции капиталистической мобилизации земель нашли свое выражение в укреплении земель в рамках столыпинского законодательства. Вологодский, Грязовецкий и Кадниковский уезды дали самый высокий процент получивших от общества мирской приговор об укреплении земель в собственность (91,4% и 88,2%), тогда как Вельский и Никольский – 48,0% и 47,9% соответственно [7, с. 37-38].

Вместе с тем, следует отметить, что крестьянство, получившее в личную собственность землю, не имело полной свободы в деле продажи, покупки и аренды земель. В Государственном архиве Вологодской области имеется достаточно большой массив документов с просьбами крестьян о покупке, продаже, аренде земель, которые удовлетворялись не всегда [2, д. 132, 276, 431].

Это было связано, на наш взгляд, с запутанностью земельных отношений, неразвитостью законодательства в сфере землевладения и землепользования, а также незавершенностью законодательного процесса. Как показывают архивные документы, власти на местах и не стремились ликвидировать все барьеры в развитии крестьянского хозяйства. Правительство не просто вмешивалось – оно диктовало крестьянину условия ведения его хозяйства. В документах землеустроительных комиссий имеется масса примеров, показывающих, насколько стеснены были правовые возможности крестьян, например, в области покупки земли. Так, крестьяне д. Свиньинской, Устьвельской волости, Вельского уезда решили купить землю у Вельского удельного округа. Прежде чем продать эту землю, округ затребовал у землеустроительной комиссии сведения о посемейно-имущественном положении каждого из 34 домохозяев. Сведения эти включали: количество земли на каждое крестьянское хозяйство, количество лошадей, количество в хозяйстве рабочей силы. Хозяйства, имевшие больше 21 дес. земли, из пайщиков при покупке были исключены. Для остальных хозяйств было разрешено продать лишь столько земли, сколько не достает до указанной нормы в 21 дес. [2, д.237]. Попытка отдельных домохозяев обратиться в Вельскую землеустроительную комиссию успеха не имела [2, д. 86, л. 74-81]. И это несмотря на то, что земля должна была отводиться крестьянам в виде отрубов [2, д. 529, л. 7-8].

Однако крестьянство Вологодской губернии, как показывают данные земской статистики, особенно после аграрной реформы, начинают активно создавать инициативные общественные организации, принявшие форму кооперативов. Основной упор был сделан на сельскохозяйственную кооперацию и развитие маслодельного производства. Известно, что первая молочная артель в Вологодской губернии возникла в 1895 году, а в 1895, 1896, 1899 годах вологодские маслоделы уже принимали участие в выставках масла в Москве, Санкт-Петербурге, Нижнем Новгороде. В 1899 году отмечено активное участие вологодских маслодельных кооперативов в молочном съезде в г. Ярославле [1, с. 34].

Следует отметить, что природные условия Вологодской губернии не способствовали развитию здесь крупного зернового хозяйства, поэтому крестьянство, объединяясь в артели, а в дальнейшем в кооперативы, решало задачи самообеспечения и саморазвития через те или иные формы кооперирования. Так, маслодельная кооперация была характерна для Вологодского, Грязовецкого и Кадниковского уезда. В Никольском, Тотемском, Вельском, Великоустюжском уездах в основном развивалась сельскохозяйственная кооперация по выращиванию овощей и производству молока, а на территории Яренского и Устьсысольского уездов - потребительская кооперация [1, с. 36].

Организованность кооперативному движению придавала деятельность Вологодского общества сельского хозяйства (ВОСХ), особенно его коммерческого отдела, ставшего в 1906 году, сразу после опубликования Указа от 9 ноября 1906 года, самостоятельной организацией. Следует отметить, что итогом этой работы явился первый съезд кооперативов Вологодской губернии, проходивший в августе 1915 года. По данным И. Н. Коновалова, количество кооперативов по производству сельскохозяйственной продукции и маслодельных артелей на изучаемой территории с 1906 по 1911 год выросло в десятки раз [6, с. 120].

Широкое развитие кооперации на изучаемой территории приводило не только к тому, что крестьянство через кооперацию начинает вовлекаться в «стихию» рынка, но и к тому, что вместе с ним в вологодскую деревню приходят новые отношения, которые полностью используют ресурсы крестьянского хозяйства. Это выразилось как в формах кооперативных объединений, так и в видах кооперативной деятельности.

Список литературы

1. Богданов Б., Воровский В. Маслодельные артели в Вологодской губернии: по данным анкеты ВОСХ. Вологда, 1915. 125 с.
2. Государственный архив Вологодской области (ГАВО). Ф. 287. Оп. 1.
3. Дубровский С. М. Столыпинская аграрная реформа. М., 1963. 265 с.
4. Ефремов П. Н**.** Столыпинская аграрная политика. М.: Наука, 1941. 176 с.
5. Карнишин В. Ю**.** Политический аспект Российской модернизации в начале XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 5. Ч.4 С. 91-94.
6. Коновалов **И. Н.** Крестьянская кооперация в России (1900-1917 гг.). Саратов: Изд-во ФГОУ ВПО «Саратовский ГАУ», 1998. 216 с.
7. Обзоры Вологодской губернии за 1906-1914 **гг.**: сб. ст. / под ред. В. Воровского. Вологда, 1914. 135 с.
8. Статистика землевладения 1905 г**.** СПб., 1905. Вып. 17. 89 с.
9. Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. М.: Наука, 1974. 365 с.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ЯРОСЛАВСКОЙ ГУБЕРНСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ В 1918 ГОДУ

Гурьянов Павел Игоревич
Соискатель на степень кандидата исторических наук, кафедра истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

SOME QUESTIONS OF HISTORY YAROSLAVL PROVINCIAL MANAGEMENT OF MILITIA IN 1918.
Guryanov Pavel, The competitor on degree of the candidate of historical sciences, chair of history of Russia of the Yaroslavl state university of P. G. Demidov.

Аннотация.
В статье автором рассматриваются вопросы формирования и реорганизации управления милиции Ярославской губернии в 1918 году, даны краткие характеристики основным направлениям деятельности губернского управления милиции.
Abstract.
In article the author considers questions of formation and reorganization of management of militia of the Yaroslavl province in 1918, short characteristics are given to the main activities of provincial management of militia.
Ключевые слова: милиция, губернский, управление, милиционеры.
Keywords: militia, provincial, management, militiamen.

Октябрьская социалистическая революция внесла новые изменения в жизнь России. Место ведущего класса заняли рабочие, крестьяне, люди труда. После Второго Всероссийского съезда советов, который закрепил ликвидацию Временного правительства и установление власти советов, Совет народных комиссаров. Одним из тринадцати организованных комиссариатов был НКВД – народный комиссариат внутренних дел. НКВД был наделен широкими полномочиями и выполнял различные функции: практическое руководство строительством советов на местах, охрана общественного порядка в стране и многие другие. Органы гражданской милиции, учрежденные при Временном правительстве, были расформированы или ликвидированы, взамен которой учреждалась рабочая милиция.

В Ярославле 18 ноября 1917 года городская управа выпустила обращение к гражданам Ярославля, где говорилось о разоружении 13 ноября городской милиции отрядом Красной гвардии и фактическом отстранении избранного городской думой начальника милиции [11, с. 8]. Сразу после революции Ярославским милиционерам пришлось выполнять самые различные функции. Они наблюдали за правопорядком на улицах, искали преступников, оформляли документы, следили за санитарным состоянием населенных пунктов, боролись с антикоммунистическими и антисоветскими проявлениями. Первым руководителем милиции в Ярославской губернии – губернским комиссаром гражданской милиции, стал Ф.М. Горбунов.

А.Ф. Грачев приводит воспоминания сотрудника Ярославского уголовного розыска Константина Ивановича Орловского: «Милиция тогда не отвечала тому названию, которое она имеет теперь. Мы были просто солдаты. И жили в казармах. И выходили по команде взводного начальника. Мы шли на станцию, как заградительный отряд, выезжали в села по хлебной реквизиции, ловили грабителей в деревнях. Но милиции, как таковой, тогда не было… И служба была трудная» [11, с. 10]. Многие уходили из рядов милиции, так как такая работа была им не понятна.

В феврале 1918 года Ярославская гражданская милиция состояла из отряда конных милиционеров, губернского летучего отряда милиционеров и шести участков гражданской милиции [1, с. 50-56]. В марте начальнику гражданской милиции предписывалось провести полную реорганизацию и реформирование милиции. Предписывалось усилить охрану Ярославля в ночное время, оплату труда милиционеров производить из бюджетных средств, все сотрудники милиции должны были заняты только на службе в милиции и нигде более, необходимо уволить всех милиционеров, не представивших рекомендации «демократических» партий [3, с. 3, 16].

В мае 1918 года состоялся съезд начальников уездных милиций, на котором были подведены итоги первых лет организации советской милиции. Заведующий отделом управления губернского исполкома П.А. Будкин призвал милиционеров к бдительности, борьбе за правопорядок и честность: «Слово милиционер должно быть священным» [5, с. 79].

9 мая 1918 года в приказе по управлению милиции сообщалось об организации двух отделов: железнодорожной милиции и речной милиции. 10 мая 1918 года НКВД принял решение преобразовать милицию в орган с постоянной численностью служащих, который осуществлял функции, отличные от функций Красной Армии и ВЧК, а 5 июня был опубликован соответствующий нормативный акт. В июне 1918 года в связи с реорганизацией местных советов, произошло переподчинение милиции губернскому исполкому на правах подотдела.

В приказе по губернскому отделу управления приводились причины, по которым милиция должна быть сохранена. «В условиях чрезвычайного времени, требующего спешного установления правопорядка, следует отказаться от полного уничтожения милиции, как специального штата наемных лиц, несущих охрану внутренней, личной, имущественной безопасности граждан. Замена милиции Красной армией и Красной гвардией не привела к успеху, так как они выполняли только охранные функции, не занимаясь политическими функциями. Сама милиция должна комплектоваться честными, искренне преданными советской власти людьми» [1, с. 208].

Стоит упомянуть о роли милиции в событиях Белогвардейского мятежа в 1918 году в Ярославле. А.Ф. Грачев приводит установившуюся точку зрения на роль милиции в мятеже. Она выражается в том, что милиция предала советскую власть и перешла на сторону мятежников.

Например, Балашов в книге «Пламя над Волгой», посвященной событиям Ярославского мятежа, указывает, что при вступлении белых в город на их сторону перешла конная милиция Ярославля. Упоминаются также два лица, которые служили в милиции и заняли сторону мятежников. Это начальник уголовного розыска Греков и некий Фалалеев, которого именовали то начальником городской милиции, то комиссаром милиции. Утверждается, что они оба преследовали советских работников. Греков действительно был сотрудником уголовного розыска, но был уволен еще до мятежа. Кем же служил в милиции Фалалеев и служил ли неизвестно. Но быть начальником городской милиции быть он не мог, так как эту должность занимал И. Мухин, который позже вспоминал: «Впоследствии были нарекания на Ярославскую милицию, что она допустила ярославский мятеж и якобы сама участвовала против власти. Но это ни на чем не основанное оскорбление. Возможно, что участвовали те элементы, которые были уволены во время реорганизации, и часть малодушных товарищей, попавших в тяжелые объективные обстоятельства» [11, с. 11]. Если бы Фалалеев руководил милицией в губернском исполкоме, то должны были бы остаться документы за его подписью, а таких документов нет. К тому же заведующим административным отделом губернского исполкома был П. Будкин. Начальником уголовной милиции он также не мог быть, так как им являлся И.Д. Шамрай, арестованный во время мятежа и занявший эту должность впоследствии снова. То, что некий Фалалеев не был начальником милиции, указывает следующий факт. 29 апреля 1919 года состоялось заседание Ярославской губернской ЧК, на котором рассматривался вопрос о наложении наказания на гражданина В.Ф. Иванова. Члены ЧК указали, что Иванов был активным участником ярославского мятежа, во время которого Иванов исполнял обязанности начальника милиции. К нему как активному мятежнику была применена высшая мера наказания [12, с. 118]. Но в протоколе заседания не указано, начальником какого подразделения милиции являлся Иванов, так как в Ярославле было несколько районных управлений, а начальником всей городской милиции был Мухин. Весь остальной состав уголовной милиции также остался прежним.

После подавления восстания, сотрудниками общей и уголовной милиции проводились собрания, на которых обсуждалось тяжелое состояние милицейской работы. И.Д. Шамрай, начальник уголовной милиции подготовил доклад для административного отдела губернского исполкома, где указал, что с 20 июля по 20 августа было раскрыто 45 преступлений, состояние уголовно-розыскного дела не на высоте, просил вооружить сотрудников уголовного розыска огнестрельным оружием, снабдить фонарями, дать ездовую лошадь и многое другое. Также указал, что ответственные сотрудники уголовной милиции стоят на советской платформе, знают сыскное дело, преступный элемент, быстро раскрывающие преступления, энергичные и честные работники [6, с. 171].

30 июля 1918 г. начальник губернской милиции Казаданов был смещен с должности, вместо него руководство милицией принял его заместитель Мухин.

В середине 1918 года НКВД обязал местные советы представить сведения о руководящем составе милиции, провести полную перерегистрацию, уволить из её рядов всех настроенных враждебно или просто нейтрально по отношению к советской власти, тех, кто недобросовестно выполняет, возложенные на них обязанности. «Милиция – орган Советской власти. Поэтому не может быть никакой речи о нейтрализме, безучастности милиции по отношению к борьбе рабочего класса и беднейшего крестьянства со своими как внутренними, так и внешними врагами». НКВД четко прописал, что в органах уголовного розыска не могут находиться лица, хоть и незаменимые специалисты, участвовавшие в политическом сыске до Октябрьской революции.

15 августа в приказе по Губернскому отделу управления до руководителей до сведения милиционеров была доведена информация о реорганизации советов и организации милиции на правах подотдела губернского исполкома. Подотдел милиции ведал всеми делами милиции в губернии, проводил ревизии уездных управлений, руководил и направлял деятельность начальников уездных управлений. Милиция рассматривала протоколы, дознания, принимала заявления граждан о замеченных непорядках и жалобы, в том числе и на действия сотрудников милиции [4, с. 1].

В отчетах управлений, в различных приказах главного управления милиции указывалось требование о повышении дисциплины среди милиционеров. Здесь необходимо отметить, что сложно требовать соблюдения дисциплины среди рядового состава, если даже руководящие лица нарушали её. А именно заведующий подотделом милиции Казаданов был отправлен в отпуск 15 августа. Мухин, на время отсутствия Казаданова, исполнял функции начальника милиции губернии. 16 сентября отдел управления Ярославкой губернии, в виду не явки Казаданова на службу, вынужден был уволить его со службы, и назначить Мухина губернским начальником [8, с. 20]. Т.о. начальник губернского управления милиции – органа, осуществлявшего охрану революционного порядка, сотрудники которого, прежде всего, должны были соблюдать революционную дисциплину, нарушил обязательные к исполнению должностные инструкции и установки советской власти.

В приказе по управлению милиции от 18 сентября сообщалось, что все служащие милиции независимо от занимаемой должности при мобилизациях подлежали призыву на равных основаниях со всеми трудящимися и никакой отсрочкой не пользовались. Только в отдельных случаях отделы управления через местные исполкомы могли возбуждать ходатайство перед местным губернским военным комиссариатом о временном оставлении в их распоряжении особо нужных работников [7, с. 12].

25 октября в приказе по управлению милиции сотрудники губернской милиции были уведомлены о решении главного управления милиции, ни в коем случае, не принимать на службу в уголовно-розыскные отделения бывших сотрудников политического сыска, даже если они являлись незаменимыми работниками. Таких приказывалось увольнять со службы в милиции немедленно [3, с. 12].

В докладе от 30 ноября 1918 года начальник губернской милиции озвучил итоги. Начальник милиции указал, что на протяжении всего 1918 года существовало управлении милиции, но вследствие отсутствия людей работа не была налажена. К концу 1918 года губернская милиция окончательно была сформирована, т.к. в это время был полностью сформирован штат ответственных сотрудников и служащих милиции. Реорганизация милиции в уездах к концу 1918 года была почти закончена. Окончательному решению вопроса о полной реорганизации мешали призывы на военную службу значительного числа

милиционеров, комсостава, служащих. Более того, на военную службу призывались часто ответственные работники, хорошо знающие милицейское дело, заменить которых людьми такого же уровня было сложно [2, с. 162].

В декабре 1918 года произошла очередная смена руководителя милиции. Мухин был смещен, должность начальника губернской милиции занял секретарь губернского управления Пиндичук.

В декабре 1918 года заведующий управлением милиции Ярославской губернии указал на выполнение волостными милиционерами только общегражданских функций охраны, тогда как рабочая милиция являлась органом советской власти, и деятельность которой была направлена также на защиту революционных завоеваний и порядка. Учитывая малочисленность губернской ЧК, чья деятельность была направлена борьбу с контрреволюцией и различного рода проявлениями антисоветской деятельности, начальник Губмилиции приказал: 1) следить в волостях за отдельными личностями и группами, отличающимися поведением и составлять их «политический портрет»; 2) присутствовать на митингах и собраниях, следя за наиболее яркими ораторами; 3) не допускать всеми возможными мерами ведение антисоветской агитации, пресекая таковую самыми решительными действиями вплоть до ареста, а виновных направлять в ЧК; 4) установить особый надзор за буржуазией, церковнослужителями, учителями и бывшими старшинами [10, с. 215].

Для увеличения численного состава губернской милиции, 17 декабря 1918 года был опубликован приказ, обязывающий призывать на службу в милицию членов губернского исполкома. Призыву подлежало 50 процентов общего состава, остальные двумя равными частями также должны были быть призваны в милицию: через 2 месяца первые и через 8 месяцев остальные [9, с. 4].

В связи с тем, что милиция строилась как самостоятельные рабочие органы правопорядка, в каждой губернии и каждом уезде местные советы самостоятельно определяли численный состав. Центральные милицейские власти давали только рекомендации по набору сотрудников.

Обособленность каждого уездного управления милиции привела к тому, что была нарушена связь между уездными и губернскими управлениями, в губернии власти практически не интересовались жизнью уездных милиций. Летом 1918 года НКВД принял решение о реформировании милиции. В соответствии с инструкцией по организации милиции, рабочая охрана формировалась, как орган с постоянным численным составом милиционеров, четкой организационной структурой, правами и обязанностями.

Но, не смотря на, то, что фактически милиция была организована, общее состояние уездных управлений было не удовлетворительным. В реальности отсутствовала взаимосвязь между управлениями, были ярко выражены нехватка людей, прежде всего грамотных, обмундирования, вооружения, продуктов. Милиционеры очень часто не знали своих прямых обязанностей, совершали преступления. Результатом негативных последствий формирования стал факт того, что летом 1918 года милиция Ярославля во время Белогвардейского мятежа показала свою несостоятельность, когда была фактически рассеяна. Только к концу 1918 года губернское управление смогло наладить работу милиции, путем организации постоянных проверок и связи между губернским руководством и уездными управлениями.

Литература:

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)Ф. Р-238. оп. 1. ед. хр. 1. 250 л.
2. ГАЯО Ф. Р-238. оп. 1. ед. хр. 4. 239 л.
3. ГАЯО Ф. Р-1181 оп. 1. ед. хр. 1. 234 л.
4. ГАЯО Ф. Р-1363. оп. 1. ед. хр. 2а. 68 л.
5. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1. ед. хр. 6. 150 л.
6. ГАЯО Ф. Р-1363 оп. 1. ед. хр. 10. 125 л.
7. ГАЯО Ф. Р-1363. оп. 1. ед. хр. 11. 15 л.
8. ГАЯО Ф. Р-1363. оп. 1. ед. хр. 12. 250 л.
9. ГАЯО Ф. Р-1363. оп. 1. ед. хр. 22. 102 л.
10. ГАЯО Ф. Р-1363. оп. 1. ед. хр. 47. 55 л.
11. Грачев А. Ф. Объявлен розыск : краткий очерк истории ярославской милиции. Ярославль : Верхне-Волжское книжное изд-во, 1988. – 96 с.
12. Ярославская ГубЧК : на заре нового времени : Сборник документов и материалов по истории органов государственной безопасности Ярославской области : 1919-1922 : в 2 т. – Т. 2: в 2 ч.-М. : Граница, 2012, ч. 2. – 800 с.

ВЛИЯНИЕ ЛАТВИЙСКОЙ ПЕЧАТИ НА ПРЕДВЫБОРНУЮ КОМПАНИЮ В НАРОДНЫЙ СЕЙМ ЛАТВИИ В ИЮЛЕ 1940 Г.

Карнаухов Кирилл Александрович
Аспирант Алтайской Государственной Академии Образования им.В.М.Шукшина. г.Бийск.

THE INFLUENCE OF THE LATVIAN PRESS ELECTION CAMPAIGN IN THE NATIONAL SAEIMA OF LATVIA IN JULY 1940.

Graduate student of The Shukshin Altai State Academy of Education, Biysk.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выборам в Народный Сейм Латвии 14 и 15 июля 1940 г. Работа основана на данных Архива внешней политики Российской Федерации ранее рассекреченных, но не вводимых в научный оборот. Основными источниками исследования является периодическая печать Латвии, к ним мы относим центральные, коммунистические и местные газеты. Кроме того, в исследовании обзорно рассмотрены факторы, повлиявшие на победу в выборах «Блока трудового народа», в числе которых лояльность нового правительства Латвии, присутствие частей РККА и специального уполномоченного СССР в Латвии А.Я. Вышинского.

ABSTRACT

The article is devoted to the elections to the National Saeima on 14 and 15 July 1940 is based on data Foreign Policy Archives of the Russian Federation, previously declassified, but not entered in the scientific revolution. The main sources of this

study is to periodicals in Latvia, we refer to them central, Communist and local newspapers. In addition, the study examined surveillance factors that influenced the victory in the elections, "Bloc of the working people", including loyalty to the new government of Latvia, the presence of parts of the Red Army and the Soviet Union special representative in Latvia A.Y. Wyszynski.

Ключевые слова: Выборы в Народный сейм Латвии в 1940 г., предвыборные технологии, пресса, вхождение стран Балтии в состав СССР.

Keywords: Elections to the National Saeima of Latvia in 1940, election technology, media, accession of the Baltic States into the Soviet Union.

Выборы в народный сейм Латвии 14 и 15 июля 1940 г. до сих пор вызывают дискуссию у отечественных и зарубежных исследователей. Сторонники либерально-демократического направления отечественной историографии считают, что выборы и массовые демонстрации в Латвии и других Прибалтийских республиках были инсценированы «эмиссарами» (специальными уполномоченными СССР) кремля [1]. Этой же точки зрения придерживаются и их коллеги из стран Балтии, утверждая, что демонстрации носили менее массовый характер, и что выборы проходили с явными нарушениями и фальсификациями[2]. Сторонники другой позиции подчеркивают, что страны Балтии переживали революционный подъем, вызванный свержением авторитарных режимов, и то, что коммунистическая партия впервые с 1934 г. могла, открыто представлять свою программу[3]. Кроме того исследователи подчеркивают, что выборы в Латвии, Эстонии и Литве проходили впервые за десятилетие. Сторонники обеих позиций согласны с суждением о значимости фактора военного присутствия войск РККА в Прибалтике. Однако, если сторонники первого направления ставят армию и «эмиссаров» во главу угла, то вторые находят присутствие армии косвенным фактором, повлиявшим на исход выборов.

Роль армии и советских специальных уполномоченных в проведении выборов в народный сейм стран Балтии отрицать невозможно, однако, руководство СССР и новые правительства Латвии, Эстонии и Литвы желали создать видимость легитимности этих выборов. Ключевую роль в этом играли средства массовой информации- печать и радио. Печать стран Балтии активно поддерживала и восхищалась «свершениями» новых правительств, радио же озвучивало их постановления и транслировало передачи из СССР, создавая просоветское информационное пространство. Ярким примером тому служат заголовки передовиц центральных газет Латвии: «За мир и мирную политику»[4,Л.39], «Серьезность в борьбе- залог нашей победы»[4,Л.4] «Правительство энергично творит предусмотренную работу» [4,Л.18],«Народ ждет» [4,Л.63], «Подтверждение победы» [4,Л.46], «Победа достигнута» [4,Л.53], «Новый сейм – строитель новой демократии» [4,Л.55].

Центральная печать Латвии с 1937 г. была полностью подвержена цензуре, при министерстве общественных дел был создан отдел, в котором проходили цензуру тексты публичных выступлений на политические, общественные и культурные темы. [5,с. 494]. После ввода советских войск и формирования нового правительства, центральные печатные издания Латвии претерпели некоторые изменения. В одних газетах происходила смена руководства: «Постановлением правления с поста ответственного. редактора газеты «Брива. Земе» снят Страутманис, и временно и.о. назначен А.Балодис»[4,Л.37]. Другие издания и вовсе закрывались. Перемены в жизни латвийских газет трактовались в центральной прессе страны уже с точки зрения советской идеологии: ««Даугавас вестнесис» («Вестник Даугавы»-*прим. К.К*). прекращает свою работу. «Даугавас вестнесис» продолжал прежний путь, прививая массе читателей шовинизм и такую мысль, что в Латгалии не смеет быть своего особого духа и культуры. Это был хороший орган для пропаганды стремления господства, это был лживый орган печати об истинных обстоятельствах труда и жизни в государстве. С завтрашнего дня вместо «Даугавас вестнесис» выйдет новая газета «Тайснейба» («Справедливость», «Правда»- *К.К.*), которой будут руководить представители трудового народа и которая будет провозглашать идеи, цели нового времени»[4,Л.105]. После перехода компартии на легальное положение стали публиковаться новые издания. Об этом свидетельствует донесение полпреда СССР в Латвии В.К. Деревянского в НКИД: «Выходят следующие коммунистические газеты: 1."Циня" (на латышском языке) - орган ЦК компартии; 2. "Пролетарская правда" - орган Рижского комитета компартии (на русском языке); 3. "Латгальская правда" - орган Латгальского областного комитета партии (на русском языке). В Либаве выходят две коммунистические газеты - "Коммунист" (на латышском языке) и "Красное знамя" (на русском языке)»[6, с. 447].

Кроме реорганизации печатных изданий, новое правительство Латвии, совместно со специальным уполномоченным А.Я. Вышинским создали условия для распространения советских газет, так с 27 июня в республике стали доступны советские «Правда» и «Известия» [7,Л. 221]. В этих условиях проведение предвыборной компании «Блока Трудового народа» существенно облегчалось. После принятия закона о выборах, правительством Латвии была отправлена телеграмма И.В. Сталину, которая публиковалась в передовицах всех центральных газет. В телеграмме говорилось о том, что теперь народ Латвии сам способен решать свою судьбу и «возможность в действительной дружбе сотрудничать с великим Союзом Советских Социалистических Республик и его народами»[4,Л.15].

В программу «Блока Трудового народа» вошли требования демократических свобод, уменьшение налогов, демократизация армии, развитие национальной культуры. Вместе с тем, и новое правительство и специальный уполномоченный понимали, что не все перемены, связанные с приходом к власти коммунистов будут популярны среди населения. Переход от частного и хуторского земледелия к коллективному хозяйству не мог восприниматься в аграрной стране положительно, потому из предвыборной программы были исключены пункты о переходе к колхозам. Латвийская печать акцентировала внимание на этом: «Некоторые противники нового строя в деревне распространяют слухи, будто новое правительство и сейм заведут колхозы. Это неправда. Никто теперь об устройстве

колхозов еще не думал, и думать не станет. Колхозы для нас не годятся. В первую очередь надо помочь землей тем, у кого ее нет, но которые хотят сами ее обрабатывать»[4,Л.56]. Не говорилось в предвыборной программе и о вхождении в состав СССР, однако, дружба с Советским Союзом и сочувствие его мирной политике нашли отражение на страницах газеты «Циня» («Борьба»- *К.К.*). В газете от 12 июля 1940 г. под заголовком «За мир и мирную политику» был опубликован лозунг коммунистов «За мир, за хлеб, за свободу народа.», кроме того, в статье восхвалялась внешняя политика СССР и осуждалась деятельность Деладье и Чемберлена, и тех, кто в «старой Латвии» им сочувствовал. В адрес представителей «старой Латвии» печатались претензии, упреки и даже обвинения. В газете «Циня» было опубликовано письмо от видного деятеля бывшего крестьянского союза, где он обвинял К. Ульманиса в государственном перевороте, в том, что Ульманис воспитывал общество доносчиков и шпионов, в том, что давал доходную работу подхалимам и льстецам [4, Л.35]. К выборам в народный сейм не допускались иные партии, а независимые кандидатов тщательно проверялись и часто с трудом проходили на выборы.

Полная лояльность средств массовой информации и избирательной комиссии, в совокупности с фактором военного присутствия частей РККА, инсценированными манифестациями и митингами позволили «Блоку трудового народа» одержать уверенную победу на выборах в народный сейм 14 июля 1940 г. Результаты выборов говорят сами за себя: в выборах приняли участие 94,8%, за «Блок трудового народа» проголосовали 97,8%. Газеты «Брива Земе» и «РИТС» представили полную картину по избирательным участкам: «Рижский изб округ- 219.526, Видземский- 276. 555, Латгальский-304.982, Курземский - 175.589, Земгальский- 179.155, Итого 1.155.907 голосов» [4,Л.49]. Победа была встречена восторженными откликами печатных изданий. «Яунас Зиняс» от 15 июля опубликовала статью «Подтверждение победы», в которой подчеркивалось объединение нации в «мощную народную армию, которая разрушит все, что помешает ей на ее пути». В статье отмечалось великое значение Красной армии и компартии, кроме этого говорилось и светлом пути Ленина-Сталина, по которому теперь пойдет Латвия[4,Л.46]. Газета «Брива Земе» вышедшая 16 июля под заголовком «Победа достигнута», выдвигала требования к новому сейму и заверяла читателей, что новая власть решит проблему безработицы, «обеспечит старость трудящихся, даст медпомощь и принесет действительную свободу и демократию» [4,Л.53]. На следующий день «РИТС» в статье «Новый сейм- строитель новой демократии» восторгаясь избранным парламентом, отмечала, что новый строй «снимет все искусственно созданные перегородки между группировками разных народов», что шовинизм, национализм и бюрократия должны исчезнуть. Все газеты в конце статей восхваляли СССР, некоторые выражали благодарность лично И.В.Сталину.

Не прошло и недели после выборов, еще не прошло ни одного заседания сейма, как на улицы крупных городов вышли многотысячные демонстрации, с требованием вхождения в состав СССР, о чем свидетельствовали все латвийские газеты, подчеркивая волю демонстрантов: «Мы убеждены, что решение будет таково, что оно окажется на благо всему латышскому народу. Что решение это будет таким, которое нам в союзе с СССР обеспечит мир и мощное хозяйственное и культурное развитие. Даст нашим рабочим работу и хлеб, даст свободную светлую культурную жизнь» [4, Л.64].

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что вхождение в состав СССР стран Балтии в целом, и Латвии в частности, зависело от множества факторов: ввода частей РККА на их территорию, формирование лояльных правительств, выборов в народные сеймы, инсценированных манифестаций. Практически идентичный характер действий руководства СССР в странах Балтии, свидетельствует о том, что, фактически не учитывались этнические, культурные и экономические особенности этих стран. Выборы в народный сейм Латвии позволил закрепить латвийских коммунистов у власти и создать их руками условия для вхождения в СССР. Полному успеху «Блока трудового народа» на выборах 14 июля 1940 г. способствовала Латвийская пресса и радио, которые продвигали программу блока и, используя положительные отклики, склоняли общественное мнение в пользу левых сил. В печати не появлялось сведений о присоединении Латвии к СССР, о создании колхозов, о национализации имущества у представителей крупного капитала. Получившие абсолютное большинство представители «Блока Трудового народа» могли беспрепятственно готовить проект вхождения Латвии в состав СССР.

Библиографический список

1. Зубкова Е.Ю. Прибалтика и Кремль. 1940- 1953.- М.; Кантор Ю. Прибалтика: война без правил. Журнал Звезда 2011; Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939— август 1940)//Вопросы истории. 1991. № 1.; Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии. - М.: Высшая школа. 1992.
2. Блейере Д.В История Латвии XX век. Jumava.; Ильмярв М. Безмолвная капитуляция. Внешняя политика Эстонии, Латвии и Литвы между двумя войнами и утрата независимости (с середины 1920-х годов до аннексии в 1940). М., 2012; Карьяхярм Т. и Адамсон А. Поворотные моменты истории Эстонии. Сборник документов и материалов для гимназий. Издательство «Арго». Таллин 2005; Caune A. The hidden and forbidden history of Latvia under soviet and nazi occupations 1940-1991. Institute of the History of Latvia. Rīga 2005.; Mälksoo L. Illegal Annexation and State Continuity: The Case of the Incorporation of the Baltic States by the USSR. Martinus Nijhoff Publishers Leiden/Boston, 2003
3. Волков С.В. и Емельянов Ю.В. До и после секретных протоколов. Воениздат 1990; Гущин В.И. К событиям 1940 года в Латвии. Пространство и время №1(3) 2011; Орлов А.С. СССР и Прибалтика. 1939-1940 // Война и политика. 1939-1941. М., 2001; Шуранов Н.П. Политика кануна Великой Отечественной войны. Кемерово. 1992
4. АВП РФ Ф.210 Оп.21 П.31. Д.14
5. Ильмярв М. Указ. соч.
6. Полпреды сообщают…Сборник документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией. Август 1939- август 1940.М.:-«Международные отношения». 1990 г.
7. АВП РФ Ф 210 Оп 21 П. 30 Д 13

ХАРАКТЕР И ОСОБЕННОСТИ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКИХ И ВОСТОЧНЫХ КУПЦОВ НА ЯРМАРКАХ СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Казаков Алексей Александрович

Аспирант кафедры Регионоведения и международных отношений Ульяновского государственного университета

CHARACTER AND PECULIARITIES OF RUSSIAN AND EASTERN MERCHANT'S INTERACTION ON SIMBIRSK'S REGION FAIRS IN THE 1st HALF OF XIX CENTURY

Kazakov Aleksey, post-graduate student at the Department of Science about Regions at Ulyanovsk State University

АННОТАЦИЯ

Целью данной статьи является исследование механизмов и способов взаимодействия российских и восточных торговцев на ярмарках Симбирской губернии в первой половине XIX века. Основным методом стало сравнение объёмов экспорта и импорта некоторых товаров в масштабах Симбирской губернии и всей России. Наибольших масштабов достиг импорт скота, хлопка и шерсти, а экспорт – металлических изделий, хлеба и кожевенных изделий.

ABSTRACT

The aim of this article is research of mechanisms and methods Russian and Eastern merchant's interaction on Simbirsk's region fairs in the 1st half of XIX century. The comparison of export's and import's volume some goods in the scale of Simbirsk's region and all Russia is the general scientific method. The import of cattle, cotton, wool and export of metallic goods, broad and leather's goods reached the biggest scale.

Ключевые слова: восточные товары, экспорт, импорт, транспортировка, обмен.

Key words: Eastern goods, export, import, transfer, exchange.

Вслед за исследованием той роли, которую играла торговля восточными товарами в развитии промышленности, промыслов и сельского хозяйства Симбирской губернии в первой половине XIX века вполне логично будет рассмотреть основные механизмы и некоторые характерные особенности взаимодействия российских и восточных купцов. Для начала следует напомнить – активное торгово-экономическое взаимодействие российских и восточных торговцев зародилось ещё с возникновения Карсунской Троицкой ярмарки в 1660 году и постоянно расширялось. Соответственно, привоз как восточных так и российских товаров на ярмарки Симбирской губернии и на заставы Оренбургской губернии способствовал укреплению между азиатскими и российскими торговцами постоянных экономических связей. Ярмарки Симбирской губернии не являлись первыми или конечными пунктами провоза бухарских товаров и вполне могли перед этим быть закуплены на ярмарках других губерний для дальнейшего транзита вглубь России. Вполне возможны и другие варианты взаимодействий, участники которых постоянно менялись. С конца XVIII века всё больше и больше торговцев из государств Средней Азии, Ирана, Индии и Афганистана прибывало в Симбирскую губернию, а вслед за ними и российские подданные пускались в долгое и рискованное путешествие на Восток. Оно действительно таким и было, и после ряда серьёзных обострений с правительствами Бухарского эмирата и Хивинского ханства русские по национальности купцы чаще и чаще подвергались необоснованным поборам, грабежам, а в худшем случае попадали в рабство. Поэтому примерно с 1830-х годов, бывшие до этого посредниками, купцы татарской национальности перехватили инициативу в свои руки. Они, зная язык и культуру народов Средней Азии и будучи мусульманами, легко договаривались с азиатскими партнёрами, затем закупали товары прямо на заставах Оренбургской губернии. По сути, к середине XIX века на территории Симбирской губернии именно они стали основными торговцами, причём как местные, так и татары других губерний.

Подавляющее большинство товаров из Средней Азии попадали на территорию Симбирской губернии через таможни Оренбургской губернии и соответственно они постепенно могли стать пунктами активного товарообмена между купцами. На Оренбургском Меновом дворе обмен товаров между азиатскими купцами и российскими начинался 1 июля и продолжался до 1 октября. Торговля с Россией для населения Бухарского эмирата в их внешнеторговой деятельности прочно занимала первое место и товары привозили на таможенные заставы с помощью караванов верблюдов «в течении лета на три пункта Оренбургской и на один Сибирской. Первый караван выходит скоро после весеннего равноденствия и даже иногда прежде его» [34, с. 165]. Казахи, которых нанимали на перевозку товаров, сопровождали караваны в период, когда Сыр-Дарья покрыта льдом, так как это очень удобно. Товары из Оренбурга в Среднюю Азию и обратно доставлялись казахами, а цена за перевозку с одного верблюда по 44 и 45 рублей ассигнациями. С учётом того, что верблюд «везёт 17 и 18 пудов: выходит провозная плата 2 р. 50 к. с пуда ассигнац.» [9, с. 18].

На территорию Симбирской губернии, как и в остальные регионы России, европейские товары после 1807 года доставлялись бухарскими торговцами. Они быстро узнали о континентальной блокаде Великобритании и прекращении Россией открытой торговли с ней и потому «бухарцы находили выгодным привозить в Оренбург английские товары, вывезённые из Индии» [24, с. 130].

Структура внешней торговли в начале XIX века установилась следующим образом: в 1802 экспорт по азиатской границе равнялся 6,4 млн. руб. или 10% от общероссийского экспорта (63,3 млн. руб.), а экспорт 9,6 млн. руб. от общероссийского (56,5 млн. руб.) «в том числе по азиатской границе – 17%» [30, с.329]. В дальнейшем, также наблюдалось некоторое превышение ввоза из государств Средней Азии над вывозом туда российских товаров. В 1860 – экспорт 13 млн. руб. (общий – 182), импорт – 21 млн. руб. (общий – 159). Однако убытков подобная

ситуация никому не приносила, а скорее наоборот – возрастающие прибыли. Несмотря на то, что экспорт в страны Востока составлял только 10% от всего экспорта, таможенный доход «по азиатской около седьмой части общей суммы дохода» [25, с. 251]. Огромные выгоды для российских купцов и предпринимателей представлял азиатский рынок: туда сбывали отечественную промышленную продукцию и завозили необходимое для мануфактур и фабрик сырьё. Кроме того, восточные товары пользовали большим спросом у торговцев Центральной и Западной России. Азиатский рынок стимулировал развитие промышленности, в том числе и Симбирской губернии. Сама структура российского экспорта в Европу подталкивала к этому: 96% сырьё и полуфабрикаты и только 4% - готовые изделия. В свою очередь в составе экспорта в страны Азии готовые «изделия составляют почти 3/5 или 60% всей суммы отпуска» [27, с. 454].

Неудивительно, что из Симбирской губернии в Оренбургскую привозили кожи. Их как и другие промышленные товары меняли в Оренбургской губернии на скот, пригоняемый торговцами из Средней Азии. «Бухарцы при мене товаров берут наиболее из русских товаров: красное сукно, юфть, червец, индиго, бисер, ножи, проволоку, иглы и разный щепетильный товар; во время же мены обыкновенно платят своими червонцами» [11, с. 106].

Историки сходятся во мнении, что развитие торговли российских купцов и казахов привело к постепенной смене безденежного обращения сохранявшегося ещё в начале XIX века и это несмотря на то, что казахи, не зная реальной цены на многие российские товары, ввязывались в неравноценный обмен и бывали обмануты российскими купцами. С 1830-х годов две трети товаров казахи сбывали за деньги по причине «введения в 1837 г. кибиточной подати казахи стремились продавать привезённые на ярмарку скот и сырьё за деньги, чтобы внести подать» [16, с. 298]. Речь в данном случае идёт о ярмарке в Ханской ставке, или как ещё её называли – ярмарка в Букеевской Орде.

Кроме того, что казахи, отлично знавшие пути из Средней Азии в Россию, нанимались в качестве проводников торговых караванов, они активно закупали сахар, чай, шёлковые и бумажные материи, бархат, холст, набойки, разные меха, выделанные кожи, железные изделия. В торговле России с Внутренней Ордой в 20-30-е годы XIX века «первое место в торговом обороте занимали бараны. Ежегодно казахи продавали не менее 300 тыс. баранов на сумму 1800 тыс. руб. Значительное место в торговле занимали лошади. Казахи продавали также сало, кожи, овчины, шерсть, козий пух, звериные шкуры… Массовые закупки скота делали купцы Московской, Тамбовской, Саратовской, Симбирской, Пензенской и Казанской губерний» [7, с. 73]. Среднеазиатский и казахский рынки для российских купцов, несмотря на некоторую схожесть всё же представляли ряд существенных различий. Если в Среднюю Азию из Симбирской губернии вывозили хлопчатобумажные, шерстяные, шёлковые ткани, металлы и металлические изделия, различную посуду, то в казахские степи несколько иной набор товаров. Казахи практически не развивали земледелие и ремесло и потому туда отправляли «прежде всего хлеб, а затем промышленные товары» [19, с. 214]. Вместе с тем, из Симбирска среди прочих мануфактурных и фабричных изделий вывозили к казахам «в степь – спирт» [23, с. 260].

Участие купцов из Симбирской губернии в торговых сделках с населением казахских степей выражалось в активном посещении ярмарки в Букеевской орде, где присутствовали среди других российских коммерсантов. В 1835 году на весенней ярмарке при ханской ставке собралось большое число торговцев «из 17 губерний России. В 1845 г. приезжих купцов здесь было до 1000 человек, в 1847 г. - более 1500, а в 1851 г. – более 2000 человек. К этому надо добавить сотни и тысячи казахов, пригонявших своих баранов и привозивших продукты скотоводства» [14, с. 95]. Тем более, что согласно официальным отчётам оренбургской таможни если в 1800 г. казахи распродали на границе 2116 лошадей и 87826 голов мелкого скота, то в «1839 г. население Малой Орды пригнало на линию для продажи около 600 тыс. баранов, примерно на 5 млн. руб., и кроме того, разной продукции скотоводства, оценивавшейся Оренбургской таможней в 2 млн. руб» [15, с. 48]. Самарские купцы уже с конца XVIII века активно покупали «киргиз-кайсацких лошадей и баранов на Оренбургской ярмарке и выгоне, а продают разного звания людям, приезжающим из Казани и других верховых городов» [6, с. 13-14]. Объёмы перегона постоянно росли и в 1840 году «только по московскому тракту через Самарский край (уезд) пригонялось до 18 тыс. голов скота. А в начале 50-х годов из Букеевской орды и Оренбургской губернии ежегодно гнали и проводили транзитом до 200 тыс. голов скота на сумму около 1 млн. руб. Преобладающей породой была киргизская» [17, с. 224]. Очевидно, что Самарский и сопредельные уезды играли значительные роли в плане перегона скота из казахских степей и постепенно по этому направлению стало перемещаться около 9-10% общего количества скота.

Впоследствии после образования в 1851 году Самарской губернии крупнейшим скотопрогонным пунктом Симбирского края стал город Ардатов, куда пригоняли скот из Оренбургской, Самарской и Саратовской губерний, с Урала и из Внутренней орды. Через него проходило почти всё поголовье скота, отправляемое через губернию. По книгам Ардатовской градской Думы в 1850-е годы через город проходило достаточно много гуртов в количестве «от 350 до 400, в коих бывает от 10000 до 15000 голов рогатого скота и баранов; косяки же лошадей в последние годы совершенно не пригоняются, или же пригоняются в самом незначительном количестве» [22, с. 185]. Торговцы скотом могли непосредственно взаимодействовать и с местным населением, так как ослабевшую или больную скотину старались продавать за бесценок. Торговля скотом, при этом, в основном производилась вне ярмарок, что видно по суммам продаж овец на Карсунской Троицкой ярмарке в 1841 году: «коров и овец продано на 3425 рублей». Основная масса скота перегонялась на шерстомойки кожевенные фабрики и скотобойни.

Кроме прямой доставки товаров из Средней Азии или Оренбургской губернии осуществлялся посреднический механизм перепродажи. Торговцы из других регионов привозили на ярмарки Симбирской губернии восточные товары, а покупали местные промысловые изделия и промышленную продукцию. Казанские купцы везли в Кяхту продукцию кожевенных заводов в обмен на чай,

часть которого оседало благодаря ярмаркам на территории Симбирской губернии. Самыми крупными торговцами стали купцы 1-й гильдии «Крупенниковы, Котеловы и 2-й Павлов, Плохов и Леонтьев которые посылают на Нижегородскую ярмарку таковых произведений на 145600 руб. сереб» [31, с. 82]. Интересно сравнить ту долю, которую составляли суммы продажи чая на ярмарках Симбирской губернии с общероссийскими масштабами в целом. В 1841 году в Россию «средняя сумма привоза чая на 6349391 рубль» [26, с. 337]. С подобными цифрами ни в какое сравнение не идут суммы сбыта чая на Карсунской Троицкой – 35869 рублей и Симбирской Сборной – 40000 рублей. Это весьма скромно составляет 1,2% от общероссийских объёмов. Однако, постепенно обороты торговли чаем на территории Симбирской губернии росли.

Привоз товаров из Средней Азии в Симбирскую губернию и наоборот означал взаимодействие российских и иностранных торговцев, стимулирующее развитие промышленности, промыслов и сельского хозяйства. Примерно к 1863 году наибольший размах в Сызрани приобрёл кузнечный промысел: за год 60 кузнецов произвели продукции на 53000 рублей, распространяемую «в Астрахань на Ханскую ярмарку Оренбург и Уральск» [10, с. 13]. Даже если принять во внимание, что лишь небольшая часть произведённой кузнецами продукции сбывалась в государства Средней Азии масштабы производства велики. Тем более, объёмы производства всего в 10 раз меньше вывоза металлических изделий из России по азиатской границе в 1863 году, который составлял «522649 рублей» [33, с. 231]. В тоже время в 1863 году на Симбирской Сборной ярмарке продано «металлических изделий на 86000 рублей» [29, с. 12].

В 1869 году на Симбирской Сборной ярмарке продавались: сукна, верблюжья и ордынская шерсть и индиго. Посредниками в такой торговле становились иногородние купцы, как например елабужский купец Ушков и саранский Кротков, которые привезли «индиго более чем на 256000 р. сер.» [28, с. 44]. Всего же в тот год на ярмарку привезено и полностью продано кубовой краски на 300000 рублей. Посредничество иногородних купцов в торговле кубовой краской впечатляют даже на фоне общероссийского масштаба продажи этого товара. В 1863 году на Симбирской Сборной ярмарке продано индиго на 140000 руб., составив 3,3% от общероссийского импорта – 4253872 рубля. Никого не должен смущать тот факт, что кубовую краску закупали в Европе, ведь выращена и изготовлена она была в Индии. Да и смысл её везти в огромных количествах на территорию Симбирской губернии состоял только в том, что требовалось много краски для обработки сукна, изготавливавшегося из азиатской шерсти.

В XVIII веке на территории Симбирской губернии сложились колонии или постоянные поселения иностранных торговцев: калмыки, иранцы, жители Бухарского эмирата и Хивинского ханства. Правда, такие поселения практически полностью исчезли к 1830-м годам. И тем не менее, крупные ярмарки Симбирской губернии привлекали гостей из азиатских стран. Карсунская Троицкая ярмарка собирала не только российских купцов, в том числе из Самарской, Оренбургской, Астраханской и Казанской губерний, но и «из весьма отдалённых городов, так напр. С косами из Рыльска и с панским товаром из Нахичеваня» [13, с. 50].

В источниках зафиксирована и такая форма сотрудничества симбирских купцов с иностранцами как договоры аренды. Симбирская купеческая вдова Дарья Михайловна Косолапова выписывала доверенность астраханскому армянину Самтелу Богданову Алмугаханскому на ренсковые погреба для продажи на Троицкой ярмарке водки и вина. [5, л. 26].

Ещё в середине XIX века исследователи проблем российско-восточной торговли писали о необходимости дополнительного образования и опыта для основной массы российских купцов. Особо подчёркивалось, что «только меновая торговля с Китаем находится в руках русских купцов, да и то лишь потому, что иностранцы к ней не допускаются, остальную же азиатскую торговлю русские также мало производят, предоставляя её армянам, татарам, бухарцам, персам» [21, с. 321].

В течении первой половины XIX века купцы татарской национальности как из Симбирской губернии, так и из других губерний нанимались в качестве приказчиков к российским купцам. Они отправлялись в города Средней Азии и казахские кочевья. Пользуясь преимуществами по сравнению с русскими купцами: знания языков, культуры и религии жителей Средней Азии им было легче договориться с ними о торговых сделках. Накопив значительные капиталы, они постепенно перехватили инициативу в торговле восточными товарами и стали самостоятельно действовать в этом направлении. Несмотря на то, что татары очень плохие земледельцы из-за бедной земли, они всегда были отличными торговцами. Торгуя всеми видами товаров, отдельные казанские татары выбились в миллионеры. «Некоторые отрасли торговли в крае монополизированы татарами, как например торговля фруктами, скупка по деревням яиц, скупка в городах старья (шурум-бурум). Не ограничиваясь торговлей на местах, татары отправляются даже в отхожие промыслы по торговой части» [32, с. 164-165]. Казанские татары везли восточные товары как на ярмарки Симбирской губернии, так и оттуда в разные регионы, ведя «обширный торг с Оренбургской губернией, Сибирью, Китаем и даже Бухарой, Хивой, Персией и Туркестаном» [8, с.261].

Правда, некоторым русским удалось обогнать татар в плане коммерции. В XIX веке монополистом по торговле с Китаем вместо татар Китаевых стал купец Крупенников, который удерживал в своих руках всю торговлю вожжами и чаем до 60-х годов XIX века. «Он более чем втрое увеличил вывоз козловых кож, доведя его до 266000 штук в год и ввозя почти на 2 миллиона рублей чаю» [18, с. 246].

Торговля восточными товарами в Буинском уезде порой была сопряжена с судебными разбирательствами между торговцами, как например рассматриваемое в 1828-1830 годах дело о взыскании купцом 3 гильдии Хамитом Усмановым с буинского мещанина Рахматуллы Манюрова денег в сумме 184 р. 65 коп. за не предоставленный хлеб и взятый чай в 1827 году. «В поставленном им хлебе там оставалось всего за Рахматулловым 350 пуд 10 фунтов каждый по 55 коп в сумме 192 руб. 65. к. да за чай зелёный один фунт 12 руб. всего 204 руб. 65 коп.» [3, л. 2]. Решение по данному делу оказалось вполне в духе законов. 27 августа 1830 года по указу императора в буинской городовой

ратуше слушали выписку из дела. По его материалам следовало, что «тетюшский мещанин Хамит Усманов чрез подданную в тетюшскую городовую Ратушу прошение из оной препровождённое по ведомству в сию ратушу и просил о взыскании ему с буинского мещанина Рахметуллы Манюрова за невыставленный якобы ему хлеб и за взятый чай один фунт - денег всего ста семидесяти четырех рублей шестидесяти пяти копеек» Однако у Усманова не оказалось письменных документов и счетов на поставку хлеба, да и мещанин Манюров утверждал о долге ему Усмановым за поставленную рожь 435 руб. 75 коп. И потому в соответствии со 189 статьей 10 главы принято следующее решение: отказано в иске Усманова, пока он не предоставит письменные документы о долге ему со стороны Манюрова за поставленные хлеб и чай.

В списке товаров в Ардатовском уезде селе Андреевке у московского мещанина Александра Алексеева находились табак и табакерки, хлопчатобумажные товары, одежда. У него также были украдены «бумажный, шёлковый и сафьяновый, шёлковый левантиновый платочек» [4, л. 18 оборот]. В 1864 году елабужский купец Григорий Миронович Гирбусов взыскивал 140 рублей за кубовую краску с сенгилеевского мещанина Гаврилы Григорьевича Егорова. [2, л. 1].

Иногда случались и нападения на купцов, приезжавших на ярмарки и базары. В 1868 году во время Симбирской Сборной ярмарки караульщик Солдатской и Лосиной улиц Яков Алексеев и рядовой Гарновский отбили у неизвестных татар сани, крепчуг, дугу, полог, тулуп дублёных овчин, «самые татары, на выпрягшейся же лошади сивой шерсти, успели ускакать» [12, с. 5].

Проблема взаимодействия российских и азиатских купцов оказалась многоплановой с большим числом аспектов. Казахи стали основными торговыми партнёрами российских и среднеазиатских торговцев, так как выступали не только посредниками, но и перевозчиками товаров. С одной стороны азиатские товары в большом количестве привозили на ярмарки, но с другой стороны промышленные и ремесленные изделия из Симбирской губернии доставлялись в Среднюю Азию. Купечество постоянно пополнялось новыми людьми, среди которых немало оказалось лиц татарской национальности. Именно к ним постепенно перешла инициатива в торговле со среднеазиатскими гостями.

Развитие российской торговли, по мнению историков Конотопова и Сметанина, происходило в направлении потери значения ярмарок. «В середине столетия через ярмарки проходило меньше 10% внутреннего товарооборота страны. Теперь купец через своих комиссионеров закупает товары на месте производства и доставляет потребителям, минуя ярмарку, чтобы получить торговую прибыль полностью» [20, с. 61]. Однако это утверждение никак не подходит к деятельности российских купцов, привозивших восточные товары на ярмарки Симбирской губернии. В силу плохого знания языков, обычаев, традиций, а также из-за опасности попасть в рабство русские купцы приобретали восточные товары на Меновом дворе в Оренбурге или на таможенных заставах Оренбургской губернии, не отправляясь непосредственно в Среднюю Азию. Причём на Меновом дворе обмен товаров носил безденежный характер. Однако количество этнических татар из Симбирской губернии на Букеевской ярмарке при ханской ставке постоянно росло. Они вытеснили русских из российско-восточной торговли и стали не только привозить грузы непосредственно из Средней Азии, но и из Оренбургской губернии. При этом, значительная часть грузов из Средней Азии благодаря татарским посредникам попадала на ярмарки Симбирской губернии и всего Среднего Поволжья.

Список литературы:

1. ГАУО. Ф. 32. Оп. 3. Д. 12. Л. 233.
2. ГАУО. Ф. 32. Оп. 3. Д. 63. Л. 1.
3. ГАУО. Ф. 114. Оп. 3. Д. 138. Л. 2.
4. ГАУО. Ф. 747. Оп. 2. Д. 61. Л. 18 оборот.
5. ГАУО. Ф. 747. Оп. 1. Д. 224. Л. 26
6. Архангельский Н.А. Г.Самара. Исторический очерк. Самара: Типография Губкооперативсоюза, 1900. – 40 с.
7. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1957. – 344 с.
8. Боголюбов. Волга от Твери и Астрахани. – СПб: Типография Гогенфельдена и К°, 1862. – 415 с.
9. Восточная торговля (письмо из Оренбурга) // Симбирские губернские ведомости. № 11. 1845. – С. 17-18.
10. Город Сызрань // Симбирские губернские ведомости. – 1863 - №16. – С. 11-14.
11. Дебу И. Топографическое и статистическое описание Оренбургской губернии в нынешнем её состоянии. М.: Университетская типография, 1837. – 230 с.
12. Дневник происшествий в г. Симбирске // Симбирские губернские ведомости. – 1868 - №20. – С. 5
13. Заметка о Карсунской ярмарке // Материалы для истории и статистики Симбирской губернии. Симбирск: Губернская типография, 1866. Вып.1. С. 41-50.
14. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. Алма-Ата: Издательство академии наук Казахской ССР, 1958. – 296 с.
15. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата: Издательство академии наук Казахской ССР, 1960. – 296 с.
16. История Казахской ССР. Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, Т. I. 1957. – 610 с.
17. История Самарского Поволжья с древнейших времён до наших дней. XVI – первая половина XIX века. М.: Наука, 2000. – 287 с.
18. История татарской АССР (с древнейших времён до Великой Октябрьской Социалистической революции). Казань: Таткнигоиздат, Т.I. 1955. – 550 с.
19. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В., Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России (вторая половина XVIII – 80-е годы XIX в.). М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. – 328 с.
20. Конотопов М.В., Сметанин С.И., История экономики России: Учебник для вузов. М.: Издательство Палеотип, 2003. – 208 с.
21. Кулишер И.М., История русской торговли и промышленности. Челябинск: Социум, 2003. – 557 с.
22. Липинский. Симбирская губерния. Ч. 2 / Липинский // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / Сост. Генерального штаба подполковник Сталь. – СПб.: Военная типография, 1868. – 754 с.
23. Мартынов П.Л. Город Симбирск за 250 лет его существования. Систематический сборник исторических

сведений о городе Симбирске. - Симбирск: типо-литография А.Т.Токарева, 1898. – 408 с.
24. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. Предисл. Н.А.Халфина. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975. - 184 с.
25. Неболсин Г.П. Статистические записки о внешней торговли / составленные Григорием Неболсиным. – В 2-х ч. – СПб: Тип. Департамента внешней торговли, 1835. – Ч.2. – 283 с.
26. Неболсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. – СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1850. – В 2-х ч. – Ч.1. – 409 с.
27. Неболсин Г.П. Статистическое обозрение внешней торговли России. – СПб.: Тип. Департамента внешней торговли, 1850. – В 2-х ч. – Ч.2. – 495 с.
28. О Симбирской Сборной ярмарке в 1869 году // Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. – Симбирск: Губерн. тип., 1869. – С.43-54.
29. О товарах, привезённых и проданных в Симбирскую Сборную ярмарку в нынешнем 1863 и в прошлом 1862 г. // Симбирские губернские ведомости. – 1863. - №15. – С. 11-15.
30. Россия: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – Л.: Лениздат, 1991. – Т.55. – 922 с.
31. Рыбушкин М. Краткая история города Казани. Казань: Типография Л.Шевица, Ч. II. 1848. – 150 с.
32. Среднее и Нижнее Поволжье и Заволжье / Под ред. В.П.Семёнова. Ульяновск: Дом печати, 1998. – 600 с.
33. Статистический временник Российской империи. СПб.: Издание Центрального Статистического комитета МВД, 1866.– I. – 544 с.
34. Ханыков Н.В. Описание бухарского ханства. СПб.: Б.и., 1843. – 237 с.

«КНИЖНАЯ ПОЛКА» РОССИЙСКОГО ИСТОРИКА: РАСКРЫТИЕ ФОНДОВ БИБЛИОТЕКИ РАН

Колпакова Наталия Владимировна
кандидат педагогических наук, заместитель директора, Библиотека Российской академии наук, Санкт-Петербург

Kolpakova Natali
Candidate of Science, deputy director Library of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg

АННОТАЦИЯ

Книгопечатание, одно из самых гениальных изобретений человечества, повлияло на весь дальнейший ход его развития. Оно же явилось причиной и фундаментом создания библиотек и библиотечного дела как науки о сохранении достижений человечества, закрепленной в печатной форме. Появилась возможность вернуть из «небытия» шедевры известных русских писателей, общественных деятелей, ученых XVII-XIX вв., сделать их доступными для широких масс. Учитывая все возрастающий интерес к малоизвестным страницам отечественной истории, Библиотека РАН оказывает всяческое содействие по раскрытию этих материалов.

ABSTRACT

Book printing is one of the most ingenious inventions of Humanity which influenced the course of its development. It was the reason for creating libraries and librarianship as a science of information storage for preserving the achievements of the mankind which was fixed in material form of print books. Now there is an opportunity to bring back from oblivion masterpieces of famous Russian writers and scientists of the 17-19 centuries for everyone. Considering the increasing interest in Russian history our Library provides all kinds of assistance to disclose these relatively obscure materials.

В 2014 г. Библиотека Российской академии наук (БАН) отмечает 300 лет со дня основания. Датой ее основания принято считать время, когда у нее появился первый библиотекарь – Иоганн Даниэль Шумахер, которому было поручено следить за фондом и составлять каталоги. Поэтому с уверенностью можно говорить о том, что библиографическая работа в БАН, столь полезная и необходимая ученым всех специализаций, также в 2014 г. отмечает свой 300-летний юбилей.

Потребовались многие столетия, чтобы с каменных плит перенести тексты на папирусы и пергаменты, и лишь пять с половиной столетий назад появилась книга. Книгопечатание, одно из самых гениальных изобретений человечества повлияло на весь дальнейший ход развития. Оно же явилось причиной и фундаментом создания библиотек и библиотечного дела как науки о сохранении достижений человечества, закрепленной в печатной форме.

Многие десятилетия Отечественное культурное наследие, в том числе книжное, подвергалось неоднократным сокрушительным ударам. Сегодня возрождение духовно-интеллектуального потенциала нации стало частью глобальной стратегии возрождения России. Необходимым стало осознание исторического чувства времени, чувства национального достоинства, чувства сопричастности к «родным корням». Появляется новая оценка российского наследия как фактора общемировой духовности. Было время разбрасывания камней, настало время их собирать – процесс передачи накопленных прошлыми поколениями знаний становится очень важным. Появилась возможность вернуть из «небытия» шедевры известных русских писателей, общественных деятелей, ученых XVII-XIX вв., сделать их доступными для широких масс. На страницах этих литературных памятников нашли отражение разные стороны российской действительности того времени:

внутренняя и внешняя политика, войны и многое другое, не утратившее своей научной и практической ценности.

Закономерным стал процесс создания в России с 1998 г. программы организации электронных библиотек, связанных между собой информационными сетями. Она охватывает деятельность таких крупных библиотек, как РГБ, РНБ, ЦНМБ, ТПБ (историческая) и другие, и ее главной задачей является обеспечение широкого доступа к разнообразным коллекциям, хранящихся в фондах этих библиотек. Свое место в этом перечне претендует занять Библиотека Российской Академии наук. Вот уже восемь лет на правах главного и старейшего учреждения РАН Библиотека академии наук участвует в масштабном проекте «Научное наследие Российской академии наук». Проект предполагает создание полнотекстовой электронной библиотеки, отражающей важнейшие достижения российской мысли в области науки и культуры, участие российских ученых в важнейших событиях жизни страны и мира [7]. Издания исторической тематики в электронной библиотеке «Научное наследие» представлены в следующих рубриках:

03.01.00 Общие вопросы исторических наук
03.09.00 Всеобщая история
03.19.00 История отдельных стран
03.29.00 История отдельных процессов, сторон и явлений человеческой деятельности
03.41.00 Археология
03.61.00 Этнография и историческая антропология
03.81.00 Вспомогательные исторические дисциплины [8].

В фондах БАН находятся миллионы единиц хранения, множество уникальных литературных памятников, рукописи и книги, журналы, газеты и другие издания XV-XX вв. Учитывая все возрастающий интерес к малоизвестным страницам отечественной истории, Библиотека будет оказывать всяческое содействие по раскрытию этих материалов. Необходимо помнить, что главная Академическая библиотека стояла у истоков российской культуры, поколение за поколением формировала европейски образованных общественных деятелей. С ней связана история создания таких мировых культурных центров, как Эрмитаж, Российская национальная библиотека и др.

Так, в рамках этого проекта для первой коллекции оцифрованных документов были выбраны духовная и богослужебная литература Свято-Почаевской Лавры XVII-XVIII веков и академические издания РАН, включающие публикации Санкт-Петербургской Академии наук и Академической типографии XVIII века. Историческая ценность последних заключается в том, что они были напечатаны в одной из самых старейших российских типографий (1732 г.). На их страницах сохранились пометы владельцев и читателей из самых различных слоев общества, что указывает на хождение этих книг по многих российским городам и селам.

В 2006 г. в стенах Библиотеки родился свой, эксклюзивный, «Мемориальный проект» [2, с. 216-223]. Создавался он исключительно для издания библиографических редкостей, настоящих «литературных памятников». При финансовой поддержке СПБ Научного Центра РАН в рамках этого проекта осуществилась публикация «Библиографии изданий Академии наук СССР за 1941-1945 гг.» [1]. Также в сети Интернет в свободном доступе представлены академические издания за этот период [5]. Этот научный труд стал бесценным памятником библиографической деятельности БАН и уникальным источником для историков, как сведений о важной странице в истории Академии, в истории Великой Отечественной войны [3, с. 425-437].

Одним из главных аспектов научной деятельности Библиотеки является описание частных книжных собраний. Их история является, безусловно, частью нашей культуры. Как правило, состав собрания отражает интересы, увлечения, мировоззрения его владельца. Восстанавливая целостность личной библиотеки, мы раскрываем облик того, кому она принадлежала, что интересно как с общественной, так и с исторической точки зрения, так как обладатели библиотек были в основном людьми не только образованными, но и государственными, игравшими не последнюю роль в истории и становлении Российского государства. Однако до недавнего времени каталоги публиковались с перечнем книг без каких-либо характеристик, особо редкие ценные издания не выделялись. И только в последнее десятилетие, с появлением широкого устойчивого интереса к подобной литературе, появилась возможность издавать капитальные каталоги владельческих библиотек. В том же «Мемориальном проекте» [2, с. 216-223] вышли такие из них, как «Книги из собрания Аптекарского приказа»; «Книги из библиотеки Виниуса»; «Альдины в Библиотеке Российской Академии наук»; каталог «Босния и Герцеговина», неоднократно привлекавшиеся к различным исследованиям и сохранившие свою историко-культурную ценность. В этих работах дается уже полное описание, включающее в себя максимум сведений, относящихся к данному изданию. Очень важно, что перечисленные указатели сопровождаются многочисленными иллюстрациями.

Одно из приоритетных направлений нашей деятельности – сотрудничество с издательствами, известными своими гуманитарными проектами, цель которых возрождение культуры и традиций русского книгопечатания, доступность ранее скрытых от читателей и ценителей редких образцов печатного искусства, воспроизведение шедевров книжного искусства и роскошных изданий прошлых лет, а также бережное отношение к оригинальным произведениям, находящихся в Библиотеке в незначительном количестве, а иногда в единичном экземпляре.

Благодаря репринтным изданиям отечественных памятников у современного исследователя появляется возможность узнавать, выявлять события, происходившие в нашей стране. Наиболее значимыми произведениями, созданными совместно с Санкт-Петербургским издательством «Альфарет», являются: «Древности Российского государства» и Коронационные альбомы российских императоров. Из серии библиографических указателей увидело свет репринтное издание, в котором содержатся данные более чем о 13 тыс. произведениях печати на русском и древнеславянских языках до начала XIX века, – выдающийся памятник русской культуры, автором которого является основоположник русской библиографии В.С. Сопиков. Знаменитый труд книговеда, российского библиографа и библиофила, действительного члена Русского

библиографического общества при Московском университете Д.В. Ульянинского представит несомненный интерес для историков и филологов.

Главная цель совместных издательских работ Библиотеки Российской Академии наук и Санкт-Петербургского издательства «Русская симфония», это – просветительская деятельность, особенно созвучная реалиям сегодняшнего дня, которая заключается в распространении и развитии патриотического, художественного и духовного образования, воздействии на нравственный облик человека, на формирование его в определенном направлении. Не случаен и подбор книг для публикаций – они выбирались целенаправленно, их содержание должно было отвечать наиболее ярким, судьбоносным событиям нашей великой истории. После переиздания впервые содержание некоторых книг дополнялось документами соответствующей эпохи (грамоты, указы, прошения).

Проект начали с издания работы, принадлежащей перу академика Императорской Академии наук И.Е. Забелина «Минин и Пожарской». Произведение свободно от политических пристрастий и дает возможность объективно представить образы русских национальных героев.

Авторская методология исследования причин возникновения Смуты и путей выхода из этого трагического состояния, грозившего русскому государству утратой национального суверенитета, может претендовать на универсальность. Установление в нашей стране государственного праздника – День народного единства, отмечаемого 4 ноября, побуждает каждого гражданина России внимательного вглядеться в события Смутного времени.

В 2005 г. отмечалось 100-летие Цусимского сражения. Об участниках этого трагического события мы знали в основном по книге Новикова-Прибоя «Цусима», в которой, как оказалось, судьба многих героев была искажена. Переиздавая работу Г. Александровского, выпущенную в Нью-Йорке к 50-ти летию этих событий, редакционный совет проекта предполагал донести непредвзятый взгляд автора на один из трагических эпизодов российской истории.

Репринтное издание вызвало большой резонанс в современном обществе. Книги были безвозмездно переданы в морские кадетские корпуса и училища. Это был правильный шаг в нравственно-патриотическом воспитании будущих защитников Родины. В данном случае просветительская задача сочеталась с благотворительностью. БАН регулярно безвозмездно отправляет научную литературу на русском языке в страны Ближнего зарубежья, по возможности укомплектовываем литературой детские библиотеки в труднодоступных уголках нашей страны (Горный Алтай, Сибирь) и др.[4, с.452-467].

Труды ученых и описание их подвигов, например, касательно изучения Сибири и других земель, входивших в Российскую империю, а также о героях-покорителях дальнего северо-востока, должны быть любопытны для каждого образованного человека. Много вопросов по прочтении этих памятников науки и культуры возникало в свое время, возникают они и сейчас. («Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей», И.-Г. Георги).

Другая книга «Покорение Сибири» - принадлежит ученому, исследователю Сибири П.И. Небольсину. В своем предисловии автор пишет: «Тех, которые неохотно предаются чтению старинных бумаг, из предубеждения к их незанимательности и сухости, смеем заверить, что документы, на которые мы указываем, чрезвычайно интересны и по языку, и по содержанию: в них так и выливается все прошедшее, так и высказывается эпоха; что они не надоедят читателю».

Этот круг источников дополняют «Записки (1760-1824)» Дмитрия Борисовича Мертваго, который был свидетелем и непосредственным участником многих важных событий российской истории.

Изданная уже в 1885 году книга М. Семеновского «Слово и Дело!» в настоящее время выдержала несколько переизданий и дала возможность не только познакомиться с практикой работы Тайной Канцелярии, но и почувствовать атмосферу жизни русского общества в те далекие годы.

В особом ряду стоят памятники русской духовной книжности, которые отличает особенное их эмоциональное восприятие. Простыми и понятными словами рассказывается в них зачастую о самом сокровенном, личном, что так настойчиво многие пытаются обрести, а затем, посредством этого, утвердиться в своих исканиях.

Однако, самое главное, совместный проект предполагает большую часть книг передавать безвозмездно кадетским корпусам, училищам, в школы (так поступили с книгами о Цусимском сражении и 349-дневной защите Севастополя). Технические возможности проекта рассчитаны на небольшие тиражи. Выпущенных книг не хватает даже на то, чтобы укомплектовать основные библиотеки страны. Не успев выйти из печати, издания становятся библиографической редкостью.

Наши предки оставили нам громадное достояние – русскую цивилизацию, русский мир. Они создали особую национальную культуру, великую литературу и великое искусство. Наша задача – открыть это достояние для широкого читателя. Кроме того, сегодня, когда в непростых геополитических условиях, возникших после распада СССР, происходит становление новой России, напоминание о нашем славном героическом прошлом становится важным фактором. Без отечественной культуры трудно устоять в исторических битвах.

Библиотека Российской Академии наук и Санкт-Петербургское издательства «Альфарет», осуществили проект также, отвечающий просветительской деятельности и историческому источниковедению. Результатом совместной исследовательской и издательской деятельности стал выпуск библиографии «Русская историческая библиотека», включившей наиболее значимые книги по русской истории, изданные в дореволюционный период и первые десятилетия 20 века [6, 250 с]. Данный источник включает более 2000 названий (около 7 000 томов) уже переизданных книг. В библиографии для удобства исследователей литература сгруппирована в следующие разделы: Историческая библиотека [6, с.7-70]; Военно-историческая библиотека[6, с. 71-158]; Географическая библиотека[6, с.159-210; Справочная библиотека и библиография периодики [6, 211-244].

В своей работе библиотекари и издатели придерживаются технологий, которые позволяют придать книге вид

оригинала, включая внешнее оформление, например, кожаные переплеты, золоток тиснение, ручное шитье, специально подобранная бумага и высокое качество иллюстраций. Жизнь таких переизданий рассчитана не на одно столетие.

Библиотека всячески способствует тому, чтобы эти книги распространялись и на постсоветском пространстве [4, с. 452-476]. Кроме того, мы продолжаем укреплять связи с академическими библиотеками союзных республик, стараемся предоставить различные научные материалы, но особенно те, которые касаются разрешения различных, важных в наше не простое время, исторических вопросов.

Литература:

1. Библиография изданий Академии наук СССР: 1941-1945 гг. – Вып. 1-5 / рук. Н. В. Колпакова. СПб., 2006-2010.
2. Мемориальные библиографические проекты Библиотеки Российской академии наук / Н.В. Колпакова, Н.М. Баженова, Н.Н. Елкина // Государственная библиография, статистика печати, книговедение и Российская книжная палата: прошлое, настоящее и будущее: сб. статей / Рос. кн. палата. М., 2012. – 343 с.
3. Колпакова Н.В. Национальная академическая библиография военного времени / Н.В. Колпакова, Н.М. Баженова // Библиотеки национальных академий наук: проблемы функционирования, тенденции развития: Науч.-практ. и теорет. сб. Вып.5.- Киев, 2007.– 445 с.
4. Колпакова Н.В. Вклад Библиотеки Российской академии наук в формирование отечественных и зарубежных библиотек / Н.В. Колпакова, Н.М. Баженова //Академия наук в истории культуры России в XVIII-XX вв. – СПб., 2010. – 706 с.
5. «Наука в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941-1945» – [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: http://nauka1941-1945.ru/catalog/
6. Русская историческая библиотека. Список рекомендуемых изданий по русской истории: в 4 ч. / конс. Н.В. Колпакова, Ф.М. Лурье; Библиотеа РАН. – СПб., 2008 – 250 с.
7. Сотникова А.М. Создание и развитие электронной библиотеки «Научное наследие России» – [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL: http://nasledie.enip.ras.ru/messaging/forum/news-details.html?id=43504075
8. Электронная библиотека «Научное наследие России»: раздел Исторические науки – [электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: – http://nasledie.enip.ras.ru/unicollections/list.html?id=42033794

НЕФТЯНАЯ И ГАЗОВАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РСФСР (1965 – 1985 гг.): УСПЕХИ И УПУЩЕННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Платонова Нонна Михайловна

канд.ист.наук, доцент Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Хабаровск)

OIL AND GAS INDUSTRY IN THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION (1965 – 1985): SUCCESSES AND MISSED OPPORTUNITIES

Platonova Nonna, Ph.D. in History, Associate Professor of Far Eastern State Transport University, Khabarovsk

АННОТАЦИЯ

В историческом контексте так называемой «эпохи застоя» автор показывает место, роль, значение нефтяной и газовой промышленности в развитии советского Дальнего Востока, анализирует динамику и проблемы её развития.

Ключевые слова: нефтяная промышленность; газовая промышленность; топливно-энергетические ресурсы; хозяйственный кризис; Дальний Восток РСФСР.

ABSTRACT

In the historical context of the so-called "era of stagnation," the author shows the place, role and importance of the oil and gas industry in the development of the Soviet Far East, examines the dynamics and problems of its development.

Keywords: oil industry; gas industry; fuel and energy resources; the economic crisis; the Far East of the Russian Federation.

Нефтяная и газовая индустрия являются неотъемлемой частью топливно-энергетической промышленности (ТЭП), которая представляет совокупность отраслей и предприятий, обеспечивающих переработку и преобразование первичных топливно-энергетических ресурсов, их доставку потребителям для дальнейшего использования. На Дальнем Востоке РСФСР в 1965 – 1985 гг. в этом секторе народнохозяйственного комплекса создавалась значительная доля валовой продукции региона, был сосредоточен большой удельный вес основных производственных фондов и занято значительное количество трудоспособного населения. В то же время в условиях продолжавшейся «холодной войны» и обострившихся отношений с Китайской Народной Республикой (особенно после кровопролитных событий 1969 г. на о. Даманский – *Н.П.*) внутриполитический курс государства изменился, всё более ориентируясь на ускоренное экономическое развитие и рост военного потенциала советского Дальнего Востока. Добычи нефти, газа, угля придавалось одно из приоритетных значений.

Высшее партийное руководство страны понимало, что эти вопросы нельзя решать изолированно, с точки зре-

ния самого топливного хозяйства. Они нуждались в комплексном подходе и совместном решении многих социально-экономических проблем. Аналогичной точки зрения придерживался Совет по развитию производительных сил (СОПС) при Госплане СССР. По результатам его оценки, именно Дальний Восток РСФСР имел не только топливно-энергетические ресурсы, но и потенциально большие их запасы, что являлось благоприятным условием для дальнейшего развития экономики СССР. Например, доля региона в общесоюзных запасах угля составляла свыше 38 %, природного газа – 18 %. Дальневосточные показатели по количеству ресурсов, приходившихся на душу населения, превышали средние по стране запасы по углю более чем в 16 раз, по природному газу в 18 раз. Только в Приморье и Приамурье, чья общая площадь составляла 22 % территории Дальнего Востока, и проживало 64 % его населения, потреблялось 75 % угля, 74 % нефтепродуктов [20, л. 15].

Нормативной основой развития нефтяной и газовой промышленности указанного хронологического периода являлись решения XXIII – XXVI съездов КПСС (1966, 1971, 1976, 1981 гг.), подчёркивавшие необходимость обеспечения поступательного динамизма топливной базы региона. Решения вопросов, связанных с дальнейшей индустриализацией отраслей, повышением их эффективности и опережающих темпов развития заняли приоритетные позиции и в деятельности дальневосточных партийных, советских и хозяйственных руководителей, для которых успешную реализацию государственных задач по интенсификации добычи нефти и газа во многом предопределяло наличие минерально-сырьевой базы. В связи с этим, важное значение отводилось геологоразведочным работам, проводившимся на научно-технической основе. В 1967 г. в Сахалинской области был создан специализированный трест буровых работ «Дальнефтеразведка», занимавшийся поиском нефти и газа в шельфовой зоне острова. Уже в 1969 – 1970 гг. экспертиза Госплана СССР отметила высокую эффективность работы этого предприятия. В частности геологи, а впоследствии нефтяники стали активнее применять особые методы глубокого поискового и разведочного бурения, как на севере Сахалина, так и в его южной части. О широких возможностях дальнейшего развития нефтегазовой промышленности Сахалинской области указывало решение Государственной комиссии по запасам при Совете Министров СССР, которая на 1981 – 1985 гг. определила резервы газа в объёме 15 млрд. м³, нефти – 5,8 млн. т [13, л. 9; 21, л. 155].

Геолого-поисковые, разведочные работы нефти и газа активно проводились на Камчатке. Полученные данные подтверждали прогнозы учёных и экономистов о перспективности полуострова в отношении наличия запасов этих полезных ископаемых. Значимым успехом камчатских учёных стало, обнаруженное в 1974 г., первое промышленное Лиманское месторождение газоконденсата, располагавшееся в прибрежно-морской части западной Камчатки. В последующие годы проводилось его активное промышленное использование, что позитивно отразилось на динамике индустрии всего Дальнего Востока РСФСР [22, л. 160 – 161].

В этот период в мире разворачивался новый виток научно-технической революции, основу которого составляли достижения фундаментальной и прикладной науки. Для руководства СССР актуальными становились проблемы автоматизации производственных процессов и внедрения в производство наукоёмких технологий. Дальневосточные краевые и областные комитеты КПСС постоянно держали в центре внимания вопросы, связанные с увеличением роста производственных мощностей нефтегазовой отрасли, требуя от партийных комитетов и хозяйственных руководителей предприятий комплексного подхода к решению задач технического прогресса, предусматривавшего тесную взаимосвязь модернизации горнотранспортного оборудования, механизации вспомогательных работ и производственных процессов.

На партийном пленуме Сахалинского обкома, проходившем в апреле 1976 г., первый секретарь обкома КПСС П.А. Леонов уделял особое внимание вопросам, посвящённым техническому обеспечению нефтяной промышленности. Он отмечал, что в 1971 – 1975 гг. в нефтяной индустрии области стали активнее внедряться достижения отечественной науки и техники, был обновлён и оснащён средствами автоматики парк буровых установок. Нефтяники начали использовать наиболее совершенные высокомоментные шпиндельные турбобуры, гидромониторные и алмазные долота, что позволило увеличить глубину бурения до 2,5 – 3 тыс. м, изменились технологии нефтедобычи. На промыслах нашли широкое применение высокопроизводительные индивидуальные станки-качалки, глубинные и электропогружные насосы, дополнительно открыты 8 новых месторождений нефти и газа. Улучшились разработка и обустройство нефтяных месторождений. В целом на промышленных предприятиях топливной индустрии Сахалинской области было проведено 514 крупных производственных процессов по механизации и автоматизации с годовым экономическим эффектом 4,6 млн. руб. Для достижения таких результатов было вложено и израсходовано 3,5 млн. руб. государственных капитальных вложений или в 3 раза больше, чем в 1967 г. (1,1 млн. руб.) [14, л. 204 – 206]. Об успехах свидетельствуют данные объединения «Сахалиннефть». Согласно его отчёту объём нефтедобычи в 1971 г. планировался в 2400 тыс. т, но фактически он составил 2430,85 тыс. т; в 1972 г. по плану – 23500 тыс. т, по факту – 2400,51 тыс. т. Однако, несмотря на положительную динамику показателей производства нефти и газа, хозяйственные руководители объединения считали, что выполнение плана, как и ранее, было обеспечено добычей нефти из «старых» скважин – 95,1 % [23, л. 2, 16, 8, 13 – 14].

Наиболее сложное положение в регионе складывалось со снабжением нефтью и нефтепродуктами. В связи с большой удалённостью от основных нефтяных баз страны Дальний Восток особенно нуждался в развитии местной нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Поскольку индустрия Сахалина удовлетворяла потребности дальневосточных территорий в жидком топливе лишь на ⅓, то ежегодно в регион завозили около 3 млн. т различных нефтепродуктов из Сибири и европейских районов РСФСР, что обходилась государственной казне в несколько млн. руб. [24, л. 15; 9, л. 11 – 12.]. Следует отметить, что имевшиеся в Хабаровске и Комсомольске-на-Амуре нефтеперерабатывающие заводы занимались переработкой сахалинской нефти, поступавшей по нефтепроводу Оха – Комсомольск-на-

Амуре, но они были не в состоянии полностью обеспечивать весь советский Дальний Восток топливом [8, л. 74]. Для решения этой проблемы было крайне необходимо строительство новых нефтебаз и автозаправочных станций. Однако в течение ряда лет централизованные капитальные вложения на их сооружение, выделяемые хабаровскому управлению Главнефтеснаба РСФСР, уменьшались: в 1966 г. эта сумма составляла 1,5 млн. руб., в 1967 г. – 1,1 млн. руб. или меньше на 26,7 %. На 1968 – 1970 гг. предусматривалось финансирование в объёме 2,8 млн. руб. или в среднем по 900 тыс. руб. в год. Неоднократные просьбы управления в Совет Министров РСФСР о дополнительных ассигнованиях на выполнение проектно-сметной документации для строительства объектов нефтебазового хозяйства в Хабаровском крае не находили поддержки «из-за ограниченности средств, предусмотренных Главнефтеснабу РСФСР на ближайшие пять лет с 1971 по 1975 гг.» [10, л. 126–128]. В результате некоторые районы Хабаровского края (Охотский, им. Полины Осипенко, Верхнебуреинский, Ульчский, Аяно-Майский, Нанайский) постоянно испытывали острый дефицит всех видов топлива.

С нарастанием хозяйственного кризиса в промышленности стало проявляться замедление темпов роста и ухудшение других экономических показателей. Так, в объединении «Сахалинуголь» снизилась добыча угля. Если в 1979 г. было добыто 5805 тыс. т, то в 1980 г. – лишь 5220 тыс. т, т.е. на 585 тыс. т меньше. Это создавало большие трудности в топливном снабжении народного хозяйства в зимний период. Центральные власти перекладывали ответственность за сложившуюся ситуацию на местное партийно-хозяйственное руководство, упрекая его в том, что оно «медленно перестраивало стиль и методы работы, деятельность отделов объединения была несогласованной, на шахтах и разрезах низкой оставалась инженерная подготовка производства, горная техника часто простаивала» [15, л. 22]. Для того, чтобы исправить сложившуюся ситуацию и помочь дальневосточникам, министерства и ведомства присылали различных специалистов, но в условиях региона, в отличие от центральных районов страны, быстрые изменения в промышленности были маловероятны. В целом, в народном хозяйстве Дальнего Востока РСФСР дефицит всех видов топлива наметился уже к концу 1960-х гг. С 1971 – 1975 гг. он ещё более чётко обозначился и в последующие годы не был ликвидирован. Одним из его показателей стало несоответствие между объёмами, которые предусматривались в правительственных директивах и планировались министерствами. Так, если в постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 638 [12] план добычи угля составлял 36,7 млн. т, то Министерство угольной промышленности СССР уменьшило его до 35,3 млн. т или на 3,8 % за счёт снижения добычи в Амурской области на 1 млн. т, Сахалинской области на 0,45 млн. т. Одним из последствий дефицита стал срыв программы ввода новых мощностей по угледобыче, особенно на Сахалине в 1966 – 1970 гг. (план – 3340 тыс. т, факт – 2960 тыс. т в год) [1, л. 37; 2, л. 7].

Министерство нефтедобывающей промышленности СССР на 1970 г. запланировало добычу природного газа на Сахалине в размере 0,84 млрд. м³ вместо 3,4 млрд. м³, предусмотренных выше указанным постановлением. К 1972 г. должен был функционировать газопровод Оха – Комсомольск-на-Амуре, но к разработке его технического проекта приступили лишь в конце 1971 г. Сроки начала строительства этого объекта были перенесены на 1974 г. Особенно медленно развивались нефтяная и газовая промышленность Сахалинской области (план 1969 – 1970 гг. по нефти – 3,5 млн. т, по газу – 3,4 млрд. м³; факт – соответственно 2562 тыс. т и 991 млн. м³) [3, л. 36 – 38; 4, л. 115; 16, л. 6].

Общие причины, сдерживавшие динамику развития топливной индустрии Дальнего Востока РСФСР, заключались в том, что процесс ввода в действие запланированных объектов нефтегазовой промышленности крайне затрудняло недостаточное централизованное финансирование, которое приводило либо к «замораживанию» отраслевых объектов, либо к увеличению сроков их строительства, также влияние оказывал кадровый дефицит. Нельзя не учитывать тот факт, что региональная стройиндустрия на тот период времени не обеспечивала мощности стройорганизаций, которые занимались сооружением индустриальных объектов [5, л. 122]. Так, в начале 1970-х гг. на Сахалине возникли трудности с реконструкцией и техническим перевооружением предприятий нефтяной и угольной промышленности. Комбинат «Сахалинуголь» в течение 20 лет вёл реконструкцию шахт «Южно-Сахалинская» и «Горнозаводская», освоив за это время менее 50 % их сметной стоимости [17, л. 8]. Дело в том, что с ростом объёмов добычи топливно-энергетических ресурсов увеличивались размеры проектных смет, но мощностей подрядных организаций Минтяжстроя СССР, который руководил строительством отраслевых промышленных предприятий, было недостаточно. Такая ситуация влекла за собой проблемы социального характера. Заработная плата снижалась, стоимость коммунальных услуг и жилья была высокой по сравнению с Хабаровским и Приморскими краями, поэтому многие работники вынуждены были либо переходить на другие предприятия, либо вообще уезжать с Сахалина.

В Приморском крае в 1970-х гг. планировалось увеличить рост угледобычи в объёме 3,1 %, но его динамика говорила об обратном: 1971 г. – 9,3 млн. т, 1972 г. – 9,4 млн. т, 1973 – 9 млн. т [6, л. 46]. Уменьшение было связано с тем, что государственные задания по вводу производственных мощностей выполнялись с большими затруднениями, так как не хватало техники, оборудования, специалистов и рабочей силы. Несмотря на то, что Минугольпром РСФСР регулярно выделял ассигнования на развитие топливной индустрии «Главвладивостокстрой» не мог их освоить, поскольку помимо указанных выше причин финансирование производилось в конце года, не давая возможности в полной мере реализовать денежные средства. Так, в 1971 г. в край было направлено 4,4 млн. руб., освоено – 2,4 млн. руб. или 53 %, в 1972 г. соответственно 8,5 млн. руб. и 6,8 млн. руб. или 80 % [7, л. 57]. В сложившихся условиях для выполнения государственных заданий местные власти иногда вынуждены были прибегать к уменьшению объёмов капитальных вложений на коммунальное строительство и использовать часть ассигнований на другие нужды [11, л. 85 – 86]. С подобной ситуацией

сталкивались партийно-хозяйственные руководители Сахалинской и Камчатской областей в ходе решении проблем нефтегазовой отрасли.

Другой немаловажной особенностью развития дальневосточной нефтяной и газовой промышленности являлась нехватка технического оборудования и низкий уровень индустриализации. Процессы механизации трудоёмких операций, внедрение автоматизированных систем управления внедрялись крайне медленно, вследствие чего количество аварий и потери рабочего времени не уменьшались. Имевшееся новое высокопроизводительное оборудование не всегда устанавливалось своевременно. Для хозяйственных руководителей главной задачей являлось ускоренное выполнение капитального ремонта, но её решение затруднялось отсутствием или недостатком запасных частей для машин и техники. Одновременно росли объёмы неустановленного оборудования. Только в газовой промышленности Сахалина в 1970 – 1980-х гг. они составили почти 3 млн. руб. [18, л. 19] Поскольку квалифицированных кадров не хватало, то сложно было полностью укомплектовать бригады специалистами и организовать их работу по беспрерывному графику, поэтому, как правило, подземный ремонт скважин в производственном объединении «Сахалиннефть» проводился силами 24 бригад, работавших в 3 – 4 вахты. За год они проводили до 9977 ремонтных работ оборудования, но количество брака оставалось значительным. Только за 1972 г. было проведено 257 повторных подземных ремонтов. Рост объёмов добычи нефти по предприятиям объединения сдерживался из-за острого недостатка технического оборудования и его низкими качественными характеристиками. Ежегодно трудовые коллективы «Сахалиннефти» получали на 400 – 500 глубинных насосов меньше, чем указывалось в заявках, также стали резко сокращаться фонды на запчасти к оборудованию. Затраты времени на ликвидацию аварий оставались высокими и составляли 7,9 % от общего календарного времени. В том же году на Сахалине произошло 22 аварии, на ликвидацию которых было затрачено 10,7 тыс. час. или 46,5 % от общего аварийного времени и 10 аварий, связанных с поломкой бурового инструмента, соответственно, 6,3 тыс. час. или 27 %. Не всегда собственными силами удавалось ликвидировать поломки техники и оборудования. Газовики вынуждены были проводить дополнительное бурение скважины. В результате вторыми стволами было пробурено 3067 м [25, л. 8].

В 1980 – 1985 гг. высоким оставался процент рабочих, занятых ручным трудом. Например, в объединениях «Оханефтегаздобыча» и «Сахалинбургазразведка» им было занято свыше 40 % рабочих, «Магаданэнерго» – 37,2 %. Недостаточный уровень механизации работ являлся одним из сдерживавших факторов позитивной динамики. Например, на шахтах и разрезах Дальнего Востока уровень механизированной выемки угля составлял 18 – 24 %, что было в 3,5 раза ниже, чем по угольной промышленности в целом. В это время за рубежом добыча около 20 % нефти и 1 % газа осуществлялась из-под воды. Однако, по мнению председателя СОПСа при Госплане СССР В.П. Можина, практическое использование глубинных районов Тихоокеанского шельфа, значительная часть площади которого принадлежала Советскому Союзу, не представлялось возможным. Проблема глубоководного бурения столкнулась с отсутствием в стране необходимой специализированной техники для этих целей, была упущена реальная возможность увеличения объёмов добычи нефти и газа [19, л. 23; 26, л. 42].

Таким образом, Дальний Восток РСФСР располагал богатыми нефтегазовыми ресурсами, достаточными для формирования здесь отраслей промышленности любой степени энергоёмкости. Однако этот процесс был детерминирован рядом исторических особенностей. С одной стороны, «ресурсная» концепция относительно перспектив развития региона со временем стала приоритетной в общегосударственной экономической стратегии СССР. С другой, несмотря на правительственные меры по обеспечению ускоренного развития восточных территорий, ликвидировать диспропорции и добиться комплексности в развитии дальневосточной промышленности не удалось.

Список литературы:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А – 259. Оп. 45. Д. 7046. Л. 37.
2. ГАФР. Ф. А – 259. Оп. 45. Д. 7986. Л. 7.
3. ГАФР. Ф. А – 259. Оп. 45. Д. 7046. Л. 36 – 38.
4. ГАФР. Ф. Р – 9553. Оп. 1. Д. 2026. Л. 115.
5. ГАРФ. Ф. А – 259. Оп. 45. Д. 7987. Л. 122.
6. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. П – 68. Оп. 53. Д. 215. Л. 46.
7. ГАПК. Ф. П – 68. Оп. 53. Д. 215. Л. 57.
8. Государственный архив Сахалинской области (ГАСО). Ф. 825. Оп. 1. Д. 511. Л. 74.
9. Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р – 353. Оп. 10. Д. 350. Л. 11 – 12.
10. ГАХК. Ф. Р – 137. Оп. 14. Д. 2093. Л. 126 – 128.
11. ГАХК. Ф. Р – 137. Оп. 14. Д. 1616. Л. 85 – 86.
12. О мерах по дальнейшему развитию производительных сил Дальневосточного экономического района и Читинской области // Решение партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 6 (доп.). М.: Политиздат, 1968. С. 437 – 486.
13. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 150. Д. 1118. Л. 9.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 105. Д. 904. Л. 204 – 206.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 150. Д. 1118. Л. 22.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 106. Д. 935. Л. 6.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 106. Д. 935. Л. 8.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 105. Д. 377. Л. 19.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 150. Д. 1118. Л. 23.
20. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 14. Оп. 1. Т. 3. Д. 4530/2. Л. 15.
21. РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Т. 3. Д. 3971. Л. 155.
22. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 3. Д. 1435. Л. 160 – 161.
23. РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Т. 3. Д. 3971. Л. 2, 16, 8, 13 – 14.
24. РГАЭ. Ф. 399. Оп. 3. Т. 2. Д. 718. Л.15.
25. РГАЭ. Ф. 70. Оп. 1. Т. 3. Д. 3971. Л. 8.
26. РГАЭ. Ф. 14. Оп. 1. Т. 3. Д. 4530/2. Л. 42.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

ДИЗАЙН В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ И ВИРТУАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ДИЗАЙНЕ

Голованова Марина Михайловна
кандидат педагогических наук, доцент, Южный федеральный университет, город Ростов-на-Дону
Шепилова Вера Анатольевна
кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет, город Ростов-на-Дону

DESIGN IN VIRTUAL SPACE AND VIRTUAL SPACE IN DESIGN
Golovanova Marina Mikhaelovna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don
Shepilova Vera Anatolyevna, candidate of pedagogical sciences, associate professor, Don State Technical University, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Взаимодействие категорий «виртуальное пространство» и «дизайн» как одно из направлений развития информационного общества. Виртуальная реальность замещает этапы проектирования и моделирования в дизайне. Возникновение новых форм дизайна, не существующих вне виртуального пространства. Обогащение традиционных видов дизайна составляющими, заимствованными из виртуального пространства. Возможные концепции взаимодействия виртуального и реального дизайна.

ABSTRACT

Interaction of the categories "virtual space" and "design" as one of the directions of development of information society. The virtual reality replaces design stages and modeling in design. Emergence of new forms of the design which isn't existing out of virtual space. Enrichment of traditional types of design by the components borrowed from virtual space. Possible concepts of interaction of virtual and real design.

Ключевые слова: виртуальное пространство; дизайн.
Keywords: virtual space; design.

В условиях стремительно развивающихся современных коммуникационных и информационных технологий на пути движения к информационному обществу [4], в социуме возникают интенсивные мировоззренческие трансформации, основанные с одной стороны на непонимании, страхе перед бурно развивающимися цифровыми технологиями и замещении реального мира виртуальным с другой. Человек, «не включенный» в процесс использования технологий, оказывается «выпавшим» из социальных процессов. Эта ситуация усугубляется с каждым годом, когда все больше сервисов и услуг переходят в виртуальное пространство. В то же время многие сторонники и активные пользователи передовых технологий оказываются втянутыми в мир иллюзорной и реальности, замещающей жизненную активность.[2]

Основной миссией дизайна всегда оставалось создание комфортной предметно-пространственной среды существования человека через обновление культурных ценностей. В данной ситуации, первоочередная задача дизайна — адаптационная – обеспечивающая объединение в целостное пространство реальный и виртуальный мир человека. Решением задачи должны стать интуитивно-понятные высокотехнологичные дизайн-продукты.

Взаимодействие дизайна реальной и виртуальной среды основано на следующих процессах:

- совершенствование привычных форм дизайна средствами виртуальной реальности;
- образование новых форм дизайна, не существующих вне виртуального пространства;
- обогащение традиционных видов дизайна составляющими, заимствованными из виртуального пространства;
- приобретение нового качества дизайна — интерактивности.

Если говорить о совершенствовании привычных форм дизайна средствами виртуальной реальности, то современный индустриальный дизайн, дизайн архитектурной среды, дизайн одежды и аксессуаров, графический дизайн невозможно представить без виртуального конструирования, прототипирования, сборки и испытаний, в основу которых положена идея симуляции пространства. Происходит замена и усовершенствование сложных реальных технических процессов, сокращаются затраты и время на производство. Особенно актуальны подобные системы на стадии концептуального дизайна. Термин «быстрое прототипирование» [3] получает все большее

распространение. Создание объектов на трехмерном принтере на основе цифровой графической 3D-модели может осуществляться разными способами с использованием различных однородных и композитных материалов, по принципу послойного создания твёрдого объекта, исключая сложные технологические этапы традиционного промышленного производства.

Современный художественный мир в полную силу использует данную особенность цифровой среды и включает новые инструментарии и наборы выразительных средств для воплощения своих идейных замыслов. Арт-дизайн ведет поиск новых концептуальных решений, которые находят свое дальнейшее утилитарное применение. Яркие примеры визуализации цифровых данных можно наблюдать у художника Иэн Попиан, который создает скульптуры на основе данных электроактивности человеческого мозга, а также во фрактальной анимации Джереми Брюнета (Jeremie Brunet). Новые горизонты в графическом дизайне и иллюстрации открывает и такая японская художница, как Аяка Ито, которая используя различное программное обеспечение, преобразовывает фотографии людей в линейные конструкции на изобразительной плоскости. Новый пластический язык проявляется и в проволочных скульптурах Дэвида Оливьера, который, возможно, лег в основу создания трёхмерного карандаша – дудлера, и в противоположной по решению полигональной скульптуре Дэвида Месгуича (David Mesguich).

Уже в проектной культуре XX века появилось совершенно новое направление — алгоритмические архитектура и дизайн, в основу которых положено формообразование посредством алгоритмических построений, генерируемых через программное обеспечение. Такая архитектура выстраивается в соответствии с законами окружающей среды и выражает человеческие представления о пространстве. Одним из примеров могут служить работы архитектора Маркоса Новака, основателя концепции киберпространства. Еще в 1985 году он предложил термин текучей архитектуры. С помощью специальных компьютерных программ Новак создавал в виртуальном пространстве трехмерные объекты, вводя схемы их отношений и пропорций. Изменение вносимых параметров приводило к трансформации всего объекта. Сложные алгоритмы текучей архитектуры позволяли изменять всю конструкцию одномоментно в виртуальном пространстве и в реальном времени. Следствием трансформации объекта алгоритмической архитектуры являлась криволинейная поверхность, зачастую многообразно изогнутая в нескольких направлениях. Создание изменчивого, многомерного и метафоричного пространства составило основу новых архитектурно-пространственных изысканий. Технология цифрового алгоритма делает материю самоформирующейся и самотрансформирующейся, где она начинает жить в своем собственном цифровом мире. «Нелинейная» архитектура противопоставлена ее классическим формам, статичности, симметрии, точным отношениям и фундаментальности. Основу ее составляет некий панцирь-оболочка, однако, сам этот панцирь тоже уподобляется изменяемым формам: ландшафту, геологическим образованиям, броне животных, он отражает окружающую его среду, маскируясь под нее.

Вместе с совершенствованием привычных форм дизайна средствами виртуальной реальности образовались и формироваться новые виды дизайна, например, веб-дизайн, медиа-дизайн и другие, существование которых вне виртуального пространства не представляется возможным. Не смотря на то, что у дизайна в виртуальном пространстве, технологическая составляющая имеет главное значение, истоки его лежат в классических видах искусства, в истории живописи, архитектуры, скульптуры. Различные интернет-проекты и видео-инсталляции являются сегодня преобладающей формой искусства, главным становится не репрезентативные его возможности, а коммуникационные. Формируется новый тип пространства — коммуникационное, как результат изменений современного общества под воздействием новых технологий.

Активному развитию коммуникационного пространства способствует веб-дизайн, средствами которого пространство глобальных сетей стало комфортным и привлекательным. «С компьютерными технологиями возникают другие возможности — не просто личного контакта, а безличного обращения к большому количеству людей, а сама структура коммуникационного пространства порождает новые идеи». [5] Такие привычные виды искусства, как живопись и графика переходят в виртуальное пространство, образуя новые понятия: «цифровое искусство», «цифровая живопись». Стремительно развиваются гибридные формы медиа- и веб-дизайна, такие как медиаинсталляции, медиаперфомансы, медиаландшафты, сетевое искусство (нет-арт) и другие, зачастую не имеющие прямых аналогов в традиционных видах дизайна.

Раскрывая сущность процессов развития виртуального пространства не стоит забывать о влиянии этого развития на изменение средовых форм реального мира. Идеи виртуального пространства в целом и его составляющие часто становятся основой для творчества художников и дизайнеров.

Известный японский архитектор Кишо Курокава, размышляя над пространством и формой, часто использует некий симбиоз традиционного и нового, чувственного и технического. Одним из примеров данного симбиоза является здание музея Ван Гога в Амстердаме. Таким образом, идея проницаемости пространства, свойственная трехмерной графике, находит свое воплощение в современной архитектуре.

Еще один пример переноса идей цифровой реальности — «пиксель-арт». Направление в искусстве и дизайне реальных и виртуальных объектов, использующее в формообразовании, графическом изображении, декоре модульную единицу — пиксель. «Пиксель-арт» набирает все большую популярность, это прежде всего компьютерные игры (например, Minecraft), оформление сайтов, где при

всех современных возможностях трехмерной графики, объекты строятся из крупных кубических модулей. Эта идея проявляется и в дизайне реальных объектов, таких как дизайн мебели «Moroso» Кристины Зузунаги (Cristina Zuzunaga), одежде или рекламе от «Vodofone», скульптурах, имитирующих охотничьи трофеи Шона Смитта (Shawn Smith), коллекции аксессуаров Дмитрия Самала, коллекции одежды, обуви, аксессуаров, предметов интерьера «Anrealage» японского дизайнера Кунихико Моринага (Kunihiko Morinaga) и других. Интерес к пиксельному изображению, характерному для технического уровня 90-х годов свидетельствует об уже сложившемся историзме компьютерной графики, который решает новые минималистические задачи современного искусства и дизайна с одной стороны, и позволяет ощутить ностальгию старшему поколению с другой.

Появление трехмерной компьютерной графики способствовало возникновению и активному развитию направлений в искусстве, раздвигающих границы реального урбанистического мира с помощью иллюзорных изображений (стрит арт). Несмотря на глобальность течения, изображения на улицах города часто не являются законными и художники вынуждены скрывать свои имена под псевдонимами. Наиболее известные авторы: британец Бенкси (Banksy), португалец Александр Фарто (Vhils), американцы Марк Дженкинс (Mark Jenkins) и Курт Веннер (Kurt Wenner), бельгиец Питер Ро (Piter Roa), арт-коллектив Mentalgassi,«русский Бэнкси» – Р183 и другие.
Современное искусство и дизайн, создавая новое коммуникативное пространство, предполагает взаимодействие дизайн-объекта с человеком, приобретая новое качество — интерактивность, которая в свою очередь становится направлением их развития.

Изначально идея интерактивности зарождается в глубинах цифрового мира, но исследования в области определения виртуального пространства становятся отправной точкой в экспериментах физического пространства. Идеи интерактивности реализуются в различных областях современного дизайна.

Примером интерактивных объектов городской среды являются управляемые фонари-модули в центре Роттердама, рекламные фасады Пикадилли-циркус, реагирующие на погоду. Наряду с интерактивносными объектами могут иметь место и «псевдоинтерактивные» [1], с запрограммированной последовательностью операций, например, проекционные представления с использованием фасадов зданий вместо экранов, что отражает новый подход к взаимодействию архитектуры с окружающей средой. Помимо информационной функции, медиа-фасады эффектно «оживляют» образ города.

Виртуальное пространство формирует у его создателей и участников новые способы освоения реальности и определения своего отношения к миру, проецирует возможности для индивидуального самовыражения.

Подводя итог, можно сказать, что понятие и представление пространства изменились и продолжают меняться во всех своих возможных вариантах. Дизайн развивается в виртуальном пространстве, вместе с этим, идея интерактивности становится одной из основных в творчестве современных художников и дизайнеров.

Список литературы:

1. Михайлова А.С., Валиуллина А.Р. Интерактивные объекты дизайна в пространственной среде города.//«Design-review». — 2011. — №1 [www.design-review.net] – *[http://design-review.net/index.php?show=article&id=244&year=2011&number=1]*.
2. Ситкевич Н. В. Аксиологический срез изменений мировоззрения в информационном обществе // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. - 2011. - № 3 (19). - С. 43-50.
3. Слюсар, В.И. Фабрика в каждый дом.. Вокруг света. – Январь, 2008. — № 1 (2808). С. 96 - 102.
4. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г. N Пр-212// Российская газета – Федеральный выпуск. – 16 февраля 2008 г. – № 4591. [www.rg.ru] – *[http://www.rg.ru/2008/02/16/informacia-strategia-dok.html]*
5. Фоменко А., Шульгин А.От репрезентации к коммуникации // Мир дизайна. — 2001.— №1. С.102

ЛЕЙТМОТИВНАЯ КОНСТРУКЦИЯ В МУЗЫКЕ ХАНСА ЦИММЕРА К КИНОТЕТРАЛОГИИ «ПИРАТЫ КАРБСКОГО МОРЯ»

Хабирова Дина Рустамовна

Казанская государственная консерватория (академия) им. Н.Г. Жиганова, студентка

В XXI веке кино распространено практически повсеместно и имеет огромную аудиторию зрителей. Музыка, звучащая в фильмах, оказывает значительное влияние на слушателей. Интерес к изучению музыки в кино возрастает. Об этом свидетельствуют многочисленные специальные конференции в разных странах мира. В России также постепенно усиливается внимание к этой обла-

сти музыкального искусства, что выражается в проведении специальных конференций или секционных заседаний (Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского, 2013; РАМ им. Гнесиных, 2014 и др.), в появлении все большего числа публикаций [1;2;3].

Американский композитор немецкого происхождения Ханс Флориан Циммер (р. 1957) – один из наиболее известных и высокооплачиваемых современных кинокомпозиторов. Он является лауреатом премии «Оскар», двукратным лауреатом премии «Золотой глобус», трёхкратным лауреатом премии «Грэмми». Миллионы людей по всему миру знакомы с музыкой Ханса Циммера, благодаря таким фильмам как «Человек дождя», «Принц Египта», «Миссия невыполнима-2», «Последний самурай», «Гладиатор», «Король Артур», «Перл-Харбор», «Тёмный рыцарь», «Шерлок Холмс», «Код да Винчи», «Начало» и др. В 2013 году Циммер стал победителем в номинации «Лучший классический композитор» на ежегодной церемонии награждения классических исполнителей и композиторов Classical BRIT Awards. В данной статье будет рассмотрена музыкально-тематическая конструкция кинотетралогии «Пираты Карибского моря» - одного из самых успешных проектов голливудской киноиндустрии последних лет.

Работа над саундтреком к первому фильму цикла «Проклятие черной жемчужины» велась Циммером совместно с Клаусом Баделтом, одним из композиторов циммеровской студии звукозаписи. Первая демо-версия саундтрека к картине была создана и записана на синтезаторе Циммером всего за одну ночь. Композитор закончил ее в пятом часу утра, поэтому на диске "Remixed & Unreleased" она так и называется: "Pirates, day one, 4:56 am". Баделт доработал циммеровские темы до полноценного саундтрека, а также сочинил на их основе собственные.

Саундтрек к фильму отличается обилием лейттем. Некоторые из них являются выразителями определенных аффектов (различных сторон характера героев), другие являются темами-символами любви, судьбы, проклятия и т.д. Наиболее часто в фильме звучат темы главного героя - капитана Джека Воробья. Первая из них – экспозиционная «героическая» лейттема Джека, звучащая в первый раз в сцене прибытия Джека в Порт-Ройал. Тема основана на ритмоформуле болеро, имеет бравурный характер. На протяжении фильма тема неоднократно варьируется. Вторая лейттема Джека – плутоватая модальная жига у двух виолончелей – раскрывает совсем иную сторону его характера, склонную к рискованным приключениям. Назовем данную тему лейттемой Джека-авантюриста.

Основной темой всего фильма является лейтмотив Уилла Тернера, написанный в жанре жиги и отличающийся быстрым темпом и активным и энергичным характером. В сцене погони Перехватчика за Черной Жемчужиной тема Уилла изменяется под влиянием «героической» темы Джека: жига превращается в болеро с воинственным характером. Эта же ситуация повторяется в фильме: Уилл, находясь под влиянием Джека, постепенно становится пиратом, таким же, как и Джек. Именно лейтмотив Уилла озвучивает финальные титры и становится основной темой ко всему циклу фильмов «Пираты Карибского моря».

В первом фильме цикла лейтмотив любви Уилла и Элизабет представляет собой медленный и лиричный вариант лейтмотива Уилла Тернера. В следующих фильмах тетралогии лейтмотив любви будет строиться на самостоятельной теме.

«Сфера зла», представленная в фильме через образы «Черной Жемчужины», ее команды и капитана Барбоссы, обладает собственным рядом лейтмотивов. Первый из них – лейтмотив судьбы, повторяющий первые три ноты знаменитой Прелюдии *до-диез минор* Рахманинова. Второй – лейтмотив проклятия пиратов, тяжелый и мрачный характер которого выражается в использовании колокола, мужского хора и хоральной фактуры. Лейтмотивы этой сферы образуют сильный интонационный контраст лейттемам главных героев.

По сравнению с музыкой первой части тетралогии, во второй и третьей частях, кроме традиционного оркестра, много экспериментальных звучаний: используются тембры органа, музыкальной шкатулки, электронных ударных и этнических инструментов.

В саундтреке ко второму фильму к двум уже имеющимся лейтмотивам Джека-Воробья добавляется третий. Циммер называет его «пьяной темой Джека» [4]. Тема представляет собой неуклюжий, пошатывающийся вальс у виолончели соло. Наиболее полно лейтмотив представлен в фильме во время бегства Джека от племени людоедов на острове Пелегосто. В третьем фильме тема звучит в сцене тайника Дэйви Джонса. В одиночестве Джеком овладевает «разделение личности», он воображает себя в окружении множества Джеков, в каждом из которых сосредоточилась какая-либо главная черта персонажа: страх, жадность, агрессия и др. Для показа такой необычной ситуации Циммер синтезирует причудливые электронные звучания, расстроенное фортепиано и звуки маультроммеля, исполняющие «пьяную» тему Джека. В этой сцене композитор использует стилевые приемы минимализма, отличающегося известной статикой «музыкального времени». Эти средства понадобились для иллюстрации «нереального» времени, протекающего то ли в сознании героя, то ли вокруг него.

«Сфера зла» во втором и третьем фильмах представлена через образы Дэйви Джонса, его команды на «Летучем Голландце» и Кракена. Лейтмотив Кракена передает всю мощь и силу мифического морского чудовища, уничтожающего корабли и затягивающего на дно моряков. Тема Кракена, как и тема его хозяина Дэйви Джонса, исполняется на органе. Начальная интонация темы заимствована из Прелюдии ре-минор И.С. Баха. В развитии можно заметить завуалированные интонации средневековой католической секвенции «Dies Irae». Главный злодей второго и третьего фильмов, Дэйви Джонс, также имеет

собственную лейттему. Она построена на основе трагической темы любви Дэйви Джонса и Калипсо, написанной в жанре сарабанды и исполняемой муз.шкатулкой. При изображении же Дэйви Джонса тема резко меняет свой характер: к сарабанде в верхних голосах добавляется зловещая токката в нижних, а сама тема исполняется на органе.

В третьем фильме в саундтрек включается новый лейтмотив – свободы пиратов. Он звучит в самом начале фильма и представляет собой целую песню. Позже эту песню поет Элизабет. В течение фильма тематизм песни нередко повторяется в партии оркестра.

В третьем фильме появляется новый герой – сингапурский пиратский барон Сяо Фень. Так как Сингапур в 18 в. находился под большим влиянием Китая, для создания образа сингапурского барона был использован китайский традиционный струнный инструмент – эрху. Характерные элементы традиционной китайской музыки показаны уже во вступлении, за которым следует пентатоновая лейттема Сяо Феня.

В третьем фильме своей кульминации достигает любовь Уилла и Элизабет. Поэтому тема их любви разрастается до звучащих на протяжении всего фильма трех разделов, каждый из которых построен на собственной теме. Первый раздел отличается печально-мечтательным характером и звучит то у соло валторны, то у соло гобоя. Второй раздел темы имеет страстно-решительный характер и исполняется оркестром тутти. Нередко в зависимости от сюжета первый и второй разделы соединяются в контрапункте. Третий раздел появляется только в самых напряженных моментах фильма и звучит как скандирование чувства любви, которая может сразить любые препятствия на своем пути.

В четвертом фильме нет полюбившихся зрителям героев – Уилла и Элизабет, вместо которых появляется бывшая возлюбленная Джека-воробья - испанка Анжелика. Приглашенный в очередной раз для создания саундтрека к фильму Циммер, который на этот раз работал в соавторстве с мексиканским гитарным дуэтом Rodrigo & Gabriela. Для новой героини был введен специальный лейтмотив в ритме танго. Нередко для музыкального изображения Анжелики используется цепочка нисходящих хроматических интонаций, устанавливающая интертекстуальную связь со знаменитой хабанерой Кармен из оперы Ж. Бизе.

Таким образом, музыкальное решение кинотетралогии содержит ярко выраженные признаки применения композитором лейтмотивной техники, заставляющей вспомнить развитую лейтмотивную систему оперной мифологической тетралогии Р. Вагнера «Кольцо нибелунга».

Литература

1. *Шак Т.* Музыка в структуре медиатекста// Москва 2010
2. *Рычков К.* Классическая музыка в голливудском кино// Научный вестник Московской консерватории 2012 №1
3. *Рычков К.* Музыка в современном коммерческом кинематографе США: проблемы истории и теории// Москва 2013
4. http://www.hans-zimmer.com/index.php?rub=media&bt=6&numid=0

МУРИЛЬО И «ТЕОРИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЦИКЛИЧНОСТИ».

Морозова Анна Валентиновна

доцент, канд. искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра истории западноевропейского искусства, Санкт-Петербург

MURILLO AND «PSICHOLOGICAL CYCLING THEORY ».

Morozova Anna Valentinovna, Associate Professor, Ph. D. in History of Art, Department of the History of West European Art, Institute of History, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia,

АННОТАЦИЯ

Теория смены в процессе эволюции искусства периодов различной психологической окраски уходит корнями в концепцию И.И. Винкельмана. В отечественной и западной историографии в последующем эта теория была отброшена. В статье ставится вопрос о целесообразности полной или частичной реабилитации этой теории в приложении к материалу истории испанского искусства и, в частности, к творчеству Мурильо.

ABSTRACT

Psychological cycling theory in the history of art takes beginning in the concept by J.J. Winckelmann. In Russian and West Research literature this theory was forgotten. The article questions the necessity of complete or partial rehabilitation of this theory for Research of Spanish Art history and Murillo Painting.

Ключевые слова: Мурильо, испанское искусство, теория искусства.

Key's words: Murillo, Spanish Art, Theory of art.

В историографии истории искусства эволюция последнего осмыслялась по-разному. Дж. Вазари (1511-1574) ассоциировал искусство с живым организмом и выделяемые им стадии его становления, расцвета и упадка

называл соответственно детством, зрелостью и старческой дряхлостью. И.И. Винкельман (1717-1768), не отрицая в целом теорию Вазари, модифицировал и дополнил ее. Он первым посмотрел на искусство с точки зрения трансформаций психологического строя его образов. Выделяя в развитии древнегреческого искусства такие стили, как древнейший, великий, прекрасный и подражателей, он характеризует их соответственно как *грубый и жесткий; величественный; нежный, мягкий, пленительный;* последний стиль не удостаивая психологической характеристики. Высшей точкой развития греческого искусства И.И. Винкельман считал великий стиль, в полной мере соответствующий его характеристике искусства Древней Греции как искусства *«благородной простоты и спокойного величия»*. Свою периодизацию античного искусства он считал приложимой и к другим историческим этапам, в частности к искусству Возрождения.

С легкой руки Винкельмана подобную периодизацию действительно начинают прилагать к искусству Возрождения. Так, Ф.В.И. Шеллинг (1775-1854) говорит о *силе* образов Микеланджело, *грации* Рафаэля, *нежности* Корреджо и *душевности* Гвидо Рени, считая, что обозначенные психологические акценты в образном строе итальянской живописи хронологически следуют друг за другом.

Стендаль (1783-1842) полагает, что искусство развивается от *суровости* античной архаики к *мягкости* классики, а от *мягкости и грации* Джотто к *силе образов* Микеланджело. Микеланджело – его кумир.

В целом большинство авторов, придерживающихся подобной «психологической» периодизации, отдают предпочтение силе перед нежностью.

Г. Вельфлин (1864-1945) в своих ранних работах («Ренессанс и барокко», «Классическое искусство») также пытался объяснить изменение формального пласта трансформациями в психологии общества. Ренессанс для него - искусство *счастливой умиротворенности и безмятежности*, барокко – *подавленности, томления, неудовлетворенности*. Кватроченто – искусство девически *хрупких* фигур, высокий Ренессанс – эпоха *мощных* пластических объемов. И опять его симпатии явно на стороне спокойной уравновешенной пластичности и мощи. В последующем (частично еще в «Классическом искусстве», потом в «Основных понятиях») он пришел к мысли об автономности развития формального языка искусства.

Психологическое начало сильно и в теории венской школы искусствознания (в частности у Алоиза Ригля (1858-1905), но венцы строят свои выводы на основе изучения психологии зрительного восприятия мира, а не психологии душевного строя художественных образов.

В России применение психологического метода мы находим у А.Н. Бенуа (1870-1960) в его «Истории живописи всех времен и народов». В частности, он считает, что вся европейская живопись XVII в. развивалась от *строгости и величественности* первой половины – середины XVII в. к *нежности, мягкости и пленительности* второй половины столетия. Причем первая стадия для него явно выше и значительнее, чем вторая.

В дальнейшем исследователи использовали достаточно разнообразные критерии для периодизации истории искусства: формальный, реалистический, социологический, комплексный, - в целом, отойдя от критерия специфики психологического состояния образов.

Сейчас точка зрения старых авторов на художественные явления снова начинает привлекать внимание. Видимо, они были не совсем правы в своей попытке возвести гипотезу о смене великого и величественного нежным и пленительным во всеобщий закон развития искусства. Но, например, в конкретной художественной ситуации Испании XVII в. подобные тенденции явно прослеживаются. Особенно показательно в этом отношении творчество Бартоломе Эстебана Мурильо (1617-1682). Французский автор С. Бенсюзан на рубеже XIX-XX веков справедливо отмечал: «На холстах Мурильо его соотечественники увидели уже не затяжные агонии мученичества, но *милосердных* Мадонн, *прелестных* Младенцев и святых, *не очерствелых* в погоне за праведностью» [1, с. 40-41]. На смену сдержанности в проявлении чувств святыми, их аскетическому неприятию всего плотского, суровости и строгости божества (вспомним «Троицу» Риберы (Мадрид, Прадо), его «Св. Иеронима» и «Св. Онуфрия» (Государственный Эрмитаж), «Св. Лаврения» Сурбарана (Государственный Эрмитаж) и «Распятие» Веласкеса (Мадрид, Прадо)) приходит открытое проявление нежности святых к Христу и «превращение» последнего из стоического мученика в трогательного младенца. Вспомним многочисленные образы Антония Падуанского Мурильо. «Действительно, - пишет А.Н. Бенуа, - Мурильо женствен, его искусство выдает какую-то чисто-женственную мягкость, но под этой мягкостью живет опять-таки чисто-женская сила любви – такие порывы нежности, каких не найти ни в ком из живописцев всех времен…» [2, с. 92] Патетику религиозных чувств Мурильо умел передавать как никто. Известный немецкий искусствовед, директор Берлинского художественного музея В. Боде (1845-1929) отмечал существование неразрывной связи стилистики и образного языка у Мурильо: «Мурильо намеренно избегал твердую пластичность или слишком яркий колорит»… чтобы передать зрителю впечатление того, что у св. Антония «…пропадает и последняя зависимость от смерти, даже густые тени, приковывающие фигуру святого к земле, проникаются тихим, но волшебным, черно-голубым светом» [4]. В «Видении св. Антония» из севильского собора младенец Христос является Антонию под сводами его кельи. Святой удостаивается только зрительного восприятия чуда. В «Видении св. Антония» из Государственного Эрмитажа младенец Христос является святому словно слетевшим на открытую и только что читавшуюся священную книгу. В знак доверия он слегка опирается своей левой ручкой о ладонь святого, чтобы правой – благословить его. В «Видении св. Антония» из собрания ГМЗ

«Царское Село» младенец Христос является Антонию лежащим у него на руках. Святой держит драгоценную ношу на полу вытянутых руках, боясь повредить ему более крепким объятием. С величайшей осторожностью он так поворачивает кисти, чтобы младенец не выпал у него из рук. И сам младенец нежно прижимается личиком к святому и дотрагивается ручкой до его щеки. Эту нежность мы находим и в картинах Мурильо с изображением св. Иосифа и младенца Христа. Здесь художник показывает союз родных сердец, противостоящий (и от этого еще более крепкий) чуждому внешнему миру. В «Св. Иосифе, держащем на руках младенца Христа» (Москва, ГМИИ) младенец прильнул к названному отцу, боясь оторваться от него. Робко и нехотя он спускает с его рук левую ножку. И Иосиф крепко держит названного сына левой рукой, за пальцы которой для пущей безопасности схватился маленький Христос. В картине «Св. Иосиф, ведущий за руку ребенка Христа» из Государственного Эрмитажа взгляды изображенных обращены друг к другу. Иосиф намеренно передвигается мелкими шагами, чтобы было удобно ребенку. Легко, едва прикасаясь, он держит маленького Христа за руку. В «Св. Иосифе с младенцем Христом» (Севилья, Музей изящных искусств) младенец трогательно кладет головку на плечо Иосифа, а Иосиф, почти вплотную приблизившись к ребенку, обеими руками крепко держит его, стоящего на самом краю ветхого парапета. Сила и мужество Иосифа противопоставляются нежности и хрупкости Христа и взаимно уравновешивают друг друга. В окружении ласковой заботы Иосифа Христос чувствует себя в безопасности. Последователи Мурильо продолжили разработку этой темы. В частности, мы находим ее в эрмитажном полотне Хуана Антонио де Фриас Эскаланте (1633-1669) «Св. Иосиф с младенцем Христом». Испанский историк искусства XVIII в. А. Паломино относительно этой картины писал, что на ней Иосиф собирается положить младенца в кроватку [3, с. 171]. Снова мы встречаемся с полу вытянутыми руками, на которых святой держит драгоценную ношу. И снова - необычайно кроткое выражение лица святого и ответный жест преданности со стороны младенца. Изображение в подобных картинах чисто материнской нежности мужского сердца не оставляет зрителя равнодушным.

Трудно сказать, чем можно объяснить проявление в испанской живописи второй половины XVII в. этой сентиментальной ноты. Возможно, ее следует связывать с тенденциями позднего барокко.

Эволюция отношения к Мурильо также выявляет траекторию смены *мужественного* начала в культуре *нежным*. На протяжении всего XVIII в. Мурильо в Европе боготворили. Э.М. Фальконе (1716-1791) восклицал [3, с. 36], что о Мурильо можно говорить, только стоя на коленях. В первой половине – середине XIX столетия слава Мурильо еще на взлете. Но мало-помалу ей на смену приходит интерес к Веласкесу, Сурбарану, Рибере с их вниманием к правдивой передаче внешнего мира. В течение первой половины XX в. Мурильо в опале у искусствоведов. И только со второй половины XX столетия интерес к нему вновь возродился. Эта тенденция совпала со смещением внимания от общественных событий к частной жизни. И если даже еще в 1980-х годах в анализе творчества Мурильо акцент делался на мастерстве реалиста, то теперь мы можем вспомнить и его многочисленные божественные образы, когда-то столь дорогие сердцу старых авторов.

Парадокс, однако, состоит в том, что авторы былых времен, распространявшие психологическую концепцию на всеобщую историю искусства и возводившие ее в имманентный закон развития искусства, предпочтение отдавали силе перед нежностью и в отношении образов Мурильо говорили даже не столько о *нежности*, сколько о *приторности и слащавости*. Противопоставляя нежность – силе духа, имели в виду развитие от силы и цельности образов к их слабости и разобщенности, отстаивая нормативность в оценке явлений искусства. Безраздельно восхищались Мурильо лишь авторы, не считавшие нужным определять его место в мировой истории искусства.

Мы полагаем, что стоит использовать психологический метод для периодизации и, возможно, объяснения особенностей эволюции испанского искусства XVII в., но без свойственной его применению у наших предшественников нормативности.

Список литературы:

1. Бенсюзан С. Мурильо. Пер. З. Крашенинниковой. М.: Ю.И. Лепковский,1910. - 80 с.

2. Бенуа А.Н. История живописи всех времен и народов. Ч. 1. Т. 4. С.-Петербург: «Шиповник», 1915-1916. - 424 с.

3. Каганэ Л.Л. Испанская живопись в Эрмитаже. XV-начало XIX в. Севилья - СПб.: Fund. El Monte - Гос. Эрмитаж, 2005. - 599 с.

4. Сокровища искусства. Картины знаменитых мастеров. Художественные репродукции в фотогравюрах с медных досок. Текст В. Боде и Фр. Кнаппа. Пер. и доп. А.Н. Бенуа. Под ред. А.Н. Бенуа. Вып. 4. Комментарий к «Св. Антонию Падуанскому является младенец Христос» из Королевской картинной галереи в Берлине. СПб.: Просвещение, 1904. 198 с., 100 л. илл.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ АРТИКУЛЯЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ

Ибраимов Артур Александрович
Аспирант Кафедры ФГБОУ ВПО «Государственный университет управления», г. Москва

THE ORETICAL QUESTIONS OF PUBLIC INTERESTS' ARTICULATION
Ibraimov Arthur A., Graduate student of FSBEI HPE "State University of Management", Moscow

АННОТАЦИЯ

В статье конкретизируется понятие «артикуляция общественных интересов», для чего последовательно рассматриваются виды интересов, выводится понятие общественных интересов, а также рассматриваются подходы к понятию артикуляции интересов. Кроме того, на основе классификаций интересов и форм их артикуляции разрабатывается авторская трёхмерная модель форм артикуляции интересов.

ABSTRACT

The article specifies the notion of "articulation of the public interest", which includes analysis of the kinds of interests, the concept of public interest is displayed, as well as the approaches to the concept of interests' articulation. In addition, author developed a three-dimensional model of forms of interests' articulation based on the interests' classifications and forms of their articulation.

Ключевые слова: потребности; интересы; общественные интересы; классификации интересов; артикуляция интересов; формы артикуляции интересов; группы интересов; политические партии; направленность интереса; субъект-выразитель интереса.

Keywords: needs; interests; public interests; the interests' classifications; interest articulation; forms of articulation of interests; interests' groups; political parties; the interest's direction; the interest's subject-spokesman.

Какая бы то ни было целенаправленная деятельность человека в основе своей имеет потребности и интересы. Потребность – состояние организма, человеческой личности, социальной группы, общества в целом, выражающее зависимость от объективного содержания условий их существования и развития и выступающее источником различных форм их активности [14]. Одной из наиболее полных классификаций потребностей является предложенная А. Х. Маслоу диаграмма потребностей, более известная как «пирамида потребностей Маслоу». В ней потребности распределены от базовых (дефицитарных, обеспечивающих выживание) к высшим (бытийным, отвечающим за удовлетворение удовольствий, целедостижения, и т.п.) и включают: физиологические, потребность в безопасности, потребность в принадлежности и любви, потребность в уважении (почитании), познавательные, эстетические и потребность в самоактуализации.

Отличительной же чертой интереса является его осознанность, так как не каждая потребность может стать внутренним стимулом, побудителем к тому или иному виду деятельности. Так, например, А. А. Прохожаев определяет интересы как осознанные потребности, сознательно сформированные индивидами, социальными группами, обществом [12]. По мнению автора, фундаментальная связь интересов с общественными отношениями заключается в том, что общественные отношения определяются рядом условий: формой осознания субъектом своих потребностей, целеполаганием, практическими действиями. Реализация интересов субъектов ведет к закреплению общественных отношений, в связи с чем интересы становятся элементами объективной социальной реальности. Кроме того, Сложная структура интересов глубоко связана с социальной структурой общества, являясь, в том числе, основой дифференциации общества как результата взаимодействия социальных групп и слоев с их разнообразными интересами.

У понятия «общественный интерес» существует множество достаточно близких определений. Так И. И. Санжаревский определяет общественный интерес как интерес любого лица (лиц), связанный с обеспечением благополучия, стабильности, безопасности и устойчивого развития общества [13]. Однако в череде простых, на первый взгляд, определений выделяется анализ понятия «общественный интерес» («public interest»), приведённый в статье раздела «Политика» «Оксфордского толкового словаря» [11]. Авторы этой статьи приводят два определения: 1) общий интерес отдельных лиц, выступающих в качестве членов общественной группы; 2) совокупность обобщенных индивидуальных интересов отдельных людей, затрагиваемых политикой или действием. В первом определении речь идёт о разделяемом отдельными лицами общем интересе, в то время как второе определение предполагает зависимость совокупности индивидуальных интересов от итоговой оценки позиции индивидов, рассматриваемых изолированно друг от друга. Авторы подвергают сомнению категорию «общественный интерес» по нескольким основаниям, из которых самым весомым, на наш взгляд, является трудность обеспечения современными политической практикой и политическими институтами достижения общественного интереса.

Очевидно, что определяемое нами понятие должно отражать как наличие интересов отдельных личностей и групп, так и наличие свойственных для всего данного общества, а быть может, и человечества в целом интересов. Для дальнейшей конкретизации определения целесообразно привести примеры существующих в науке классификаций интересов как таковых.

Интересы классифицируются по разным основаниям, как то: по степени общности – индивидуальные (личные), групповые, корпоративные, общественные (общие), национальные и общечеловеческие; по субъектам – личности, общества, региона, государства, коалиции государств, мирового сообщества; по степени социальной

значимости – жизненно важные, важные, маловажные; по сферам жизнедеятельности – в экономической сфере, во внешнеполитической сфере, во внутриполитической сфере, в социальной сфере, в духовно-культурной сфере, в международной сфере, в оборонной сфере, в информационной сфере и т. д.; по продолжительности действия – постоянные, долгосрочные, кратковременные; по характеру направленности – экономические, политические, военные и т. д.; по характеру взаимодействия – совпадающие, параллельные, расходящиеся, конфронтационные [12].

Для необходимого нам построения определения наиболее существенными являются степень общности и субъект интереса как основания классификации. И здесь наше исследование выходит на проблему баланса интересов личности, общества и государства. Законодательные определения данных категорий были даны в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 17 декабря 1997 г. [2]. Согласно ей, интересы личности состоят в реализации конституционных прав и свобод, в обеспечении личной безопасности, в повышении качества и уровня жизни, в физическом, духовном и интеллектуальном развитии человека и гражданина. Интересы общества состоят в упрочении демократии, в создании правового, социального государства, в достижении и поддержании общественного согласия, в духовном обновлении России. Интересы государства состоят в незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества. Примечательно, что эти три дефиниции отсутствуют в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [1], которая пришла на смену утратившей юридическую силу Концепции, а есть только определение национальных интересов как совокупности внутренних и внешних потребностей государства в обеспечении защищенности и устойчивого развития личности, общества и государства.

Таким образом, под **общественными интересами** мы будем понимать совокупность интересов отдельных личностей, социальных групп, а также общества в целом, систематическая удовлетворение которых приводит устойчивому и всестороннему развитию общества в направлении укрепления народного суверенитета, повышения материального благополучия, социальной и правовой защищенности, духовного роста и безопасности всех его элементов.

Термин **«артикуляция интересов»** введён в научный оборот классиком теории политических систем Г. Алмондом [10, с. 39-40]. В его книге «Сравнительная политология сегодня» [5] проводится анализ и сравнение политических систем с позиций структурно-функционального подхода. В частности, автором приводятся две графические модели: «Политическая система и её структура» и «Политическая система и её функции». К первой из них мы вернемся, когда будем говорить о формах / каналах артикуляции общественных интересов, а пока рассмотрим функции политической системы. Функции политической системы подразделяются авторами на системные функции и функции процесса. Под последними подразумеваются те формы активности, без которых невозможен процесс выработки и осуществления политики в политической системе любого типа, а именно: 1) артикуляция интересов, 2) агрегация (агрегирование) интересов, 3) определение политического курса, 4) осуществление политического курса и выполнение судебных решений. Разное количество стрелок, которыми обозначен процесс на стадиях осуществления соответствующих функций объясняется тем, что множественные входящие сигналы расплывчатых запросов/интересов общества выражаются (артикулируются) в пул чётко сформулированных интересов. Они, в свою очередь, интегрируются и обобщаются (агрегируются) в ограниченное количество программных политических альтернатив, на основе которых принимается политический курс, осуществляемый в различных направлениях и сферах жизни общества и государства.

Таким образом, Г. Алмонд определяет процесс артикуляции интересов как процесс выражения гражданами и социальными группами своих нужд и требований к правительству [5, с. 122]. Основываясь на исследованиях Г. Алмонда, артикуляцию интересов определяют также как функцию политической системы, состоящую в выявлении группами интересов, общественными организациями и политическими партиями требований индивидов и социальных групп, предъявляемых к политической системе [10]. Некоторые авторы включают в определение также дифференциацию артикулируемых интересов на реальные и мнимые. Без привязки же к политологическому контексту артикуляция интересов - процесс преобразования расплывчатых взглядов и мнений людей в конкретные формулы и требования организаций и их озвучивание [7].

Подытоживая всё вышесказанное, под **артикуляцией общественных интересов** мы будем подразумевать самостоятельное выражение гражданами, а также выявление общественными организациями, политическими партиями и группами интересов требований отдельных личностей, социальных групп и общества в целом, систематическое удовлетворение которых приводит устойчивому и всестороннему развитию общества в направлении укрепления народного суверенитета, повышения материального благополучия, социальной и правовой защищенности, духовного роста и безопасности всех его элементов.

Следующим шагом нашего исследования является рассмотрение форм артикуляции политических интересов. Классической и наиболее полной классификацией считается предложенная Г. Алмондом [5, сс. 122–153], в которой он поочерёдно рассматривает две группы форм артикуляции.

Первая группа форм артикуляции интересов – **гражданское действие.** Всю свою жизнь мы, так или иначе, выражаем свои интересы, потребности и пытаемся достичь своих целей, являясь членами общества. Используемые нами в этом формы гражданской активности, а именно: голосование на выборах, создание неформальных групп и общественных движений, непосредственный контакт с лицами, принимающими решения, протестная активность, – являются формами артикуляции интересов. Эти формы различаются по степени давления на политические элиты: так протестная активность с этой точки зрения обладает высоким потенциалом, голосование на выборах – средним, но несфокусированным, а неформальные группы и личный контакт – слабым.

Вторая группа форм артикуляции интересов возникает как результат деятельности **общественных и политических групп**, представляющих интересы своих членов. Исследователи используют различные типологии **групп интересов**, но чаще всего основаниями классификации являются принцип организованности в достижении общественных целей и характер внутригрупповых связей, предложенный Г. Алмондом.

По принципу организованности различают неупорядоченные (аномические) группы и институциональные группы. **Аномические** группы образуются, как правило, стихийно, неожиданно, когда значительное число людей одинаково реагируют на неудовлетворённость своих интересов. Эти группы проявляют эпизодическую активность, но именно острота эмоций участников и отсутствие внутренней организации приводят, зачастую, к насильственным формам этой активности, что получило широкой распространение в политических системах ряда стран, как то: США, Франция, Италия, Индия, ряд арабских государств Ближнего Востока и др. [4]. **Институциональные** же группы, как правило, высоко организованны, и уровень их организационной базы пропорционален эффективности их влияния на политический курс. Помимо представительства интересов определенной части общества, эти группы представляют также и свои собственные интересы. К этим группам относятся политические парии, бюрократия, вооруженные силы, легислатуры, бизнес-корпорации и т. п.. В демократических партийных системах наиболее влиятельны политические партии, которые, фактически, монополизировали политическое представительство интересов различных социальных слоев и групп [9, с. 6]. Этот факт объясняется отличительным признаком политических партий, выделяющим их из ряда прочих групп интересов – получение и удержание государственной власти как цель. Немалым влиянием в зависимости от модели политической системы могут обладать и неполитические институциональные группы (один из ярчайших примеров – Римская католическая церковь).

По характеру же внутренних связей различают **неассоциативные** и **ассоциативные** группы. Первые, как и аномические группы, действуют спонтанно, но обладают неким объединяющим началом: этническая или конфессиональная принадлежность, род деятельности, место проживания, кровное родство («клановость») и др. Неассоциативные группы могут быть как большими, в которых члены осознают некую общность интересов, но неорганизованны, так и малыми, основанными на личном знакомстве членов. Изучение способности групп к организации в зависимости от их масштаба нашли отражение в ряде трудов [3, с. 186] и являются отдельной масштабной темой для исследования. Ассоциативные же группы создаются для представительства интересов конкретной категории граждан (торгово-промышленные палаты, союзы промышленником и предпринимателей, профсоюзы, отраслевые и творческие объединения, этнические и религиозные объединения, лоббистские организации и т.п.). Их преимуществом является организованность и наличие чётких процедур артикуляции интересов.

Приведенные примеры видов групп проиллюстрируем на примере работников образования: неупорядоченная группа – спонтанная забастовка учителей одного города, неассоциативная группа – работники образования как коллектив, институциональная группа – Министерство образования и науки Российской Федерации, ассоциативная группа – союз работников образования.

Известна также классификация французского политолога Ж. Блонделя [6; 8], разделявшего группы интересов на четыре типа: 1) **традиционные**, возникающие по обычаю; 2) **институциональные** – формальные организации государственной системы; 3) **группы защиты**, инициируемые лидерами в интересах своих сторонников; 4) **группы поддержки**, инициируемые для достижения строго ограниченных конкретных целей.

В качестве заключительной части рассмотрения теоретических вопросов артикуляции общественных интересов хотелось бы построить некую модель, отображающую всё вышеизложенное о составных частях общественного интереса и о существующих формах его артикуляции. Ясно, что для построения этой модели нам необходимо вычленить ключевые параметры, комбинации которых будут раскрывать содержание той или иной формы артикуляции.

Реальная жизнь общества во всём своём многообразии, разумеется, не полностью отражается описывающими её научными моделями. Хитросплетения различных факторов влияют не только на возможность конечного удовлетворения интереса личности, группы или общества в целом, но и на сам этот интерес, который может трансформироваться или исчезнуть вовсе (в зависимости от важности этого интереса). Однако из параметров, образующих конкретные формы артикуляции интересов, нам представляются наиболее важными три: направленность интереса (его сфера), субъект-выразитель интереса (непосредственно его артикулирующий) и уровень представительства интереса.

Направленность артикулируемого интереса как параметр из перечисленных выше оснований классификации содержит в себе сферу жизнедеятельности, характер направленности и степень социальной значимости. Субъект-выразитель интереса как параметр отражает основания дифференциации интересов по субъекту, по продолжительности действия и по характеру взаимодействия. Этот параметр также отражает все перечисленные нами формы артикуляции. Уровень же представительства интересов также отражает дифференциацию интересов по субъектам и по социальной значимости, но для нас этот параметр важен, скорее, как позволяющий наложить формы артикуляции на уровни государственного управления, а также как мера масштаба последствий удовлетворения интереса.

Таким образом, мы получили авторскую трёхмерную модель форм артикуляции интересов, образующихся на пересечении трёх осей-параметров:

1) направленность интереса: экономическая, социальная, духовно-культурная, правовая, информационная, безопасность (в широком смысле), внутриполитическая, внешнеполитическая;

2) субъект-выразитель интереса: граждане, неформальные группы и общественные движения, аномические группы интересов, неассоциативные группы интересов, институциональные группы интересов, ассоциативные группы интересов;

3) уровень представительства интереса: местный, региональный, национальный, наднациональный (макрорегиональный и мировой).

Говоря об артикуляции общественных интересов, нельзя не отметить, что зачастую под выражением интереса ошибочно объединяют функцию артикуляции интересов с функцией их агрегации, ведь грань между ними назвал трудноуловимой разграничительной чертой даже введший оба этих понятия в научный оборот Г. Алмонд [5, с. 158]. Но агрегация интересов как их обобщение даёт некую степень искажения первично артикулированного интереса, его размывания, что и является одним из главных отличий процесса агрегации интересов от форм прямой артикуляции.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 12.05.2009 N 537 "О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года" [Электронный ресурс] / Электронная правовая база «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=87685/ (дата обращения: 26.06.2014)
2. Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24 "Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации" [Электронный ресурс] / Электронная правовая база «КонсультантПлюс». – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25677/ (дата обращения: 26.06.2014).
3. Olson, Mancur. The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups / Mancur Olson – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 2002. – 186 p.
4. Taylor, Charles Lewis and David A. Jodice. The World Handbook of Social and Political Indicators III. [электронный ресурс] / New Haven, Ct.: Yale University Press, – 1983. – chs. 2-4 Режим доступа http://www.odum.unc.edu/content/pdf/world%20handbook%20data%20codebook.pdf (дата обращения: 28.06.14).
5. Алмонд, Г. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учебное пособие / Г. Алмонд, Дж. Пауэлл, К. Стром, Р. Далтон. – М.: Аспект Пресс, 2002. – 537 с.
6. Голосов, Г. В. Сравнительная политология: Учебник. / Г. В. Голосов – С.-Пб.: Издательство Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2001. – С. 133–137.
7. Краткий глоссарий политологических терминов проекта "IIMP".[Электронный ресурс] – Режим доступа: http://politike.ru/dictionary/277/word/artikuljacija-interesov (дата обращения: 26.06.2014).
8. Лапин Н. И. Ценности, группы интересов и трансформация российского общества // Социологические исследования, 1997. – № 3. С. 14–24.
9. Макаренков, Е. В. Харичкин, И. К. Политические партии и партийные системы: Учеб. пособие. / М.: МПИ ФСБ России. – 2007. – 32 с.
10. Погорелый, Е. Д. Политологический словарь-справочник [Электронный ресурс] / Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 318 с. – Режим доступа: http://politike.ru/dictionary/866/word/artikuljacija-interesov#b_5 (дата обращения: 26.06.2014).
11. Политика. Толковый словарь. — М.: "ИНФРА-М", Издательство "Весь Мир". Д. Андерхилл, С. Барретт, П. Бернелл, П. Бернем, и др. Общая редакция: д.э.н. Осадчая И.М.. 2001.
12. Прохожаев, А. А. Общая теория национальной безопасности : учебник [Электронный ресурс] / Под общ. ред. А. А. Прохожаева – М.: Изд-во РАГС. – 2005. – 344 с. – Режим доступа: http://uchebnik-online.com/soderzhanie/textbook_235.html (дата обращения: 26.06.2014).
13. Санжаревский, И. И. Политическая наука: словарь-справочник. Издание 4-е, испр. и доп. / И. И. Санжаревский – Тамбов, 2012 г. Режим доступа: http://politike.ru/dictionary/1152 (дата обращения: 26.06.2014).
14. Стёпин, В. С. Новая философская энциклопедия [Электронный ресурс]: В 4 тт. / Под редакцией В. С. Стёпина. – М.: Мысль. – 2001. Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/ (дата обращения: 26.06.2014).

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО РАЗВИТИЮ АГЛОМЕРАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лебедева Екатерина Васильевна

к.и.н., доцент Самарской государственной сельскохозяйственной академии

АННОТАЦИЯ

В современном мире агломерации являются важным инструментом управления социально-экономическими процессами. Однако в России государственная агломерационная политика развита слабо, а ее законодательное обеспечение фактически отсутствует. В статье предлагаются основные направления государственной политики в области развития системы агломераций в Российской Федерации.

ABSTRACT

In the modern world the agglomeration are the important instrument of management of social and economic processes. However in Russia the state agglomerative policy is developed poorly, and its legislative providing actually is absent. In article the main directions of a state policy in the field of development of system of agglomerations in the Russian Federation are offered.

Ключевые слова: государственная политика, агломерация, городская агломерация, договорная модель агломерации.

Keywords: state policy, agglomeration, city agglomeration, contractual model of agglomeration.

В современном мире процессы урбанизации необратимо ведут к оформлению агломераций как компактных территориальных объединений городских и сельских поселений, связанных в единое целое интенсивными социально-экономическими и культурно-бытовыми связями [8, с. 114]. Агломерация представляет из себя пространственную группировку поселений, образованных, обычно, городами и поселками-спутниками вокруг города-ядра (одного или нескольких) [3, с. 6]. Основными признаками современных агломераций являются компактное расположение населенных пунктов и их функциональная взаимодополняемость, высокая плотность населения и застройки, а также тесные производственные, социально-экономические, административно-политические, культурно-бытовые и рекреационные связи ядра агломерации с внешним окружением [6, с. 123-125].

Мировая история свидетельствует, что агломерационный путь развития – это естественный процесс как урбанизационного, так и социально-экономического характера в странах индустриального и постиндустриального уровня развития, имеющий долгосрочные экономические и политические перспективы. Если в 2010 г. в мире насчитывалось около 450 агломераций с числом жителей более 1 млн. человек [11, с. 50], то к 2015 г., по оценке ООН, их будет уже более 900. [6, с. 122].

Процесс формирования и развития агломераций довольно длителен и включает в себя четыре основных этапа. На первом этапе агломерация представляет собой конгломерат близко расположенных урбанизированных территорий, объединенных производственными связями. На втором этапе основные функции города-ядра (производство, потребление, развлечения) выносятся за его пределы в спутниковую зону. На третьем этапе формируется единое функционально связанное пространства города-ядра и поселений-спутников, а сама агломерация становится важным узлом в территориальной структуре национальной экономики. Четвертый этап развития агломераций характеризуется их встраиванием в глобальные экономические процессы [6, с. 125-127].

В отличие от развитых мировых агломераций (Рейн-Рур в Германии, Ранштадт в Нидерландах, Токайдо в Японии, Босваш, Чипитс и Сансан в США), большинство современных российских агломераций находятся только на первом или втором уровнях развития. На третьем этапе развития находится Санкт-Петербургская агломерация, в начале четвертой фазы – Московская агломерация [6, с. 127].

Низкий, по мировым меркам, уровень развития агломераций в нашей стране объясняется особенностями процесса урбанизации в России, которые в полную силу проявили себя только со второй половины 1920-х гг. Тяжелый удар по зарождающейся сети агломераций на европейской территории страны был нанесен Второй мировой войной, которая, вместе с тем, способствовала процессам агломерирования в Поволжье, на Урале и в Сибири. К концу 1980-х гг. процесс формирования агломераций в России практически остановился [3, с. 7]. После распада СССР в составе России остались 52 агломерации, которые распределены по территории страны крайне неравномерно: в 34 субъектах Российской Федерации агломерации отсутствуют. В целом, расположение агломераций в России совпадает с основной полосой расселения, а степень их развитости убывает с запада на восток [4, с. 48-49].

В современном мире агломерации рассматриваются как один из главнейших факторов конкурентоспособности государства в современной глобальной экономике, поэтому развитию процессов агломерирования уделяется значительное внимание на уровне бизнеса, общества и государства [1, с. 14]. В современной России вплоть до настоящего времени процесс формирования и развития агломерации носил, в целом, стихийный характер. До настоящего времени развитие российских агломераций осложнялось фактическим отсутствием регулирования на государственном уровне.

В последние годы в Правительстве Российской Федерации сформировалась точка зрения на агломерации как на наиболее значимые элементы современной системы расселения, которые обеспечивают экономическую связность территорий и комплексное развитие их инфраструктуры. В Концепции социально-экономического развития регионов Российской Федерации отмечается необходимость создания «опорных регионов» – «локомотивов роста» – генерирующих инновационно-инвестиционное воздействие на остальную территорию, и эта функция определена, прежде всего, за городскими агломерациями.

Необходимо подчеркнуть, что в современной России не существует практического опыта по формированию, регулированию и прогнозированию агломерационных процессов, и не разработана методология управления социально-экономическим развитием агломерации [12, с. 189]. Несмотря на то, что понятие «агломерация» встречается практически во всех программах и стратегиях развития регионов, в федеральном законодательстве оно отсутствует. В связи с этим в государстве отсутствует и эффективная инфраструктура поддержки агломераций и согласованная система документации по их долгосрочному развитию.

С целью решения указанных проблем современное российское государство ставит перед собой задачи формирования единых подходов к развитию агломераций, совершенствования нормативно-правового и бюджетного обеспечения данного процесса. Планомерная работа в данном направлении началась фактически только в 2013 г., когда Министерство регионального развития Российской Федерации провело круглый стол на тему «Развитие городских агломераций – особенности государственного регулирования», по итогам которого был принят за основу проект «дорожной карты» «Развитие агломераций в Российской Федерации», реализация которой призвана осуществить функцию инициации и структуризации мер организационного и нормативно-правового характера, необходимых для упорядочения и ускорения развития агломераций в России. В декабре 2013 г. в число пилотных регионов для выработки механизмов управления российскими агломерациями были отобраны агломерации в Республиках Хакасия и Татарстан, Ростовской и Свердловской областях, а также Самарско-Тольяттинская агломерация. На основании реализации пилотных проектов Минрегионразвития России планирует выработать порядок определения границ территорий агломераций, систему управления ими, разработать механизмы финансирования развития агломераций, и отработать вопросы землепользования и градостроительства в их рамках.

В целом, государственная политика по развитию городских агломераций на территории Российской Федерации в настоящее время находится в процессе становления. Ее дальнейшее развитие и реализация возможны на основе разработки методических основ определения качественных показателей современных агломераций, учета исторических и демографических особенностей развития территорий агломераций, а также тесного взаимодействия государственных органов власти федерального уровня с государственными органами власти субъектов Российской Федерации и муниципальными органами управления поселений, входящих в состав агломераций.

В настоящее время в Российской Федерации не существует общепризнанной модели управления агломерациями, поэтому разработка механизмов управления агломерациями является сложным вопросом, требующим как усвоения зарубежного опыта, так и учета положений современного российского законодательства. В международной практике существует несколько подходов к управлению городскими агломерациями, из которых только «договорная» модель, как форма сотрудничества между отдельными муниципальными образованиями на территории агломерации, соответствует социально-экономическим реалиям и законодательству Российской Федерации.

Модель договорной (или фрагментированной) агломерации предусматривает согласование стратегий и сотрудничество в реализации инфраструктурных проектов и оказании услуг отдельными самостоятельными муниципальными образованиями на территории агломерации. Объединение усилий самостоятельных муниципальных образований по решению общих вопросов на договорной основе может быть реализована в настоящее время в рамках Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» №131-ФЗ. Вместе с тем, сами процедуры функционирования системы договорного управления в настоящее время в российском законодательстве не регламентированы.

Договорная модель управления агломерацией предполагает заключения двух- и многосторонних соглашений между муниципалитетами, входящими в агломерацию, по широкому кругу вопросов, а также создание системы органов управления, обеспечивающих согласование и координацию действий различных муниципальных образований агломерации между собой и с субъектом федерации. Реализация механизма управления агломерациями в рамках данной модели требует разработки и заключения пакета соглашений, положения которых должны быть унифицированы на федеральном уровне, но, вместе с тем, должны предоставлять возможность для реализации специфических возможностей их развития.

Формирование органов управления агломерацией на настоящий момент также не предусмотрено федеральным законодательством, поэтому их можно предложить только гипотетически, используя успешный зарубежный опыт в данной сфере: высший координирующий орган межмуниципального сотрудничества, исполнительный орган, обеспечивающий выполнение его решений, а также экспертный совет, куда, помимо представителей органов государственного и муниципального управления, должны входить представители бизнес-структур, общественности, а также научных и научно-исследовательских организаций, занимающихся проблемами агломерирования.

В рамках современного российского законодательства агломерации не имеют правового статуса, а само наличие агломераций и факторы их развития не находят отражения в законодательных актах, определяющих развитие территорий, входящих в их состав: Градостроительном кодексе Российской Федерации, а также Федеральных законах «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ и «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» № 184-ФЗ. Поэтому первостепенной задачей на общегосударственном уровне является внесение соответствующих изменений в данные документы: в них должно быть введено понятие «агломерация», определены ее формы и границы, порядок бюджетного финансирования, формирование органов управления и т.д.

Разработка программ развития российских агломераций протекает в настоящее время в рамках выработки стратегии повышения конкурентоспособности территориальных образований, поэтому очень важно сформировать правовую основу для формирования единой государственной системы стратегического планирования. Решению этих задач должно способствовать принятие Федерального закона «О государственном стратегическом планировании».

В отношении агломераций также необходима разработка концепций и долгосрочных (от пяти лет) стратегий развития на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Одновременно с процессом самоорганизации конкретных агломераций и нормативно-правовым оформлением их развития должна идти корректировка федерального законодательства по первоочередным проблемам развития агломераций, в соответствии с новыми положениями которых необходимо привести документы территориального планирования субъектов Российской Федерации.

Список литературы:

1. Бозе Э. Городские агломерации: старое название – новое содержание // Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 4-5. – С. 13-16.
2. Концепция социально-экономического развития регионов Российской Федерации // Портал «Федеральный справочник» [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL.: http://federal-book.ru/files/FS/Soderjanie/FS-18/VI/Yakovlev.pdf.
3. Лаппо Г. Городские агломерации СССР-России: особенности динамики в XX в. // Удобное пространство для города. Российское экспертное обозрение. – 2007. – № 4-5. – С. 6-9.
4. Лаппо Г., Полян П., Селиванова Т. Агломерации в России в XXI в. // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. – 2007. – № 1. – С. 45-52.
5. Минрегионразвития РФ. Агломерация и «дорожная карта»: предварительный обзор // Официальный сайт ассоциации Сибирских и Дальневосточных городов [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL.: http://www.asdg.ru/news/94332/
6. Нещадин А., Прилепин А. Городские агломерации как инструмент динамичного социально-экономического развития регионов России // Общество и экономика. – 2010. – № 12. – С. 121-139.
7. План мероприятий («дорожная карта») «Развитие агломераций в Российской Федерации» // Официальный сайт Министерства регионального развития Российской Федерации [электронный ресурс] – Режим доступа. – URL.: http://www.minregion.ru/documents?locale=ru#0.
8. Федякин И. В. Мегаполис как объект политологического исследования // Мир и политика. – 2013. – Октябрь. – С. 207-221.
9. Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ (ред. от 21.07.2014 г.).
10. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» № 184-ФЗ (ред. от 28.06.2014 г.).
11. Харченко К. В. Проблемы управления развитием городских агломераций: взгляд из г. Белгорода // Муниципальный мир. – 2009. – № 1-2. – С. 49-57.
12. Яроцкая Е. В. К вопросу о критериях идентификации городской агломерации // Вестник науки Сибири. – Серия «Экономика и менеджмент». – 2012. – № 5 (6). – С. 185-190.

ИКТ КАК СРЕДСТВО ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО И ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОГО РАЗВИТИЯ АЗЕРБАЙДЖАНА

Рагимзаде Вугар Гянджали оглу
докторант Нахчыванского отделения Национальной Академии Наук Азербайджана

Сегодня ИКТ воспринимаются как благоприятное средство для обеспечения устойчивого и продолжительного развития Азербайджана, усиления интеллектуального потенциала, углубления бизнес-отношений, борьбы с коррупцией, сокращения бедности и безработицы, дальнейшего развития прозрачности и демократии в обществе. ИКТ, создающие новые ценности в области государственного управления, образования, здравоохранения, бизнеса, банковского дела и в других сферах, стали важной составной частью общественно-экономических отношений. Развитие интернет-медиа, наличие свободы мысли и слова в интернете, широкое распространение электронных газет и журналов, зарубежных и внутренних социальных сетей являются новыми возможностями, которые ИКТ предоставили обществу.

Для достижения основной цели, определенной в «Национальной стратегии по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014-2020 годы», утвержденной Распоряжением Президента Азербайджанской Республики Ильхама Алиева от 2 апреля 2014 года, требуется в течение следующих десяти лет расширить объем ИКТ-сектора в 4-4,5 раза, усилить экономический потенциал ИКТ, удовлетворять потребности общества в ИКТ. **[1]**

В информационном обществе все сферы жизни приводятся в соответствие с моделью электронного управления. А это является формулой электронного правительства, приемлемой для нынешних информационных обществ. Конечно же, в новом обществе, где информация воспринимается как важный ресурс, формируется управление, основанное, главным образом, на человеческом капитале. А формирование человеческого капитала – это важный и в то же время сложный процесс для всех обществ.

Мысли о создании человеческого капитала также не новы. Теории о человеческом капитале еще 60-70 лет назад получили место в исследованиях Г.Беккера, Т.Шульца, Б.Брейсборда, Б.Х.Ганса и других.

Составляя «карту», Г.Беккер пишет, что для овладения общими и специальными видами профессии необходимо вкладывать инвестиции в образование, здоровье, профессиональную подготовку (классификация, обмен опытом и пр.), миграцию, а для экономической деятельности – в информацию и мотивацию. **[3, стр.95]**

М.Блауг отмечает, что люди должны в различных формах расходовать имеющиеся ресурсы на будущее развитие, чтобы в перспективе расширить уровень прогресса. По мнению упомянутых исследователей, человеческий капитал - это знания, способности и мотивация, которые есть в запасе у каждого. Инвестиции в человеческий фактор – это именно усиление образования, обмен накопленным опытом, защита здравоохранения, географическая мобильность и поиск информации. **[4, стр.318]**

С.Дятлов также отмечает, что человеческий фактор – это потенциальные знания, здравоохранение и способности, которые создают дополнительные возможности для роста доходов, увеличения производства и труда, их целенаправленного использования в той или иной общественной сфере. **[5, стр. 112]**

Л.Туроу же добавляет к человеческому капиталу фактор «уважения к политической и социальной стабильности». **[6, стр. 12]**

Как видно, человеческий капитал считается константным априорным ресурсом развития общества. То есть этот феномен не является материальным ресурсом, чтобы передавать его будущим поколениям таким, как он есть. Поэтому вложенный в человеческий фактор капитал не только создает базу для перспективного развития, но и становится фактором, который указывает путь будущим поколениям. На современном этапе, в особенности во время построения «информационного общества», фактор человеческого капитала носит жизненно важный характер.

Общенациональный лидер Гейдар Алиев отмечал, что «вложенные в науку инвестиции служат интеллектуальному будущему народа». А Президент Азербайджанской Республики Ильхам Алиев в связи с вопросом человеческого капитала отметил, что «Азербайджан – это очень богатая страна. У нас огромные богатства. Но самый большой наш ресурс – это знания, образование людей. Эффективно используя свои возможности, мы должны превратить материальный капитал в человеческий и делаем это». Президент Ильхам Алиев неоднократно подчеркивал, что главная цель проводимой правительством Азербайджана политики заключается в превращении нефти – «черного золота» в человеческий капитал. Эта стратегия, предусмотренная и выдвинутая главой государства, создала благоприятные условия для творческой мысли людей, развития их талантов. **[7]**

В Азербайджане реализуется систематическая работа по формированию человеческого капитала и предпринимаются стратегические шаги в этой области. Как результат этого, Азербайджан ежегодно занимает ведущие места по индексу человеческого развития ООН. Конечно же, создание человеческого капитала, внимание и забота о науке, образовании, здравоохранении также ускоряют переход Азербайджана к «информационному обществу». Кроме того, проводимая в нашей стране работа в области информационных и коммуникационных технологий способствовала достижению Азербайджаном многих индикаторов нового общества.

Основной целью формирования и развития «информационного общества» в Азербайджанской Республике являются качественное улучшение жизни граждан, обеспечение конкурентоспособности страны, развитие экономической, социальной, политической, культурной и религиозной сфер общества, формирование системы государственного управления посредством информационных и коммуникационных технологий. Это факт, что на современном этапе доля информационно-коммуникационных технологий в общем экономическом прогрессе развивается по восходящей, увеличивает свой вес. Именно по этой причине сейчас и в нашей стране ИКТ находятся среди приоритетных направлений устойчивого экономического развития, большими темпами проникают в социально-экономическую сферу. В Азербайджане фундаментальное развитие ИКТ началось с 2003 года. Так, «Национальная стратегия по информационно-коммуникацион-

ным технологиям во имя развития Азербайджанской Республики (2003-2012 годы)», утвержденная Распоряжением общенационального лидера Гейдара Алиева от 17 февраля 2003 года, определила основную линию работ, проделанных в течение минувших 10 лет в области ИКТ. **[8]**

Принятый в 2004 году Закон Азербайджанской Республики «Об электронной подписи и электронном документе» способствовал созданию электронного оборота документов в стране и развитию новых процессов, где применяется электронная подпись, в том числе новых сфер экономической деятельности. **[9]**

Поручение о подготовке «Государственной программы в целях обеспечения развития связи и информационных технологий в Азербайджанской Республике в соответствии с современными требованиями» согласно Указу Президента Азербайджанской Республики от 10 августа 2004 года «Об утверждении Положения о Министерстве связи и информационных технологий Азербайджанской Республики» стало очередным шагом руководства страны в последовательном развитии современных технологий. Впоследствии «Программа обеспечения общеобразовательных школ в Азербайджанской Республике информационными и коммуникационными технологиями», утвержденная Распоряжением Президента Ильхама Алиева от 21 августа 2004 года», в очередной раз подтвердила роль современных технологий в повышении качества образования в течение указанных лет, развитии молодежи и прогрессе Азербайджана в целом. **[10]**

В целях осуществления задач, вытекающих из документа под названием «Национальная стратегия по информационно-коммуникационным технологиям во имя развития Азербайджанской Республики (2003-2012 годы)», Президент Ильхам Алиев утвердил «Государственную программу по развитию связи и информационных технологий в Азербайджанской Республике на 2005-2008 годы (Э-Азербайджан)». Имея большое значение для создания электронного правительства, эта программа сыграла значительную роль в создании такого правительства в нашей стране. Принятый в 2005 году закон «О телекоммуникации» установил правовые, экономические и организационные основы телекоммуникационной деятельности в стране и способствовал целенаправленному планированию и регулированию координированного использования телекоммуникационных ресурсов. **[11]**

Осуществленная в области ИКТ работа, запрограммированная правовая база также обеспечили интеграцию Азербайджана в «экономику знаний». Так, в нашей стране проводится достаточно большая работа и по осуществлению технологической модернизации экономики, формированию сбалансированной структуры исследований и эффективной инновационной системы, преобразующей научный потенциал в один из основных ресурсов устойчивого экономического развития. Одним из необходимых шагов по формированию научной экономики в стране, стала «Государственная программа реализации Национальной стратегии по развитию науки в Азербайджане в 2009-2015 годах», утвержденная Распоряжением Президента Ильхама Алиева от 10 апреля 2008 года. **[12]**

Учитывая, что информация, био и нанотехнологии станут основой научно-технической революции в XXI веке, государство определило наиболее перспективные направления развития науки и технологической модернизации экономики. Расширение роли ИКТ в создании в Азербайджане высокотехнологической и конкурентоспособной экономики, модернизация инфраструктуры, проведение организационно-экономических реформ в отрасли являются основными факторами, служащими превращению Азербайджана в страну информационного транзита. Одним из конкретных шагов, предпринятых с этой целью под руководством Президента Ильхама Алиева, стало развитие космической промышленности. В указанном направлении глава государства Ильхам Алиев утвердил «Государственную программу по созданию и развитию космической промышленности в Азербайджанской Республике». **[13]**

В результате осуществленных государственных программ и необходимых реформ была обеспечена более стремительная интеграция нашей страны во всемирное электронное пространство, предприняты важные шаги по созданию электронного правительства, становлению основанной на знаниях экономики, информационной безопасности и решению других вопросов.

Применение в Азербайджане новейшей технологии 4G, более полноценное размещение в виртуальном пространстве материалов, связанных с нашим национальным наследием и культурой, пополнение азербайджаноязычных интернет-ресурсов, распространение интернет-радио и интернет-телевидения, электронных газет и журналов, социальных сетей и превращение большей части населения республики в пользователей интернета являются наглядным показателем развития информационно-коммуникационных технологий. В связи с созданием космической промышленности, которая придаст импульс прогрессу отдельных направлений науки и техники, работы по выводу на орбиту первого телекоммуникационного спутника Азербайджана при участии ведущих зарубежных специалистов уже вступили в решающий этап, что создает прочную основу для более полноценного использования потенциала информационно-коммуникационных технологий.

Создание Государственного агентства по социальным инновациям и услугам гражданам и центров «ASAN xidmet», обеспечивающих осуществление услуг, оказываемых гражданам государственными органами, также представляет важное значение в формировании электронного правительства. В этом смысле подписание Президентом Ильхамом Алиевым распоряжений об объявлении 2013 года «Годом информационно-коммуникационных технологий» и создании 7 марта 2014 года Министерства связи и высоких технологий и издание Указа о реализации Концепции развития «Азербайджан-2020: взгляд в будущее» придадут мощный импульс перспективному развитию в этой сфере. **[14]**

ЛИТЕРАТУРА

1. www.president.az/articles/11312
2. www.old.yap.org.az/view.php?lang=az&menu=19&id=2568
3. Becker G. Human Capital. N.Y., L., 1975, p. 185
4. Блауг М. Методология экономической науки, или как экономисты объясняют. Москва, журнал «Вопросы экономики», 2004. стр. 316-335
5. Дятлов С.А. Основы теории человеческого капитала. СПб.: СПбГУЭиФ. 1994 стр. 276
6. Thurow L. Investment in Human Capital. Belmont, 1970. p. 223
7. İnsan kapitalının reallaşdırılmasının əsas istiqamətləri. Xalq qəzeti. 2011, 5 iyun, s. 5
8. www.azerbaijan-news.az/index.php?mod=3&id=27985
9. www.e-imza.az
10. www.e-qanun.gov.az/files/framework/data/5/c_f_5472.htm
11. www.e-qanun.az/files/framework/data/10/c_f_10665.htm
12. Modernləşmə iqtisadi yüksəlişə zəmin yaradır. Xalq qəzeti. 2011. 19 mart. s. 7
13. www.azercosmos.az/haqq-m-zda/qanunvericilik/
14. www.president.az/articles/11157